

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 8, №2 2022

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2022_8_2

Выпуск 8, № 2, 2022

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight
in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation
Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2022_8_2

Volume 8, Issue 2, 2022

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Берестнева Александра Валериевна✉, **Ягумова Нуриет Шумафовна**
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Российская Федерация
beralex777@rambler.ru

Особенности функционирования эвфемизмов в британской спортивной публицистике

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить особенности функционирования приёмов эвфемистической номинации в медиатекстах интернет-СМИ, востребованность и популярность которой в мире неуклонно растёт. Материалом для исследования послужила выборка статей в разделе Sport, связанных тематикой Tokyo 2020 Summer Olympics на сайте новостной службы bbc.com. В ходе исследования использовались метод лингвистического анализа, дистрибутивный и компонентный анализ, метод сплошной выборки и приём количественного подсчёта. С опорой на модифицированную версию модели В. В. Панина для классификации эвфемизмов идентифицированные эвфемистические единицы были отнесены к группе 1 (созданные из соображений вежливости) и распределены по четырём подгруппам с указанием частоты встречаемости каждой единицы. Результаты показали, что эвфемистические единицы, используемые в спортивной рубрике, представляют собой одиночные слова и словосочетания, причём частотность последних оказалась выше. Самой частотной оказалась подгруппа 4 – эвфемизмы, призванные смягчать выражения сексизма и других видов угнетения, основанных на предвзятом отношении или дискриминации людей по гендерному признаку. Из отдельных эвфемизмов наибольшей частотностью характеризовалось словосочетание, образованное по модели «прилагательное + существительное», вошедшее в подгруппу 2 эвфемизмов, смягчающих дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками. Эвфемизмы остальных двух подгрупп употреблялись единично. Помимо фактов эвфемии отмечена дисфемия, соответствующие единицы были распределены в подгруппу 4.

Ключевые слова: эвфемизм, политкорректность, медиатекст, дисфемизм, публицистический стиль

© Берестнева А. В., Ягумова Н. Ш. 2022

Для цитирования: Берестнева А. В., Ягумова Н. Ш. Особенности функционирования эвфемизмов в британской спортивной публицистике // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_5

Aleksandra V. Berestneva✉, **Nuriet Sh. Yagumova**
Adyghe State University
Maykop, Russian Federation
beralex777@rambler.ru

Features of euphemisms functioning in British sports journalism

Abstract

The current article is an attempt to identify the peculiarities of euphemistic nomination techniques in the texts of online media whose relevance and popularity is steadily growing in the world. The data extracted from the articles in the Sport section related to the Tokyo 2020 Summer Olympics were selected on the website of the news service bbc.com. During the study, the method of linguistic analysis, distributive and component analysis, continuous sampling and the method of descriptive statistics were applied. Using a modified version of euphemisms classification based on V. V. Panin's model, the identified euphemistic units were assigned to

group 1 (created for the reasons of politeness) and further distributed into 4 subgroups with the frequency of occurrence calculated for each unit. The results demonstrate that the euphemistic units used in the sports category were single words and phrases, the latter showing higher frequency. Subgroup 4 – euphemisms designed to soften expressions of sexism and other types of oppression formed on bias or discrimination of people based on gender – turned out the largest. The highest frequency rank among all euphemisms was given for a word group whose building pattern was "adjective + noun", the unit was classified into subgroup 2 – euphemisms mitigating discrimination against people with physical and mental disabilities. The other two subgroups were comprised by euphemisms with single occurrences. In addition to the facts of euphemism, some cases of dysphemism were identified, the corresponding units were distributed into subgroup 4.

Keywords: euphemism, political correctness, media text, dysphemism, journalistic style

© Berestneva A. V., Yagumova N. Sh. 2022

For citation: Berestneva, A. V., Yagumova, N. Sh. (2022). Osobennosti funktsionirovaniya evfemizmov v britanskoj sportivnoj publitsistike [Features of euphemisms functioning in British sports journalism]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8(2), 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_5

1. Введение [Introduction]

1.1. Публицистика, дискурс, спортивный дискурс, спортивная публицистика [Journalism, discourse, sports discourse, sports journalism]

Любое классифицирование языковых средств по стилистическим признакам опирается на ряд специфических речевых характеристик, а именно, сфера общения, основная форма речи и её типичный вид, а также основной способ общения. Публицистический стиль (жанр) – это «относительно устойчивая структурно-содержательная организация текста, обусловленная своеобразным отражением действительности и характером отношения к ней творца» [Корконосенко и др., 2000, с. 158]. Жанры публицистического стиля призваны осуществлять функционирование, как в сфере политики, так и социума; он необходим как во время ораторских выступлений, так и при написании статьи. Кроме того, его характерной чертой становится фактор времени, поскольку информация интересна и актуальна лишь тогда, когда передана вовремя.

Расширение каналов распространения информации привело к усложнению текстовой реальности современных СМИ. В настоящее время актуально понятие «медиа-текста», который применим ко всему спектру продуктов масс медиа: печатные, радио и телевизионные, а также тексты сетевых СМИ. Все эти тексты воплощают характерные специфические черты публицистического стиля, обусловленные широким использованием эмоционально окрашенной лексики и лексических конструкций: риторических вопросов, повторов, восклицаний, расчленённых конструкций. Кроме того, зачастую используется синтаксис с ярко выраженной разговорной окраской – к примеру, употребление частиц, междометий, бессоюзных предложений.

При этом регулярный цикл обновления и повторения актуальных тем приводит обозревателя как к употреблению слов, не имеющих специфической принадлежности и понятных широкой аудитории, так и к использованию общественно-политической лексики, специфической терминологии и фразеологии. Типичные стилевые штампы и клише, использование разнообразных жанров, и, как следствие, множества тропов, характерны не только для стиля печатных СМИ, и не каждый из них применим к любой сфере общения, поскольку жёсткое закрепление языковых средств в определённом стиле является достаточно редким.

Прежде всего следует обозначить сферу интересов спортивного публицистического стиля как особого вида социокультурной и информационной деятельности. Это специализированное направление журналистики, которое не только освещает события спортивной области, но, не трудно предположить, также не оставляет без внимания политические, экономические и прочие вопросы социально-значимой тематики. Так, выбранная нами рубрика летних Олимпийских игр запомнилась как яркими спортивными моментами, так и скандальными событиями, послужившими источником разнообразных эвфемистических конструкций.

Являясь объектом исследований различных дисциплин, спортивный дискурс остаётся в центре внимания по вопросам классификации. Так, чтобы определить основные функции и признаки спортивного дискурса, рассматривается проблема его типологии по разным основаниям [Аветян, 2018]. Наиболее известно деление дискурсов по типу канала передачи информации, по национальному признаку, по направленности коммуникативного действия. В. И. Карасик выделяет персональный и институциональный типы дискурса в зависимости от социальных ролей коммуникантов, видов и сферы коммуникации [Карасик, 2000]. Спортивный дискурс, по мнению автора, является видом институционального дискурса, так как представляет коммуникацию между её участниками в рамках спортивной деятельности. Спортивный медиадискурс может включать в себя дискурс спортсменов, тренеров, фанатов и т. д., из чего можно сделать вывод, что «чистой» разновидности спортивного дискурса не существует, поскольку нередко явление сращения и наслаивания дискурсов, в результате которого происходит образование нового типа.

А. Б. Зильберт рассматривает точки пересечения спортивного дискурса с другими дискурсами [Зильберт, 2001]. Определив понятие институциональный дискурс, он указывает, что в его основе лежит социально-прагматический подход к дискурсу. Автор рассматривает основные отличия институционального дискурса от личностно-ориентированного по структурным и социально-прагматическим параметрам. Кроме того, автор указывает, что в реальности институциональные дискурсы пересекаются, накладываются друг на друга и практически не встречаются в чистом виде. Так, если рассматривать спортивную коммуникацию, можно выделить сферу спортивного соревнования в реальном хронотопе, где превалирует разговорный дискурс. Далее автор рассматривает письменную коммуникацию в сферах науки, образования и организации спорта, тексты которых можно отнести к институциональным дискурсам деловой педагогической коммуникации. И, наконец, транслируемые устные и письменные тексты СМИ сочетают в себе черты спортивного и массово-информационного институциональных дискурсов. Поэтому можно сделать вывод, что институциональный спортивный дискурс существует только в коммуникативной сфере масс-медиа, в рамках которой его и следует изучать.

Ю. С. Шершнева рассмотрела трансформацию привычных форм спортивной журналистики на материале публикаций и эфиров Чемпионата Европы по футболу 2016 [Шершнева, 2016]. С точки зрения хронологии все спортивные тексты можно разделить на предварительные, резюме и пост-анализ (по классификации Б. Розенталя) [Stofer и др, 2019]. К резюме автор отнесла репортаж, новость, отчёт, которые приобрели такие формы подачи материала, как текстовая или мультимедиа-трансляция. Интервью, по мнению автора, можно отнести либо к предварительным материалам, либо к пост-анализу. Также к пост-анализу относится обозрение, так как в его основе лежит глубокий анализ, который позволяет подвести итоги события. Автор отмечает, что наметившаяся тенденция формирования новой фактуры в современной спортивной журналистике далека от завершения, так как медиасфера открывает новые возможности подачи материала.

Таким образом, существующий на данный момент спортивный дискурс следует считать результатом сращения спортивного, медицинского, политического и, прежде

всего, масс-медийного дискурсов; он является основным каналом осуществления спортивной коммуникации.

1.2. Политкорректность и эвфемизмы в публицистике [Political correctness and euphemisms in journalism]

Современное массмедийное пространство характеризуется возникновением такого культурного и лингвистического явления, как политическая корректность (от англ. *political correctness*), которая как некий общественный договор, как фактор предотвращения конфликтов, предполагает использование эвфемических коррелятов понятий или объектов, которые по этическим, культурным или другим причинам не называются прямо и нуждаются в том, чтобы завуалировать или смягчить их сущность [Корконосенко и др., 2000, с. 208].

Данная идея как система убеждений вначале проникла во все сферы американского общества в конце XX в. Впоследствии эта концепция широко практиковалась в американских СМИ. В настоящее время политкорректность языка определяется как лингвистическая тенденция, направленная на поиск новых способов языкового выражения понятий, способных задеть чувство или достоинство человека в отношении возраста, социального статуса, расы, пола, внешности [Nurkhamitov et al., 2019].

«Эвфемизация – сугубо культурное явление, использование эвфемизации диктуется не собственно языковыми и не эстетическими, а этическими причинами» [Матвеева, 2010, с. 537]. Система эвфемизмов постоянно развивается; социальная и языковая жизни человека находятся в непрерывном взаимодействии, именно этим определяется необходимость использования определённого эвфемизма в определённой ситуации. Прежде всего, эвфемизмы призваны заменять неуместные или не принятые в обществе слова; однако уместность в первую очередь определяется самим человеком, что делает эвфемизм скорее культурным понятием, чем языковым.

Следует отметить также информативную двуплановость эвфемизмов, которая служит для реализации прагматической установки на воздействие. Его регулирующие конфигурации, повторяющиеся в высказывании, благотворно сказываются на запоминании и эффективности вербального обмена. Эвфемизм отмечен ещё одним типичным его аспектом – социофоническим значением. Ведь эвфемизм происходит не от изолированного человека. Он рождается в коллективном выражении мысли, во взаимодействии: эвфемизировать можно под давлением кого-то, чего-то или по желанию кого-то [Sadovnikova и др., 2016].

Существует зависимость употребления эвфемизма от условий и контекста речи: в мало контролируемых речевых случаях и при большом автоматизме речи (общение с друзьями, в быту) участники коммуникации отдают предпочтение неэвфемистическим, «прямым» средствам обозначения. При необходимости строго контролировать публичные или общественно-политические высказывания вероятно частотное употребление как регулярно повторяющихся эвфемизмов, закреплённых в словарных статьях соответствующей пометой, так и окказиональных, ситуативных.

Отдельно стоит остановиться на манипулятивном потенциале эвфемистических единиц в политическом медиадискурсе. Исследователи отмечают, что при описании всех актуальных проблем, формирующих политическую повестку дня, актуализируется статус номинативной области «вооруженный конфликт» как одной из самых репрезентативных сфер эвфемии. Функционал используемых эвфемизмов варьирует от нейтрализации негативной реакции на военные конфликты до формирования положительных представлений у массовой аудитории. Самый важный вывод заключается в том, что по объективным причинам политические события не предоставляют возможности массовой аудитории самостоятельно сформировать оценку происходящего, поэтому ключевая

роль в этом процессе принадлежит СМИ, которые не просто выполняют функцию провайдеров информации, но и выступают в качестве манипулятора, формирующего результирующее представление [Чес, Тюкина, 2017].

Характерной особенностью публицистических эвфемизмов является то, что они в большинстве своём используются в политических целях. Например, для нивелирования «подавления вооружённого сопротивления» используется слово «*pacification*» (умиротворение). Достаточно ярко процесс образования новых эвфемизмов проявляется в лексическом пласте, описывающем те или иные понятия, связанные с преступностью. Так, слово *prison* (тюрьма) сменилось эвфемизмом *correctional facility* (исправительное учреждение), соответственно, тюремные надзиратели – *prison guards* – теперь именуются *custodial officers* (офицеры охраны). Высокую востребованность подобных эвфемизмов можно объяснить стремлением властей развеять мрачные настроения, царящие в обществе.

Сложное, многогранное языковое явление эвфемии можно рассматривать в трёх взаимосвязанных аспектах. Прежде всего в социокультурном аспекте основой вуалирования являются религия и мораль, их нормы и мотивы, в которых упоминание определённых сакральных денотатов вызывает ярко выраженную негативную реакцию. Второй аспект – психологический (прагматический) – направлен на эффект смягчения, через который косвенное вторичное наименование нейтрализует негативные эмоции (страх, стыд, отвращение и т. д.). Третий аспект – собственно лингвистический. Главным уровнем осуществления эвфемии в речи оказывается лексико-семантический уровень, на нём происходят главные процессы, которые способствуют эвфемизации речи [Москвин, 2017, с. 77].

При изучении этого многогранного явления следует рассмотреть ситуации как СМИ не допускают полноты понимания из-за барьера дискурса. Имеет ли человек право голоса за пределами своей профессии? И ещё более важная тема требует внимания: необходимость использовать определённый лексикон, разрушение прозрачности из-за требования поддаться роботизированному сценарию. При помощи подобных фраз мы развиваем аполитическую перспективу дискурса фальсифицировать и дисциплинировать, манипулировать аудиторией, заставляя её «играть по правилам». Это вынуждает спортивные корпорации становиться инертными и одномерными. Отказ от культуры может удовлетворить потребителя, но в конечном итоге окажет разрушительное действие на журналистов и их трудовую этику [Nettingham, 2020].

В последнее время наметилась тенденция исследования эвфемистических стратегий в разговорных контекстах. Отдельно следует рассмотреть методику контент анализа, которая имеет шесть логических стадий согласно К. Х. Криппендорфу [Krippendorff, 2013]. Первый этап объединения подразумевает систематическое выделение сегментов текстов. Далее следует выбор подмножества единиц из всей изучаемой совокупности. Исследователи отмечают, что категоризация очень важна, потому что разработка системы категорий для классификации основной части текста является основой обработки любого контекст анализа. Этап кодирования считается самым важным в контент анализе. Одной из причин этого аналитического компонента является необходимость создавать прочные связи исследуемых явлений. На этапе вывода ликвидируется разрыв между содержанием текстов и тем, что на самом деле имеется в виду, послужило причиной и какие последствия повлечёт. И наконец, после изучения всех данных, формируются выводы и обобщения и интерпретируются в подробном описании.

Вопросами классификации эвфемизмов занимались многие исследователи. Наиболее общую классификацию по цели использования эвфемизмов предложил Л. П. Крысин:

1) эвфемизмы, образованные с целью избежать конфликтных коммуникативных ситуаций;

- 2) эвфемизмы, образованные с целью вуалирования и камуфляжа;
- 3) эвфемизмы, образованные с целью зашифровки сообщения, которое может быть понятно определённой социальной группе [Крысин, 1994, с. 63].

Классификация В. П. Москвина предполагает деление эвфемизмов по выполняемым ими функциям:

- 1) для замены названий вызывающих страх объектов с целью смягчения информации;
- 2) для замены обозначений неприятных, вызывающих отвращение объектов;
- 3) для обозначения того, что считается неприличными (т. е. бытовые эвфемизмы);
- 4) для замены прямых наименований с целью не эпатировать окружающих;
- 5) для маскировки подлинной сущности обозначаемого;
- 6) для обозначений организаций и профессий, которые представляются непристижными [Москвин, 2017, с. 112].

Для нас наибольший интерес представляет классификация, предложенная В. В. Паниным. Основываясь на прагматических целях эвфемии, он выделяет две основные группы: эвфемизмы, которые напрямую отражают идеи политической корректности и используются для смягчения разного рода дискриминации, и эвфемизмы, которые в том или ином случае можно соотнести с идеями политической корректности и таким образом отвлекающие от негативных проявлений действительности [Панин, 2004, с. 17].

Существуют разные способы и стратегии использования эвфемизмов как в устной, так и в письменной речи. Исследователи утверждают, что для анализа эвфемистических стратегий в дискурсе, прежде необходимо исследовать формы, которые может принимать эвфемизм как на уровне слов, так и на уровне предложений. Предлагается разделить эти стратегии на двенадцать типов: (1) заимствованные слова, (2) преуменьшение, (3) преувеличение, (4) недостаточная конкретизация, (5) ремоделирование, (6) редупликация, (7) аббревиатура, (8) литота, (9) даунтонер, (10) идиомы, (11) метафоры и (12) пассивы (Wagten, 1992). Для проведения более качественной процедуры анализа Ф. Моххамед и С. О. Маджид предложили модифицировать представленную выше модель Б. Уоррен на уровне слов (заимствованные слова, преуменьшение, преувеличение, недостаточная конкретизация, ремоделирование, редупликация, аббревиатура) и предложений (литота, даунтонер, идиома, метафора и пассив) [Mohammed, Majeed, 2018, с. 612].

Эвфемизмы, как правило, рассматриваются большинством учёных только на лексическом уровне, однако проявления эвфемии нельзя сводить исключительно к замене одного слова другим. Суть использования эвфемизмов заключается в косвенной номинации объектов и явлений, имеющих способы прямой номинации, которая, однако, по каким-либо причинам не является уместной к употреблению и выполняет одну из следующих функций: вежливости, табуирования, вуалирования, этикета. Данное исследование имеет целью уточнение функций и приёмов эвфемистических коррелятов, используемых в спортивной прессе.

2. Особенности функционирования эвфемизмов в спортивной публицистике [Peculiarities of euphemisms functioning in sports journalism]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили статьи, посвящённые Олимпиаде 2020 в Токио, размещённые на сайте bbc.com британской новостной службы British Broadcasting Corporation (BBC News). По ключевому словосочетанию *tokyo olympics* в разделе Sport был осуществлён автоматический поиск статей. Далее методом сплошной

выборки вручную были отобраны статьи, содержащие эвфемизмы и дисфемизмы. За период с 23 июля по 8 августа 2021 года было выбрано 20 статей, из которых 16 контекстов послужили иллюстративным материалом.

При проведении исследования из общенаучных методов использовался гипотетико-дедуктивный метод, который обеспечил научно обоснованное построение хода исследования на всех этапах. Из частнонаучных: метод сплошной выборки и приём простого количественного подсчёта использовались для выявления перечня эвфемистических замен в медиатекстах по заявленной тематике и частоты встречаемости единиц; метод лингвостилистического анализа применялся при рассмотрении слов в функции эвфемизмов, приобретающих в разных контекстах различный актуальный смысл и выполняющих определённые стилистические функции; дистрибутивный анализ и компонентный анализ использовались для выявления смысловых особенностей эвфемистических замен, их способности вуалировать дискриминирующий смысл.

Для классификации эвфемизмов был выбран подход, предложенный В. В. Паниным. Отталкиваясь от прагматических целей эвфемизации, он выделяет следующие группы эвфемизмов:

1) эвфемизмы, образованные из соображений вежливости: слова и выражения, смягчающие различные виды дискриминации:

- а) возрастную дискриминацию;
- б) имущественную дискриминацию;
- в) дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками;
- г) расовую и этническую дискриминацию;

2) эвфемизмы, отвлекающие внимание от негативных явлений действительности:

- а) служащие прикрытием агрессивных военных действий;
- б) связанные с негативными последствиями в социально-экономической сфере;
- в) связанные с преступностью [Панин 2004, с. 21].

В результате наложения данной классификации на материал исследования выяснилось, что все найденные эвфемизмы относятся к группе 1 – образованные из соображений вежливости, что было ожидаемо исходя из тематики. Внутри этой группы было выделено 4 подгруппы: эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию (подгруппа 1), дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками (подгруппа 2), расовую и этническую дискриминацию (подгруппа 3). В дополнение к этому, в материале выделилась ещё одна подгруппа – сексизм и другие виды угнетения, основанная на предвзятом отношении или дискриминации людей по гендерному признаку. В эту группу мы также включили дисфемизмы, связанные с гомофобией (подгруппа 4).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Всего в материале было найдено 29 реализаций эвфемизмов с учётом повторений, из них 11 уникальных. Эти единицы распределены по вышеобозначенным 4 подгруппам (табл. 1).

В ходе анализа установлено, что большинство эвфемистических примеров заданной тематики «Токио Olympics» актуализируются разноуровневыми языковыми средствами: на уровне слов это генерализация (*mental health*), метафора (*to transition*), аббревиация (*LGBTQ+*), перифраз (*offensive Russian word to describe gay men*); на уровне предложений это метонимия (*Hair is beginning to thin*); литота (*it was unjust and not acceptable*), фразовый глагол (*He came out in 2013*). Что касается частеречной принадлежности эвфемистических конструкций, то в анализируемом материале выявлены одиночные существительные (3), прилагательные (2), глаголы (2). Большинство единиц представляют собой словосочетания, представленные в виде наиболее распространён-

ных паттернов: «прилагательное + существительное», «существительное + существительное». Также, в выборке есть две эвфемистические конструкции, представленные простыми предложениями.

Т а б л и ц а 1. Распределение эвфемизмов по группам
[Table 1. Euphemisms distribution into groups]

Эвфемизмы	Количество (абс. ед.)	Ранг частотности	Подгруппа
mental (health, wellbeing)	6	1	2
LGBTQ+	4	2	4
gay	3	3–4	4
transgender (athlete, woman)	3	3–4	4
Black people	2	5–7	3
to transition	2	5–7	4
to come out	2	5–7	4
maturity	1	8–14	1
sexual assault survivor	1	8–14	4 / 2
Hair is beginning to thin	1	8–14	1
Hamstrings are starting to pop	1	8–14	1
offensive Russian word to describe gay men	1	8–14	4
unacceptable	1	8–14	3
It was unjust and not acceptable	1	8–14	3

Отдельно стоит остановиться на выявленных в ходе анализа дисфемизмах. Хотя данные формы речевого поведения не являлись изначально объектом нашего исследования, тем не менее они представляют определённый интерес. Всего было выявлено 4 уникальных дисфемизма, имеющих 6 реализаций в текстах: *abomination* (2); *perversion* (2); *to be disgusted* (1), *smut* (1). Все выделенные дисфемизмы относятся к подгруппе 4.

Обратимся к анализу конкретных примеров. Для объективного анализа мы опирались на словарь эвфемизмов Р. Холдера «A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean» и руководство по редакционному стилю «The Vanderbilt editorial style guide» [VESG, 2021], в котором представлены принципы, основанные на широко используемом стандарте по вопросам стиля среди писателей и издателей Руководство Ассошиэйтед Пресс и Брифинг по закону о СМИ, более известное как «The Associated Press Stylebook».

В статье «Tokyo Olympics: Tom Daley on triumph, trauma and his likely last shot at gold» рассказывается о британском прыгуны в воду Томасе Дейли. Томас является образцом для подражания для многих как самый титулованный ныряльщик Великобритании и один из наиболее известных спортсменов-геев:

(1) *Daley is Britain's most decorated diver, but he possesses a level of fame that far transcends his discipline. He has become one of sport's highest-profile gay athletes, a role model for others in the LGBTQ+ community* [BBC, 19.07.2021] – Дейли известен как самый титулованный ныряльщик Великобритании, но уровень его славы намного превосходит дисциплину спортсмена. Он является одним из самых известных спортсменов-геев, образцом для подражания для других представителей сообщества ЛГБТК+.

В статье используется слово LGBTQ+ (подгруппа 4 – смягчение дискриминации по г е н д е р у), которое является аббревиатурным эвфемизмом, призванным для укороченного обозначения всех представителей сообщества. В руководстве по стилю термин LGBTQ является одним из приемлемых вариантов наряду со словами LGBT, LGBTQI. В данном слове помимо LGBT добавлена буква Q, призванная обозначить всех квир-граждан (от англ. *queer*) и / или сомневающих (от англ. *questioning*). Там же указывается, что слово *gay* используется для описания мужчин и женщин, которых привлекает один и тот же пол и является более предпочтительным, чем слово *homosexual*, за исключением описания клинических случаев [VESG, 2021]. Слово *gay* имеет также словарную статью в словаре эвфемизмов Р. Холдера, как эвфемистическая литературная форма для обозначения гомосексуалов в английском языке [Holder, 2002, с. 184].

В статье «Raven Saunders: What the Olympian's X protest means to her» рассказывается об американской атлетке Рейвен Сондерс, которая во время церемонии награждения скрестила руки в форме X в поддержку расовой и социальной справедливости. В выдержке из статьи можно выделить несколько эвфемистических единиц:

(2) *At the end of the day, we really don't care. Shout out to all my **black people**. Shout out to all my **LGBTQ community**. Shout out to all my people dealing with **mental health**. At the end of the day, we understand it's bigger than us and it's bigger than the powers that be. We understand that there's so many people that are looking up to us, that are looking to see if we say something or if we speak up for them* [BBC, 02.08.2021] – 'В конце концов, нам действительно всё равно. Обращаюсь ко всем моим чернокожим людям. Обращаюсь ко всему моему ЛГБТК-сообществу. Обращаюсь ко всем моим людям, занимающимся вопросами психического здоровья. В конце концов, мы понимаем, что это больше, чем мы, и это больше, чем власть имущие. Мы понимаем, что есть так много людей, которые смотрят на нас с почтением, которые ждут, что мы скажем им что-нибудь или заступимся за них'.

Термин *LGBTQ community* из отрывка уже рассматривался выше. Отдельно стоит остановиться на словосочетаниях *black people* и *mental health* (подгруппа 3 – смягчение расовой дискриминации). В отношении расовой и национальной принадлежности в США и европейских странах в описании темнокожих жителей в течение последних десятилетий было принято использовать эвфемизм *African – American*, имеющий специальную помету в словаре, как «политкорректное выражение для обозначения темнокожих жителей США» [АВВУУ Lingvo Live, 2021], которое пришло на смену политкорректному в 60-е гг. 20в. слову *black*. Однако слово *black* снова стало актуальным благодаря движению Black Lives Matter. Так какую терминологию считать корректной: *Black* или *African American*? На сайте CNN в разделе вопросов о расе «Your big questions about race, answered» говорится, что слово *Black* обычно используется для обозначения темнокожих людей африканского происхождения, независимо от их национальности. Словосочетание *African American* относится к родившимся в США жителям, имеющим африканское происхождение. Многие люди используют эти термины как синонимы [CNN, 2021].

Руководство по стилю The Vanderbilt editorial style guide [VESG, 2021] рекомендует использовать термин *Black* с заглавной буквы и только в качестве прилагательного, имеющего в зависимости от контекста расовое, этническое или культурное значение: *Black people, Black culture, Black literature, Black studies, Black colleges*. Не рекомендуется использовать слово как существительное. Возможно также использование термина *African American*, однако, эти термины не обязательно взаимозаменяемы. Необходимо подходить к каждому случаю индивидуально и следовать личным предпочтениям конкретного человека, если они известны.

Во многих статьях очень часто поднималась тема психического здоровья (*mental health*). Данный эвфемизм (подгруппа 2 – смягчение дискриминации по ф и з и ч е-

ским и умственным недостаткам) основан на принципе табуирования явлений связанных с темой болезни. Достаточно широко эта тема также обсуждалась в статье «Tokyo Olympics: Adam Peaty to take short break to mentally recharge before busy 2022», посвящённой британскому пловцу Адаму Пити. Во время интервью британской газете Дейли телеграф Пити сказал, что следующие три года до Олимпийских игр в Париже в 2024 году будут изнуряющими для спортсменов и поэтому важно, чтобы спортсмены заботились о своём психическом здоровье:

(3) *Speaking to the Telegraph, Peaty said the next three years leading into the Paris 2024 Olympic Games would be a "war of attrition" and stressed the importance of athletes protecting their **mental health*** [BBC, 02.08.2021] – 'Выступая перед The Telegraph, Пити сказал, что следующие три года, предшествующие Олимпийским играм 2024 года в Париже, будут «изнуряющей борьбой», и подчеркнул важность заботы спортсменов о своём психическом здоровье'.

И ещё одна выдержка там же о международном игроке в крикет Бене Стоуксе:

(4) *England cricketer Stokes, 30, is taking "an indefinite break" from the sport to prioritise his **mental wellbeing** and rest his left index finger* [BBC, 02.08.2021] – '30-летний игрок сборной Англии по крикету Стоукс берёт «бессрочный перерыв» в спорте, чтобы уделить приоритетное внимание своему психическому благополучию и восстановить указательный палец левой руки'.

В отрывках из статей о Рейвен Сондерс, Адаме Пити и Бене Стоуксе используются словосочетания *mental health*. Часто лексема *mental*, употребляясь в сочетании с существительными, образует устойчивые словосочетания номинирующими «психическое здоровье ума» (*mental condition, mental suffering, mental wellbeing*), большинство из которых можно отнести к эвфемистической лексике, основанной на принципе табуирования и направленной на уменьшение суеверного страха перед таким явлением, как психическое заболевание. «А выражение *mental patient* служит в качестве эвфемизма, для сглаживания умственных недостатков человека исключая его дискриминацию» [Павленко и др., 2015, с. 64–65]. В статье «Euphemisms, political correctness and the identity of psychiatrists» В. Старчевич со ссылкой на доктора Ф. Уилсон пишет о тенденции эвфемизации медицинской терминологии, связанной с психиатрией: «...the term 'mental health' tends to replace 'psychiatry' and 'psychiatric' ...» [Starcevic, 2010, p. 181].

В рассматриваемой статье употребляемые фразы призваны передать неприятные, эмоциональные переживания, чувства и состояния, связанные со спортивными нагрузками, неоправданными ожиданиями победы и разочарованиями неудачей. По причине сложного психоэмоционального состояния отказалась от дальнейших выступлений американская гимнастка Симона Байлз, как следует из статьи «Tokyo Olympics: Why 'superhuman' Simone Biles could change attitudes to mental health in sport»:

(5) *The American, who is a **sexual assault survivor**, spoke about the importance of preserving her **mental health** and the need to "protect our minds and our bodies," adding: "We are people, at the end of the day"* [BBC, 28.07.2021] – 'Американка, пережившая сексуальное насилие, рассказала о важности сохранения своего психического здоровья и необходимости «защиты своего ума и тела», добавив: «В конце концов, мы просто люди»'.

Ранее Симона Байлз открыто написала в своём аккаунте в Twitter о приёме психотропного препарата для преодоления трудности концентрации внимания. Поэтому использование нейтрального термина *mental health* является универсальным словосочетанием способным завуалировать разные отклонения, связанные с психическим здоровьем спортсменов от депрессии до синдрома дефицита внимания.

Также в этом отрывке используется эвфемизм *sexual assault survivor* (может быть отнесён одновременно к двум подгруппам: подгруппа 2 / подгруппа 4), обозначающий человека пережившего сексуальное насилие. В словаре эвфемизмов Холдера слово

assault 'to attack sexually' [Holder, 2002, с. 13] камуфлирует насильственные действия направленные против другого человека. В контексте статьи даётся отсылка о травмирующем периоде в жизни Симоны Байлз, когда она подвергалась развратным действиям со стороны врача сборной команды по спортивной гимнастике.

Вежливое отношение к в о з р а с т у людей также не было оставлено без внимания во время спортивных соревнований. В статье-ретроспективе «Usain Bolt: Flawless and untouchable, the triple triple sealed his legend» рассказывается об основных вехах ямайского легкоатлета Усэна Болта, который уже завершил свою спортивную карьеру:

(6) *Three Olympics, three gold medals in each. A world record over 100m, a world record over 200m, a world record in the sprint relay. Through injury, under pressure, from China to London and on to Brazil, as a wide-eyed 21-year-old sensation and a **man in maturity whose hair is beginning to thin and hamstrings are starting to pop*** [BBC, 20.08.2016] – 'Три Олимпиады, по три золотые медали на каждой. Мировой рекорд на дистанции 100 м, мировой рекорд на дистанции 200 м, мировой рекорд в спринтерской эстафете. Через травмы, находясь под давлением, от Китая до Лондона и далее в Бразилию, начиная, как 21-летняя сенсация с широко раскрытыми глазами и заканчивая, как зрелый мужчина, чьи волосы начинают редеть, а подколенные сухожилия начинают лопаться'.

Автор использовал в своей статье эвфемистическое выражение *man in maturity* 'зрелый мужчина'. В словаре эвфемизмов Р. Холдера слово *mature* закреплено как синоним к слову *old* 'старый, пожилой' [Holder, 2002, с. 250]. Далее возрастные изменения передают метафорические выражения *hair is beginning to thin* 'волосы редеют' и *hamstrings are starting to pop* 'сухожилия лопаются'.

Отдельно хотелось бы остановиться на теме, получившей широкое обсуждение в прессе о новозеландской тяжёлоатлетке Лорел Хаббард, которая стала первой транс-женщиной, принявшей участие в Олимпиаде. Статья «Tokyo Olympics: Laurel Hubbard out of weightlifting after failing to register successful lift» открывает разговор об инклюзии в спорте, независимо от пола, расы, возраста и физических возможностей:

(7) *She became the first openly **transgender athlete** to compete at a Games in a different gender category to the one in which they were born* [BBC, 02.08.2021] – 'Она стала первой открытой трансгендерной спортсменкой, выступившей на Играх в гендерной категории, отличной от той, в которой родилась'.

Далее идёт речь о том, как в возрасте 33 лет Хаббард начала трансгендерный переход и с 2015 г. смогла выступать в женской дисциплине соревнований по тяжёлой атлетике:

(8) *She **came out** as a **transgender woman** in 2012 at the age of 33 before resuming her sports career. Since 2015, its stipulations have stated athletes who have **transitioned** from male to female can compete in women's sport...* [BBC, 02.08.2021] – 'Она стала трансгендерной женщиной в 2012 году в возрасте 33 лет, прежде чем возобновить свою спортивную карьеру. С 2015 года по условиям положения говорится, что спортсмены, которые осуществили переход из мужчин в женщин, могут соревноваться в женском виде спорта'.

В первом отрывке используется эвфемизм *to come out*, который закреплён в словаре эвфемизмов Р. Холдера и имеет значение 'to announce your availability as a sexual partner' [Holder, 2002, с. 98]. В настоящее время данный фразовый глагол используется в отношении гомосексуалов, которые впервые заявляют о своих предпочтениях. Далее в статье использованы эвфемистические конструкции: *transgender woman* и *have transitioned*. Давно принято в масс-медиа для обозначения людей имеющих несоответствие гендерной эдентичности с полом при рождении использовать словосочетания со словом *transgender* (*people, woman, man*). Современные стилистические руководства для журналистов, затрагивающих тему жизни трансгендерных людей, рекомендуют всегда использовать в их отношении те самообозначения, личные имена и местоимения,

которые эти люди для себя выбрали, в том числе в случаях, когда речь идёт о прошлом человека [GLAAD, 2016, с. 12]. Справочное руководство по стилю «GLAAD Media Reference Guide» содержит рекомендации для писателей, особенно журналистов СМИ, по положительному и инклюзивному изображению ЛГБТ-сообщества. В соответствии с руководством GLAAD слово *transgender* является прилагательным, поэтому за ним всегда должно следовать существительное: *transgender athlete; transgender woman/man*. Кроме того, рекомендуется избегать словосочетания *sex change* (рус. смена пола), используя вместо него термин *transition* (рус. переход), который может включать некоторые или все из сопутствующих личных, медицинских и юридических трансформаций [GLAAD, 2016, с. 10–11].

В контексте данной темы, необходимо также остановиться на понятии *д и с ф е м и и*, которое используется для замены эмоционального и стилистически нейтрального слова на более грубое, пренебрежительное. В определении термина многие лингвистические словари отмечают, что дисфемизм, считаясь синонимом к слову «оскорбление», «применяется относительно ситуаций, заведомо предполагающих корректность общения, и фиксируют такое нарушение корректности» [Матвеева, 2010, с. 95]. Сравнивая эти два понятия важно упомянуть об их важной разделительной черте: эвфемизм «улучшает» обозначаемый предмет, так как имеет наиболее высокий уровень ассоциативной привлекательности, в то время как дисфемизмы действуют в противоположном ключе [Кацев, 1988, с. 91].

В этой связи интересная тема была поднята в статье «Tokyo Olympics sparks anti-LGBT slurs on Russian TV», в которой автор статьи рассказал о недопустимых случаях нарушения норм речевого поведения на российских государственных каналах при комментировании участия в Олимпийских играх спортсменов-гомосексуалов:

(9) *The state-run channels dedicated several of their talk shows to speak disparagingly about LGBT athletes at the Games, using words like "abomination" and "perversion"* [BBC, 04.08.2021]. – 'Государственные каналы посвятили несколько своих ток-шоу пренебрежительному отношению к ЛГБТ-спортсменам на Играх, используя такие слова, как «мерзость» и «извращение»'.

Участники телевизионных программ обсуждали британского прыгуна в воду Тома Дейли и новозеландскую тяжёлоатлетку Лорел Хаббард, используя оскорбительные термины:

(10) *One of the panellists, Alexei Zhuravlyov, who is a member of the Russian parliament, said he was "disgusted" by gay and transgender people* [BBC, 04.08.2021]. – 'Один из участников дискуссии, Алексей Журавлев, член российского парламента, сказал, что ему «противны» геи и трансгендеры'.

Выдержки из телепередачи и дисфемизмы, которые использовались собеседниками, заключены в кавычки, что указывает на недопустимость подобной лексики в СМИ:

(11) *We stand opposed to all this smut and perversion, strongly opposed," he told the show, pointing at the studio screen which showed Hubbard. "We stand against this abomination," he shouted. At one point, Zhuravlyov used an offensive Russian word to describe gay men* [BBC, 04.08.2021] – 'Мы выступаем против всей этой грязи и извращений, решительно выступаем», – сказал он на шоу, указывая на студийный экран, на котором был показан Хаббард. «Мы выступаем против этой мерзости», – кричал он. В какой-то момент Журавлев использовал оскорбительное русское слово, используемое для описания геев'.

В передаче с уничижительными комментариями прозвучали такие дисфемизмы, как *abomination* (рус. отвращение), *perversion* (рус. извращение), *to be disgusted* (рус. чувствовать омерзение), которые приобретают отрицательные коннотации при обсуждении ЛГБТ атлетов Олимпийских игр. Слово *smut* (рус. непристойность) в словаре эвфемизмов

используется в первом значении слова *dirty* 'pertaining to anything harmful or damaging which may be the subject of a taboo' [Holder, 2002, с. 369, 106] для обозначения чего-либо вредного или разрушительного, что может быть предметом табу. В приведённой цитате используется также эвфемистическое выражение *offensive Russian word to describe gay men* 'оскорбительное русское слово, используемое для описания гомосексуалов'.

Критерии использования уничижительных терминов в публикациях должны быть такими же, как применяемые к вульгарным эпитетам. В статье оскорбительные слова использованы без кавычек только в прямой цитате, раскрывающей предвзятость цитируемого лица. Такого рода дискредитирующие слова дегуманизируют подобные группы людей и не должны использоваться в основных средствах массовой информации.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что в спортивных текстах отражается целый комплекс социальных потребностей. Прежде всего освещение событий Олимпиады 2020 было связано с фактом переноса игр на нечётный год (2021) и проведением соревнований без зрителей на стадионах в связи с пандемией COVID-19. Поэтому спортивная журналистика не оставила без обсуждения тему здоровья, вопросы финансовых потерь принимающей страны; психического благополучия спортсменов, антидопинговые нарушения, ставшие фатальными для некоторых стран-участниц, гуманитарную визу для непокорной спортсменки, отзыв аккредитации тренеров и прочее.

Как показал анализ, для спортивных текстов наиболее высока востребованность эвфемистических синонимов, связанных с коммуникативными установками смягчить нетерпимость и дискриминации во всех формах и проявлениях. Самыми частотными оказались эвфемистические слова и выражения, относящиеся к подгруппе 4 – сексизм и другие виды угнетения, основанные на предвзятом отношении или дискриминации по гендерному признаку: 6 уникальных единиц из 11. В эту же группу вошло 6 реализаций дисфемизмов (4 уникальные единицы).

Подгруппа 2 – эвфемизмы, смягчающие дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками, представлена только одним выражением в виде конструкции «прилагательное + существительное», вариации которого номинируют психическое здоровье ума. Однако для данной конструкции зафиксировано наибольшее количество реализаций среди отдельно взятых эвфемизмов в исследуемых текстах (6 – первый ранг частотности).

Подгруппа 3 эвфемизмов, смягчающих расовую и этническую дискриминацию немногочисленна и представлена устойчивым словосочетанием модели «прилагательное + существительное» и прилагательным с отрицательным префиксом *in-* или частицей *not* (реализации единичные). Аналогично эвфемизмы подгруппы 1, в которой смягчается возрастная дискриминация, представлена тремя единичными реализациями.

Следует отметить также более частое использование эвфемистических конструкций (словосочетаний), чем единичных слов-эвфемизмов (8 словосочетаний / 6 слов), которые к тому же обладают большей выразительностью и частотной воспроизводимостью (19 реализаций словосочетаний в текстах / 10 реализаций отдельных слов в текстах).

Анализ материала показал, что в лексиконе спортивной публицистики можно встретить лексические единицы, действующие в противоположном ключе. Эвфемия и дисфемия противопоставлены друг другу по цели коммуникации, и востребованность прямых именованных особенно высока в быту. К сожалению, употребление слов и выражений, которые считаются бестактными, стало нормой жизни и подобная тенденция не является исключением и в медиа пространстве. Поэтому перспективой исследования может стать рассмотрение проблем дисфемии в текстах спортивной тематики в качестве ключевой оппозиции описываемому феномену.

Библиографический список

- Аветян, 2018 – Аветян А. А. К вопросу о типологии дискурса: особенности спортивного дискурса // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 116–119.
- Зильберт, 2001 – Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 19. С. 103–112.
- Карасик, 2000 – Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов : СГУ, 2000. С. 25–33.
- Кацев, 1988 – Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие. Л. : ЛГПИ, 1988. 80 с.
- Корконосенко, 2000 – Основы творческой деятельности журналиста : учебник. СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. 272 с.
- Крысин, 1994 – Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.
- Матвеева, 2010 – Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 582 с.
- Москвин, 2017 – Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : Ленард, 2017. 262 с.
- Павленко и др., 2015 – Концепт: грани понятия в современной науке. Выпуск II : Коллективная монография / В. Г. Павленко, Г. А. Зябрева, С. В. Капустина, И. В. Кузнецова, Т. Г. Торощина, В. Г. Шабаев. Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. 150 с.
- Панин, 2004 – Панин В. В. Политическая корректность как культурно – поведенческая и языковая категория: автореферат дис. ... канд. филол. наук; 10.02.20; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2004. 24 с.
- Чес, Тюкина, 2017 – Чес Н. А., Тюкина Т. А. Эвфемизмы как средство манипулятивного воздействия в американском и британском политическом медиадискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 1 (9). С. 39–45.
- Шершнева, 2016 – Шершнева Ю. С. Жанры спортивной журналистики: современные тенденции // Учёные записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. № 3 (7). 2016. С. 1–5. URL : <http://www.novsu.ru/file/1241679> (дата обращения : 30.03.2022).
- ABBYU Lingvo Live, 2021 – ABBYU Lingvo Live. Retrieved August 15, 2021 from <<https://www.lingvolive.com/>>.
- BBC, 2021 – BBC. Retrieved August 18, 2021 from <<https://www.bbc.com/news>>.
- CNN, 2021 – Retrieved August 22, 2021 from <<https://edition.cnn.com/interactive/2020/us/racism-questions-answers/>>.
- GLAAD, 2016 – Media Reference Guide. 10th Edition. New York : GLAAD, 2016. 40 p. Retrieved August 25, 2021 from <<https://www.glaad.org/sites/default/files/GLAAD-Media-Reference-Guide-Tenth-Edition.pdf>>.
- Holder, 2002 – Holder R. W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford : Oxford University Press Ink, 2002. 501 p.
- Krippendorff, 2013 – Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. 3rd edn. Los Angeles, CA : Sage, 2013. 441 p.
- Mohammed, Majeed, 2018 – Mohammed F. O., Majeed S. H. A content analysis of euphemism-formation strategies in Evro daily newspaper // Humanities Journal of University of Zakho. 2018. (6). pp. 611–623.
- Nettingham, 2020 – Nettingham Sh-Q. The art of 'Stick to Sports,' politics, and sports media industry studies // UNLV Theses, Dissertations, Professional Papers, and Capstones. 2020. Retrieved March 25, 2021 from <<http://dx.doi.org/10.34917/19412143>>.
- Nurkhamitov et al., 2019 – Nurkhamitov M. R., Zagladina E. N., Shakhnina I. Z. Special Aspects of Military and Political Euphemisms Usage in Modern English Press // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2019. Vol. 8, N 2. P. 83–87. Retrieved March 28, 2021 from <<https://www.mcser.org/journal/index.php/ajis/article/view/10459>>.
- Sadovnikova et al., 2016 – Sadovnikova M. N., Nevolnikova S. V., Bogatskaia E. Y. Euphemisms in language of the French mass media: pragmatical aspect // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 3 (7). P. 69–74. <https://doi.org/10.18454/RULB.7.32>

- Starcevic, 2010 – Starcevic V. Euphemisms, political correctness and the identity of psychiatrists // *Australasian Psychiatry*. 2010. Vol. 18. Iss. 2. pp. 181–182.
- Stofer et al., 2019 – Stofer K. T. Schaffer J. R. Rosenthal B. A. *Sports Journalism: An Introduction to Reporting and Writing Second Edition*. NY : Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 215 p.
- VESG, 2021 – The Vanderbilt editorial style guide. Retrieved August 15, 2021 from <<https://www.vanderbilt.edu/communications/brand/editorial.php/>>.

References

- Avetyan, A. A. (2018). K voprosu o tipologii diskursa: osobennosti sportivnogo diskursa [To the problem of discourse classification: characteristics of sports discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Vestnik of Pskov State University. Social Sciences and Humanities], 8, 116–119.
- Zil'bert, A. B. (2001). Sportivnyi diskurs: tochki peresecheniay s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) [Sports discourse: points of intersection with other discourses (problems of intertextuality)]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication], 19, 103–112.
- Karasik, V. I. (2000). *Struktura institutsional'nogo diskursa* [The structure of institutional discourse]. Problemy rechevoi kommunikatsii [Problems of speech communication] (pp. 25–33). Saratov : Saratov State University Press.
- Katsev, A. M. (1988). *Yazykovoe tabu i evfemiya* [Linguistic taboo and euphemism]: A coursebook. Leningrad : Leningrad State Pedagogical University Press.
- Korkonosenko, S. G. (2000). *Osnovy tvorcheskoy deyatelnosti journalista* [Fundamentals of the creative activity of a journalist]. St.Petersburg : Znanie, St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law Press.
- Krysin, L. P. (1994). Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi. [Euphemisms in modern Russian speech]. *Rusistika* [Russian Studies], 1–2, 28–49.
- Matveeva, T. V. (2010). *Polniy slovar lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov on Don : Feniks Press.
- Moskvin, V. P. (2017). *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moscow : Lenard Press.
- Pavlenko, V. G., Shabaev, V. G., Toroshchina, T. G., Kuznetsova, I. V., Kapustina, S. V., Zyabreva, G. A. (2015). *Kontsept: grani ponyatiya v sovremennoi nauke* [Concept: Facets of concepts in modern science] (Vol. II). Noginsk : ANALITIKA RODIS Press.
- Panin, V. V. (2004). *Politicheskaya korrektnost kak kulturno – povedencheskaya i yazykovaya kategoriya* [Political correctness as a cultural – behavioral and linguistic category]. Author's abstract of PhD philological sci. diss. Tumen State University. Tyumen.
- Ches, N. A., Tyukina, T. A. (2017). Evfemizmy kak sredstvo manipulyativnogo vozdeistviya v amerikanskom i britanskom politicheskom mediadiskurse [Euphemisms and power of persuasion in British and American political discourse of mass media]. *Filologicheskkiye nauki v MGIMO* [Linguistics & Polyglot Studies], 1 (9), 39–45.
- Shershneva, Yu. C. (2016). Zhanry sportivnoy zhurnalistiki: sovremennyye tendentsii [Genres of sports journalism: Current trends]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 3 (7), 1–5.
- ABBY Lingvo Live. Retrieved August 15, 2021 from <<https://www.lingvolive.com/>>.
- BBC. Retrieved August 18, 2021 from <<https://www.bbc.com/news>>.
- CNN. Retrieved August 22, 2021 from <<https://edition.cnn.com/interactive/2020/us/racism-questions-answers/>>.
- GLAAD (2016). *Media Reference Guide*. 10th Edition. New York : GLAAD, 2016. 40 p. Retrieved August 25, 2021 from <<https://www.glaad.org/sites/default/files/GLAAD-Media-Reference-Guide-Tenth-Edition.pdf>>.
- Holder, R. W. (2002). *How not to say what you mean: A dictionary of euphemisms*. Oxford : Oxford University Press Ink.

- Krippendorff, K. (2013). *Content analysis: An introduction to its methodology* (3rd edn.). Los Angeles, CA : Sage.
- Mohammed, F. O., Majeed, S. H. (2018). A content analysis of euphemism-formation strategies in evro daily newspaper. *Humanities Journal of University of Zakho*, 6, 611–623.
- Nettingham, Sh-Q. (2020). The art of 'Stick to Sports,' politics, and sports media industry studies. *UNLV theses, dissertations, professional papers, and capstones*. Retrieved March 25, 2021 from <<http://dx.doi.org/10.34917/19412143>>.
- Nurkhamitov, M. R. Zagladina, E. N. Shakhnina, I. Z. (2019). Special aspects of military and political euphemisms usage in modern English press. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 8 (2), 83–87. Retrieved March 28, 2021 from <<https://www.mcser.org/journal/index.php/ajis/article/view/10459>>.
- Sadovnikova, M. N., Nevolnikova, S. V., Bogatskaia, E. Y. (2016). Euphemisms in language of the French mass media: Pragmatical aspect. *Russian Linguistic Bulletin*, 3 (7), 69–74. <https://doi.org/10.18454/RULB.7.32>
- Starcevic, V. (2010). Euphemisms, political correctness and the identity of psychiatrists. *Australasian Psychiatry*, 18 (2), 181–182.
- Stofer, K. T. Schaffer, J. R., Rosenthal, B. A. (2019). *Sports journalism: An Introduction to Reporting and Writing*. 2nd edn. NY: Rowman & Littlefield Publishers.
- VESG (2021). The Vanderbilt editorial style guide. Retrieved August 15, 2021 from <<https://www.vanderbilt.edu/communications/brand/editorial.php/>>.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 08.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.
The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 08.04.2022; accepted for publication 11.04.2022.

Бутенко Юлия Ивановна✉, Николаева Наталия Сергеевна
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
г. Москва, Российская Федерация
iubutenko@bmstu.ru

Структурные трансформации одно- и двухкомпонентных английских и русских терминов предметной области «виды сварки» при переводе

Аннотация

Статья посвящена исследованию структурных трансформаций терминологических единиц на примере предметной области «Виды сварки» в английском и русском языках. Обоснована необходимость исследования и создания структурных моделей терминологических единиц как основы надкорпусной базы для автоматического извлечения многокомпонентных терминологических единиц при создании параллельного корпуса научно-технических текстов. Рассмотрены структурные переводческие модели одно- и двухкомпонентных терминов предметной области «Виды сварки». Установлены типы структурных трансформаций при переводе терминов с учётом соотносённости с определёнными частями речи составляющих их компонентов (словообразующих морфем для однокомпонентных терминов, простых и сложных основ, образующих двухкомпонентные термины), вариативности структуры атрибутивных компонентов в обоих языках и способов их присоединения к ядерному слову (пространственных, без или с использованием предлога). Выявлена возможность различных способов понятийного присоединения сем составного атрибутивного элемента к понятийному полю ядерного элемента в двухкомпонентных терминах. Соотнесена степень мотивированности как русско-, так и англоязычных терминологических единиц, обусловленная словообразовательными моделями представленных слов и словосочетаний. Проведена оценка продуктивности выявленных структурных моделей с точки зрения количественных показателей их использования в исследуемой предметной области.

Ключевые слова: термин, терминологическое словосочетание, структурная модель, многокомпонентные термины, перевод терминов

© Бутенко Ю. И., Николаева Н. С. 2022

Для цитирования: Бутенко Ю. И., Николаева Н. С. Структурные трансформации одно- и двухкомпонентных английских и русских терминов предметной области «виды сварки» при переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 21–31. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_21

Yuliya I. Butenko✉, Natalia S. Nikolaeva
Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russian Federation
iubutenko@bmstu.ru

Structural transformation of one- and two-component English and Russian terms of the subject area “welding types” during translation

Abstract

The article focuses upon structural transformations of terminological units found in the field of “Welding Types” in English and Russian. The structural patterns of the units are a necessary tool that can be programmed into the

technique for automatic extraction of multicomponent terminological units when creating a parallel corpus of scientific and technical texts is justified. The translation structural models of one- and two-component terms of the subject area “Welding Types” are considered. The types of structural transformations at translation of terms are established, taking into account the correlation of their components with certain parts of speech (word-forming morphemes for one-component terms, simple and complex bases forming two-component terms), the variability of the attribute components structure in both languages and the ways of their attachment to the nuclear word (spatial, without or using a preposition). Various possible ways of notional attachment of a composite attribute element to the conceptual field of a nuclear element in two-component terms is revealed. The motivation degree of both Russian- and English-language terminological units is correlated, due to the word-formation models of the presented words and phrases. The identified structural models productivity was evaluated in terms of quantitative indicators of their use in the subject area under study.

Keywords: term, terminological phrase, structural model, multicomponent terms, translation of terms

© Butenko Yu. I., Nikolaeva N. S. 2022

For citation: Butenko, Yu. I., Nikolaeva, N. S. (2022). Strukturnye transformatsii odno- i dvukhkomponentnykh angliyskikh i russkikh terminov predmetnoy oblasti «vidy svarki» pri perevode [Structural transformation of one- and two-component English and Russian terms of the subject area “welding types” during translation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 21–31. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_21

1. Введение [Introduction]

Параллельные двуязычные и многоязычные корпуса текстов в XXI веке активно интегрируются в глобальную сеть для разработки систем автоматического перевода, основанного на статистическом методе, являясь одним из направлений развития корпусной лингвистики – раздела языкознания, занимающегося созданием и использованием текстовых корпусов [Беляева, 2013, с. 54–62].

Интенсивное развитие компьютерных технологий способствовало развитию корпусной лингвистики, а параллельные корпуса становятся ценным источником информации как при проведении лингвистических исследований, так и создании широкого класса систем обработки естественного языка. Под параллельным корпусом текстов принято понимать совокупность текстов с их переводами на один или несколько языков, представленные в электронном виде [Baker, 2000, p. 223–225]. Тексты в корпусе могут представлять собой как целые произведения, так и их отдельные фрагменты.

Тексты корпусов обычно размечаются для удобства пользования, т. е. текстам и содержащимся в них языковым единицам приписываются специальные метки. Размеченные корпуса обеспечивают специализированными поисковыми системами, реализующими грамматические и лексические виды поиска [Кружков, 2015, с. 141]. В зависимости от целей создания корпуса в него включают дополнительные виды разметки [Лесников, 2019, с. 28]. Так, для разрабатываемого параллельного корпуса научно-технических текстов наибольшую значимость приобретает выровненность корпусов – наличие чёткой связи между единицами перевода, которые соответствуют друг другу [Волченкова К.Н., 2015, с. 34].

Отличительной особенностью научно-технических текстов является широкое употребление терминов, что обуславливает необходимость добавления терминологической разметки корпуса, так как именно термины выступают основным средством передачи информации [Захаров, Хохлова, 2012, с. 223–233, 2014, с. 182–200]. Задача создания средств автоматической разметки терминологических единиц в параллельном корпусе научно-технических текстов усложняется, с одной стороны, сложной структурой термина а, с другой стороны, количество компонентов одного и того же термина в разных языках может быть разным.

В такой ситуации возникает необходимость в разработке специализированной технологии, позволяющей последовательно обрабатывать коллекции текстов разных предметных областей и фиксировать каждую модель многокомпонентного терминологического словосочетания и переводные соответствия в отдельной базе данных. М. Г. Кружков в работе [Кружков, 2015, с. 152] использует термин для таких специализированных баз данных «надкорпусные базы данных». Такой подход позволит, с одной стороны, использовать уже созданную базу структурных моделей терминологических словосочетаний, а с другой стороны позволит дополнять и актуализировать базу данных новыми структурными моделями терминов с минимальными временными и ресурсными затратами.

Ц е л ь работы – описание структурных переводческих трансформаций одно- и двухкомпонентных терминов на примере терминов предметной области «Виды сварки» в английском и русском языках как основы для создания надкорпусной базы структурных моделей терминов.

2. Структурные модели терминологических единиц предметной области «welding types» / «виды сварки» [Structural patterns terminological units denoting welding types]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

Автоматизация терминологической разметки, которая является обязательным элементом корпуса научно-технических текстов, представляет собой сложную теоретическую и практическую задачу, решение которой требует взаимопроникновения частных методов лингвистики и программирования [Butenko, 2020, с. 216–222].

Материалом исследования послужили стандарты, учебные пособия и термиграфические ресурсы предметной области «Welding types» / «Виды сварки», в которых методом сплошной выборки отобраны одно- и двухкомпонентные терминологические единицы и их переводные эквиваленты. При обработке отобранных терминов использован метод структурного анализа для разработки моделей структурных трансформаций английских и русских терминов при переводе. При этом основное внимание уделялось получению максимально полного перечня структурных моделей и их переводческих трансформаций на материале одно- и двухкомпонентных терминов. Термины, состоящие из трёх и более компонентов, не могут быть подвержены автоматической обработке, так как в настоящее время отсутствуют автоматические средства по определению того, является ли рассматриваемое словосочетание одним термином или сочетанием нескольких терминов.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

И англо-, и русскоязычная терминологии демонстрируют наличие небольшого количества однокомпонентных терминов. Русскоязычная группа однословных терминов по своей словообразовательной структуре в основном однородна, т. к. большинство терминов образовано от основ соответствующих глаголов с помощью суффикса –к, который, таким образом, продемонстрировал свою продуктивность в русскоязычном процессуальном терминообразовании. Семантическая наполненность полученных терминов определяется наличием в производящих глагольных основах различных префиксов, значения которых в итоге и обуславливают значение производного термина (*заварка, проварка, сварка*). Все элементы, слагающие термин, обладают высокой мотивированностью. Но в группе однокомпонентных терминов выявлен отличный от остальной массы единичный случай термина, который представлен сложным словом в дефисном написании с нулевым интерфиксом (*сварка-пайка*), демонстрирующим понятийную равноценность элементов структуры.

Английский массив однокомпонентных терминов терминологии «Welding types», несмотря на свою малочисленность, менее однороден по своей словообразовательной структуре. Если взять такие термины, как *welding* и *tacking*, то, как и в случае русскоязычных терминов, они образованы от основ глаголов *weld* и *tack* с помощью словообразовательного суффикса *-ing*. Следующий шаг в словообразовательной цепочке демонстрирует термин *rewelding*, образованный от термина *welding* посредством префиксации (присоединение префикса *re-*, указывающего на повторность действия). Все три однословных термина, как и их русские эквиваленты, обладают высокой мотивированностью, обусловленной их структурными компонентами. В то же время в исследуемой англоязычной группе присутствуют такие термины, как *arcogen* и *Union-Melt*, мотивированность которых размыта с точки зрения сочетания их формы и семантического содержания. Названия были запатентованы в первой половине XX в., но впоследствии процессы получили более мотивированные, но, в связи с этим, и более длинные, названия *gas-arc welding*, *gaselectrical welding* в первом и *submerged arc welding* во втором случаях.

Малое количество однословных терминов в сопоставляемых массивах свидетельствует о невысокой продуктивности данной модели терминообразования в обоих языках. Но, кроме того, следует отметить, что в русскоязычной терминологии «Сварка» выявленные термины появились еще на начальных этапах ее формирования, тогда как в группе англоязычных однокомпонентных терминов можно наблюдать равномерное их появление в течение всей истории развития терминологии [Николаева, 2013].

Скорее всего небольшое количество выявленных однокомпонентных терминов связано, с одной стороны, с узостью обозначаемого понятия, и невозможностью или отсутствием необходимости его дальнейшего расширения (*заварка*, *rewelding*, *tacking*). Другая группа терминов, наоборот, характеризуется слишком большим объемом понятия и недостаточной дифференциацией технологий, ими обозначаемых (как в случае с термином *сварка* и его английским эквивалентом *welding*) [Николаева, 2011, с. 132–138].

Гораздо более продуктивным способом номинации в обоих языках является синтаксический способ, при котором происходит образование составных, *n*-компонентных, терминов. В процессе образования подобных структур наблюдается увеличение семантической дифференциации терминов в пределах одного понятийного поля, и, одновременно, в большинстве случаев, прослеживается их мотивированность, отражающая развитие и дифференциацию отдельных предметных областей сварки [Николаева, 2011, с. 132–138].

При анализе расширения термина из первичных однокомпонентных образований (*сварка*, *welding*) в большинстве случаев (хотя и не всегда) наблюдается их преобразование в двухкомпонентные термины-словосочетания, которые, в свою очередь, могут служить кирпичиками для строительства более сложных многокомпонентных терминов. Исследование показало, что подобные термины являются одним из наиболее распространенных в структурном отношении элементов исследуемой понятийной области в английском и русском языках и, кроме того, наиболее функционально значимым элементом при образовании терминов с более сложной конструкцией. Анализ их структуры показал наличие моделей характерных как для русского языка в целом и для русскоязычных терминологий и терминосистем в частности, так и для английского языка и англоязычных терминологий.

При рассмотрении выявленных многокомпонентных терминов в английском и русском массивах в 90% случаев зафиксирована структура, предполагающая расположение элемента, ответственного за номинативный характер лексической единицы (ядерного элемента), в конце словосочетания. Элемент, отвечающий за расширение понятийного наполнения термина (определение), находится в препозиции (левое определение). Скорее

всего, подобная модель наиболее полно отражает понятийное содержание как русскоязычных, так и англоязычных терминов, в которых видовой, атрибутивный, элемент предшествует родовому, сужая его семантику до необходимого уровня. Во всех представленных в исследовании схемах ядерными компонентами являются эквивалентные термины *welding / сварка*, как родовые термины данной понятийной области.

Сравнительный анализ структуры англо- и русскоязычной терминологий показывает, что наиболее продуктивные модели двухкомпонентных терминов в массивах исследуемых языков не одинаковы по своему наполнению. Но, в пределах своего языка, каждая модель должным образом отражает наиболее продуктивные образования языка-донора.

Так, в русскоязычной терминологии «Сварка» наибольшую продуктивность показала атрибутивная модель, созданная по принципу «Прилагательное (в функции пре-позитивного определения) + существительное (ядерный элемент)», характерная для русского языка, как языкового субстрата. Возможно, выбор именно такой модели для большинства терминов обусловлено необходимостью подчеркнуть, выделить именно видовые признаки процесса, которыми описываются способы защиты, материал или процесс, с помощью которого и происходит соединение материалов, т. е. сварка.

Во всех схемах ядерным компонентом является термин *сварка*, как родовой термин данной терминосистемы. В то же время, характерной особенностью данной модели является вариативность структуры определяющих элементов. Большая их часть является простыми прилагательными (*ручная сварка, холодная сварка, шлаковая сварка, шовная сварка*, и др.).

В то же время, среди атрибутивных компонентов была выделена большая группа сложных прилагательных. Первая группа демонстрирует комбинацию усеченной основы суффиксальных прилагательных и полных прилагательных. Так, прилагательные *ацетиленовый* и *кислородный* послужили базой для образования термина *ацетиленокислородная сварка*, а словосочетание *высокая частота* при присоединении к родовому термину *сварка* дало словосочетание *высокочастотная сварка*. При анализе приведенных примеров, кроме того, обнаруживается неоднозначная возможность понятийного присоединения сем атрибутивного элемента к понятийному полю ядерного элемента. В первом случае, *ацетиленовый* и *кислородный* не связаны между собой в понятийном плане и присоединяются к ядру *сварка* параллельно. Тогда как во втором случае, термин *высокая частота* изначально является самостоятельной единицей, способной к отдельному функционированию, т. е. здесь мы имеем дело с одновременным присоединением цельного понятийного блока. Ещё одним способом понятийного присоединения сем атрибутивного элемента к понятийному полю ядерного элемента является последовательное присоединение, которое представлено примерами из группы сложных прилагательных, имеющих в составе основу числительного:

сварка дуговая сварка двухдуговая сварка;

сварка дуговая сварка многодуговая сварка.

Словообразовательная структура представленных ранее определяющих элементов двухкомпонентных словосочетаний, демонстрирует осново- и словосложение, осуществляемое при помощи исключительно интерфикса -о- (сочетание *газ + о + прессовая сварка* дает в итоге «газопрессовая сварка», *газ + о + электрическая сварка* образуют термин газопрессовая сварка).

В другой модели в качестве определяющего элемента используется причастие строится «причастие + существительное (ядерный элемент)» (*защищенная сварка, механизированная сварка*). Рассматривая функционирование причастия в качестве определения в терминологическом словосочетании, С.В. Гринев-Гриневиц предположил, что утратив свои временные, процессуальные признаки в словосочетаниях подобного рода, атрибутивный элемент выражает только качественный признак, став, по сути, разновид-

ностью прилагательного [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 137]. Такая структура является гораздо менее продуктивной, чем предыдущая, но может быть рассмотрена как ее разновидность, являясь также атрибутивным словосочетанием.

В отличие от русскоязычных двухкомпонентных образований, наиболее продуктивная модель англоязычных двухкомпонентных терминов-словосочетаний терминологии «Welding types» представлена структурой «существительное + существительное (ядерный элемент)» (порядка 60% *short-arc welding, solid-state welding, underwater welding, touch welding, Thomson welding, stitch welding*, и др.), где первое существительное выступает в роли препозитивного определения. Хотя, следует отметить, что сходство с русскоязычным списком все-таки прослеживается, единым является тот факт, что обе выявленные модели являются наиболее продуктивными в общеупотребительном английском и русском языках как языках-донорах, влияющих на продуктивность и терминообразовательных моделей.

Как и в русскоязычном списке, основное семантическое отличие терминов в группе представлено набором сем атрибутивных элементов. Причем их структуры продемонстрировали наличие моделей образованных с помощью разнообразных принципов, характерных для английского языкового субстрата.

В половине выявленных случаев определение выражено простым существительным (*seam welding, roll welding, resistance welding, pressure welding, powder welding*, и др.).

Но, не меньшая часть исследованных терминологических словосочетаний с данной структурой образована присоединением к ядерному элементу сложного существительного-определения. Причём атрибутивный элемент демонстрирует значительную структурную вариабельность. Во всех случаях наблюдается схема, в которой основы разных частей речи присоединяются к основе существительного, которое, аккумулируя грамматическое значение определения, и отвечает за принадлежность полученного определения к разряду существительных. Аtribuтивный элемент может быть сложным существительным, представляющим собой сочетание основ:

- двух существительных (*graphite-arc welding, gas-arc welding*, и др.);
- основы прилагательного и существительного (*solid-phase welding, deep-fillet welding* и др.);
- причастия и существительного (*heated-die welding*);
- числительного и существительного (*three-phase welding*).

Все выявленные сложные лексемы имеют дефисное написание с нулевым интерфейсом.

Следующей группой моделей, выделяемых в общем массиве двухкомпонентных терминов, является «прилагательное + существительное (ядерный элемент)» (*chemical welding, gaselectrical welding, electro-chemical welding, plastic welding*). Характерно, что в русском списке данная модель занимает первое место по продуктивности, тогда как в английском она является гораздо менее продуктивной. И снова мы можем увидеть присутствие в модели как простых по своему составу атрибутивных элементов (*dielectric welding, percussive welding*), так и составных (*gaselectrical welding, electro-chemical welding*). Сложные прилагательные представляют собой образования, полученные сложением основ с использованием интерфейса -o-. В половине случаев используется дефисное написание (chemical (усечение суффиксов прилагательного) + o + mechanical – *chemico-mechanical welding*; electric (усечение суффикса прилагательного) + o + *mechanical electro-mechanical welding*). Другая, меньшая, часть сложных прилагательных представлена терминами также с интерфейсом -o-, но со слитным написанием (*electropercussive welding*).

Как и в русском списке двухкомпонентных терминов, можно выявить модель, построенную по схеме «причастие + существительное (ядерный элемент)» (*powdered*

welding, flux-cored welding), в которой, в связи с утратой причастием характерных для данной грамматической категории признаков, будем считать причастие разновидностью прилагательного [Лейчик, 1981, с. 67; Лейчик, 1994, с. 159]. Причастие в них может быть простым по своей структуре, как в случае с *powdered welding*, и может быть сложным, как в терминах *flux-cored welding*.

И в русском, и в английском списках терминов понятийной области «Сварка (Welding)» были выявлены модели, по схеме расположения структурных элементов совершенно противоположные представленным ранее, т.к. атрибутивные элементы являются постпозитивными, «Существительное (ядерный элемент) + атрибутивный элемент». Отличием является то, что в русскоязычном массиве атрибутивный элемент выражен существительным в творительном падеже, что не предполагает использование предлога, (*сварка взрывом, сварка лазером*) двухкомпонентная номинация, полученная при элиминации элемента *лучом* из трёхкомпонентной *сварка лучом лазером*. Тогда как в англоязычном массиве постпозитивное определение выражено существительным с предлогами *in* или *with* (*welding in air, welding-on with pressure*). Обе представленные модели встречаются только приблизительно в 1% случаев номинации, что доказывает их малую продуктивность в обоих языках. Кроме того, эволюция обеих терминологий показывает, что некоторые подобные термины преобразуются в синонимичные (и, впоследствии, заменяются) в соответствии с наиболее продуктивными моделями: «Существительное + существительное (ядерный элемент)» в английском и «Прилагательное + существительное (ядерный элемент)» в русском языках. Так, например, в английском массиве термин *welding with pressure* в ряде случаев функционирует параллельно с термином *pressure welding*, хотя в некоторых случаях их значения и расходятся, а вместо термина *welding in space* применяется специальная лексическая единица *space welding*. В русском списке, например, вместо термина *сварка лазером* в настоящее время используют термин *лазерная сварка*.

При сопоставительном анализе двух списков выявлено, что количество компонентов в эквивалентных разноязычных моделях во многих случаях не совпадает, что значительно затрудняет процесс выравнивая текстов в параллельном корпусе. Так, например, двухкомпонентному англоязычному термину *touch welding* эквивалентен четырёхкомпонентный русскоязычный термин *дуговая сварка методом опирания*. Более того, двухкомпонентному англоязычному термину *squirt welding* соответствует многокомпонентный русскоязычный описательный оборот *полуавтоматическая дуговая сварка под флюсом с подачей флюса из бункера, укрепленного на держателе*, который в соответствии с классификацией специальной лексики [Лейчик, 2007, с. 83] соответствует скорее статусу предтермина, а не термина. Встречается и обратное несоответствие, когда термин, эквивалентный русскоязычному термину *печная сварка*, представлен четырёхкомпонентным англоязычным образованием *pressure welding with furnace heating*. Следует отметить, что встречаемость подобных пар гораздо реже, чем указанных в предыдущем случае. Скорее всего, отмеченное явление связано с особенностями исследуемых языков-доноров в области конструирования вербализованных мыслеобразов, что находит отражение в структуре построенных словосочетаний.

Наличие в англо- и русскоязычных массивах большого количества двухкомпонентных терминов-словосочетаний существенного количества сложных атрибутивных элементов показывает, что развитие и усложнение технологии способствует усложнению семантической структуры термина, что, в свою очередь, вызывает усложнение его структуры. Данный процесс способствует образованию длинных терминов, имеющих все большее и большее количество компонентов в своей структуре. С другой стороны, человек по своей природе склонен к экономии языковых средств, а исследования терминологий различных предметных областей подтверждают преобладание (64–65%) двух-

компонентных терминов [Лейчик, 1986, с. 92] в обоих языках. Поэтому, можно сказать, что, по мере развития терминологии, во многих случаях наблюдаются противоположные процессы – удлинение термина, его насыщение дополнительными семемами, которому противопоставляется компрессия (трёх-, четырёх- и более) n-компонентных терминов в двухкомпонентные. Кроме того, наличие в общем массиве терминов предметной области «Сварка (Welding)» большого количества двухкомпонентных терминов свидетельствует о достаточной информативности выявленных структур и говорит об удобстве их использования в устной и письменной профессиональной коммуникации.

3. Заключение [Conclusion]

Автоматизация разметки корпусов научно-технических текстов нуждается в выборе достаточно устоявшегося массива терминов, который мог бы продемонстрировать характерные структурные образования, присущие развитым терминологиям и, особенно, терминосистемам. В качестве исследуемого массива была выбрана терминосистема предметной области «Сварки / Welding». В связи с тем, что терминосистема предметной области достаточно изучена и стандартизирована, предполагается создание на её основе надкорпусной базы данных, описывающей структурные модели терминологических словосочетаний предметной области «Сварка / Welding». Выделенные структурные переводческие модели одно- и двухкомпонентных терминов предметной области «Виды сварки» послужат основой для создания надкорпусной базы многокомпонентных терминов. Установлены типы структурных трансформаций при переводе терминов с учётом соотносённости с определёнными частями речи составляющих их компонентов (словообразующих морфем для однокомпонентных терминов, простых и сложных основ, образующих двухкомпонентные термины), вариабельности структуры атрибутивных компонентов в обоих языках и способов их присоединения к ядерному слову.

Библиографический список

- Беляева, 2004 – Беляева Л. Н. Словари систем машинного перевода и параллельные корпуса текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М. : Изд-во РГГУ, 2004. С. 54–62.
- Баринов и др., 1991 – Большой англо-русский политехнический словарь: в 2 т. / С. М. Баринов, А. Б. Борковский, В. А. Владимиров [и др.]. М. : Русский язык, 1991. Т. 1. 701 с.; Т. 2. 720 с.
- Волченкова, 2015 – Волченкова К. Н. Параллельный корпус как справочная база данных в работе переводчика // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 33. С. 32–35.
- ГОСТ 2601-74, 1976 – Сварка металлов. Основные понятия. Термины и определения. Взамен ГОСТ 2601-44; введ. 30.01.74. // Сварка, пайка и термическая резка металлов. М. : Госстандарт СССР: Изд-во стандартов, 1976. С. 8–46.
- ГОСТ 2601-84, 1984 – Сварка металлов. Термины и определения основных понятий. Взамен ГОСТ 2601-74; введ. 01.07.85. М. : Госстандарт СССР: Изд-во стандартов, 1984. 51 с.
- ГОСТ 19521-74, 1976 – Сварка металлов. Классификация. Введ. 18.02.74 // Сварка, пайка и термическая резка металлов. Ч. 1. Терминология, классификация и оборудование. М. : Госстандарт СССР : Изд-во стандартов, 1976. С. 64–76.
- ГОСТ 2601-44, 1967 – Сварка металлов. Терминология. Введ. 31.07.44. М. : Госстандарт СССР : Изд-во стандартов, 1967. 91 с.
- Гринев-Гриневиц, 2011 – Гринев-Гриневиц С. В. О терминологических аспектах научно-технического перевода // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. 2011. № 6 (2). С. 74–78.
- Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2020 – Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии) // Вест-

- ник Московского гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. 2020. № 5. С. 74–85. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-74-85>
- Захаров, Хохлова, 2014 – Захаров В. П., Хохлова М. В. Автоматическое выявление терминологических словосочетаний // Структурная и прикладная лингвистика. 2014. № 10. С. 182–200.
- Захаров, Хохлова, 2012 – Захаров В. П., Хохлова М. В. Автоматическое извлечение терминов из специальных текстов с использованием дистрибутивно-статистического метода как инструмент создания тезаурусов // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. № 9. С. 222–233.
- Золотых, 1967 – Золотых В. Т. Англо-русский словарь по сварочному производству. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. Энциклопедия, 1967. 376 с.
- Кружков, 2015 – Кружков М. Г. Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // Системы и средства информатики. 2015. 25 (2). С. 140–159.
- Кулик, 1974 – Кулик Т. А. Словарь-справочник по сварке. Киев: Наукова думка, 1974. 196 с.
- Лейчик, 1994 – Лейчик В. М. Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминографии // Вестник Харьковского политех. ун-та. 1994. № 1. С. 147–180.
- Лейчик, 1986 – Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.
- Лейчик, 1981 – Лейчик В. М. Оптимальная длина и структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63–73.
- Лейчик, 2007 – Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: ЛКИ. 2007. 256 с.
- Лесников, 2019 – Лесников С. В. Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2019. № 9. С. 27–30. <https://doi.org/10.36535/0548-0027-2019-09-4>
- Лотте, 1961 – Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР. 1961. 158 с.
- Нагель, 2008 – Нагель О. В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
- Николаева, 2015 – Николаева Н. С. Обучение чтению литературы на английском языке по специальности «Сварочное производство»: лексический справочник. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2015. 28 с.
- Николаева, 2013 – Николаева Н. С. Особенности начального этапа в формировании терминологии (донаучный и протонаучный периоды) // Гуманитарный вестник. 2013. № 7. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/pedagog/engped/87.html> (дата обращения: 25.10.2020).
- Николаева, 2011 – Николаева Н. С. Особенности происхождения основных терминов терминосистемы «Сварка» (на материале английской и русской терминологий) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. 2011. № 1. С. 132–138.
- Baker, 2000 – Baker M. Corpora in translation studies. An overview and some suggestions for future research // Target. 2000. N 7 (2). P. 223–243.
- Butenko, 2020 – Butenko I. I., Sidnyaev N. I., Bolotova E. E. Formal grammar theory in recognition methods of unknown objects // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. 2020. 54 (4). P. 215–225. <https://doi.org/10.3103/S000510552004007X>
- Cordovi, 1944 – Cordovi M. A. Glossary of Foreign Welding Terms / comp. by M. A. Cordovi. New York: American Welding Society, 1944. 16 p.
- Mackenzie, 1951 – Mackenzie, L. B. The Welding Encyclopedia / completely rev. and re-ed by T. B. Jefferson. 13th edn. New York: McGraw-Hill, 1951. 1008 p.
- Terms and Definitions, 1969 – Terms and Definitions. AWS A 3.0-69 / Prep. by AWS Com. On definitions and symbols. Under the dir. of AWS Technical activities com. New York: American Welding Society. 1969. 92 p.
- Welding, 1976 – Welding handbook // Fundamentals of welding. 7th edn. Vol. 1. Miami, Florida: American Welding Society, 1976. 373 p.

References

- Belyaeva, L. N. (2004). Slovari sistem mashinnogo perevoda i parallel'nye korpusa tekstov [Machine translation dictionaries and parallel corpora of texts]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intelligent technologies], (pp. 54–62). Moscow : Russian State University for the Humanities Press.
- Barinov, S. M., Borkovskiy A. B., Vladimirov V. A. et al. (1991). Bol'shoy anglo-russkiy politekhnicheskii slovar': v 2 t. [The big English-Russian polytechnic dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk, 1991. Vol. 1. 701 s.; Vol. 2. 720 s.
- Volchenkova, K. N. (2015). Parallelnyy korpus kak spravoch'naya baza dannykh v rabote perevodchika [Parallel corpus as data base in translator's activity]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii* [Problems and Development Perspectives of Education in Russia], 33, 32–35.
- GOST 2601-74. (1976). Svarka metallov. Osnovnye ponyatiya. Terminy i opredeleniya. Vzamen GOST 2601-44; vved. 30.01.74. [Welding of metals. Basic concepts. Terms and definitions]. *Svarka, payka i termicheskaya rezka metallov* [Welding, Soldering and Thermal Cutting of Metals], (pp. 8–46). Moscow : State standrd USSR: Standarts Publishing.
- GOST 2601-84. (1984). *Svarka metallov. Terminy i opredeleniya osnovnykh ponyatiy* [Welding of metals. Terms and definitions of basic concepts]. Moscow : State standrd USSR: Standarts Publishing.
- GOST 19521-74. (1976). Svarka metallov. Klassifikatsiya. Vved. 18.02.74 [Welding of metals. Classification. Introduced 18.02.74]. *Svarka, payka i termicheskaya rezka metallov. Ch. 1. Terminologiya, klassifikatsiya i oborudovanie* [Welding, soldering and thermal cutting of metals. Part 1. Terminology, classification and equipment]. Moscow : State standrd USSR: Standarts Publishing.
- GOST 2601-44. (1967). *Svarka metallov. Terminologiya. Vved. 31.07.44* [Welding of metals. Terminology. Introduction]. Moscow : State standrd USSR: Standarts Publishing.
- Grinev-Griniewicz, S. V. (2011). O terminologicheskikh aspektakh nauchno-tekhnicheskogo perevoda [Terminological aspects of scientific and technical translation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 6 (2), 74–78.
- Grinev-Griniewicz, S. V., Sorokina, E. A. (2020). Opyt opisaniya formal'noy struktury termina (na materiale angliyskoy termino-logii leksikologii) [Describing the formal structure of a term (based on the English terminology of lexicology)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 5, 74–85.
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V. (2014). Avtomaticheskoe vyyavlenie terminologicheskikh slovosochetaniy [Automatic extracting of terminological phrases]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics], 10, 182–200.
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V. (2012). Avtomaticheskoe izvlechenie ter-minov iz spetsial'nykh tekstov s ispol'zovaniem distributivno-statisticheskogo metoda kak instrument sozdaniya tezaurusov [Automatic term extraction and statistical analysis in a special text corpus as a tool for thesaurus construction]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics], 9, 222–233.
- Zolotyh, V. T. (1967). *Anglo-russkiy slovar' po svarochnomu proizvodstvu* [English-Russian dictionary of welding production]. 2nd edn., reprinted with addenda. Moscow : The Soviet Encyclopedia Press.
- Kruzhkov, M. G. (2015). Informatsionnye resursy kontrastivnykh lingvisticheskikh issledovaniy: elektronnye korpusa tekstov [Information resources for contrastive studies: Electronic text corpora]. *Sistemy i sredstva informatiki* [Systems and Means of Informatics], 25 (2), 140–159.
- Kulik, T. A. (1974). Slovar'-spravochnik po svarke [Welding Reference Dictionary]. Kiev : Naukova dumka Press.
- Leychik, V. M. (1994). Iskhodnye ponyatiya, osnovnye polozheniya, opredeleniya sovremennogo terminovedeniya i terminografii [Original concepts, basic provisions, definitions of modern

- terminology and terminology]. *Vestnik Khar'kovskogo politekhnicheskogo universiteta* [Herald of Kharkov Politechnical Institute], 1, 147–180.
- Leychik, V. M. (1986). O yazykovom substrate termina [About the language substrate of the term]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 5, 87–97.
- Leychik, V. M. (1981). Optimal'naya dlinna i struktura termina [Optimal length and structure of the term]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 63–73.
- Lesnikov, S. V. (2019). Vidy razmetok tekstovykh korpusov russkogo yazyka [The types of marking of text corpora of the russian language]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Automatic Documentation and Mathematical Linguistics], 9, 27–30.
- Lotte, D. S. (1961). Basics of building scientific and technical terminology. Moscow : USSR Academy of Sciences Publishing.
- Nagel, O. V. (2008). Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuteri-zirovannom yazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computer-based language teaching]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 4, 53–59.
- Nikolaeva, N. S. (2015). *Obuchenie chteniyu literatury na angliyskom yazyke po special'nosti «Svarochnoe proizvodstvo»: leksicheskiy spravochnik* [Teaching to read English texts in "Welding production": vocabulary reference]. Moscow : Moscow State Technical University named after N. E. Bauman.
- Nikolaeva, N. S. (2013). Osobennosti nachal'nogo etapa v formirovanii terminologii (donauchnyy i protonauchnyy periody) [Peculiarities of the initial stage in the formation of the terminology (The prescientific and protoscientific periods)]. *Gumanitarnyy vestnik* [Herald in Humanities]. Retrieved October 10, 2020 from <<http://hmbul.bmstu.ru/catalog/pedagog/engped/87.html>>.
- Nikolaeva, N. S. (2011). Osobennosti proiskhozhdeniya osnovnykh terminov terminosistemy «Svarka» (na materiale angliyskoy i russkoy terminologii) [Peculiarities of origin of the basic terms of the "Welding" system (Based on English and Russian terminology)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Herald of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 1, 132–138.
- Baker, M. (2000). Corpora in Translation Studies. An Overview and Some Suggestions for Future Research. *Target*, 7 (2), 223–243.
- Butenko, I. I., Sidnyaev, N. I., Bolotova, E. E. Formal Grammar Theory in Recognition Methods of Unknown Objects. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 54 (4), 215–225.
- Cordovi, M. A. (1944). *Glossary of Foreign Welding Terms*. Comp. by M. A. Cordovi. New York : American Welding Society.
- Mackenzie, L. B. (1951). *The Welding Encyclopedia*. Completely rev. and re-ed by T. B. Jefferson. 13th edn. New York : McGraw-Hill.
- Terms and Definitions (1969). *Terms and Definitions. AWS A 3.0-69*. Prep. by AWS Com. On definitions and symbols. Under the dir. of AWS Technical activities com. New York : American Welding Society.
- Welding (1976). *Welding handbook. Fundamentals of welding*. 7th edn. Vol. 1. Miami, Florida : American Welding Society.

Гордеев Сергей Витальевич^{1,2}

¹Национальный исследовательский Томский политехнический университет
г. Томск, Российская Федерация

²Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика
gordeev-sergei@inbox.ru

Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки

Аннотация

Цель исследования – описание качественных и оценочных признаков современной языковой ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР с участием русского языка, являющегося единственным функционирующим там славянским языком. Материалом для анализа, изучавшимся посредством методов эмпирического и теоретического исследования, выступают исторические и лингвистические источники по теме, значительная часть которых содержит информацию о различных этнических группах, языках мира, их взаимосвязях, представленных в современном Синьцзяне. Кроме того, был получен опыт наблюдения языковой ситуации в ходе научно-исследовательской экспедиции в Синьцзяне в 2018 г. В результате исследования были определены лингвистический характер идиомов, их структурно-генетические отношения, выявлены функциональная неравнозначность идиомов, характер доминирующих идиомов в государственном масштабе и установлены оценочные признаки современной языковой ситуации в Синьцзяне. Современная языковая ситуация в Синьцзяне является гетерогенной и гетероморфной, гомогенной и гомоморфной, гетерогенной и гомоморфной, многоязычной. Языки национальных меньшинств современного Синьцзяна свободно используются на территории автономного района, а китайский и уйгурский языки выступают доминирующими металектами.

Ключевые слова: русский язык в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), языковая ситуация, генетическая характеристика языков, типологическая характеристика языков, многонациональность, идиом

© Гордеев С. В. 2022

Для цитирования: Гордеев С. В. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 32–48. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_32

Sergey V. Gordeev^{1,2}

¹National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

²Heihe University, Heihe, People's Republic of China
gordeev-sergei@inbox.ru

The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: qualitative and estimated characteristics

Abstract

This study aims to describe qualitative and evaluative features of the present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China whose integral part is Russian – the only Slavic language functioning there. Empirical and theoretical research methods were applied to the material which comprised historical and

linguistic sources on the topic whose significant part contains information about various ethnic groups, languages of the world, their relationship represented in modern Xinjiang. In addition, the experience of observing the language situation during the research expedition in Xinjiang in 2018 was used. As a result, the idioms' linguistic nature, their structural and genetic relationships were determined, the functional inequality of idioms, the nature of the dominant idioms on a national scale were revealed, and evaluative features of the present language situation in Xinjiang were established. It was discovered that the present language situation in Xinjiang can be characterized as heterogeneous and heteromorphous, homogeneous and homomorphous, heterogeneous and homomorphous, multilingual. The national minority languages of modern Xinjiang are freely used in the autonomous region together with the dominant Chinese and Uyghur.

Keywords: Russian language in Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR), language situation, genetic characteristic of languages, typological characteristic of languages, multinationality, idiom

© Gordeev S. V. 2022

For citation: Gordeev, S. V. (2022). *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom okruge (KNR) s uchastiem russkogo yazyka: kachestvennye i otsenochnye priznaki* [The present language situation in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: qualitative and estimated characteristics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 32–48. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_32

1. Введение [Introduction]

Синьцзян – самый крупный и многонациональный автономный район Китайской Народной Республики (КНР), этническая и языковая пестрота которого обусловила, несомненно, одну из самых необыкновенных и интересных языковых ситуаций не только в Китае, но и во всём мире на сегодняшний день [Латифов Джура, 2018, с. 36 ; Краев, 2015 ; Вервекина, 2014, с. 513]. По данным правительства Синьцзяна, или Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), там проживает 55 этнических групп, составивших в 2014 г. более 22 млн. чел. [Народное правительство..., 2019].

Описание языковых ситуаций, в частности в поликультурных обществах, имеет большое значение для целостного типологического описания языковых ситуаций, что является одной из главных и актуальных задач социолингвистики [Швейцер, Никольский, 1978, с. 102]. Это способствует более глубокому пониманию языковой жизни различных этносов, в которых осуществляется взаимосвязь культур и языков, что, в свою очередь, может повысить качество межкультурной и межличностной коммуникации [Огдонова, 2009, с. 106 ; Шхумишхова, 2014, с. 122]. Кроме того, изучение количественных, качественных и оценочных (эстимационных) признаков языковых ситуаций позволяет прогнозировать развитие языков в полиэтнических регионах, осуществлять рациональный выбор языковой политики и формировать толерантное общество в целом [Щеглова, 2017, с. 172 ; Медведенко, 2008, с. 59 ; Искужина, 2017, с. 194]. Языковая ситуация традиционно понимается как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов, 2008, с. 5693]. Различные языковые ситуации могут быть описаны в виде определённой схемы, включающей характеристику количественных, качественных и оценочных (эстимационных) признаков, что даёт возможность строить типологию языковых ситуаций [Там же].

Современная языковая ситуация в СУАР представляет собой действительно одну из уникальнейших и интереснейших не только потому, что Синьцзян – самый многонациональный район КНР, но и поскольку там проживает бóльшая часть русскоязычного населения (ок. 12000 чел.) по сравнению с другими регионами Китая, что вызывает у

нас особый интерес [Ван, 2017, с. 167]. Безусловно, необычайное своеобразие современной языковой ситуации в Синьцзяне подтверждают и выделенные нами в предыдущем исследовании её количественные признаки: 1) **поликомпонентность**, так как рассматриваемая языковая ситуация в СУАР содержит большое количество идиомов с позиции экзоглоссии и эндоглоссии; 2) **разномощность** по демографической мощности идиомов, поскольку численный состав носителей каждого идиома различен; 3) **неравновесность** по коммуникативной мощности идиомов, так как число коммуникативных сфер, обслуживаемых определёнными идиомами, не является одинаковым; 4) **многополюсность** вследствие наличия в Синьцзяне нескольких функционально доминирующих идиомов [Гордеев, Оглезнева, 2020, с. 29–42].

Объектом исследования в настоящей статье является современная языковая ситуация в СУАР, предметом исследования – её качественные и оценочные признаки. Предпримем попытку описать качественную и оценочную (эстимационную) стороны современной языковой ситуации в Синьцзяне, основываясь не только на различных лингвистических и исторических источниках, но и на опыте наблюдения языковой ситуации, полученном в ходе научно-исследовательской экспедиции в Синьцзян, в г. Инин (Кульджа) и Урумчи в июле 2018 г.

2. Качественные признаки современной языковой ситуации в СУАР [Qualitative features of the present language situation in the XUAR]

Среди качественных признаков языковых ситуаций выделяются следующие: лингвистический характер идиомов, входящих в языковую ситуацию; структурно-генетические отношения между идиомами; функциональная равнозначность / неравнозначность идиомов; характер доминирующего идиома (металекта) в государственном масштабе [Виноградов, 2008, с. 5693, 5695–5697; Оглезнева, 2012, с. 113–115]. Проанализируем названные качественные характеристики рассматриваемой языковой ситуации.

2.1. Лингвистический характер идиомов, входящих в языковую ситуацию [Linguistic nature of idioms included in the language situation]

По данному показателю современная языковая ситуация в Синьцзяне является **многоязычной**, поскольку в данном регионе Китая говорят как минимум на 53 языках, функционирующих в разных своих подсистемах. Назовём языки современного Синьцзяна, об использовании которых нам достоверно известно из исторических, лингвистических и документальных источников: монгольский, китайский, тибетский, уйгурский, чжуанский, корейский, казахский, дайский, шуйский, дунсянский, киргизский, монгорский, даурский, цянский, саларский, сибинский, ачанский, ваханский, сарыкольский, узбекский, русский, эвенкийский, баоаньский, сарыг-югурский, вьетнамский, татарский, нанайский, тайваньский¹; а также языки: мяо, и, буи, дун, яо, бай, туцзя, хани, ли, лису, ва, шэ, лаху, наси, мулао, булан, маонань, гэлао, пуми, ну, палаунг, дулун, мэньба, лоба, цзино (итого 53 языка).

2.2. Структурно-генетические отношения между идиомами [Structural and genetic relationships between idioms]

По этому критерию современная языковая ситуация в СУАР характеризуется как неоднородная в связи с многонациональностью и соответственно функционированием большого количества различных по генетической и типологической отнесенности языков в данном регионе Китая. Представим данные, демонстрирующие структурно-генетические характеристики идиомов Синьцзяна (табл. 1).

¹ Не исключено использование на территории СУАР более чем одного из тайваньских языков народностью гаошань, объединяющей несколько племенных групп о. Тайвань.

Т а б л и ц а 1. Генетическая и типологическая характеристики языков в СУАР
 [T a b l e 1. Genetic and typological features of the languages functioning in the XUAR]

№.№	Язык	Языковая ветвь / группа / подгруппа	Языковая семья	Параметр хар-ки
1	Нанайский ¹	Группа тунгусо-маньчжурских языков / ¹ амурская (нанайская) ветвь, ² маньчжурская (южная) ветвь, ³ сибирская (северная) ветвь	Алтайская (гипотетическая)	Агглютинирующий (агглютинативный)
2	Сибирский ²			
3	Эвенкийский ³			
4	Сарыг-югурский (жёлтые уйгуры, югуры или юйгу)	Группа тюркских языков		
5	Корейский	Изолированный		
6	Баоаньский	Маргинальный язык монгольской группы языков		
7	Даурский (дагурский, дахурский)			
8	Дунсянский			
9	Монгорский (народность ту)			
10	Саларский	Огузская группа тюркских языков		
11	Монгольский	Основной язык монгольской группы языков		
12	Казахский	Северо-западная (кыпчакская) группа тюркских языков (схема классификации А.Н. Самойловича)		
13	Киргизский			
14	Татарский			
15	Узбекский	Юго-восточная группа тюркских языков (схема классификации А.Н. Самойловича)		
16	Уйгурский (новоуйгурский)			
17	Вьетнамский	Группа вьетмыонгских языков (вьетнамский мыонг)	Аустроазиатская (австроазиатская)	Изолирующий (аморфный)
18	Булан	Группа мон-кхмерских языков / северные языки / группа палаунг (палаунг-ва)		
19	Палаунг (палаун)			
20	Ва			
21	Мяо	Малоизученная группа мяо-яо (хмонг-мьен языки)	Не определено / обычно считают самостоятельной семьей	
22	Шэ			
23	Яо			
24	Китайский	Китайская ветвь	Сино-тибетская (китайско-тибетская)	
25	Дулун	Тибето-бирманская ветвь		
26	Лоба			
27	Мэньба			
28	Ну (нусу)			
29	Пуми			
30	Туцзя			

Окончание таблицы 1

№№	Язык	Языковая ветвь / группа / подгруппа	Языковая семья	Параметр хар-ки	
31	Бай	Тибето-бирманская ветвь (обычно считается) или, возможно, китайская ветвь (не доказано)	Сино-тибетская (китайско-тибетская)		
32	Ачанский (язык ачан)	Тибето-бирманская ветвь / лоло-бирманская группа			
33	Цзино				
34	И	Тибето-бирманская ветвь / лоло-бирманская группа / подгруппа лоло			
35	Лаху				
36	Лису				
37	Хани				
38	Наси	Тибето-бирманская ветвь / лоло-бирманская группа / подгруппа наси			
39	Тибетский	Тибето-бирманская ветвь / тибетская группа			
40	Цянский (язык цян)	Тибето-бирманская ветвь / цянская группа			
41	Буи	Северная подгруппа тайских языков	Тайская	Изолирующий (аморфный)	
42	Чжуанский	Северная подгруппа тайских языков (северные диалекты чж. яз.); Центральная подгруппа тайских языков (южные диалекты чж. яз.)			
43	Дайский	Юго-западная подгруппа тайских языков (неточно)			
44	Ли	Группа тайских языков или входит в состав тай-кадайских языков (по другим данным); ли относят также к кадайской группе языков			Тайская или тай-кадайская (по другим данным)
45	Дун	Дун-шуйская группа тайских языков или дун-шуйская группа тай-кадайских языков (по другим данным)			Тайская или тай-кадайская (по другим данным)
46	Маонань				
47	Мулао				
48	Шуйский (язык шуй, суй)				
49	Гэлао	Кадайская группа тайских языков или кадайская группа тай-кадайских языков (по другим данным)			
50	Тайваньский (формозский) (народность гаошань – аборигены Тайваня). Один или, возможно, несколько языков	Атаяльская, цоуская, паиванская ветви (схема классификации Р. Бласта)	Австронезийская	Основоизолирующий префиксально-суффиксальный	
51	Ваханский (памирские таджики)	Индоиранская ветвь / иранская группа / группа памирских языков	Индоевропейская	Флективный (фузионный)	
52	Сарькольский (памирские таджики)				
53	Русский	Славянская ветвь / восточнославянская группа			

Данные приведённой таблицы позволяют охарактеризовать современную языковую ситуацию в СУАР следующим образом. С одной стороны, она *гетерогенная* и *гетероморфная*: в исследуемом регионе Китая бытуют неродственные и типологически несходные языки. Так, *изолирующие языки* и, бай, туцзя, хани, лису, лаху, наси, пуми, ну, дулун, мэньба, лоба, цзино и китайский, тибетский, цянский, ачанский языки входят в китайско-тибетскую языковую семью [Сольнцев, 2008, с. 2041 ; Яхонтов, 2008 а, с. 2051–2053 ; Яхонтов, 2008 б, с. 2500–2502 ; Яхонтов, 2008 г, с. 4700, 4702–4703 ; Языковые семьи народностей Китая, 2021 ; Решетов, 2021 ; Национальность ну, 2021 ; Китай - Национальность Дулун, 2021]. В свою очередь, *агглютинирующие* монгольский, уйгурский, корейский, казахский, дунсянский, киргизский, монгорский, даурский, саларский, сибирский, узбекский, эвенкийский, баоаньский, сарыг-югурский, татарский, нанайский языки по одной из наиболее распространённых гипотез относятся к алтайской семье языков [Кормушин, 2008 а, с. 235 ; Кормушин, 2008 б, с. 2919 ; Мусаев, 2008, с. 1898 ; Лебедева, 2008, с. 2016 ; Концевич, 2008, с. 2185–2186, 2188 ; Санжеев, 2008, с. 2775 ; Швернина, 2008, с. 2781 ; Тенишев, 2008, с. 3992 ; Исхакова, 2008, 4662 ; Хелимский, 2008 а, с. 4822–4823, 4825 ; Гаджиева, 2008, с. 4862–4865, 4867 ; Ковшова, 2008, с. 4906 ; Офросимова-Серова, 2008, с. 4911 ; Хелимский, 2008 б, с. 5450 ; Грунтов, 2021 ; Реформатский, 2001 а]. *Флективные* ваханский, сарыкольский и русский, будучи единственным славянским языком в СУАР, принадлежат к индоевропейской языковой семье [Эдельман, 2008 а, с. 1800–1801 ; Эдельман, 2008 б, с. 3320–3321 ; Иванов, 2008, с. 796 ; Бернштейн, 2008, с. 4242–4243 ; Филин, 2008, с. 3947]. Нельзя не отметить, что один из тайваньских языков, функционирующий в СУАР, языков основоизолирующих префиксально-суффиксального типа, причисляется к австронезийской семье языков, дополняя языковую неоднородность Синьцзяна [Горбунова, 2021 ; Арутюнов, 2021 ; Аракин, 1965 ; Беликов и др., 2008, с. 88 ; Лекомцев, 2008, с. 461].

С другой стороны, исследуемая языковая ситуация в Синьцзяне определяется как *гомогенная* и *гомоморфная*. Все рассмотренные языки внутри своих языковых семей – китайско-тибетской, алтайской, индоевропейской, австронезийской (при наличии нескольких тайваньских языков) – схожи как генетически, так и типологически.

Необходимо добавить, что описываемая языковая ситуация также является *гетерогенной* и *гомоморфной*: на территории Синьцзяна используются морфологически сходные, но разные по своему происхождению языки. Так, языки *китайско-тибетской языковой семьи* (китайский, тибетский, цянский, ачанский, и, бай, туцзя, хани, лису, лаху, наси, пуми, ну, дулун, мэньба, лоба, цзино) сосуществуют с языками *аустроазиатской* (ва, булан, палаунг, вьетнамский), *тайской* (чжуанский, дайский, буи, ли, дун, шуй, мулао, маонань, гэлао²) и *мяо-яо* (мяо, яо, шэ) языковых семей. Все они тождественны по типологии и относятся к *изолирующим* [Ефимов, 2008, с. 2786–2787 ; Лекомцев, 2008, с. 458–459 ; Самарина, 2021 а ; Соколовская, 2008, с. 826 ; Гохман, 2008, с. 4626–4627 ; Дун-шуйские языки, 2010 ; Москалев, 2008, с. 5364 ; Солнцева, 2008, с. 1882–1883 ; Реформатский, 2001 б ; Тай-кадайские языки, 2021 ; Реформатский, 2001 в ; Самарина, 2021 б ; Яхонтов, 2008 в, с. 2895].

Таким образом, мы наблюдаем редкое и необычайно разнообразное сочетание большого количества сосуществующих друг с другом языков современного Синьцзяна, языков как различных, так и схожих генетически и типологически.

² Языки ли, дун, шуй, мулао, маонань, гэлао по некоторым данным относятся к тай-кадайской языковой семье [Тай-кадайские языки, 2021 ; Языковые семьи и языковые группы языков, 2021].

2.3. Функциональная равнозначность или неравнозначность идиомов [Functional equality or inequality of idioms]

Данный признак связан с официальным коммуникативным статусом языковых образований (идиомов), вследствие чего выделяются гармоничные и дисгармоничные языковые ситуации [Виноградов, 2008, с. 5695–5696].

Современная языковая ситуация в СУАР может быть охарактеризована как *дисгармоничная*: в исследуемом автономном районе функционируют разные по статусу языки, большинство из которых не имеют официального статуса. Однако уйгурский, китайский языки, а также языки автономных округов Синьцзяна – Или-Казахского, Кызылсу-Киргизского, Баянгол-Монгольского, Боро-Тала-Монгольского – казахский, киргизский, монгольский языки являются официальными, используясь местными органами в законодательстве, судопроизводстве и делопроизводстве. При этом в Синьцзяне китайский язык имеет статус государственного языка, выступая в качестве символа КНР, а уйгурский язык – титульного, так как его название соотносится с именем этнической общности, по которому назван Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в качестве одной из его административно-территориальных единиц [Гордеев, Оглезнева, 2020, с. 31–33 ; Капицын, Ван, 2013, с. 113 ; Цзяньган, 2016, с. 37 ; Уйгурский язык, 2019].

Анализируя современную языковую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, представляющем собой национально-государственное образование КНР, следует отметить, что доминирующими в государственном масштабе металектами выступают *2 местных идиома – китайский язык*, доминирующий во всём Китае, в том числе и в Синьцзяне, и *уйгурский язык*, функционировавший на территории Синьцзяна ещё до образования КНР.

3. Оценочные признаки современной языковой ситуации в СУАР [Estimated characteristics of the present language situation in the XUAR]

При описании языковой ситуации существенное значение имеют оценочные признаки, касающиеся как внутренней оценки идиомов – оценки исконными носителями языков, так и внешней оценки идиомов – оценки носителями других языков в плане эстетичности, коммуникативной пригодности, культурной престижности и т.д. [Виноградов, 2008, с. 5696].

Отметим, что политика центрального правительства КНР направлена как на поддержку и развитие всех этнических групп современного Китая, так и на государственную защиту и сохранение их культуры и языков. Данные Конституции КНР свидетельствуют о том, что все народы Китая имеют право на свободное использование, изучение и развитие своих языков в устной и в письменной формах [Цзяньган, 2016, с. 37–38 ; Новичков, 2017, с. 119]. В связи с этим одной из первостепенных задач правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района является развитие дружественных и доверительных взаимоотношений между большим разнообразием народов, сосуществующих в данном регионе Китая, что, согласно официальной политике, должно определять прогресс и процветание всего автономного района КНР [Развитие и прогресс Синьцзяна, 2009].

Согласно китайскому информационному Интернет-центру, современный Синьцзян – богатейший по числу народностей и количеству функционирующих языков регион Китая, в котором, несмотря на это, отсутствуют языковые конфликты и бытуют толерантные межнациональные отношения. Народы СУАР стремятся сохранить свою культуру и язык, живут в согласии друг с другом и уважительно относятся к языкам и культуре других национальностей [Там же]. Стоит добавить, что, по данным преподавателя одного из ведущих университетов Синьцзяна, полученным в 2007 г. в ходе анкети-

рования 371 уйгура в г. Инине, Урумчи, Хами, Артуш, опрошенные представители титульной нации СУАР положительно относятся не только к китайскому языку, считая владение им полезным, но и к языкам других национальностей Синьцзяна [Чжао, 2012, с. 174, 177].

В настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе не существует запрета на использование языков населяющих его национальностей. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1) наряду с китайским языком уйгурский язык, а также казахский, монгольский и киргизский языки, языки автономных округов Синьцзяна, используются в законодательстве, делопроизводстве и судопроизводстве, обладая официальным статусом [Биткеева, Голик, 2015, с. 110 ; Гордеев, Оглезнева, 2020, с. 31–33].

2) некоторые этнические группы Синьцзяна (уйгуры, казахи, киргизы, монголы, сибо, русские и, возможно, некот. др.) имеют возможность получить начальное образование на родном языке [Капицын, Ван, 2013, с. 114 ; Клиновский, 2012, с. 141]. Что касается русского языка, то в г. Инине до настоящего времени продолжает существовать, по-видимому, единственная во всём Синьцзяне школа, где изучается русский язык, который преподаётся как иностранный. Школа носит название начальной двенадцатой средней школы [Гордеев, 2019, с. 86].

3) этнические группы, проживающие на территории Синьцзяна, вправе свободно осуществлять свою религиозную деятельность на родном для них языке, посещать собственные духовные центры, являющиеся своеобразным местом их сближения, сплочения и общения. На сегодняшний день в СУАР имеются католические, протестантские церкви, ламаистские храмы, православные церкви (в г. Инине и Урумчи), а также огромное количество мечетей (ок. 24100) вследствие исповедования большей частью населения Синьцзяна ислама [Мэн, 2018, с. 281 ; Капицын, Ван, 2013, с. 114]. Следует подчеркнуть, что в Синьцзяне к 2014 г. было издано и распространено более 1 млн. экземпляров религиозной литературы, представляющей труды ислама, буддизма и христианства, для различных национальностей на уйгурском языке, китайском, казахском, киргизском и некот. др. языках [Слободина, 2012, с. 135 ; Цзяньган, 2016, с. 39].

4) свободное использование родных языков, о чем свидетельствует, например, возможность непосредственного общения с одним из официально признанных народов Синьцзян-Уйгурского автономного района – русскими, представленными в настоящее время как метисами, так и «чистокровными» русскими, во время научно-исследовательской экспедиции с участием автора в г. Урумчи и Инин СУАР в июле 2018 г. Беседы с информантами проводились в различных местах: на улицах г. Инина и Урумчи, в семьях русских и их потомков, так называемом «русском» квартале г. Инина, магазинах г. Урумчи, мастерской, музее музыкальных инструментов, русской пекарне, православной церкви, русском кладбище, автобусах, такси, дунганских и уйгурских ресторанах и др. местах. Результаты проведённых бесед с 15 информантами в различных местах г. Инина и Урумчи показали отсутствие запрета на использование русского языка в Синьцзяне, а также толерантное и дружественное отношение как русскоязычного населения к другим этносам и их языкам, так и других этносов к русским и их потомкам и русскому языку на территории автономного района.

4. Заключение [Conclusion]

Итак, проанализировав современную языковую ситуацию Синьцзян-Уйгурского автономного района, необходимо отметить её особую уникальность, проявляющуюся в неповторимом сочетании качественных и оценочных (эстимационных) признаков, позволяющих заключить следующее:

1. По лингвистическому характеру идиомов, входящих в современную языковую ситуацию СУАР, она является многоязычной.

2. По структурно-генетическим отношениям между идиомами анализируемая языковая ситуация в разных своих аспектах может быть охарактеризована как гетерогенная и гетероморфная, гомогенная и гомоморфная, гетерогенная и гомоморфная.

3. По функциональной равнозначности / неравнозначности идиомов исследуемую языковую ситуацию можно определить как дисгармоничную.

4. Два местных идиома – китайский и уйгурский языки – выступают доминирующими металектами в государственном масштабе.

5. В современном Синьцзяне проживают 55 этнических общностей, говорящих на 53 языках, для которых отсутствует дискриминация по расе, национальности, вероисповеданию, языку и бытуют толерантные межнациональные отношения. Для каждой этнической общности родной язык имеет особую ценность, являясь носителем истории, культуры, традиций, а также инструментом общения внутри этнической группы в многомиллионном и многонациональном Синьцзяне. Немаловажную роль в сохранении, защите и развитии синьцзянских народов и их языков играет правительство СУАР, на официальном уровне поддерживая этническую самоидентификацию каждой нации.

Библиографический список

- Аракин, 1965 – Аракин В. Д. Индонезийские языки // Большая советская энциклопедия. 1965. URL : [https://rus-bse.slovaronline.com/29829-Индонезийские языки](https://rus-bse.slovaronline.com/29829-Индонезийские_языки) (дата обращения : 20.03.2021).
- Арутюнов, 2021 – Арутюнов С. А. Гаошань // Большая советская энциклопедия. URL : <https://rus-bse.slovaronline.com/16934-Гаошань> (дата обращения : 20.03.2021).
- Беликов и др., 2008 – Беликов В. И., Сирк Ю. Х., Хелимский Е. А. Австронезийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Бернштейн, 2008 – Бернштейн С. Б. Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Биткеева, Голик, 2015 – Биткеева А. Н., Голик М. Я. Языки Китая: социолингвистический портрет // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 107–112.
- Ван, 2017 – Ван Ц. Векторы современного этносоциального и этнокультурного развития уйгур Синьцзян-Уйгурского автономного района // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 166–177.
- Вервекина, 2014 – Вервекина Е. А. Миграция русских в СУАР (КНР): исторические аспекты и современное состояние // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 513–515.
- Виноградов, 2008 – Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Гаджиева, 2008 – Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Горбунова, 2021 – Горбунова И. М. Тайваньские языки // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/linguistics/text/4179396> (дата обращения : 06.02.2021).
- Гордеев, 2019 – Гордеев С. В. Русскоязычное население и сферы использования русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (середина XIX – начало XXI века) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 80–92.
- Гордеев, Оглезнева, 2020 – Гордеев С. В., Оглезнева Е. А. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 29–42.

- Гохман, 2008 – Гохман В. И. Тайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Грунтов, 2021 – Грунтов И. А. Монгольские языки // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2226901> (дата обращения: 09.02.2021).
- Дун-шуйские языки, 2010 – Дун-шуйские языки // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/908410> (дата обращения: 06.02.2021).
- Ефимов, 2008 – Ефимов А. Ю. Мон-кхмерские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Иванов, 2008 – Иванов В. В. Восточнославянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Искужина, 2017 – Искужина Н. Г. Языковая ситуация в республике Башкортостан на современном этапе // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 194–199.
- Исхакова, 2008 – Исхакова Х. Ф. Татарский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Капицын, Ван, 2013 – Капицын В. М., Ван Я. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars Administrandi*. 2013. № 3. С. 107–117.
- Китай – Национальность Дулун, 2021 – Китай - Национальность Дулун // Удивительный Китай. URL: <http://china.kulichki.net/figures/nationality/012.shtml> (дата обращения: 11.02.2021).
- Клиновский, 2012 – Клиновский В. А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 140–143.
- Ковшова, 2008 – Ковшова А. А. Узбекский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Концевич, 2008 – Концевич Л. Р. Корейский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Кормушин, 2008 а – Кормушин И. В. Алтайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Кормушин, 2008 б – Кормушин И. В. Нанайский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Краев, 2015 – Краев В. Русский дух в Синьцзяне: почему «другой Китай» помнит СССР и открыт современной России // Центр Льва Гумилёва. Невские новости. 2015. URL: <http://www.gumilev-center.ru/russkijj-duxh-v-sinczyane-pochemu-drugojj-kitajj-pomnit-sssr-i-otkryt-segodnyashnejj-rossii/> (дата обращения: 26.01.2020).
- Латифов Джура, 2018 – Латифов Джура Русские в Синьцзяне: несбывшиеся мечты // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 2. С. 36–41.
- Лебедева, 2008 – Лебедева Л. И. Киргизский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Лекомцев, 2008 – Лекомцев Ю. К. Аустроазиатские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Медведенко, 2008 – Медведенко А. А. Языковая ситуация в Южном федеральном округе и проблемы культурно-образовательного пространства полиэтнического региона // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2008. № 11. С. 57–66.

- Москалев, 2008 – Москалев А. А. Чжуанский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Мусаев, 2008 – Мусаев К. М. Казахский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Мэн, 2018 – Мэн С. Современное состояние китайских мусульман // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. № 3 (30). С. 278–288.
- Национальность ну, 2021 – Национальность ну. URL : <http://russian.china.org.cn/russian/32411.htm> (дата обращения : 10.02.2021).
- Новичков, 2017 – Новичков В. С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 116–122.
- Огдонова, 2009 – Огдонова Ц. Ц. Научно-методологическое обоснование понятия «лингвокультурное пространство» в контексте изучения языковой ситуации // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 2. С. 106–109.
- Оглезнева, 2012 – Оглезнева Е. А. Русский Харбин как многонациональный и многоязычный центр в XX в. : качественная и оценочная характеристика языковой ситуации // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 51. С. 112–116.
- Офросимова-Серова, 2008 – Офросимова-Серова Л. Г. Уйгурский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Развитие и прогресс Синьцзяна, 2009 – Развитие и прогресс Синьцзяна. URL : http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062512_6.htm (дата обращения: 20.11.2019).
- Реформатский, 2001 а – Реформатский А. А. Введение в языковедение. Генеалогическая классификация языков. Алтайские языки. Тюркские языки. М. : Просвещение, 1967. Дополнения – по 5-ому изд. : М. : Аспект-Пресс, 2001. URL : http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41 (дата обращения: 25.03.2021).
- Реформатский, 2001 б – Реформатский А. А. Введение в языковедение. Генеалогическая классификация языков. Тайские языки. М. : Просвещение, 1967. Дополнения – по 5-ому изд. : М. : Аспект-Пресс, 2001. URL : http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41 (дата обращения: 25.03.2021).
- Реформатский, 2001 в – Реформатский А. А. Введение в языковедение. Генеалогическая классификация языков. Языки мяо-яо. М. : Просвещение, 1967. Дополнения – по 5-ому изд. : М. : Аспект-Пресс, 2001. URL : http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41 (дата обращения: 25.03.2021).
- Решетов, 2021 – Решетов А. М. Бай // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/ethnology/text/1845750> (дата обращения: 08.02.2021).
- Самарина, 2021 а – Самарина И. В. Мон-кхмерские языки // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/linguistics/text/2227397> (дата обращения: 05.02.2021).
- Самарина, 2021 б – Самарина И. В. Хмонг-мьен языки // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/linguistics/text/4694846> (дата обращения: 08.02.2021).
- Санжеев, 2008 – Санжеев Г. Д. Монгольские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Слободина, 2012 – Слободина, Е. С. Этнополитическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в конце XX – начале XXI веков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы 2-й междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2012. С. 134–136.
- Соколовская, 2008 – Соколовская Н. К. Вьетнамский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).

- Солнцев, 2008 – Солнцев В. М. Китайский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Солнцева, 2008 – Солнцева Н. В. Кадайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Тай-кадайские языки, 2021 – Тай-кадайские языки // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/linguistics/text/4179484> (дата обращения : 06.02.2021).
- Тенишев, 2008 – Тенишев Э. Р. Сарыг-югурский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Уйгурский язык, 2019 – Уйгурский язык // ru.knowledgr.com новые знания! URL : <http://ru.knowledgr.com/00222333/УйгурскийЯзык> (дата обращения : 23.11.2019).
- Филин, 2008 – Филин Ф. П. Русский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Хелимский, 2008 а – Хелимский Е. А. Тунгусо-маньчжурские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Хелимский, 2008 б – Хелимский Е. А. Эвенкийский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Цзяньган, 2016 – Цзяньган В. Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 27–53.
- Чжао, 2012 – Чжао П. Двухязычное обучение в Синьцзяне и его влияние на язык и культуру национальных меньшинств // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. № 10. С. 174–178.
- Швейцер, Никольский, 1978 – Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.
- Шевернина, 2008 – Шевернина З. В. Монгольский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Шхумишхова, 2014 – Шхумишхова А. Р. Языковая ситуация и языковая политика в современном поликультурном обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 122–126.
- Щеглова, 2017 – Щеглова И. В. Языковая ситуация: определение понятия, пути изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–1 (74). С. 172–175.
- Эдельман, 2008 а – Эдельман Д. И. Иранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Эдельман, 2008 б – Эдельман Д. И. Памирские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Языковые семьи и языковые группы языков, 2021 – Языковые семьи и языковые группы языков. Тай-кадайсая языковая семья. 2021. URL : <https://voxbook.ru/stati/publication/yazykovye-semi-i-yazykovye-gruppy-yazykov> (дата обращения: 03.02.2021).
- Языковые семьи народностей Китая, 2021 – Языковые семьи народностей Китая // Удивительный Китай. URL : <http://china.kulichki.net/figures/language/003.shtml> (дата обращения : 03.02.2021).
- Яхонтов, 2008 а – Яхонтов С. Е. Китайско-тибетские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Яхонтов, 2008 б – Яхонтов С. Е. Лоло-бирманские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).

- Яхонтов, 2008 в – Яхонтов С. Е. Мяо-яо языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Яхонтов, 2008 г – Яхонтов С. Е. Тибето-бирманские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с. 1 образ электрон. опт. диска (BD-ROM).
- Народное правительство..., 2019 – 新疆维吾尔自治区人民政府, 2019 – 新疆维吾尔自治区人民政府 [Народное правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая]. URL : <http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html> (дата обращения : 07.12.2019).

References

- Arakin, V. D. (1965). Indonezijskie yazyki [Indonesian languages]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great soviet encyclopedia]. Retrieved March 20, 2021 from <<https://rus-bse.slovaronline.com/29829-Индонезийские языки>>.
- Arutyunov, S. A. (2021). Gaoshan' [Gaoshan]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Retrieved March 20, 2021 from <<https://rus-bse.slovaronline.com/16934-Гаошань>>.
- Belikov, V. I., Sirk, Yu. Kh., Khelimskiy, E. A. (2008). Avstronezijskie yazyki [Austronesian languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Bernshteyn, S. B. (2008). Slavyanskie yazyki [Slavic languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Bitkeeva, A. N., Golik, M. Ya. (2015). Yazyki Kitaya: sotsiolingvisticheskiy portret [Languages of the People's Republic of China: Sociolinguistic Portray]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 6 (69), 107–112.
- Van, Ts. (2017). Vektory sovremennoogo etnosotsial'nogo i etnokul'turnogo razvitiya uygur Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona [Vectors of Contemporary Ethnic, Social, and Cultural Development of the Xinjiang Uyghur]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2, 166–177.
- Vervekina, E. A. (2014). Migratsiya russkikh v SUAR (KNR): istoricheskie aspekty i sovremennoe sostoyanie [The Migration of Russians to the XUAR (PRC): historical aspects and current state]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 20, 513–515.
- Vinogradov, V. A. (2008). Yazykovaya situatsiya [Language situation]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Gadzhieva, N. Z. (2008). Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Gorbunova, I. M. (2021). Tayvan'skie yazyki [Taiwanese languages]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 6, 2021 from <<https://bigenc.ru/linguistics/text/4179396>>.
- Gordeev, S. V. (2019). Russkoyazychnoe naselenie i sfery ispol'zo-vaniya russkogo yazyka v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone Kitaya (seredina XIX – nachalo XXI veka) [The Russian-speaking population and the spheres of the Russian language usage in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (the middle of the XIX - early XXI centuries)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya SmolGU], 4 (48), 80–92.
- Gordeev, S. V., Oglezneva, E. A. (2020). Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom okruge (KNR) s uchastiem russkogo yazyka: kolichestvennye priznaki [The Present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 29–42.

- Gokhman, V. I. (2008). Tayskie yazyki [Thai languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Gruntov, I. A. (2021). Mongol'skie yazyki [Mongolian languages]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 9, 2021 from <<https://bigenc.ru/linguistics/text/2226901>>.
- Dun-shuyskie yazyki [Dong Shui languages] (2010). *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and Encyclopedias on Academician]. Retrieved February 6, 2021 from <<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/908410>>.
- Efimov, A. Yu. (2008). Mon-kkhmerskie yazyki [Mon Khmer languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Ivanov, V. V. (2008). Vostochnoslavyanskies yazyki [East Slavic languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Iskuzhina, N. G. (2017). Yazykovaya situatsiya v respublike Bashkortostan na sovremennom etape [Language situation in Bashkortostan]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 5 (65), 194–199.
- Iskhakova, Kh. F. (2008). Tatarskiy yazyk [Tatar language]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Kapitsyn, V. M., Van, Ya. (2013). Sin'tszyan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya: territorial'noe samoupravlenie i natsional'naya politika [The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy]. *Ars Administrandi* [ARS ADMINISTRANDI], 3, 107–117.
- Kitay – Natsional'nost' Dulun [China – Dulong Nationality] (2021). *Udivitel'nyy Kitay* [Amazing China]. Retrieved February 11, 2021 from <<http://china.kulichki.net/figures/nationality/012.shtml>>.
- Klinovskiy, V. A. (2012). Yazykovaya politika KNR v Sin'tszyane i ee rol' v kitaysko-uygurskom konflikte [The language policy of China in Xinjiang and its role in the Chinese-uyghur Conflict]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2 (18), 140–143.
- Kovshova, A. A. (2008). Uzbekskiy yazyk [Uzbek language]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Kontsevich, L. R. (2008). Koreyskiy yazyk [Korean]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Kormushin, I. V. (2008 a). Altayskie yazyki [Altai languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Kormushin, I. V. (2008 b). Nanayskiy yazyk [Nanai language]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Kraev, V. (2015). Russkiy dukh v Sin'tszyane: pochemu «drugoy Kitay» pomnit SSSR i otkryt segodnyashney Rossii [Russian spirit in Xinjiang: why "another China" remembers the USSR and is open to today's Russia]. *Tsentr L'va Gumileva. Nevskie novosti* [Center of Lev Gumilyov. Nevsky news]. Retrieved January 26, 2020 from <<http://www.gumilev-center.ru/russkijj-dukhn-v-sinczyane-pochemu-drugojj-kitajj-pomnit-sssr-i-otkryt-segodnyashnejj-rossii/>>.
- Latifov Dzhura (2018). Russkie v Sin'tszyane: nesbyvshiesya mechty [Russians in Xinjiang: unrealized dreams]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 2, 36–41.

- Lebedeva, L. I. (2008). Kirgizskiy yazyk [Kyrgyz language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Lekomtsev, Yu. K. (2008). Austroaziatskie yazyki [Austroasian languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Medvedenko, A. A. (2008). Yazykovaya situatsiya v Yuzhnom federal'nom okruge i problemy kul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva polietnicheskogo regiona [Linguistic situation in Southern Federal District and problems of cultural educational space of polyethnic region]. *Lingvovistoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic & rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects], 11, 57–66.
- Moskalev, A. A. (2008). Chzhuan'skiy yazyk [Zhuang language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Musaev, K. M. (2008). Kazakhskiy yazyk [Kazakh language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Men, S. (2018). Sovremennoe sostoyanie kitayskikh musul'man [The current state of Chinese Muslims]. *Missiya konfessiy* [Mission Confessions], 3 (30), 278–288.
- Natsional'nost' nu [Nusu nationality] (2021). Retrieved February 10, 2021 from <<http://russian.china.org.cn/russian/32411.htm>>.
- Novichkov, V. S. (2017). Osnovnye napravleniya natsional'noy politiki v SUAR KNR posle 2000 g. [Priorities of ethnic policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, China, since 2000]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 424, 116–122.
- Ogdonova, Ts. Ts. (2009). Nauchno-metodologicheskoe obosnovanie ponyatiya «lingvokul'turnoe prostranstvo» v kontekste izucheniya yazykovoy situatsii [Scientific-methodological substantiation the notion linguocultural space in context of research language situation]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology], 2, 106–109.
- Oglezneva, E. A. (2012). Russkiy Kharbin kak mnogonatsional'nyy i mnogoyazychnyy tsentr v XX v.: kachestvennaya i otsenoch'naya kharakteristika yazykovoy situatsii [Russian Harbin as a multinational and multilingual center in the XX-th century: qualitative and evaluation characteristics of the language situation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 51, 112–116.
- Ofrosimova-Serova, L. G. (2008). Uygurskiy yazyk [Uighur language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Razvitie i progress Sin'tszyana [Development and progress of Xinjiang] (2009). Retrieved November 20, 2019 from <http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062512_6.htm>.
- Reformatskiy, A. A. (2001 a). *Vvedenie v yazykovedenie. Genealogicheskaya klassifikatsiya yazykov. Altayskie yazyki. Tyurkskie yazyki* [Introduction to linguistics. Genealogical classification of languages. Altaian languages. Turkic languages]. Moscow. Retrieved March 25, 2021 from <http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41>.
- Reformatskiy, A. A. (2001 b). *Vvedenie v yazykovedenie. Genealogicheskaya klassifikatsiya yazykov. Tayskie yazyki* [Introduction to linguistics. Genealogical classification of languages. Thai languages]. Moscow. Retrieved March 25, 2021 from <http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41>.
- Reformatskiy, A. A. (2001 c). *Vvedenie v yazykovedenie. Genealogicheskaya klassifikatsiya yazykov. Yazyki myao-yao* [Introduction to linguistics. Genealogical classification of languages. Miao-Yao languages]. Moscow. Retrieved March 25, 2021 from <http://philologos.narod.ru/ling/ref_familytr.htm#chapter_41>.

- Reshetov, A. M. (2021). Bay [Bai]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 8, 2021 from <<https://bigenc.ru/ethnology/text/1845750>>.
- Samarina, I. V. (2021 a). Mon-kkhmerskie yazyki [Mon Khmer languages]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 5, 2021 from <<https://bigenc.ru/linguistics/text/2227397>>.
- Samarina, I. V. (2021 b). Khmong-m'en yazyki [Hmong–Mien languages]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 8, 2021 from <<https://bigenc.ru/linguistics/text/4694846>>.
- Sanzheev, G. D. (2008). Mongol'skie yazyki [Mongolian languages]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.). Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Slobodina, E. S. (2012). Etnopoliticheskoe razvitiye Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona v kontse XX – nachale XXI vekov [Ethnopolitical development of Xinjiang-Uyghur Autonomous Region th st in the end 20-the beginning of 21centuries]. In D. V. Buyarov (Ed.), *Proc. of the 2nd international scientific-practical conference "Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestv"* [Russia and China: History and prospects of cooperation] (pp. 134–136). Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
- Sokolovskaya, N. K. (2008). V'etnamskiy yazyk [Vietnamese language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Sol'ntsev, V. M. (2008). Kitayskiy yazyk [Chinese]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Solntseva, N. V. (2008). Kadayskie yazyki [Kadai languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Tay-kadayskie yazyki [Thai-Kadai languages] (2021). *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved February 6, 2021 from <<https://bigenc.ru/linguistics/text/4179484>>.
- Tenishev, E. R. (2008). Saryg-yugurskiy yazyk [Saryg-Yugur language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Uygurskiy yazyk [Uighur language] (2019). *ru.knowledgr.com novye znaniya!* [ru.knowledgr.com new knowledge]. Retrieved November 23, 2019 from <<http://ru.knowledgr.com/00222333/УйгурскийЯзык>>.
- Filin, F. P. (2008). Russkiy yazyk [Russian language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Khelimskiy, E. A. (2008 a). Tunguso-man'chzhurskie yazyki [Tungus-Manchu languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Khelimskiy, E. A. (2008 b). Evenkiyskiy yazyk [Evenk language]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Tszyan'gan, V. (2016). Mezhetnicheskie otnosheniya v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone [Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 3 (35), 27–53.
- Chzhao, P. (2012). Dvuyazychnoe obuchenie v Sin'tszyane i ego vliyanie na yazyk i kul'turu natsional'nykh men'shinstv [Bilingual education in Xinjiang and the influence on culture of ethnic minorities]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 11 (10), 174–178.
- Shveytser, A. D., Nikol'skiy, L. B. (1978). *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics]. Moscow.

- Shevernina, Z. V. (2008). Mongol'skiy yazyk [Mongolian]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Shkhumishkhova, A. R. (2014). Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennom polikul'turnom obshchestve [Language situation and language policy in modern multicultural society]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal], 2 (140), 122–126.
- Shcheglova, I. V. (2017). Yazykovaya situatsiya: opredelenie ponyatiya, puti izucheniya [Linguistic situation: concept definition, ways of studying]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 8–1 (74), 172–175.
- Edel'man, D. I. (2008 a). Iranskie yazyki [Iranian languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Edel'man, D. I. (2008 b). Pamirskie yazyki [Pamir languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Yazykovye sem'i i yazykovye gruppy yazykov. Tay-kadayskaya yazykovaya sem'ya [Language families and language groups of languages. Thai-Kadai language family] (2021). Retrieved February 3, 2021 from <<https://voxbook.ru/stati/publication/yazykovye-semi-i-yazykovye-gruppy-yazykov>>.
- Yazykovye sem'i narodnostey Kitaya [Language families of the peoples of China] (2021). *Udivitel'nyy Kitay* [Amazing China]. Retrieved February 3, 2021 from <<http://china.kulichki.net/figures/language/003.shtml>>.
- Yakhontov, S. E. (2008 a). Kitaysko-tibetskie yazyki [Sino-Tibetan languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Yakhontov, S. E. (2008 b). Lolo-birmanskije yazyki [Lolo-Burmese languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Yakhontov, S. E. (2008 c). Myao-yao yazyki [Miao-yao languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Yakhontov, S. E. (2008 d). Tibeto-birmanskije yazyki [Tibeto-Burman languages]. In V. N. Yartseva (Chief Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Directmedia Publishing Press. Retrieved from an image of an electronic optical disk (BD-ROM).
- Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū rénmin zhèngfǔ [People's Government of Xinjiang Uygur Autonomous Region of China] (2019). Retrieved December 7, 2019 from <<http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html>>.

Ерофеева Тамара Ивановна, Исакова Анна Михайловна✉
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
annisakova18@gmail.com

Социолингвистические координаты глоссария пермских локализмов

Аннотация

Цель статьи – познакомить читателя с изданным в 2020 году «Социолингвистическим глоссарием пермских локализмов: 60–90-е годы XX века». Это словарь локальных элементов Пермского региона, отражающий вариативность русской устной литературной речи горожан. Теоретической базой Глоссария явилась установка на социальную основу образования локализмов. Социолингвистические координаты Глоссария отражены в описании социальных характеристик пермяков, чья речь послужила материалом для Глоссария. В Глоссарии обработано 1026 локализмов, распределённых по шести основным типам: 1) собственно лексические – 42,8% от всех зафиксированных локализмов, 2) словообразовательные – 21,2%, 3) фразеологические – 16,2%, 4) семантические – 10,5%, 5) фонетические – 4,4%, 6) морфологические – 2,2%. Помимо этого, выявлено 2,6% локализмов смешанного типа. Значительная доля лексических локализмов свидетельствует об активнейшем народном словотворчестве, что в свою очередь говорит о высокой жизнеспособности говора пермских горожан. Представленный Глоссарий может служить примером практической лексикографии для народа.

Ключевые слова: глоссарий, социолингвистические координаты, вариативность, социолект, типы локализмов, практическая лексикография

© Ерофеева Т. И., Исакова А. М. 2022

Для цитирования: Ерофеева Т. И., Исакова А. М. Социолингвистические координаты глоссария пермских локализмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 49–59. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_49

Tamara I. Erofeeva, Anna M. Isakova✉
Perm State University
Perm, Russian Federation
annisakova18@gmail.com

Sociolinguistic coordinates of the Glossary of Perm localisms

Abstract

The paper aims to introduce “Sociolinguistic glossary of the Perm local lexis: 60s–90s of the 20th century” published in 2020. It is a dictionary of local lexical units called localisms used in Perm Region that reflects oral literary speech variability of urban residents. The theoretical background of the Glossary includes sociolinguistic approach to the local vocabulary emerging. Therefore, social features of the informants whose speech was used as the material for compiling the Glossary were included in each entry. The Glossary comprises 1026 entries classified into 6 basic types: 1) pure lexical localisms accounting for 42,8% of the entries, 2) the ones emerging from alternative word-build patterns – 21,2%, 3) phraseological localisms – 16,2%, 4) semantic localisms – 10,5%, 5) phonetic localisms – 4,4%, 6) morphological localisms – 2,2%. In addition, 2,6% of the units were identified as localisms of mixed type. A considerable number of lexical localisms demonstrate high language

creativity that is definitely a proof for high vitality of the Perm local urban accent of Russian. The Glossary can be an example of practical lexicography for people.

Keywords: glossary, sociolinguistic coordinates, variability, social variety, types of localisms, practical lexicography

© Erofeeva T. I., Isakova A. M. 2022

For citation: Erofeeva, T. I., Isakova, A. M. (2022). Sotsiolingvistiicheskie koordinaty glossariya permskikh lokalizmov [Sociolinguistic coordinates of the Glossary of Perm localisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 49–59. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_49

1. Введение [Introduction]

Цель статьи – познакомить читателя с изданным в 2020 году «Социолингвистическим глоссарием пермских локализмов: 60–90-е годы XX века» [Ерофеева, 2020]. Под глоссарием, как известно, понимается собрание толкований так называемых глосс, которые принято трактовать как малоизвестные слова, нуждающиеся в объяснении (глосса – это и само слово, и его толкование [Энциклопедический словарь, 1903, с. 895]). Причиной малоизвестности может быть, во-первых, их узкоспециализированный терминологический характер, во-вторых, узкотерриториальный характер (могут быть и иные причины, однако их рассмотрение в задачи настоящей статьи не входило). Именно вторая причина послужила мотивом составления предлагаемого для обзора глоссария.

Социолингвистический глоссарий пермских локализмов (далее – Глоссарий) – это региональный словарь, где критерием вхождения глоссы является её территориальная и социальная обусловленность. Форма глоссария дала возможность в довольно полном объёме представить территориальную и социальную основу образования локальной лексики обиходной литературной речи горожан.

В своё время П. Н. Денисов в книге «Лексика русского языка и принципы ее описания», опубликованной в 1980 году, шестую главу посвятил изложению основных принципов теории лексикографии. Рассматривая типологию словарей, учёный назвал четыре основные координаты, определяющие научную классификацию словарей; среди них под номером четыре – социологическая.

«Социологическая координата словаря... описывает язык как важнейшее средство человеческого общения..., заставляет лексикографа учитывать психологические особенности не только абстрактного человека, но и конкретного, и прежде всего человека социального, представителя данной культуры, данного общества, носителя данного языка» [Денисов, 1980, с. 211]. Разумеется, что при таком подходе возможно и необходимо применение статистических методов, позволяющих определить не только качество, но и количество языковых особенностей [Ерофеева, 1991; Крысин, 2004; Ерофеева, 2005]. М. Юсселер писал: «Языковое поведение всегда является социальным поведением» [Юсселер, 1987, с. 14].

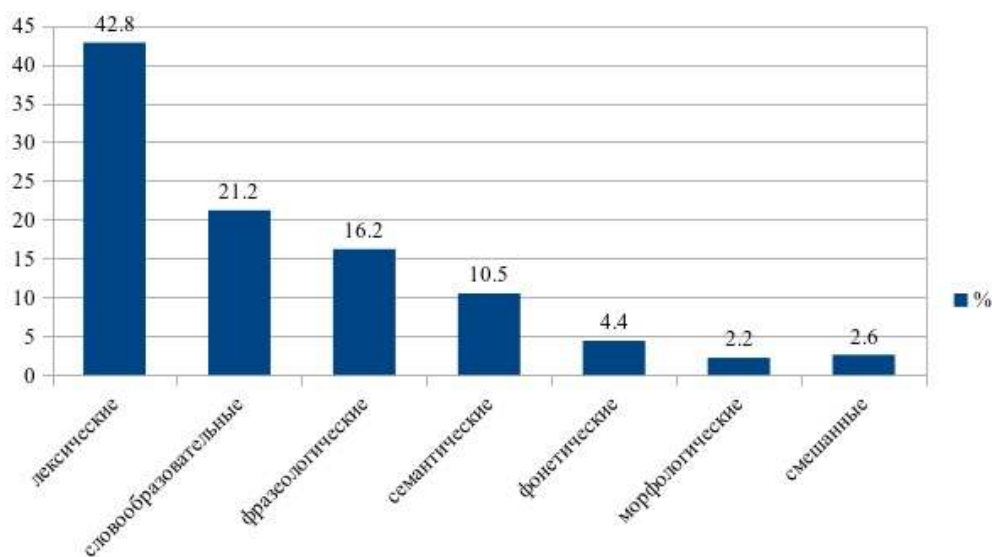
2. Социолингвистические координаты глоссария [Sociolinguistic coordinates of the glossary]

Являясь основой взаимодействия литературного языка и диалекта, Глоссарий представляет локальную лексику горожан, имеющих высшее и среднее специальное образование. Многолетний труд работы с информантами выявил важный социолингвистический подход при описании локализмов – единиц диалектного происхождения, активно используемых в речи литературно образованных жителей пермского региона. Ими выступили коренные жители – 167 человек из городов Пермь, Березники, Губа-

ха, Добрянка, Кизел, Краснокамск, Кунгур, Лысьва, Оса, Соликамск и др. По роду деятельности это филологи, преподаватели русского языка и литературы, географии, биологии, математики, учителя начальных классов, инженеры, врачи, журналисты, библиотечные работники, юристы, агрономы, экономисты, воспитатели, бухгалтеры. Таким активным обращением к речи различных слоев населения удалось практически показать социолект – речь «среднего» индивида, представляющего свою группу, культуру; это инвариантная социально маркированная система индивидуального языка. Введение термина социолект позволило определить речевые средства группы людей, объединённых по возрасту, месту рождения, образованию, специальности, гендеру и др. Это первая социолингвистическая координата направленности словаря локализмов.

Глоссарий содержит 1026 локализмов. Это лексемы, лексико-семантические варианты, фразеологические единицы, не принадлежащие кодифицированным единицам русского литературного языка, однако употребляемые в локально окрашенной речи пермяков либо в речи жителей пермского региона. Они описаны с точки зрения типов, которые выявлены путём сопоставления с литературным языком, зафиксированным в МАС. Такое представление локальных единиц не характерно для диалектных словарей, между тем мы находим его в Инструкции Словаря русских народных говоров, составленной О. Д. Кузнецовой, Ф. П. Сороколетовым [СРНГ, с. 5]. Разумеется, и масштаб, и сама система типов сложнее и объёмнее, чем в нашем словаре. Однако это ещё одна социолингвистическая координата, показывающая специфику Глоссария.

В лексике города отражено 6 основных типов локализмов и 27 случаев смешанного типа, всего 1026 лексических единиц. На рисунке 1 представлено процентное соотношение разных типов. Ниже приведены описания каждого типа.

Р и с у н о к 1. Процентное соотношение типов пермских локализмов

1. Собственно лексические локализмы

Это слова, не употребляемые в литературном языке, а составляющие лексику диалекта. Таких единиц в рассматриваемом корпусе 439. С точки зрения семантики и тематической отнесённости самыми крупными группами оказались те, которые обозначают человека и его деятельность, включая возраст, профессию и т. д. (*у́глан* 'мальчик-подросток', *чеботáрь* 'сапожник', *скать* 'раскатывать тесто', *баско́й* 'красивый', *богати́нка* 'денежный / состоятельный человек', *ба́ять* 'говорить', *блажи́ть* 'кричать / шуметь'); домашнюю обстановку (*го́лбец* 'подвал / подполье', *вёхоть* 'мочалка / тряпка',

полица 'полка вдоль стены', *садинка* 'комнатный цветок', *рукотёр* 'полотенце'); пищу (*рётешный* 'приготовленный из редьки', *жарёха* 'блюдо из поджаренных грибов с картофелем', *постряпушки* 'различные булочки / печенье домашней выпечки'); одежду, обувь (*ремки* 'лохмотья / изорванная старая одежда', *чёсанки* 'тонкие и мягкие валенки', *шалюшка* 'небольшая шаль', *пимы* 'валенки'); животный и растительный мир, окружающий человека (*паут* 'овод', *вёкша* 'белка', *синявка* 'сыроежка', *богátка* 'трёхцветная кошка'); местность (*угóристый* 'возвышенный', *стёжка* 'тропинка', *поскóтина* 'пастбище / выгон'); природные явления (*бусить* 'идти мелкому дождю', *бусенец* 'мелкий дождь', *на́дера* 'вьюга').

2. Словообразовательные локализмы

К словообразовательным локализмам были отнесены диалектизмы, демонстрирующие разницу с соответствующими словами литературной нормы только наличием / отсутствием аффикса либо аффиксом, отличным от нормативного. Всего отмечено 218 случаев. Так, локализм *засóня* и общеразговорное *соня* разнятся наличием приставки в первом слове и её отсутствием – во втором. 66 человек, в речи которых отмечено слово *засóня*, считают его популярным и общеупотребительным: *Я всё время думала, что засоня литературное слово. Всегда употребляла в речи только так* (жен., 75 л., пенсионерка, в прошлом учитель русского языка и литературы, Пермь); *Опять этот засоня опаздывает* (жен., 36 л., инженер, высш., Пермь).

В эту же группу входят локализмы с разными приставками: *взад* (лит. *назад*), *сподряд* (лит. *подряд*), *взьёмистый* (лит. *подъёмистый*). Приведём примеры: *Это мы сами конструировали. Отнесли этот бункер **взад**. И один – **вперёд**. Компоновка не устраивала* (муж., 45 л., инженер, высш., Оханск); ***Взад** оглянулась: безвозвратно ушла молодость* (жен., 62 л., пенсионерка, Красновишерск); *Эта обувь для **взьёмистой** ноги* (муж., 45 л., преподаватель, высш., Пермь); *Три раза **сподряд** сходила туда* (жен., пенсионерка, сред., Усолье); *Ест всё **сподряд*** (муж., 42 г., юрист, высш., Красновишерск).

Аналогично локализм и общеупотребительное литературное слово могут отличаться наличием / отсутствием суффикса. Например, литературное *голый* в значении 'чистый, без примесей' [БАС, Т. 3, с. 246] наши информанты предпочитают заменять общеупотребительным *цельный* или диалектным *гольный*: *Суп пересолен – **гольная** соль!* (жен., 42 г., инженер, высш., Пермь); ***Гольная** выгода – **выигрыш*** (жен., 43 г., врач, высш., Красновишерск).

Словообразовательный локализм *бо́ры* отличается от литературного синонима *сборки* и суффиксом, и префиксом: *Платья с **борами** вышли из моды. Сегодня это анахронизм* (жен., 42 г., врач, высш., Красновишерск). Употребляется преимущественно в речи женщин, обозначая и сборки, и складки.

Локализмы могут образовываться одновременным добавлением приставки и суффикса. Так, к корню, обозначающему цвет, часто одновременно добавляются приставка *с-* и суффикс *-а*: *сбела* 'беловатый', *сголуба* 'голубоватый', *сжелта* 'желтоватый', *скоричнева* 'коричневатый', *скрасна* 'красноватый', *срыжа* 'рыжеватый', *ссера* 'сероватый', *срозова* 'розоватый', *ссиня* 'синеватый', *стемна* 'темноватый', *счерна* 'черноватый'. Представленные в Глоссарии как несклоняемые прилагательные, данные локализмы активно используются в речи разных социально-возрастных групп информантов: *По материалу цветочки маленькие разбросаны, а основной фон **сбела**, не чисто белый значит* (жен., 38 л., музыкальный работник, сред. спец., Кунгур); *У меня машина **сзелена*** (муж., 52 г., преподаватель, высш., Кунгур); *Металл дляковки должен быть чуть-чуть **скрасна*** (муж., 38 л., мастер, сред. спец., Кунгур); *Такая шапка у него **рыжая**, нет – **срыжа**. Потерял или где-нибудь в школе оставил. Горе мое луковое!* (жен., 35 л., библиотекарь, сред., Оса); *Ссера – это значит серого с белым, грязновато-белого цвета* (жен., 38 л., филолог, высш., Пермь); *Немного срозова, красивое платье, тебе очень подходит* (жен., 22 г., биолог, неоконч. высш., Губаха).

3. Фразеологические локализмы

У этих устойчивых словосочетаний фиксировались отличия от общеупотребительных аналогов а) одного компонента, б) значения, в) ударения, г) полное отсутствие соответствий среди общеупотребительных единиц. В корпусе найдено 166 таких примеров. Так, локальное *ши́ре-да́ле* в литературном языке используется в форме *да́льше-больше*: изменён порядок следования компонентов, один компонент заменён, а в совпадающем компоненте вместо двух суффиксов – *-и-* и *-е-* – только один – *-е*.

Наиболее интересной стала подгруппа фразеологизмов, не имеющих прямых соответствий в литературном языке. Для примера приведём следующую словарную статью:

└ ВЕК СВОЙ. Фразеологический локализм. Всю жизнь. **Век свой** я трудилась с удовольствием. *И когда у мамы жила, и в собственной семье. Безделье – не для меня!* (жен., 62 г., учитель, сред. спец., Кунгур); *Да он весь свой век такой дурной был. Разве к старости исправится?!* (жен., 70 л., пенсионерка, высш., Пермь). Во Фразеологическом словаре пермских говоров [Прокошева, 2002] иллюстрируется примером: *Весь свой век валенки катал.*

Есть в Глоссарии и номенклатурные единицы, отмеченные в других говорах:

└ ВАНЬКА МОКРЫЙ. Фразеологический локализм. Комнатное растение с небольшими зубчатыми листьями и некрупными ярко-красными цветами; бальзамин. *У мамы моей всегда в доме цветы были: петунья, ванька мокрый, герань* (жен., 30 л., секретарь-машинистка, сред., Пермь); *Ваньку мокрого нужно поливать очень часто* (жен., 22 г., учитель, Добрянский р-н).

4. Семантические локализмы

Сюда включены слова, совпадающие с литературными по звучанию и написанию, но отличающиеся по значению, которое не свойственно литературному употреблению. В исследуемом массиве данных таких случаев 108. Наибольшее число их составляют глаголы. Так, в многозначном глаголе *держáть* МАС отмечает первым следующие значение: 'взяв в руки (в рот, в зубы и т. п.), не давать выпасть' [МАС, Т. 1, с. 389]. Между тем, в словаре Даля, где к этому слову помет не сделано, имеется пример, говорящий о совершенно ином значении, а именно, 'тратить, расходовать деньги': *Он свои данные держит, издерживает*. Пермские информанты предпочитают употреблять в речи как раз такое значение: *Все деньги не держи* (жен., 45 л., методист, высш., Пермь); *Ты, конечно, деньги держать мастер* (муж., 36 л., преподаватель, сред. спец., Кунгур). В нём же данная лексическая единица употребляется в говорах Среднего Урала (СРГСУ) в целом.

К семантическому типу локализмов относится глагол *шóркать*:

ШÓРКАТЬ, глаг., несов. Собственно лексический локализм.

1. Тереть что-либо, очищая от грязи (пол, спину и т. д.). *Шоркай сильнее пол! Шоркать* дольше надо (жен., 26 л., учитель, сред. спец., Соликамск); *Станешь шоркать – ничего не останется!* (жен., 40 л., библиотекарь, высш., Пермь); *Это значит тереть какую-то поверхность. Мы раньше шоркали деревянные полы песком и голыком. Шоркать* можно посуду, чистить её. *Раньше песком всё шоркали, а теперь химикаты* (жен., 58 л., пенсионерка, высш., Пермь); *Уж я ванну шоркала-шоркала, тёрла-тёрла, а она всё какая-то желтоватая* (жен., 42 г., врач, высш., Кунгур); *Шоркаю* я шею и всё никак отмыть не могу (жен., 23 г., агроном, высш., п. Куеда); *Ты шоркала* костюм щёткой, когда стирала? (жен., 21 г., товаровед, сред. спец., Верещагино). Глагол в этом значении отмечен в художественных текстах: *Это не работа, а удовольствие! Дегустируете? – Ага, дегустируем! Так надегустируешься, шоркая* кастрюли, что спина болит (Н. Вагнер. Ночные смены); *Анна Семёновна, смутившись, стала перечислять, как складывается у неё день. – Пол обтираю влажной тряпкой... – Ну*

это что за работа! – заметила Анфиса. – Пол-то как зеркало, не надо шоркать вехоткой с песком (Пермский рассказ).

2. Измельчить трением. *Тереть – шоркать, если овощи. Морковку, например* (муж., 35 л., конструктор, высш., Пермь); *Камень обжигают в печке. Шоркают, получается дресва* (муж., 48 л., главный инженер, высш., Красновишерск).

Глагол *шоркать* в указанных значениях не отмечен в литературных словарях, а характерен, по данным Словаря Даля, для говоров восточных областей. Употребителен он и в говорах Пермского края (Акч., СПГ), активно используется в городской речи носителями литературного языка разных социально-возрастных групп.

Семантические локализмы, представленные именами существительными с предметно-конкретным значением, фиксируются в речи носителей литературного языка примерно в том же объёме, что и глагольные локализмы. Например, сущ. *бирка*, производное *бирочка*.

БІРКА, сущ., ж. Семантический локализм.

1. Жетон, выдаваемый в гардеробе взамен верхней одежды; номерок. *В нашем драмтеатре бирки очень большие и тяжёлые* (жен., пенсионерка, Пермь); *Мы ходили на кафедру в новом корпусе. Там пальто сдавали в раздевалку. Лена бирку потеряла* (студентка, Пермь); *При потере бирки пальто из раздевалки не возвращается* (объявление в музыкальном училище).

2. Талон к врачу. *Утром в поликлинику схожу, возьму бирку к стоматологу* (муж., пенсионер, Чусовой); *Получила я бирку к врачу только на 12 часов* (жен., юрист, Чайковский).

В обоих значениях данный локализм стал слишком привычным, употребляется всеми социально-возрастными группами и уже воспринимается жителями пермского региона как принадлежащий литературной норме. Его употребление фиксируется во всех социально-возрастных группах носителей литературного языка.

К этой группе локализмов отнесём также существительные, используемые в речи с локальным значением: *вышка* 'нежилая часть дома, чердак'; *гаврик* 'ребёнок, сын; подросток, ученик'. Последнее фиксируется в говорах (СРНГ, СПГ), отмечено оно и в художественных текстах: *На фэззошников здесь обратили внимание: «Ишь, сколько гавриков – сила!»* (А. Крашенинников. Бронница). Слово *зубок* 'долька чеснока' используется чаще в два раза, чем лит. *долька*, всеми слоями городского населения. Локализм *мякина* в значении 'ботва картофеля, моркови' широко используется в пермских говорах (Акч.), а локализм *ограда* 'двор' в восприятии носителей литературной нормы более не обладает локальным оттенком. Слово *чушка* 'нижняя часть челюсти, подбородок' зафиксировано в Акч., СПГ, СРГСУ. В городской речи оно используется достаточно широко по всему пермскому региону: в картотеке около 90 случаев его употребления.

Среди имён прилагательных, наречий, а также служебных частей речи (частиц и вводных слов) семантические локализмы носят единичный характер, хотя влияние диалекта в них тоже отмечается. Например, *живой* 'целый, невредимый, без изъяна', фиксируется диалектными словарями (СПГ, СРНГ); *обратно* 'снова, повторно', употребительно в речи пермских носителей литературного языка: *Он вчера обратно приходил к нам, приглашал на юбилей* (муж., 50 л., инженер, Пермь); *ну* – утвердительная частица в значении 'да, хорошо': *Дак дипломники уже приходят? – Ну!* (жен., 55 л., лингвист, высш., Пермь); *ровно* – вводное в значении 'кажется, вероятно': *Ровно, звонок был?* (жен., 36 л., учитель начальных классов, сред. спец., Оса). Как пермское, фиксируется СРНГ, СПГ, Акч.

5. Фонетические локализмы

Фонетические локализмы – это слова, отличающиеся от литературных фонетической реализацией. В Глоссарии отмечено 45 таких единиц. Приведём некоторые из них.

ВНУТРЕННИЙ, прил. Фонетический локализм /н'→н/. Внутренний. *Говорят, помогает **внутренний** жир, **внутреннее** свиное сало* (муж., пенсионер, в прошлом инженер, Чусовой); *Вообще-то они рассматривали вопросы **внутренней** политики, но касались и международных проблем* (муж., выступление на собрании, Красновишерск).

ВСКОЛЬЗ, нареч. Фонетический локализм. Вскользь, между прочим, попутно. *Конечно, об этом мы тоже говорили, но как-то **вскольз*** (муж., 26 л., учитель, Чайковский); *Весьма тактично, **вскольз**, он мне напомнил о том случае* (муж., 39 л., инженер, Красновишерск); *О таком безобразии надо говорить во всеулышание, специально, а не попутно, не **вскольз!*** (жен., Осинский р-н).

НАРАСТОПАШКУ, нареч. Фонетический локализм (две «лишние» фонемы). Распахнув, не застегнув полы одежды. *Ясно: сам без фуражки, пальто **нарастопашку*** (жен., 48 л., экономист, сред., Березники); *Опять ты бегаешь, пальто **нарастопашку**. Вот заболеешь – лечить не буду* (муж., 33 г., фельдшер, сред. спец., Чусовой). Наречие *нарастопашку* в речи значительного числа информантов используется как вполне литературное слово. Оказалось, что некоторым информантам неизвестно литературное разговорное *нараспáшку* 'в расстёгнутом виде': *Что? Вот уж никогда не думала, что **нарастопашку** нелитературное. Я и выговорить не могу: *нараспашку*. Да и ассоциации какие-то другие связываются с этим словом* (жен., 35 л., филолог, высш., Пермь). В речи пермяков наречие *нарастопашку* используется и в переносном значении: 'открыто, ничего не утаивая'. *А Лена там всё знает. Я **нарастопашку** живу, секретов никаких нет* (жен., 25 л., филолог, высш., Пермь); *Нет у неё от нас секретов, душа **нарастопашку*** (муж., 50 л., инженер, высш., Пермь). Значение отмечено в СРНГ. В пермской городской речи используется преимущественно в устойчивых сочетаниях.

ЧЁ, мест. вопр. Фонетический локализм. Что. *А **чё** Вы собираетесь делать в воскресенье? В библиотеку пойдёте?* (жен., 25 л., филолог, высш., Пермь); *Ну **чё** ты обижаешься? **Чё** я тебе такое страшное сказал?* (муж., 40 л., юрист, высш., Кунгур); ***Чё** за безобразие такое? Почему вы себя так ведёте в школе?* (жен., 30 л., учитель, сред. спец., Березники); *Хорошо набрали Вашу книгу? – Да **ничё**, бывает хуже* (филолог, Пермь); *Писать-то Вам неудобно тут. – **Ничё**, привыкли* (инженер, Пермь); *Сколько вам книг дали в библиотеке? – **Ничё** не дали, не работают* (филолог, Пермь).

В Глоссарии отмечено 27 случаев к о н т а м и н а ц и и основных типов локализмов. Назовем их смешанным типом и проиллюстрируем словарными статьями.

ВТАЧНОЙ, прил. Словообразовательно-акцентологический локализм. Втачанный. *Вам **втачной** рукав больше нравится?* (жен., методист, Пермь); *Мне не идёт **втачной** рукав* (жен., 34 г., инженер, высш., Чернушка); ***Втачной** рукав лучше, чем реглан* (жен., 57 л., бухгалтер, сред., Соликамск); *А мне всё равно: **втачной** рукав или реглан, лишь бы вписывался в конструкцию изделия. Важен облик вещи в целом, детали меня не интересуют* (жен., 20 л., учитель, Березники). От кодифицированного *втáчанный* отличается суффиксом и ударением не на основе, а на окончании. В пермском регионе очень широко используется преимущественно в речи женщин.

ВЫСТЕЖИТЬ, глаг., сов. Фонетико-словообразовательный локализм. Прошить стежками (ткань, одеяло и т. д.); выстегать. ***Выстежи** мне одеяло. Буду тебе благодарна* (жен., 28 л., филолог, высш., Пермь); *Это нам мама **выстежила** одеяло. Правда хорошо? Красиво?* (муж., инженер, Пермь). Отмечено СПГ, Словарем Даля, СРНГ – с пометой перм. В городской речи встречается часто, особенно в речи женщин разного возраста и образования.

ЗАЙМОВАТЬ, глаг., несом. Собственно лексический локализм с вариантным ударением. Брать в долг. *Нина **займовала** 40 рублей* (жен., 55 л., историк, высш., п. Куеда); *Не люблю я **займовать*** (жен., студентка, историк, Пермь); *Не буду больше **займовать** у Ивана* (муж., 28 л., филолог, Кунгурский р-н); *Когда дети были маленьки-*

ми, мне часто приходилось **займовать** деньги (жен., 55 л., инженер, высш., Пермь); *На той неделе займовала, так уж опять идёт* (жен., 23 г., сельхозинститут, высш., п. Куеда); *Он всё время займует* (муж., 51 г., высш. техн., Березники). Известное пермским – и шире уральским – говорам ([СРНГ, 1965–2016; Акч., 1984–2011; Даль, 1955; СПГ, 2000–2002], слово активно используется в городской речи как мужчинами, так и женщинами разных возрастов, разного образования.

КОТЯРА, сущ., м. и ж. Морфолого-словообразовательный локализм. Кот. *Ух ты, котяра какая!* (муж., 50 л., экономист, высш., Пермь); *Этот безмозглый котяра всю ночь под полом орал* (жен., 22 г., учитель русского языка, сред. спец., Чернушка). Локализм встречается в Пермском крае как в литературной, так и в диалектной (СПГ) речи информантов. В городской речи имеет общий род.

МОКРЕДЬ, сущ., ж. Морфолого-словообразовательный локализм. 1. Сырость, дождливая погода; мокрота. *Начнется мокредь – всё изведёт!* (муж., 62 г., пенсионер, Красновишерск). Используется в художественных текстах: *Гнилая осенняя мокредь над полем...* (А. Спешилов. После ненастья). 2. Низкое, сырое, болотистое место. *На мокре-ди собирали троелистку. Мокрое это место* (жен., 24 г., инженер, высш., п. Полазна, Частинский р-н). Слово в этом значении встречается в памятниках XVI–XVII вв. Отмечено в книге Е. Н. Поляковой «От “араины” до “яра”».

САРАЙКА, сущ., ж. Морфолого-словообразовательный локализм. Помещение для различных хозяйственных надобностей; сарай. *Надо в сарайку сходить* (жен., 19 л., студентка мединститута, Пермь); [Вопрос подозреваемой]: *По сарайкам лазили?... Куда-нибудь запрятала в сарайку или около?* (муж., 41 г., следователь, высш., Красновишерск). Слово в этом значении отмечено в СРНГ с пометой Ср. Урал среди других помет. Зафиксировано в СРГСУ. Активно используется в тех местах, где имеются деревянные постройки, например, в г. Красновишерске. Есть оно и в Акчимском словаре.

СОБАЧОНОК, сущ., м. Морфологический локализм. Собачонка. *Собачонок осенью совсем маленький был, сейчас подрост уже* (муж., 45 л., мастер, сред., Кукуштан); *Собачонка маленького накормил во дворе* (муж., пенсионер, п. Куеда); *Про щенков и маленьких собачек говорят у нас собачонок* (жен., 37 л., терапевт, высш., Красновишерск). Отмечается в пермской речи чрезвычайно широко. В картотеке локализмов 47 примеров использования слова. Словарями литературного языка вариант *собачонок* не фиксируется, вариант женского рода *собачонка* сопровождается пометой разг. Есть случаи использования локализма в художественных текстах, например, в произведении А. Спешилова «Бурлаки», в романе А. Крашенинникова «Затишье».

ЧУЛАНКА, сущ., ж. Морфолого-словообразовательный локализм. Чулан. *В чуланку снова лазили? Что взяли?* (муж., 38 л., следователь, сред. спец., Красновишерск); *Летом в чуланке всегда прохладно* (жен., 44 г., юрист, высш., Пермь). Слово зафиксировано в Акч., СПГ, СРГСУ, а также в городской речи носителей литературного языка Пермского края.

6. Морфологические локализмы

В данную группу вошли слова, отличающиеся от литературных принадлежностью к иному грамматическому роду, категории возвратности-невозвратности, личной форме местоимения – 23 единицы. Например: *манжёт* вместо литературного *манжета*; *яблок* вместо литературного *яблоко*; *онé* вместо литературного *они*; *загорёт* вместо литературного *загореться*. См. употребления в речи: *Всё хорошо получилось. Только вот этот манжет косо пришит* (жен., 65 л., пенсионерка, Пермь); *Манжет манжету рознь. Смотри какой!* (жен., 28 л., медсестра, сред. спец., Чусовой); *Ты мне это яблок не давай. Дай другой, жёлтенький* (муж., 39 л., преподаватель, высш., Пермь); *Какой яблок вкусный!* (жен., 35 л., врач, высш., Красновишерск); *Мотовилиха, оне за-*

ранее организовались (жен., пенсионерка, в прошлом учитель биологии, Пермь); *Так что учтите, оне к нам придут* (жен., пенсионерка, Краснокамск); *Пожарных всё нет, а дом уже загорел – да сильно как!* (муж., 34 г., мастер, сред. спец., Чусовой); *Смотрите, свет загорел! Исправили, наконец, электрики повреждение!* (жен., 28 л., медсестра, сред. спец., Кунгур).

Социолингвистическая координата прослеживается и в иллюстративной части словаря. Каждый пример, приводимый в иллюстративном материале словарных статей Глоссария, снабжён так называемым социокультурным адресом, который представляет собой комплекс социальных характеристик, включающих такие обязательные составляющие, как возраст, образование и профессию информанта. Для ряда локализмов приведена коммуникативная ситуация, в которой было записано слово. Ср.: *Если вы будете так третировать – я буду заедаться, буду отвечать всякими колкостями* (муж., 38 л., юрист, высш., Красновишерск); *Масла оливкового я уже ленула, а соль сам положи* (жен., 48 л., преподаватель вуза, кандидат филологических наук). Информант, от которой получено последнее высказывание, прокомментировала свои слова следующим образом: *Я прекрасно знаю, что слово «ленуть» диалектное. Но здесь оно наиболее подходящее: «налила» в этом контексте можно понять, как слишком много влила, «влила» – неестественно, а «ленуть» – самое то!*

Эстетическую функцию иллюстраций выполняет материал произведений народного творчества, в частности акчимские частушки, скоморошины, зафиксированные И. В. Зелениным; сказки Пермской губернии, изданные в 1914 г. Д. К. Зелениным. Источниками иллюстраций выступают произведения пермских писателей и поэтов (И. М. Байгулова, В. О. Богомолова, А. Г. Гребнева, Л. И. Давыдычева, А. П. Колчанова, А. Д. Крашенинникова, А. Л. Решетова, А. П. Ромашова, В. И. Соколовского, Б. В. Ширшова и др.); русские песни и произведения классиков русской литературы (П. П. Бажова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. А. Кирпищиковой, И. С. Тургенева, В. Я. Шишковой и др.).

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом статья имела целью выявить социолингвистические характеристики вышедшего в свет Глоссария пермских локализмов и тем самым определить социальную основу возникновения локализмов в устной речи жителей пермских городов. Глоссарий предназначен для широкого круга потребителей, дорожащих «живым» словом. Анализируемый Глоссарий также можно рассматривать как пример народной практической лексикографии.

В ходе работы над Глоссарием было обнаружено 1026 локализмов шести разных типов. Самыми частотными оказались собственно лексические – 439 единиц, что составляет 42,8% от всех зафиксированных локализмов. Словообразовательных локализмов оказалось в два раза меньше (218 единиц – 21,2%). Ещё меньше было фразеологических (166 единиц – 16,2%) и семантических (108 единиц – 10,5%) локализмов. Самыми низкочастотными оказались фонетические (45 единиц – 4,4%) и морфологические (23 единицы – 2,2%) локализмы. Кроме указанных шести типов, выявлено 27 локализмов смешанного типа, что составило 2,6% от всех найденных локализмов.

По первой социолингвистической координате, описанные локализмы употребляемы разными слоями населения с разными социолингвистическими характеристиками. Особенно показательным их употребление образованными пермяками разных профессий. Лишь некоторые из них гендерно и профессионально обусловлены. По второй социолингвистической координате, описанные локализмы употребляются в разных стилях и формах речи, а не только в разговорной, и многими пермяками воспринимаются как норма.

В целом большое количество локализмов лексического типа свидетельствует об активнейшем народном словотворчестве, что в свою очередь говорит о высокой жизненной способности говора пермских горожан.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Библиографический список

- Акч., 1984–2011 – Скитова Ф. Л. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1984–2011. 192 с.
- БАС, 1950–1965 – Словарь современного русского литературного языка: в 17-и т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Даль, 1955 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 699 с.
- Денисов, 1980 – Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М. : Русский язык, 1980. 253 с.
- Ерофеева, 1991 – Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. 136 с.
- Ерофеева, 2005 – Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2005. 320 с.
- Ерофеева, 2020 – Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2020. 238 с.
- Крашенинников, 1969 – Крашенинников А. Д. Затишьё : роман. Пермь : Книжное изд-во, 1969. 328 с.
- Крашенинников, 1991 – Крашенинников А. Д. Бронница : роман, рассказы. Пермь : Книжное изд-во, 1991. 430 с.
- Крысин, 2004 – Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
- МАС, 1957–1961 – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. И. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1957–1961.
- Полякова, 1988 – Полякова Е. Н. От «арainya» до «яра»: русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь : Пермское книжное. изд-во, 1988. 180 с.
- Прокошева, 2002 – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.
- СПГ, 2001–2002 – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.
- Спешилов, 1974 – Спешилов А. Н. Избранное. Пермь : Книжное изд-во, 1974. 324 с.
- Спешилов, 1984 – Спешилов А. Н. Бурлаки : роман. Пермь : Книжное изд-во, 1984. 214 с.
- СРГСУ, 1964–1988 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск : Средне-Уральское книжн. изд-во, 1964–1988.
- СРНГ, 1965–2016 – Словарь русских народных говоров. СПб. : Наука, 1965–2016.
- Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1893. Т. 8. С. 479–958.
- Юсселер, 1987 – Юсселер М. Социолингвистика / пер. с нем. А. В. Двухжилова; под ред. Ю. А. Жлуктенко. Киев : Вища школа, 1987. 197 с.

References

- Skitova, F. L. (1984–2011). Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti [Dictionary of the village Akchim, Krasnovishersky district of the Perm region (Akch.)]. Perm. (In Russ.).

- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language (BAS)]: In 17 volumes (1948–1965). Moscow. (In Russ.).
- Dahl, V. I. (1955). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4-kh tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: [in 4 vol.]]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Denisov, P. N. (1980). *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [Vocabulary of the Russian language and the principles of its description]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Erofeeva, T. I. (1991). *Opyt issledovaniya rechi gorozhan (territorial'nyy, sotsial'nyy i psikhologicheskiy aspekty)* [Experience in the study of urban residents speech (territorial, social, and psychological aspects)]. Sverdlovsk : Ural University Press. (In Russ.).
- Erofeeva, E. V. (2005). *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm : Ural University Press. (In Russ.).
- Erofeeva, T. I. (2020). *Sotsiolingvisticheskiy glossariy permskikh lokalizmov: 60–90-e gody XX veka* [Sociolinguistic glossary of Permian localisms: 60-90's of the XX century]. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Krashennikov, A. D. (1969). *Zatishye* [Zatish'e]: Novel. Perm : Knizhnoe Press. (In Russ.).
- Krashennikov, A. D. (1991). *Bronnitsa* [Bronnitsa]: Novel, stories. Perm : Knizhnoe Press. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2004). *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, native and foreign: Studies in modern Russian and sociolinguistics]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Evgenyeva, A. I. (Ed.). (1957–1961). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language (MAS)]. In 4 volumes. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Polyakova, E. N. (1988). *Ot «arainy» do «yara»: Russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskoy oblasti* [From 'araina' to 'yar': Russian folk geographic terminology of the Perm Region]. Perm. (In Russ.).
- Prokosheva, K. N. (2002). *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm : Perm State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Borisova, A. N., Prokosheva K. N. (2000–2002). *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm local accents (SPG)]. Vol. 1 : A–KH, Vol. 2 O–YA. Perm : Permskoe Press. (In Russ.).
- Speshilov, A. N. (1974). *Izbrannoe* [Selected works]. Perm : Knizhnoe Press. (In Russ.).
- Speshilov, A. N. (1984). *Burlaki* [Burlaki] : Novel. Perm : Knizhnoe Press. (In Russ.).
- Slovar' russkikh govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals (SRGSU)]. (1964–1988). Sverdlovsk : Middle Urals Press. (In Russ.).
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects (SRNG)]. (1965–2016). St Peterburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (Ed.). (1893). *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary]. St Peterburg : I. A. Efron Press.
- Yusseler M. (1987). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Translated from German by A. V. Dvukhzhilova; Ed. by Yu. A. Zhluktenko. Kiev. (In Russ.).

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
okaracheva@rambler.ru

Интонация специальных вопросов в интерферирующей русской речи эвенков

Аннотация

Настоящее исследование посвящено особенностям мелодического контура специальных вопросов в акцентной русской речи эвенков. Экспериментальные данные интерпретируются с позиций интерференции как результата взаимодействия двух или более языков. Контрастивный анализ их языковых систем позволяет спрогнозировать поля возможной интерференции. Сравнительный анализ полученных данных с собранными сведениями об интонационных системах эвенкийского и русского языков показал, что в большинстве случаев речь идёт об особенностях формы и способа реализации движения мелодики на отдельных отрезках синтагмы, а также общем направлении мелодики в высказывании. Сопоставление данных о мелодическом диапазоне и интервале ударного гласного ядра в специальных вопросах эвенкийского, русского и интерферирующего русского языков показал несущественность различий данных параметров. Полученные значения по частотности употребления отдельных мелодических характеристик позволили установить ряд интонационных признаков реализаций специальных вопросов в акцентной речи эвенков. Относительно небольшая часть реализаций была представлена выпуклой формой, характерной для русского языка. Типичным интонационным контуром специальных вопросов является деклинация, в некоторых случаях начинающаяся с мелодического перелома, образованного гласным предшквалы и первым ударным гласным шкалы. Кроме того, в некоторых реализациях наблюдалось ровное движение тона с небольшими отклонениями, характерное для эвенкийского языка, при этом реализация особого выделения вопросительного слова и терминального тона осуществлялась за счёт продления ударного гласного.

Ключевые слова: интонационный контур, интерференция, русский язык, эвенкийский язык, акцентная русская речь, специальный вопрос, частота основного тона

© Карачева О. Б. 2022

Для цитирования: Карачева О. Б. Интонация специальных вопросов в интерферирующей русской речи эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 60–72. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60

Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
okaracheva@rambler.ru

Intonation of special questions in the interfered Russian speech of the Evenks

Abstract

The present study examines the peculiarities of the pitch contour of special questions in the Russian speech of the Evenks. Experimental data are interpreted from the angle of interference resulting from the interaction of two or more languages. A contrastive analysis of their language systems enables to predict the patterns of possible

interference. A comparative analysis of the obtained data and the collected information about the intonation systems of the Evenki and Russian languages showed that in most cases interference manifests itself in the form and way of pitch movement on different segments of the syntagma, as well as the general direction of pitch in the statement. Comparison of data on the pitch range and the interval of the core stressed vowel in special questions of the Evenki, Russian and interfered Russian speech showed the insignificance of the differences in these parameters. The obtained values for the frequency of use of certain pitch parameters enabled to establish a number of intonational features of special questions in Russian speech of the Evenks. A relatively small part is represented by a convex shape, characteristic of the Russian language. A typical intonation contour of special questions is declination, in some cases beginning with a sharp pitch shift realized on the vowels of the pre-scale and the first percussive scale. In addition, in some cases, there was a smooth movement of the tone with small deviations, typical for Evenki while a special emphasis on the question word and the terminal tone was carried out by lengthening the stressed vowel.

Keywords: pitch contour, interference, the Russian language, the Evenki language, the accented Russian speech, special question, fundamental frequency

© Karacheva O. B. 2022

For citation: Karacheva, O. B. (2022). Intonatsiya spetsial'nykh voprosov v interferirovannoy russkoy rechi evenkov [Intonation of special questions in the interfered Russian speech of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8(2), 60–72. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_60

1. Введение [Introduction]

Существует значительное количество работ, связанных с типологическим описанием отдельных языков, однако за последние десятилетия вырос интерес к интерферирующей речи, которая является результатом контакта двух и более языков. Однако, несмотря на разнообразие направлений и подходов, связанных с вопросами интерференции, многие аспекты считаются дискуссионными, в том числе и вопрос о статусе интерферирующей речи.

Анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов показывает, что большинство учёных считают интерферирующую речь промежуточной системой. Согласно этой точке зрения, интерферирующая речь есть «интерязык» (interlanguage), выполняющий роль посредника между родным и изучаемым языками. Данный термин был впервые упомянут в работах Л. Селинкера [Selinker, 1972]. Схожей точки зрения придерживаются В. М. Панькин и А. В. Филиппов: "Интерязык – промежуточный язык между родным и вторым, на котором начинают говорить при изучении, освоении второго языка, еще не достигнув достаточного владения им. В частности, в сознании возникает переходная, промежуточная система языка – аппроксимативная система, отражающая переходную (недостаточную) языковую компетенцию в отношении второго языка" [Панькин, Филиппов, 2011]. В работе другого отечественного лингвиста П. П. Дашинимаевой интерязык описывается как промежуточная система, понимаемая и как отношение между языками, и как надстандартная форма языка» [Дашинимаева, 2010, с. 193]. В «Словаре лингвистических терминов» интерязык рассматривается как разновидность изучаемого языка, которая «является объектом интерференции со стороны родного языка говорящего, но не содержит элементов ни родного языка, ни изучаемого языка» [Жеребило, 2010, с. 124]. В. Н. Вагнер указывает на переходный статус интерязыка, который используется «на определённом уровне овладения изучаемым языком при недостаточной сформированности ... фрагментов его внутренней системы» [Вагнер, 1997, с. 15]. В нашем исследовании мы придерживаемся определения Н. А. Любимовой, характеризующей интерферирующую речь как одну из подсистем

данного национального языка, но сформированную под действием межъязыковой интерференции в условиях формирования двуязычия [Любимова, 1991].

Таким образом, в процессе взаимодействия двух или более языков в условиях дву- или многоязычия возникает промежуточная система, единицы которой не тождественны единицам первичной и вторичной системы. Данные промежуточные единицы могут совпадать с единицами первичной системы, с единицами вторичной системы, или иметь состав, не совпадающий с составом единиц ни одной из систем. Дифференциальные признаки промежуточной системы определяются степенью типологического сходства контактирующих языков и выделяются путём контрастивного анализа контактирующих систем на разных языковых уровнях. Различия в грамматическом строе, фонологической системе, правилах синтаксиса и особенностях лексики могут привести к значительной степени интерференции и как результат – к сильному акценту в речи билингва, говорящего на неродном языке. Отсутствие исследований русской интерферированной речи эвенков обуславливает актуальность данной работы.

Целью настоящего исследования является сравнение интонационного оформления специальных вопросов в русском и эвенкийском языках для выявления универсальных и специфических черт, а также изучение особенностей мелодического контура вопросов в акцентной русской речи эвенков как результата контакта систем этих языков. Сопоставление интонационного оформления специальных вопросов генетически и типологически разных русского и эвенкийского языков с опорой на объективные данные проводится впервые; а также впервые на основе инструментального анализа изучены основные параметры интонационного контура вопросов с вопросительным словом в интерферированной речи эвенков, и установлена система признаков, отличающих русскую акцентную речь носителей эвенкийского языка.

Вопросительное предложение с вопросительным словом по классификации Е. А. Брызгуновой относится к интонационной конструкции ИК-2 [Брызгунова, 1963, с. 255]. Контур частных вопросов в русском языке близок к контуру утвердительных предложений. Основным отличием является более высокий уровень тона на гласном центра. Чем ближе центр к началу конструкции, тем выше уровень тона. В. Всеволодский-Гернгросс определяет вопросительное слово как наиболее эмоциональную часть, принимающую на себя модуляцию высоты [Всеволодский-Гернгросс, 1922, с. 52]. Н. Д. Светозарова также отмечает повышение тона на стоящем в начале вопросительном слове выше уровня средней индивидуальной высоты, и сохранение относительно высокого уровня тона вплоть до последнего ударного слога, на котором происходит понижение до мелодического минимума [Светозарова, 1979, с. 101]. По мнению Т. М. Николаевой, такие вопросы двуцентровые [Николаева, 1977, с. 86]. Максимальный пик осуществляется на ударном слоге вопросительного слова. Вторым мелодическим центром является последний ударный слог предложения, где происходит резкое понижение мелодики, что служит показателем терминальности [Николаева, 2000, с. 229].

Анализ интонационного оформления специальных вопросов эвенков показал значительные отличия от реализаций частных вопросов в русском языке. Прежде всего интонационный контур эвенкийских вопросов отличается большей сглаженностью и меньшим диапазоном изменений высоты тона, при этом высокий уровень тона наблюдается только в начале шкалы в отличие от выпуклого контура русских вопросов, и, следовательно, совпадает с интонационными контурами утвердительных предложений [Морозова, 2019, с. 90]. Падение в средней части носит ступенчатый характер и объясняется последовательным изменением уровня частоты основного тона (далее – ЧОТ); на конечном ударном слоге ядерный тон реализуется в основном ступенчатым изменением высоты тона до мелодического минимума.

Была выдвинута гипотеза: круг интонационных отклонений в реализациях специальных вопросов в интерферированной русской речи будет ограничен особенностями формы и способа реализации кривых мелодического контура высказывания, а также в сужении мелодического диапазона и интервала ударных гласных.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Организационная сторона экспериментального исследования включала выбор материала, способ его получения, отбор дикторов. Материалом для исследования послужила спонтанная русская речь эвенков в возрасте старше 50 лет, запись которых была осуществлена в ходе полевых исследований О. Н. Морозовой, Т. В. Кравец с 2014 по 2019 годы, а также в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета [Морозова, 2014; Кравец, 2019]. При отборе дикторов была использована методика, предложенная Н. Б. Вахтиным в труде «Очерки языкового сдвига» [Вахтин, 2001]. В результате опроса экспертов и исследования «лингвистических биографий» были отобраны дикторы, удовлетворяющие требованиям нашего исследования, получивших оценку 1-2 уровней по первому критерию (1. Говорит на языке совершенно свободно; это часто единственный язык индивида. 2. Говорит на языке свободно, но может (или предпочитает) говорить на каком-то другом языке с такой же (или большей) лёгкостью) и относящихся к варианту 1 второго критерия (Вариант 1. Язык приобретён в раннем детстве от родителей. Это был единственный (или основной) язык семьи, на котором говорили все взрослые, окружавшие ребёнка (или большинство взрослых). Начав говорить на нём, ребёнок продолжал говорить на том же языке без перерывов или как минимум продолжал слышать его постоянно вокруг себя, хотя сам по каким-то причинам мог позднее предпочесть другой язык) [Вахтин, 2001, с. 112–122].

Учитывая данные критерии, в качестве дикторов были отобраны следующие носители эвенкийского языка: Акимова Лариса Владимировна (фермер), Исакова Елена Вениаминовна (медсестра), Кухаренко Наталья Сафроновна (воспитатель), Подолько Людмила Дмитриевна (медсестра), Романова Маргарита Сидоровна (пенсионерка), Сказинова Эмилия Васильевна (бухгалтер), которые в дальнейшем будут именоваться диктор 1 (D1), диктор 2 (D2), диктор 3 (D3), диктор 4 (D4) диктор 5 (D5) и диктор 6 (D6) соответственно¹. Общая продолжительность звучащей речи составила 1 час 40 минут.

Задача предварительного слухового анализа состояла в подготовке экспериментального материала, заключающейся в его сегментации и предварительном изучении. Определялись степень естественности произнесения и соответствие его интонационной норме и характеру материала. Кроме того, первичное прослушивание позволило исключить неудачные реализации, в которых особо ярко проявлялись индивидуальные особенности диктора, эмоциональная напряжённость, а также запинки, повторения и хезитационные паузы. В итоге в качестве материала для исследования были отобраны 35 вопросов с вопросительным словом.

Второй этап состоял из собственно экспериментального, или акустического анализа, который предполагал извлечение сведений об интонационных параметрах, их обработку, обобщение и интерпретацию полученных данных с целью выявления условных интонационных моделей специальных вопросов в интерферированной русской речи эвенков и описания интонационных отклонений, наблюдаемых в каждом из них.

В результате был сформирован корпус исследования: высказывания, которые были сохранены в отдельные файлы формата wav и подвергнуты акустическому анализу в

¹Данные об информантах приводятся с их согласия.

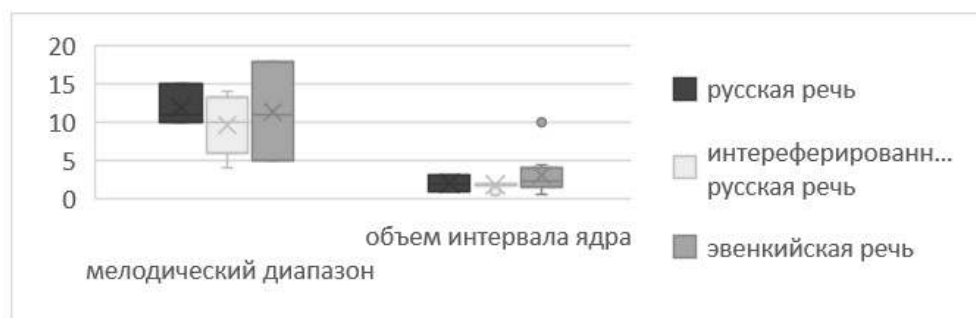

программе свободного доступа PRAAT. В ходе анализа были получены графики основного тона (интонограммы).

Были использованы различные статистические методы количественных подсчётов для обработки экспериментальных данных и вычисления средних значений. Сравнение отдельных параметров проводилось с помощью методики box plot («ящик с усами»), разработанной Джоном Тьюки [Tukey, 1960]. Скорость изменения основного тона высчитывалась по формуле: $s = \frac{\Delta f}{\Delta t}$, где s – скорость Гц/мс, i – интервал между двумя частотами в Гц, t – длительность отрезка сигнала в мс [Цеплитис, 1974, с. 108].

2.2. Обсуждение результатов [Results and Discussion]

Прежде всего мы сравнили значения мелодического диапазона (в полутонах) и объёма интервала ударного гласного ядра (в полутонах) в интерферирующей русской речи и исходных языках. Вопреки ожиданиям, сопоставительный анализ данных параметров показал значительную степень сходства, так как все показатели находятся в пределах полного или частичного совпадения, что наглядно иллюстрируется диаграммами на рисунке 1 и показателями критерия Стьюдента в таблице 1.

Р и с у н о к 1. Мелодический диапазон и объём интервала ядра специальных вопросов в русской, интерферирующей русской и эвенкийской речи
[F i g u r e 1. Pitch range and the volume of the core interval of special questions in Russian, interfered Russian and Evenki]

Т а б л и ц а 1. Значения критерия Стьюдента (мелодический диапазон и объём интервала ядра)
[T a b l e 1. Values of the Student's criterion (Pitch range and the volume of the core interval)]

Сравниваемые показатели	Мелодический диапазон		Объём интервала	
	$t_{эмп}$	$t_{кр}$ при ($p \leq 0.05$)	$t_{эмп}$	$t_{кр}$ при ($p \leq 0.05$)
Русск./эвенк.	$t_{эмп} = 0,2$	$t_{0.05} = 2,78$	$t_{эмп} = 1,3$	$t_{0.05} = 2,09$
Русск//русск. интерфер.	$t_{эмп} = 1,1$	$t_{0.05} = 2,2$	$t_{эмп} = 0,7$	$t_{0.05} = 2,11$
Эвенк./русск. интерфер.	$t_{эмп} = 0,6$	$t_{0.05} = 2,2$	$t_{эмп} = 1,7$	$t_{0.05} = 2,09$

Далее был определён круг акустических величин в качестве релевантных для данного исследования параметров. В таблице 2 представлены данные, полученные в результате количественного подсчёта частотности каждого параметра.

Т а б л и ц а 2. Частотность интонационных параметров
[T a b l e 2. Frequency of intonation parameters]

Параметр	Показатель	% встречаемости
1	2	3
Уровень начала фразы (≠вопросительное слово)	Выше уровня средней ЧОТ	91
	На уровне средней ЧОТ	0
	Ниже средней ЧОТ	9
Уровень начала фразы (начало шкалы=вопросительное слово)	Выше уровня средней ЧОТ	75
	На уровне средней ЧОТ	0
	Ниже средней ЧОТ	25
Уровень конца шкалы =ядра	Выше уровня средней ЧОТ	22,5
	На уровне средней ЧОТ	11
	Ниже средней ЧОТ	66,5
Уровень конца шкалы=заядерной части	Выше уровня средней ЧОТ	0
	На уровне средней ЧОТ	0
	Ниже средней ЧОТ	100
Общее направление мелодики	Нисходящее	80
	Восходящее	0
	Ровное с небольшими отклонениями	20
	Другое	0
Направление мелодики на предшкале	Нисходящее	0
	Восходящее	73
	Другое	27
Направление мелодики на заядерной части	Нисходящее	100
	Восходящее	0
	Другое	0
Место мелодического максимума	Предшкала	14
	Главноударный шкалы	13
	Ударный гласный вопросительного слова	60
	Другое	13
Место мелодического минимума	Гласный ядра=конец фразы	89
	Гласный ядра≠конец фразы	0
	Заядерная часть	100
	Другое	11

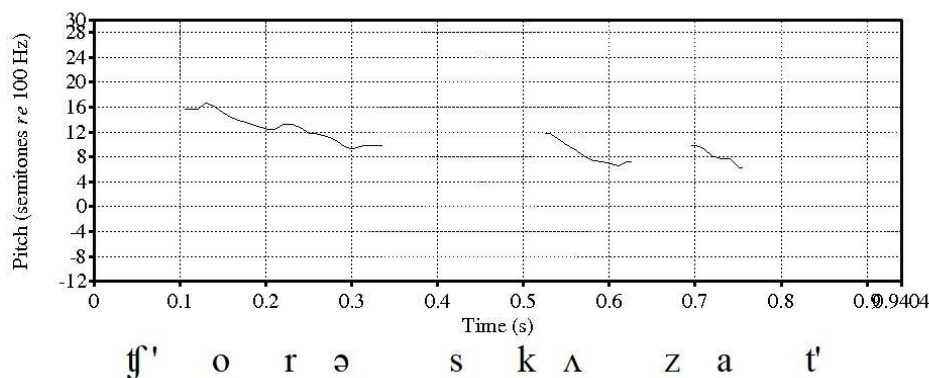
Окончание таблицы 2

1	2	3
Мелодический диапазон фразы	Больше среднего показателя	40,5
	Равен среднему показателю	33
	Ниже среднего показателя	26,5
Направление движения тона на ударном гласном вопросительного слова	Инклинация	0
	Деклинация	87
	Ровный тон с нулевым интервалом	13
Объем интервала ударного гласного вопросительного слова	Больше среднего показателя	61,5
	Равен среднему показателю	30,5
	Ниже среднего показателя	8
Направление движения тона в ядре	Инклинация	0
	Деклинация	100
	Ровный тон с нулевым интервалом	0
Объем интервала в ядре	Больше среднего показателя	28,5
	Равен среднему показателю	43
	Ниже среднего показателя	28,5

Проценты считались от общего количества реализаций специальных вопросов в акцентной русской речи эвенков. Показатели по уровню начала высказывания распределились следующим образом: в большинстве реализаций мелодический контур начинался на уровне, выше средней ЧОТ (91% случаев). В реализациях присутствовали случаи, когда на предшкале был реализован мелодический максимум, однако наиболее частотным местом достижения основных тоном максимума являлось вопросительное слово (в 60% случаев). Восходящее движение мелодики на предшкале встречалось значительно чаще (73%), чем ровное (3%) или нисходящее (24%). В то же время, реализации проявили единообразие в оформлении заядерной части, представленное деклинацией вплоть до достижения мелодического минимума в 100% случаев. При анализе шкалы мы учитывали общее направление мелодики и движение тона на ударном гласном ядра. Чаще всего встречалось общее нисходящее движение основного тона. Наряду с этим, в 20% случаев отмечался ровный тон с небольшими отклонениями, чаще всего в случае смещения вопросительного слова в середину высказывания или ближе к концу. На ударном гласном вопросительного слова в ряде случаев (87%) наблюдалась деклинация. В некоторых реализациях отмечались случаи ровного тона с нулевым интервалом. Дистрибуция ядерного тона проявила единообразие, так как в 100% случаев терминальность была реализована понижением тона. Значения, характеризующие мелодический диапазон и интервал гласного ядра, отличались большой вариативностью.

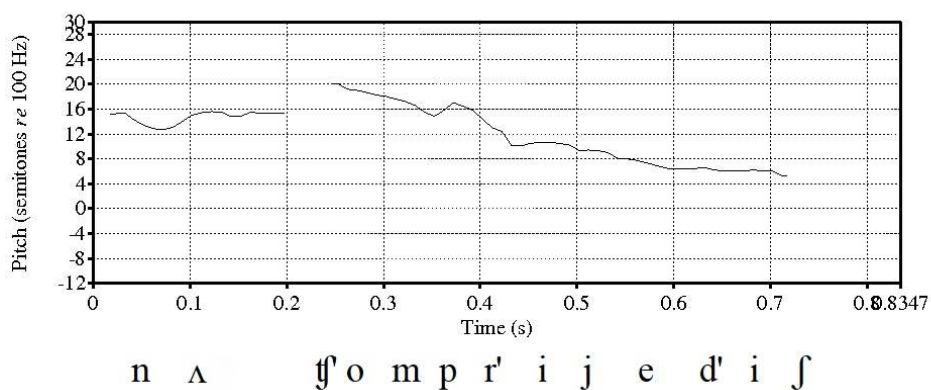
Частота встречаемости выделенных основных признаков интонационного контура в совокупности с особенностями их сочетания позволили определить следующие условные модели интонационного контура и выделить их основные особенности. Необходимо отметить, что модели интонационного контура специальных вопросов в интерферирующей русской речи эвенков носят условный характер в связи с небольшим объемом исследуемого материала.

Наиболее распространённой оказалась модель, представленная понижением тона от начала шкалы до ядра. На рисунке 2 приведена интонограмма специального вопроса «Чё рассказать?» в речи диктора D3. Первый ударный слог совпадает с началом высказывания, следовательно, данная единица состоит из шкалы и ядра. Начало шкалы приходится на ударный гласный вопросительного слова, который реализуется довольно резким понижением мелодики с мелодического максимума в 262 Гц на 4 полутона, при этом скорость деклинации составляет 0,686 Гц/мс. Последующее понижение ЧОТ осуществляется на безударных гласных шкалы и завершается терминальной деклинацией с достижением мелодического минимума (144 Гц). Мелодический диапазон равен 10 полутонам.

Р и с у н о к 2. Интонограмма специального вопроса «Чё рассказать?» (D3)
[F i g u r e 2. Intonogram of the special question «Чё рассказать?» (D3)]

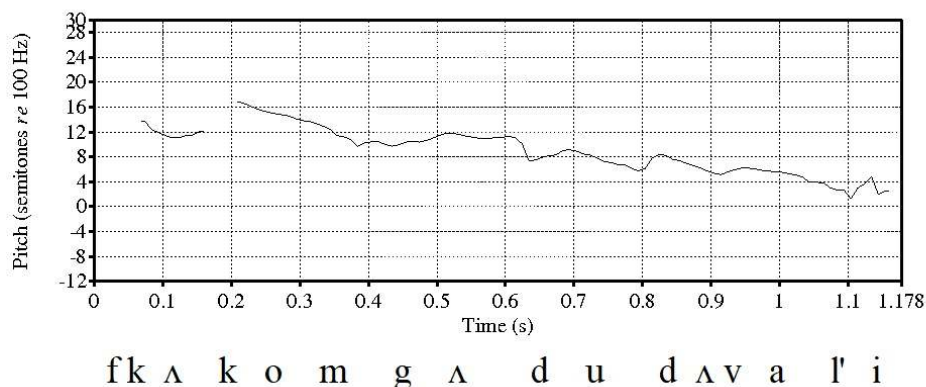
При наличии предшкалы в интонационном облике специальных вопросов наблюдается мелодический пик на интонационном контуре, образованный повышением тона начала и последующим понижением первого ударного слога шкалы: (рис. 3).

Р и с у н о к 3. Интонограмма специального вопроса «На чём приедешь?» (D4)
[F i g u r e 3. Intonogram of the special question «На чём приедешь?» (D4)]

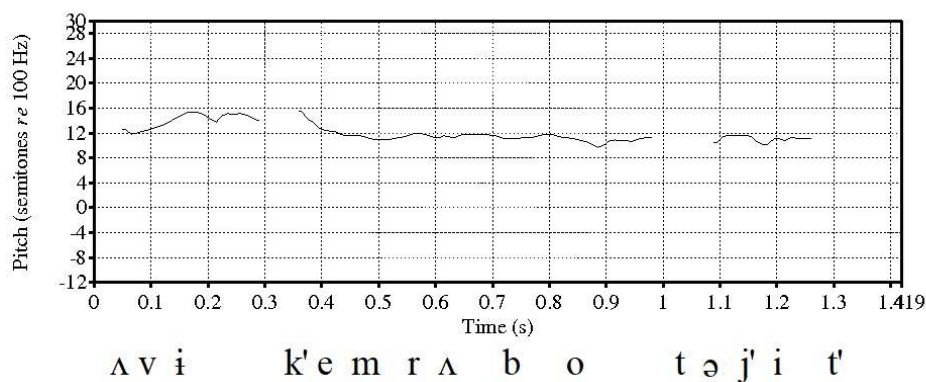
Перелом кривой мелодики представлен инклинацией на предшкале на два полутона, за которой основной тон понижается с 320 Гц до 290 Гц со скоростью 0,566 Гц/мс. Далее следует постепенное понижение основного тона вплоть до ядра, реализованного деклинацией на 2 полутона. На заядерной части тон ровный на уровне, равным мелодическому минимуму данного высказывания (143 Гц).

Мелодический перелом характеризует начало интонационного контура вопросительного высказывания «В каком году давали?» другого диктора D6 (рис. 4). Начальная инклинация обладает незначительной крутизной подъёма с 190 Гц до 195 Гц. Исходя из указанных значений, её скорость составляет 0,109 Гц/мс. Начало шкалы представлено ударным гласным вопросительного слова и совпадает с мелодическим максимумом (263 Гц). Последующее понижение мелодики сопровождается последовательностью незначительных деклинаций на гласных шкалы, ядерный тон реализуется понижением на 2 полутона. Далее наблюдаются флюктуации тона, что характерно для мелодики на заядерной части в эвенкийской речи.

Р и с у н о к 4. Интонограмма специального вопроса «В каком году давали?» (D6)
[F i g u r e 4. Intonogram of the special question «В каком году давали?» (D6)]

Отдельно следует рассмотреть реализации вопросов, в которых вопросительное слово не совпадает с началом шкалы. Интонационный образ специального вопроса «А вы кем работаете?» в речи диктора D1 отличается контрастом первой части высказывания вплоть до ударного вопросительного слова и второй части шкалы и ядра (рис. 5).

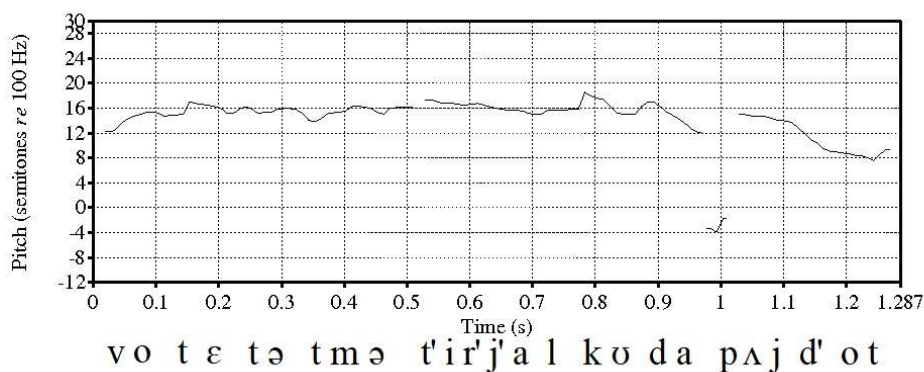

Р и с у н о к 5. Интонограмма специального вопроса «А вы кем работаете?» (D1)
[F i g u r e 5. Intonogram of the special question «А вы кем работаете?» (D1)]

Фраза начинается на среднем уровне тона с дальнейшим повышением на первом ударном шкалы, при этом ЧОТ достигает максимальных показателей в 244 Гц, после чего следует значительное понижение тона ударного гласного вопросительного слова на 4 полутона со скоростью 0,581 Гц/мс, в результате чего образуется мелодический пик на интонационном контуре. Это характерно для предложений с особым выделением в

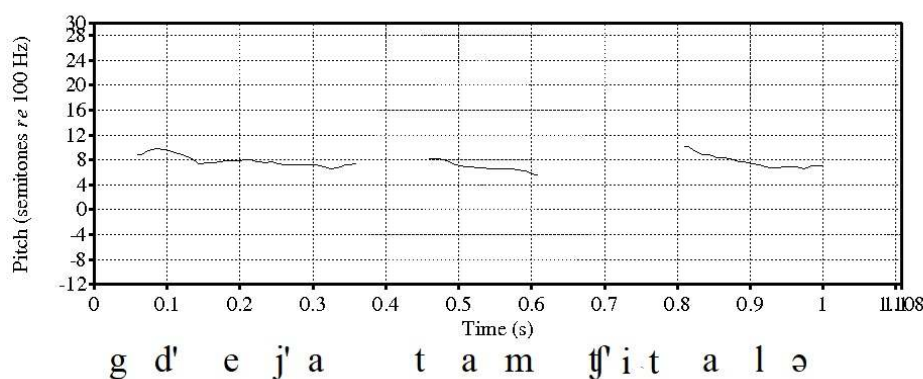
эвенкийском языке, основанном на контрасте с остальной частью контура, имеющей ровный, сглаженный характер [Карачева, 2020, с. 78]. Именно это наблюдается на последующей части шкалы и ядре, реализованных на одном уровне в 178 Гц с небольшими отклонениями в 0,5 полутона.

На рисунке 6 представлена интонограмма специального вопроса «Вот этот материал куда пойдет?» диктора D5. Гласный предшкалы реализуется на среднем уровне в 227 Гц незначительным повышением мелодики на 1,5 полутона. На первом гласном шкалы наблюдается понижение тона с мелодического максимума (265 Гц). Общее направление мелодики на шкале ровное, с небольшими отклонениями в 1–2 полутона, при этом уровень основного тона выше среднего вплоть до ударного гласного вопросительного слова, представленного деklinацией со значительной крутизной интервала: понижение происходит с 266 Гц до 207 Гц за 66 мс. Далее тон продолжает понижаться вплоть до ядра, на которое приходится мелодический минимум высказывания в 16 Гц. В данном случае наблюдается оформление специального вопроса, характерное для русской речи. Данная интонационная модель в акцентной русской речи эвенков была представлена ограниченным количеством реализаций.

**Р и с у н о к 6. Интонограмма специального вопроса
«Вот этот материал куда пойдет?» (D5)
[Figure 6. Intonogram of the special question
«Вот этот материал куда пойдет?» (D5)]**

Особый интерес представляет реализация специального вопроса «Где я там читала?» в речи диктора D2 (рис. 7). На наш взгляд, особенности мелодического оформления высказывания указывают на его высокую степень интерферированности. Особенностью эвенкийской речи является реализация особого выделения путём prolongирования гласного, что и можно наблюдать на интонограмме вопроса. Начало высказывания совпадает с ударным гласным вопросительного слова и представлено гласным, реализованным на среднем уровне тона с нулевым интервалом на протяжении 120 мс. Уровень тона незначительно меняется на последующих ударных гласных, дистрибуция ядерного тона представлена deklinацией на 2 полутона, но на уровне более высоком, чем шкала, начинаясь с мелодического максимума в 180 Гц со скоростью 0,263 Гц/мс. Произнесение гласного ядра на более высоком уровне также характерно для носителей эвенкийского языка.

Р и с у н о к 7. Интонограмма специального вопроса «Где я там читала?» (D2)
[Figure 7. Intonogram of the special question «Где я там читала?» (D2)]

3. Заключение [Conclusion]

Акустический анализ просодических характеристик специальных вопросов на материале акцентной русской речи носителей эвенкийского языка позволил сделать следующие выводы.

1. Мелодический диапазон интонационного контура и интервал ударных гласных вопросительного слова и ядра в реализациях специальных вопросов в интерферированной речи эвенков отличается незначительно от данных параметров в исходных языках. Вместе с тем, были зарегистрированы вопросы, в которых наблюдается сужение мелодического диапазона, что обусловлено значительной степенью влияния эвенкийского языка.

2. Анализ мелодических характеристик специальных вопросов выявил наличие разных типов движения основного тона. Типичные интерферированные специальные вопросы характеризуются общим нисходящим направлением мелодики, как и в эвенкийском языке. Постоянным признаком является подъём тона на предшкале, относительно высокий уровень мелодики начала шкалы, совпадающий с мелодическим максимумом. Мелодический минимум регистрируется, как правило, на ядре, или же дальнейшее падение происходит при наличии заядерной части. Реализации с выпуклым интонационным контуром, характерных для русского языка, представлены в небольшом количестве. В наиболее интерферированных высказываниях наблюдается сглаженность мелодического контура, реализованного последовательным изменением высоты тона гласных, в том числе ударного гласного ядра.

3. Акустический анализ продемонстрировал, что выделение вопросительного слова возможно как повышением тона, так и продлением гласного, что приводит к изменению мелодического облика высказывания. Зафиксированная частотность оформления терминального тона деklinацией соответствует тенденции, характерной для обоих исходных языков.

Библиографический список

- Бондарко и др., 2004 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. М.: Академия, 2004. 160 с.
- Брызгунова, 1963 – Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка: пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 306 с.
- Вагнер, 1997 – Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим (фонетика, графика, части речи): автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.02; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 1997. 43 с.

- Вахтин, 2001 – Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 1922 – Всеволодский-Гернгросс В. Теория русской речевой интонации. Петербург : Гос. изд-во, 1922. 128 с.
- Дашинимаева, 2010 – Дашинимаева П. П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости : автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 ; Тверской гос. ун-т. Иркутск, 2010. 46 с.
- Жеребило, 2010 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
- Карачева, 2020 – Карачева О. В. Характеристики интонационного контура восклицательных предложений с особым выделением в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 70–83. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_70_83
- Кравец, 2019 – Кравец Т. В. Итоги социолингвистической экспедиции в село Бомнак Зейского района Амурской области / Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орононы и другие группы) // Труды третьей международной междисциплинарной тунгусской конференции «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орононы и другие группы)» / глав. ред. С. В. Андросова. Благовещенск : ООО «ИПК «Одеон», 2019. С. 120–127.
- Любимова, 1991 – Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале финско-русского двуязычия) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1991. 28 с.
- Морозова, Андросова, 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В. Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 84–96. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Морозова, 2014 – Морозова О. Н. Об одном экспедиционном исследовании селемджинского говора эвенкийского языка // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков / отв. ред. С. И. Гусева. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. С. 97–105.
- Николаева, 2000 – Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 679 с.
- Николаева, 1977 – Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М. : Наука, 1977. 278 с.
- Панькин, Филиппов, 2011 – Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М. : Флинта : Наука, 2011. 156 с.
- Светозарова, 1979 – Светозарова Н. Д. К вопросу о функциях интонации: науч. практическая статья // Звуковой строй языка. М. : Наука, 1979. С. 252–255.
- Цеплитис, 1974 – Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига : Зинатне, 1974. 270 с.
- Selinker, 1972 – Selinker L. Interlanguage // IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10, N 3. P. 209–232.
- Tukey, 1960 – Tukey J. W. A survey of sampling from contaminated distributions // Contributions to Probability and Statistics: Essays in Honor of Harold Hotelling / Ed. by I. Olkin, S. G. Ghurye, W. Hoeffding, W. G. Madow, H. B. Mann. Stanford, CA : Stanford University Press, P. 448–485.

References

- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V. (2004). *Osnovy obshchey fonetiki* [Basics of general phonetics]. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya rus-skogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).
- Vagner, V. N. (1997). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovo-ryashchim i frankogovoryashchim (fonetika, grafika, chasti rechi)* [Methods of teaching Russian to English and French speakers (Phonetics, graphics, parts of speech)]. Author's abstract of PhD in Pedagogical sci. diss. Moscow : Moscow State University. (In Russ.).
- Vakhtin, N. B. (2001). *Yazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazykovo-go sdviga* [Languages of the peoples of the North in the XX century. Essays on the language shift]. Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin Press. (In Russ.).

- Vsevolodskiy-Gerngross, V. (1922). *Teoriya russkoy rechevoy intonatsii* [Theory of Russian speech intonation]. Saint Petersburg: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Press. (In Russ.).
- Dashinimaeva, P. P. (2010). *Teoriya znachimosti kak osnova psikhoneyrolingvisticheskoy kontseptsii neperevodimosti* [The theory of significance as the basis of the psychoneurolinguistic concept of untranslatability]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tver: Tver State University. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran': Pilgrim Press. (In Russ.).
- Karacheva, O. B. (2020). Kharakteristiki intonatsionnogo kontura vosklitsatel'nykh predlozheniy s osobym vydeleniem v russkom i evenkiyskom yazykakh [The characteristics of the intonational contour of exclamatory sentences with special emphasis in the Russian and Evenki languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 70–83. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_70_83
- Kravets, T. V. (2019). Itogi sotsiolingvisticheskoy ekspeditsii v selo Bomnak Zeyskogo rayona Amurskoy oblasti [The results of the sociolinguistic expedition in the village of Bomnak, Zeya district, Amur region]. In S. V. Androsova (Ed.), *Trudy tret'ey mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy tungusskoy konferentsii «Sotsial'nye vzaimodeystviya, yazyki i landshafty v Sibiri i Kitae (evenki, eveny, orochony i drugie gruppy)»* [Proc. of the 3rd International Tungus Conference “Social interactions, languages, landscapes (Evenks, Evens, Orochen and other ethnoses”]. (pp. 120–127). Blagoveshchensk: Amur State University Press. (In Russ.).
- Lyubimova, H. A. (1991). *Foneticheskaya interferentsiya i obshchenie na nerodnom yazyke (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale finsko-russkogo dvuyazychiya)* [Phonetic interference and communication in a non-native language (Experimental phonetic study based on Finnish-Russian bilingualism)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St.-Petersburg: St.-Petersburg State University. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2019). Intonatsiya voprosov v rechi amurskikh evenkov: osnovnoy ton [The prosody of questions in the Amur Evenks' speech: Pitch]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 84–96. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_84_96
- Morozova, O. N. (2014). Ob odnom ekspeditsionnom issledovanii selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka [About an expedition study of the Selemdzhinsky dialect of the Evenki language]. In S. I. Guseva (Ed.), *Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of phonetics and foreign languages teaching methods] (pp. 97–105). Blagoveshchensk: Amur State University Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Pan'kin, V. M., Filippov, A. V. (2011). *Yazykovye kontakty: kratkiy slovar'* [Language contacts: A short dictionary]. Moscow: Flinta Press. (In Russ.).
- Svetozarova, N. D. (1979). K voprosu o funktsiyakh intonatsii: nauch. prakticheskaya stat'ya [On the question of the functions of intonation: a scientific and practical article]. *Zvukovoy stroy yazyka* [The phonetic system of a language] (pp. 252–255). Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Tseplitis, L. K. (1974). *Analiz rechevoy intonatsii* [Analysis of speech intonation]. Riga: Zinatne. (In Russ.).
- Selinker, L. (1972). Interlanguage. *IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 10 (3), 209–232.
- Tukey J. W. (1960). A survey of sampling from contaminated distributions. In I. Olkin, S. G. Ghurye, W. Hoeffding, W. G. Madow, H. B. Mann (Eds), *Contributions to Probability and Statistics: Essays in Honor of Harold Hotelling* (pp. 448–485). Stanford, CA: Stanford University Press.

Коршунова Анастасия Сергеевна, Лагута Нина Владимировна✉

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

nlaguta@mail.ru

Репрезентация категории временной локализованности в публицистических текстах

Аннотация

В статье рассматривается категория временной локализованности как функционально-семантическое поле и средства её выражения. Функционально-семантическое поле временной локализованности включает в себя временную локализованность (Л) и временную нелокализованность (НЛ), которые имеют свою типологию и функциональную реализацию. Цель статьи – выявить и проанализировать основные средства репрезентации категории временной локализованности, а также семантические и функциональные особенности её реализации в публицистических текстах. Материалом для исследования послужили новостные тексты региональных сайтов. В результате проведённого исследования, во-первых, определено 7 типов временной Л и 3 типа временной НЛ. Во-вторых, установлены средства выражения данных категорий, а именно, взаимодействие компонентов, принадлежащих разным уровням языка, и их функционально-семантические особенности, реализуемые в публицистических текстах, а именно, конкретная временная отнесённость событий. Наконец, выявлено, что временная Л встретилась в три раза чаще, чем временная НЛ.

Ключевые слова: категория времени, функционально-семантическое поле, функционально-семантическая категория, категория временной локализованности, точечная локализованность, линейная локализованность, категория временной нелокализованности, простая повторяемость, узуальность, временная обобщённость, публицистический текст

© Коршунова А. С., Лагута Н. В. 2022

Для цитирования: Коршунова А. С., Лагута Н. В. Репрезентация категории временной локализованности в публицистических текстах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 73–81. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_73

Anastasia S. Korshunova, Nina V. Laguta✉

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

nlaguta@mail.ru

Representation of the category of temporal localization in journalistic writing

Abstract

The article considers the category of temporal localization as a functional-semantic field with its own means of expression. The functional-semantic field of temporal localization includes the categories of the temporal localizing (L) / non-localizing (NL) of action existing in the Russian language which has its own typology and functional implementation. The purpose of the article is to identify and analyze the main means of representing the category of temporal localization, as well as the semantic and functional features of its implementation in mass media texts. The material for the research was the news texts of regional sites. As the first result, 7 major types of temporal L and 3 major types of temporal NL have been determined. Secondly, the means of expressing

these categories, particularly, the interaction of components belonging to different levels of the language, and their functional and semantic features implemented in mass media texts, particularly, reference to concrete time, have been established. Finally, temporal L turned out thrice more frequent than temporal NL.

Keywords: category of time, functional-semantic field, functional-semantic category, category of temporal localization, point localization, linear localization, category of temporal non-localization, simple repetition, usability, temporal generalization, mass media texts

© Korshunova A. S., Laguta N. V. 2022

For citation: Korshunova, A. S., Laguta, N. V. (2022). *Reprezentatsiya kategorii vremennoy lokalizovannosti v publitsisticheskikh tekstakh* [Representation of the category of temporal localization in journalistic writing]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 73–81. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_73

1. Введение [Introduction]

В настоящее время отмечается большой интерес к изучению различных языковых явлений с функциональной точки зрения. Наблюдается повышенное внимание «отечественных языковедов к проблеме описания различных функционально-семантических категорий (таксиса, темпоральности, аспектуальности, квантитативности, инструментальности, concessивности, каузативности и др.) в аспекте актуализации их инвариантных категориальных признаков в синтагматическом контексте» [Архипова, 2021, с. 5–6]. Категория времени не стала исключением. Согласно традиционной грамматике, основанной на системно-структурном подходе, категория времени понимается как грамматическая категория, представленная личными и неличными глагольными формами: «Категория времени имеет связь с внеязыковой действительностью, поскольку в языковом плане все явления и события могут относиться лишь к одной из трёх временных плоскостей – к настоящему, прошедшему или будущему» [Бурнакова, Боргоякова, 2020, с. 27]. Иной взгляд на категорию времени в языке имеет функциональная грамматика, основной принцип которой заключается «в комплексном и интегрирующем подходе, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства» [Бондарко, 2017, с. 7]. Согласно этому подходу, анализ обращён на исследование взаимодействия элементов разных уровней языковой системы на функциональной основе. Категория времени с точки зрения функциональной грамматики представлена различными семантическими категориями: «так, аспектуальность, вместе с временной локализованностью, темпоральностью и таксисом образуют тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени» [Бондарко, 2017, с. 29].

Данная работа является продолжением более раннего исследования [Коршунова, Лагута, 2021], посвящённого функционально-семантической категории темпоральности. В рамках данного исследования рассматриваются основные средства репрезентации категории временной локализованности, а также семантические и функциональные особенности её реализации в публицистических текстах. Для анализа было взято 90 текстов, размещённых на региональных новостных сайтах [ИА «Амур.инфо», Amur.net] в разделе «Культура» с 2018 по 2021 гг. Материалом для исследования послужили синтаксические единицы, выражающие различные типы временной локализованности (Л) и нелокализованности (НЛ). Отбор произведён методом сплошной выборки, общее количество составило 370 единиц. В исследовании были использованы следующие методы: метод описания и метод функционально-семантического анализа с целью

определения различных разноуровневых языковых средств, выражающих значение временной локализованности (Л) и нелокализованности (НЛ).

2. Репрезентация функционально-семантической категории временной локализованности [Verbalization of functional-semantic category of temporal localization]

Оппозиция Л и НЛ действия во времени давно привлекла внимание лингвистов. А. А. Потебня первым обратил внимание на то, что славянские глаголы способны обозначать как конкретные, так и отвлечённые действия: а) Я читаю сейчас; б) Я хорошо читаю [Потебня, 2011, с. 90]. Подробное изучение данной категории начал Э. Кошмидер, который выделял в языке две группы фактов: конкретные (имеют определённое место на оси времени) и абстрактные (не обладают собственным местоположением на временной оси) [Кошмидер, 1962]. Таким образом, согласно концепции Э. Кошмидера имеет место оппозиция локализованность / вневременность. А. В. Бондарко временную НЛ определяет как категорию «неограниченной повторяемости, обычности (узуальности) или временной обобщённости («вневременности», «всевременности»), при этом обычность действия характеризуется возможной, а временная обобщённость – обязательной сочетаемостью с обобщённостью (генерализацией) субъекта и объекта» [Бондарко, 2017, с. 210].

Таким образом, временная локализованность (Л) действия представляет собой «прикреплённость этого действия к определённому моменту или отрезку времени в плане настоящего, прошедшего или будущего времени», а временная нелокализованность (НЛ) репрезентирует «абстрагированность действия (и, шире, – ситуации в целом) от конкретного момента или отрезка времени» [Смирнов, 2010, с. 186]. Настоящая семантическая категория представлена в виде оппозиции значений, во-первых, конкретности действия, его расположения на оси времени (определённый момент или период), конкретность субъекта действия (Л), во-вторых, неконкретность, неопределённость временного плана действия, обобщённость субъекта действия (НЛ).

В отличие от традиционной грамматики, основная концепция которой заключается в описании языковых единиц от формы к семантике, основным подходом функциональной грамматики является «от семантики к средствам её выражения» [Бондарко, 2017, с. 14]. На данном подходе основывается теория функционально-семантических полей (ФСП). ФСП – «это базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматических и “строєвых” лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функции» [Бондарко, 2017, с. 11]. Как и другие ФСП, поле временной локализованности представляет собой единство, которое образуется путём взаимодействия языковых единиц разных уровней системы языка. Важно заметить, что в русском языке отсутствуют специальные грамматические формы репрезентации данной семантической категории, и она «находит своё выражение в функционировании форм вида и времени при участии лексических и других средств контекста» [Смирнов, 2010, с. 191]. Несовершенный вид (НСВ) глагола способен выражать значения как локализованности, так и нелокализованности, а совершенный вид (СВ) является преимущественно средством выражения локализованности. Категория времени глагола также играет важнейшую роль в разграничении категорий Л/НЛ: «Если значения Л способны выражать все временные формы, то для выражения широкого спектра значений НЛ наиболее приспособлены формы настоящего (НСВ) и простого будущего (СВ) времени» [Смирнов, 2010, с. 187]. Наряду с видом и временем, к центральной части ФСП временной локализованности относят «средства выражения конкретности / обобщённости субъекта и объекта» [Бондарко, 2017, с. 227]. К ядерной

зоне НЛ также нужно отнести обстоятельства типа каждый раз, обычно, часто, всегда, иногда, по утрам, каждый год, выражающие повторяемость действий. К периферийной части поля временной локализованности А. В. Бондарко относит некоторые типы способов действия (СД): «прерывисто-смягчительный (побаливать, покрикивать), многократный (ср. глаголы бывать, захаживать, формы прошедшего времени в значении «давнего обыкновения» певал, сиживал, хаживал и т. п.)» [Бондарко, 2017, с. 228].

Рассматривая категории временной локализованности / нелокализованности с точки зрения категориальных ситуаций, которые позволяют проанализировать взаимодействие единиц языка разного уровня, И. Н. Смирнов выделил типологию временной локализованности, в основе которой лежат следующие дифференциальные семантические признаки: «точечность / линейность локализации и определённости / неопределённости локализации» [Смирнов, 2010, с. 191]. Им выделяются следующие разновидности временной локализованности: «ситуации строго определённой точечной локализованности» (Достоевский родился в 1821 году); «ситуации строго определённой линейной локализованности» (Всё лето он провёл в городе; Эту весну он прожил в санатории); «ситуации слабо определённой точечной локализованности» (Она обязательно ответит на ваше письмо); «ситуации слабо определённой линейной локализованности» (Она будет учиться в колледже); «ситуации строго определённой точечно-линейной локализованности» (Это те ситуации, по отношению к которым подходит вопрос: «Что она сейчас делает?» – Она сидит на кресле и читает журнал); «ситуации неопределённой точечной локализованности» (Ой, а про поездку-то я и забыла; Он её за улыбку полюбил...); «ситуации неопределённой линейной локализованности» (Она учится в школе) [Смирнов, 2010, с. 192].

А. В. Бондарко выделяет следующие типы временной нелокализованности: «простая повторяемость» (Молча и неподвижно сидя у стены, Пьер то открывал, то закрывал глаза), обычность (узуальность) (У меня есть странная особенность: я быстро схватываю в живом разговоре и поразительно тупа в чтении), временная обобщённость («вневременность», «всевременность») (Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью) [Бондарко, 2017, с. 217].

Проанализируем функционально-семантическую категорию временной локализованности, представляющую собой противопоставление фактов, которые, с одной стороны, имеют индивидуальное месторасположение во времени (локализованные), а с другой, являются вневременными (нелокализованные).

Начнём анализ с категории локализованности. Рассмотрим на примерах из публицистических текстов особенности функционирования категориальных ситуаций временной локализованности, учитывая дифференциальные семантические признаки, выделенные И. Н. Смирновым. Проанализированный материал позволяет выделить следующие разновидности временной локализованности:

1. **Строго определённая точечная локализованность:**

9 мая 1924 года родился Булат Окуджава – советский и российский поэт, бард, композитор, прозаик и сценарист;

«Путешествие» входит в маршрут посещения выставки «Поехали!», посвящённой 85-летию со дня рождения первого космонавта Юрия Гагарина. Он **родился 9 марта 1934 года**;

25 апреля в Амурской филармонии **выступил** оркестр под управлением Александра Гетмана;

5 февраля человек-оркестр Владимир Калашников снова **выступил** после долгого перерыва;

Центр краеведческих и музейных инициатив «Народный музей» начал проводить прямые эфиры в сети Инстаграм. Первый **состоялся 8 апреля**, в нём приняла участие благовещенский краевед Елена Слободчикова;

*Гала-концерт музыкального проекта **состоялся 1 февраля**;*

*Елена Ваенга приехала в Благовещенск и дала два концерта. Первый **состоялся 11 октября** и собрал в Общественно-культурном центре сотни поклонников;*

*Премьера комедии в двух действиях **состоялась 24 ноября**;*

***30 декабря** в Москве на 82-м году жизни **скончалась** Наталья Марковна Завальнюк.*

Все приведённые примеры имеют точечную локализованность за счёт употребления глаголов СВ, которые обозначают конкретно-фактическое действие. Возможность установления хронологических рамок локализации делает эту разновидность точечной локализованности определённой. Определённость достигается с помощью лексических темпоральных компонентов, в данном случае строго обозначенных (наименование числа и месяца).

2. Строго определённая линейная локализованность:

*Родился крупный и светлый проект «Верить и жить!», который дал большой заряд оптимизма не только самим участникам, но и всем, кто вместе с героинями **прожил** эти три недели – в выпусках программы и статьях на сайте «Амур.инфо»;*

*Он больше семи лет **прожил** в Китае, неплохо изучил местный язык и восточную философию, но повсюду искал русский уголок;*

*Всю жизнь он **прожил** во Франции, которая так и не стала ему родной;*

*Всё лето коллектив **провёл** на больших гастролях.*

Данные примеры демонстрируют линейность локализованности действий за счёт глаголов СВ, обозначающих совершенный процесс, который происходил определённый период времени. Надо отметить, что семантика глаголов также играет важную роль в передаче линейности действия. Так, в данных примерах употреблены глаголы со значением временной характеристики протекания действия (длительно-ограничительный тип) – прожить, провести. Строгую определённость линейности локализованности выражают темпоральные лексические маркеры, подчёркивающие длительность действия – *три недели, больше семи лет, всю жизнь, всё лето.*

3. Слабо определённая точечная локализованность:

*Инклюзивный театр «Крылья» **сыграет** на главной театральной сцене Приамурья;*

*Театральный марафон в Приамурье **откроют** артисты из Еврейской автономии;*

*В Первомайском парке **откроют** аллею краснокнижных животных;*

*Самое известное шоу Майкла Джексона **покажут** в Благовещенске;*

*В спектакле по «Женитьбе Бальзамина» **покажут** сюр провинциальной России;*

*В Благовещенске на выставке **покажут**, какими были первые деньги*

Наличие в данных примерах глаголов СВ говорит о семантике точечной локализованности, однако отсутствие дополнительных лексических компонентов и будущее время глаголов делает её слабо определённой: «степень определённости хронологических рамок локализованного действия в высказываниях с формами прошедшего и настоящего времени, как правило, выше, чем в высказываниях с формами будущего времени» [Смирнов, 2011, с. 179];

4. Слабо определённая линейная локализованность:

*В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в Инстаграм-аккаунте Дома ремёсел @домремесел пройдёт онлайн-выставка «Солдаты Победы». Дом ремёсел в режиме онлайн **будет рассказывать** о тех, кто приближал её и какой ценой она досталась;*

*В сообществе «Амурские художники» **будет собираться** информация, в том числе вестись и архив;*

*Открытие выставок **будет проходить** в режиме онлайн, также на сайте музея можно совершить виртуальное путешествие по основным залам и филиалам;*

Экскурсия «Дом с секретом» будет проходить в Музейно-выставочном комплексе «Дом Саяпина»;

Благовещенск будет праздновать День семьи, любви и верности три дня.

В данных примерах линейная локализованность достигается за счёт глаголов НСВ аналитической формы. Будущее время, как и в предыдущей группе, и отсутствие конкретных временных указателей делает семантику локализованности слабо определённой.

5. Строго определённая точечно-линейная локализованность:

К счастью, не случилось, – по-матерински вздыхая, шепчет Елена Соловьёва;

Она сидит на ступеньках танцкласса и восхищённо смотрит на свою Малышку;

Он сидит в детской коляске;

Глаголы НСВ в примерах данной группы представлены в актуально-длительном значении и способны отвечать на вопрос: Что он / она сейчас делает? Точечность локализованности связана с моментом говорения, а линейность локализованности обусловлена значением НСВ глаголов.

6. Неопределённая точечная локализованность:

И тогда генеральный директор ОКЦ Надежда Багрова сказала своё решительное «хватит»;

На что руководитель проекта Александр Бобошко написал песню – «антикоронавирусную»;

Благовещенец Александр Курако написал рассказы о том, как оживают памятники на набережной;

Писатель Алексей Воронков написал роман «Албазинец»;

Амурский краевед Сергей Емельянов написал книгу о двух тысячах семей, эмигрировавших в Китай в начале XX века;

Стас Михайлов спел для китайских зрителей;

Кубанский казачий хор спел в Благовещенске на нескольких языках;

Президент фонда «Таланты мира» Давид Гвинианидзе спел с благовещенскими детьми.

В данных примерах семантика точечной локализованности обусловлена глаголами СВ. Кроме того, в данных ситуациях важен сам факт произошедшего действия, а не его временная отнесённость;

7. Неопределённая линейная локализованность:

Мобильный технопарк «Кванториум» работает над проектом «Культурный код»;

В Амурском областном доме народного творчества работает выставка-ярмарка мастеров декоративно-прикладного искусства народов Севера «Живые традиции»;

В Благовещенске проходит вокальный конкурс для детей, название которого схоже с популярным телепроектом «Голос. Дети»;

В театральной студии ребята 8–12 лет изучают историю театра, обучаются актёрскому мастерству, сценической речи и сценическому движению.

Глаголы НСВ выражают семантику линейной локализованности. Установить конкретные временные границы данных контекстуальных ситуаций невозможно, что иллюстрирует неопределённую линейную локализованность. Действие происходит не в настоящий момент (сейчас), как это происходит при строго определённой точечно-линейной локализованности, а на протяжении неопределённого момента до, и будет продолжаться на протяжении неопределённого момента после.

Рассмотрим типологию временной нелокализованности. Она представлена следующими группами:

8. Простая повторяемость:

*На обсуждении **то** полукосмические «Иные формы» **выставляют, то** философию библейского сада под сомнение **поставят**;*

*В зале все **то** начинали громко **аплодировать, то** задерживали дыхание от изумления;*

*Эта такая непростая книга, я **то** бросал её читать, **то** снова начинал.*

В данных примерах представлена неузуальная повторяемость действий в рамках конкретного временного отрезка, таким образом «временная нелокализованность ограничена определённым отрезком времени, т. е. включена в более широкую ситуацию временной локализованности» [Бондарко, 2017, с. 217]. Кроме того, во всех трёх предложениях есть конкретный субъект, что также подтверждает их отнесённость к данному типу временной нелокализованности;

9. Обычность (узуальность):

*Каждый вечер он **прогуливается** по аллее Анны Керн, **сидит** под пушкинской березой, а потом **отправляется** в почти настоящую чукотскую ярангу разговаривать с северными богами;*

*С тех пор каждый год для празднования **выбирается** новая столица;*

*Обычно на подиум **выходят** 50-60 детей;*

*Они всегда **выходят** на сцену яркие, подтянутые, красивые и одухотворённые;*

*Эти концерты всегда **проходят** с аншлагом.*

Данные примеры демонстрируют типичность действия, которая достигается за счёт употребления глаголов НСВ, сопряжённых с лексическими темпоральными маркерами многократности действия обстоятельственного характера: *каждое утро, каждый год, обычно, всегда*. Наречия времени, представленные в третьем, четвёртом и пятом предложениях, являются собственно лексическими репрезентантами, так как представляют собой неизменяемые лексемы и их «временная семантика полностью исчерпывается лексическим значением» [Всеволодова, 1979, с. 104]. Кроме того, существенным признаком данной семантической группы является то, что субъект действия может быть как конкретным (*он, они, эти концерты*), так и обобщённым (*дети*);

10. Временная обобщённость («вневременность», «всевременность»):

*В основу легла история о том, как люди **проносят** любовь через многие годы;*

*Бедный потому и бедный, что **не умеет думать**, как богатый, ибо богато никогда не жил;*

Всё в голове и в руках каждого;

***Сильные духом** всегда **побеждают**;*

*Поэтому Масленицу народ **всегда старался отпраздновать** как можно веселее и хлебосольнее;*

*Любой китаец совершенно точно **ответит**, что в восточной мифологии аналога российскому Деду Морозу нет;*

*Каждый **может** себя **почувствовать** участником этого сюрреалистического действия;*

*Кто-то вечерами после работы **вышивает** бисером, а мы «прокачиваем» тачки.*

Данные примеры обладают высшей степенью генерализации, выражая общее значение – «смысл временной всеобщности («вневременности», «всевременности»), общезначимости» [Бондарко, 2017, с. 222]. Данный эффект достигается за счёт обобщённости субъекта действия с помощью лексических компонентов (*люди, народ, любой, каждый, кто-то*). Для пословиц и поговорок также характерно использование конкретных наименований в значении целого класса субъектов (*бедный, сильные духом*).

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ публицистического материала показал, что, во-первых, в новостных текстах находит реализацию как временная Л, так и НЛ. В анализируемом материале чаще встречаются примеры временной Л (75%), чем временной НЛ (25%). Наиболее частотной семантической группой временной Л является точечная локализованность – 42,5% от общего количества проанализируемого материала. Линейная локализованность встречается в рассмотренном материале реже (13,3%). Строго определённая точечная локализованность встречается чаще (7,5%), чем неопределённая (6,7%) и слабо определённая (5%). Категория временной НЛ в анализируемом материале представлена следующими семантическими группами: простая повторяемость (3,3%), узуальность (5,5%) и временная обобщённость (24,2%). Полученные результаты подтверждают стилистическую специфику публицистики: для новостных текстов характерна конкретная временная отнесённость событий. Во-вторых, установлено, что для выражения категории временной локализованности (Л/НЛ) в публицистических текстах отсутствуют специальные грамматические средства: временная Л и временная НЛ имеют сложную структуру, состоящую из взаимодействующих компонентов, которые принадлежат разным уровням системы языка. Сложность структуры заключается в использовании комплекса грамматических (вид и время глагола), лексических (наречные маркеры и субстантивные словосочетания, подчёркивающие повторяемость, длительность действия, конкретность / обобщённость субъекта действия) и лексико-семантических (способы действия (СД), заключающие в своей семантике признак временной локализованности).

Библиографический список

- Архипова, Шустова 2021 – Архипова И. В., Шустова С. В. Примарный таксис: прототипы и их окружение // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 5–16.
- Бондарко, 2017 – Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Ленанд, 2017. 352 с.
- Бурнакова, Боргоякова, 2020 – Бурнакова К. Н., Боргоякова Т. Н. Взаимодействие временных форм глаголов в фольклорных текстах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 26–32. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_26_32
- Всеволодова, 1976 – Всеволодова М. В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 103–113.
- ИА «Амур.инфо», 2018–2021 – офиц. сайт. URL : <https://www.amur.info/culture/>.
- Коршунова А. С., Лагута Н. В. Средства репрезентации временных отношений в публицистических текстах (на материале региональных новостных сайтов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 57–70. https://doi.org/10.22250/2410_7190_2021_7_2_57_70
- Кошмидер, 1962 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / отв. ред. Ю. С. Маслов; М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 382–394.
- Потебня, 2021 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.: Нобель пресс, 2021. 548 с.
- Смирнов, 2010 – Смирнов И. Н. Категория временной локализованности / нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 186–194.
- Смирнов, 2011 – Смирнов И. Н. Признак временной локализованности / нелокализованности действия в аспектуальной семантике русского глагола // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 172–180.
- Amur.net, 2018-2021 – Первый Амурский портал. URL : <http://amur.net/mojo/culture>

References

- Arkhipova I. V. Shustova S. V. (2021). Primarnyy taksis: prototipy i ikh okruzheniye [Primary taxis: Prototypes and their surroundings]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 5–16. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2017). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow : Lenand Press. (In Russ.).
- Burnakova, K. N., Borgoyakova, T. N. (2020). Vzaimodeystvie vremennykh form glagolov v fol'klornykh tekstakh [The interaction of verbal tense forms in folklore texts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 26–32. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_26_32
- Vsevolodova, M. V. (1979). O semanticheskom soglasovanii glagolov i imennykh temporal'nykh rasprostraniteley [On the semantic congruence of verbs and nominal temporal complementizers]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1, 103–113. (In Russ.).
- IA «Amur.info». (2018–2021): official website. Retrieved from <<https://www.amur.info/culture/>>. (In Russ.).
- Korshunova, A. S., Laguta, N. V. (2021). Sredstva reprezentatsii vremennykh otnosheniy v publitsisticheskikh tekstakh (na materiale regional'nykh novostnykh saytov) [Means of representing temporality relations in journalistic writing (Based on local internet news site)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 57–70. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410_7190_2021_7_2_57_70
- Koshmider, E. (1962) Ocherk nauki o vidakh pol'skogo glagola: Opyt sinteza [Essay on the Science of the Species of the Polish Verb: A Synthesis Experience]. In Yu. S. Maslov (Ed.), *Voprosy glagol'nogo vida* [The Problems of Verb Species] (pp. 382–394). Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Potebnaya, A. A. (2021). *Iz zapisok po russkoy grammatike. Glagol. Mestoimeniye. Chislitel'noye. Predlog* [From notes on Russian grammar. Verb. Pronoun. Numeral. Pretext]. Moscow : Nobel' Press. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. (2010). Kategoriya vremennoy lokalizovannosti / nelokalizovannosti deystviya i yee vzaimodeystviye s temporal'nost'yu i aspektual'nost'yu [The category of localizateness / nonlocalizateness of action in time and its interaction with the temporality and aspectuality]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 126, 186–194. (In Russ.).
- Smirnov, I. N. (2011). Priznak vremennoy lokalizovannosti/nelokalizovannosti deystviya v aspektual'noy semantike russkogo glagola [The feature of temporal localizability / nonlocalizability of action in aspectual semantics of the Russian verb]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 172–180. (In Russ.).
- Amur.net. (2018–2021). Retrieved from <<http://amur.net/mojo/culture>>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 23.04.2022.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 23.04.2022.

Кузьмина Раиса Петровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

г. Якутск, Российская Федерация

raisakuzmina2013@yandex.ru

Способы репрезентации образных и оценочных признаков концептов ВЬЮГА и ЛЁД в языковом сознании эвенов

Аннотация

В статье впервые определяются способы вербализации образных и ценностно-оценочных признаков концептов ВЬЮГА и ЛЁД в языковом сознании эвенов, являющихся доминантными составляющими макроментального поля концепта ЗИМА. В ходе исследования определено, что ключевыми репрезентантами концептов ВЬЮГА и ЛЁД в эвенской лингвокультуре являются полисемичные лексические единицы *khugi* 'метель, вьюга, буря, пурга, ураган, буря', *hunyə* 'вьюга, метель, буря, ураган, пурга, буря' и *bəks* 'лёд, льдина; ледяной, подлёдный'. Исследование образных концептуальных структур позволило выявить ряд дифференциальных признаков, актуальными из которых являются витальные, зооморфные, предметные, антропоморфные, орнитологические и признаки стихий, реализующихся в виде метафорических выражений и устойчивых сравнений. Оценочные предикаты *ai*, *ibgo/kəneli* 'хорошо / плохо', семантически выражающие критерии оценок носителей языка актуализируют ценностно-оценочные признаки данных концептов в национальном видении мира.

Ключевые слова: картина мира, языковое сознание эвенов, признаки, лингвокультура, репрезентанты, концепты

© Кузьмина Р. П. 2022

Для цитирования: Кузьмина Р. П. Способы репрезентации образных и оценочных признаков концептов ВЬЮГА и ЛЁД в языковом сознании эвенов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 82–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_82

Raisa P. Kuzmina

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Yakutsk, Russian Federation

raisakuzmina2013@yandex.ru

Methods of representation of imagery and evaluative features of the concepts of BLIZZARD and ICE in the linguistic consciousness of Evens

Abstract

The article defines the methods of verbalizing the figurative and value-evaluative features of the concepts BLIZZARD and ICE as the dominant components of the macro-mental field of the concept WINTER in the linguistic consciousness of the Evens. This aspect has not been investigated for the Even so far. In the course of the study, it was found that the key representatives of the concepts BLIZZARD and ICE in the Even linguoculture are the polysemic lexical units *khugi* 'snowstorm, blizzard, storm, hurricane', *hunyə* 'snowstorm, blizzard, storm, hurricane' and *bokes* 'ice, ice floe, icy, subglacial'. The study of figurative conceptual structures enabled to identify a

number of distinctive features, the most relevant of which are vital, zoomorphic, subject, anthropomorphic, ornithological and signs of the elements, which are realized in the form of metaphorical expressions and stable comparisons. Evaluative predicates *ai, ibgo/keneli* 'good/bad', semantically expressing the evaluation criteria of native speakers, actualize the value-evaluative features of these concepts in the national vision of the world.

Keywords: picture of the world, Evens linguistic consciousness, signs, linguistic culture, representatives, concepts

© Kuzmina R. P. 2022

For citation: Kuzmina, R. P. (2022). Sposoby reprezentatsii obraznykh i otsenochnykh priznakov kontseptov V"YuGA i LED v yazykovom soznanii evenov [Methods of representation of imagery and evaluative features of the concepts of BLIZZARD and ICE in the linguistic consciousness of Evens]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 82–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_82

1. Введение [Introduction]

По словам В. А. Масловой, «ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой» [Маслова, 2010, с.51]. Несмотря на то, что идея концептов сама по себе не нова, в настоящее время появляется всё больше работ, посвящённых составляющим концептосферы языков народов России. Так, имеется исследование номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке, где выявлены мотивационные признаки этих номинаций, связанные с морфологическим строением, внешним видом, цветом, географией распространения, названиями животных ими питающихся [Лельхова, 2021]. Рассмотрены когнитивные механизмы фразеологизмов с зоонимическим компонентом в диалектной картине мира кубанцев, проживающих в сельской местности (они зафиксированы в таких тематических группах как хозяйственная деятельность, промысел, товарно-денежные отношения, обычаи и обрядовая сфера) [Борисова, Костина, 2021]. Изучен базовый концепт ОХОТА в близкородственном эвенкийском языке, представленный разнообразием лексических единиц нескольких тематических групп, связанных с субъектами и объектами охоты, самим процессом охоты [Ушницкая, 2021]. Уделяется внимание лексической репрезентации и погодных явлений (см., напр., соответствующие прилагательные хантыйского языка [Шиянова, 2021]).

В фокусе настоящего исследования находится неизученная составляющая эвенской концептосферы и способов её осмысления в языковом сознании этноса, а именно, концепты ВЬЮГА и ЛЁД. Эти концепты включены в ментальное пространство темпорально-категориального макроконцепта ЗИМА и являются ключевыми в эвенской языковой картине мира. Иными словами, эти концепты можно рассматривать в качестве элементов концептуальной категории ЗИМА (подробнее о концептуальной категории на материале русского языка см. [Борисенко, Питина, 2021]).

В эвеноведении образные и оценочные признаки концептов ВЬЮГА, ЛЁД не имели подробного описания. Некоторые аспекты макроконцепта ЗИМА рассматривались нами ранее [Кузьмина, 2018 ; Кузьмина, 2021]. Настоящее исследование является логическим продолжением проделанной работы.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материалы и методы исследования [Material and methods]

Теоретической базой исследования послужили труды учёных, посвящённые языковым средствам интерпретации концептов в сознании этноса [Арутюнова, 1988 ; Карасик, 2013 ; Колесов, Пименова, 2016 ; Маслова, 2010].

Для сбора материала в статье применён метод сплошной выборки из художественных произведений эвенков на языке оригинала. Для обработки материала и интерпретации результатов использовались описательный метод и методы лингвокультурологического анализа, принятые в научной школе лингвистических исследований под руководством М. В. Пименовой, позволившие выделить основные образные и ценностно-оценочные признаки концептов ВЬЮГА и ЛЁД в эвенской языковой картине мира.

Материалом исследования структурных признаков концептов послужили лексикографические источники [РЭС, 1952; ССТМЯ, 1975–1977; ЭРС, 2004], паремиологические материалы [Бурыкин, 2001], художественные произведения эвенских писателей и поэтов на языке оригинала [Лебедев, 1968, 2004; Кривошапкин, 1995, 2018, 2019; Кейметинов-Баргачан, 2013; Бокова, 2011; Белолубская, 2019].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе исследования выявлено, что в языковой картине мира эвенков основными презентантами концепта ВЬЮГА являются две полисемичные лексические единицы: *хуги* 'метель, вьюга, буран, пурга, ураган, буря', *хуннэ* 'вьюга, метель, буря, ураган, пурга, буран'.

Лексемы *хуги* и *хуннэ* производны от одной глагольной основы *ху-* с дефиницией 'дуть', от которой образовались следующие глагольные и адъективные дериваты:

хугидай 'бушевать (о буре, урагане), мести (о метели)',

хугиландай 'кружить, мести (о вихре, метели)',

хугилдай 'забушевать (о буре, урагане), закружить, замести (о вихре, метели)',

хуннэлдэй 'забушевать (о буре, урагане), закружить, замести (о вихре, метели)',

хуннэлкэн 'бурный (о погоде)',

хуннэлэттэй 'подниматься метели', *хуннэнрэ* 'ветренный (с частями ветрами), бурный, штормовой (о погоде)' [ЭРС, 2004].

Синонимический ряд данных лексем представлены лексическими единицами *буркун* 'метель', *бурку* 'пороша', *хуи* 'метель, вихрь', *дэву* ~ *дэгу* 'вихрь, ураган, вьюга, метель' [ССТМЯ, 1975, 1977]. Также синонимом могут выступить словосочетания *тугэрэн эдэн* с дефиницией 'зимний ветер', *хялта эдэн* 'студёный ветер'.

Концепт ЛЁД вербализуется в эвенском языке лексемой *бөкэс* с дефиницией 'лёд, льдина; ледяной, подлёдный', производной от глагольной основы *бөкү-* со значением 'обледенеть, покрыться льдом, замерзнуть (о реках)'. Данная основа является образотелем широкого круга дериватов, относящихся к различным частям речи:

бөклидэй 'ходить за льдом, заготавливать лёд',

бөклэдэй 'идти за льдом',

бөкувкэндэй 'сковать, покрыть льдом',

бөкувкэттэй 'сковывать, покрывать льдом',

бөкун 'обледенение, замерзание; ледостав',

бөкунмэй 'сковывание льдом, замерзание, обледенение, ледостав', *бөкур* 'ледник',

бөкутты 'скованный льдом, покрытый льдом, ледяной', *бөкуттэй* 'быть скованным льдом, быть покрытым льдом',

бөкучэ 'скованный льдом, покрытый льдом, замерзший, обледеневший, обледенелый, ледяной; сковывание льдом, замерзание, обледенение' [ЭРС, 2004].

Синонимами лексемы *бөкэс* в лингвокультуре эвенков выступают *батан*, *батон* 'мерзлота, мерзлая почва; твёрдый, застывший (о почве, льде, снеге)', *бөгэ* 'наледь; накипь (намёрзлые кочки, бугры)', *бөкур* 'ледник', *иңкил'е*, *н'иңэмсэ* 'мерзлота' [РЭС, 1952].

Словесные образы данных концептов в семантическом пространстве языковой картины мира этноса позволили определить основные когнитивные составляющие концептов. М. В. Пименова отмечает, что: «Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова» [Пименова, 2016, с. 156].

Образная структура концептов ВЬЮГА и ЛЁД объективированы в языковой картине мира эвенов в виде метафор и сравнительных конструкций, классифицирующихся по различным дифференциальным признакам.

В и т а л ь н ы е п р и з н а к и:

• *Хуннэ ирэту хумдидин, хякиталбу мялудин...* [Кейметинов, 2013, с. 38] – 'Вьюга будет **трогать** тальники, **разбудит** лиственницы'.

• *Танмарив хуннэ илбэснэн...* [Там же, с. 51] – '**Вьюга** туман **прогнала**...'

• *Хуннэ илумув моннадни...* [Там же, с. 51] – '**Пурга** жилище (моё) разминает (как шкуру)...'

• *Эдэн эвирин, хэденрин. Тарбач ни-дэ эч эмрэ...* [Кривошапкин, 1995, с. 247] – '**Ветер играл, танцевал**. Но никто не пришёл...'

• *Төллэ хуннэ икэددэн, Хякиталнюн эвиддэн, Хяталбу-да бадуддан, Орталбу хикаддан...* [Белолобская, 2019, с. 38] – 'На улице **вьюга поёт**, С лиственницами **поёт**, И на тальники садится, Травы **разбрасывает**...'

• *Хуннэндэ хулрэн, Уну эдымрэн, Хотурун хунун...* [Бокова, 2011, с. 12] – 'Мете-лице **вьюжит**, Снегом **метёт**, Дорогу замело...'

• *Идя эдэн элдэку пасакран, Пасактан би эсэм авдатта...* [Кривошапкин, 1995, с. 39] – '**Морозный ветер** по щекам **бьёт**...'

• *Хялта эдэн хиврандукун...* [Кривошапкин, 1995, с. 115] – 'От **дыхания** холодного ветра...'

З о о м о р ф н ы е п р и з н а к и:

• *Хугичэкэн хэнкэлрэн, качиканчин чиңэлрэн...* [Кейметинов, 2013, с. 44] – '**Вьюженька** вьётся, визжит как щенок...'

• *Билэн бяглан муттулэ, Хуги тикрэн, хуннэ чиунэн ...* [Лебедев, 2004, с. 4] – 'С октября у нас, Пурга пуржит, **вьюга скулит**...'

П р и з н а к и с т и х и й:

• *Хуйри хуги хэбгин бэрипчэ...* [Кривошапкин, 1995, с. 152] – 'Дым **бурлящей пурги** пропал...'

П р е д м е т н ы е п р и з н а к и:

• *Хуги итикичин курэликэн хуеддэн...* [Кривошапкин, 2018, с. 158] – '**Вьюга**, словно **мутовка**, взбивая бурлит...'

• *Индибир окатан ойдэлин, Хуннэ хурин кикэникэн, Иманрав итикирин ...* [Кривошапкин, 1995, с. 247] – 'На берегах Индигирки, Вьюга **вьюжит**, Словно мутовка **крутит снег**...'

• *Эрэли хуннэ итикиддын...* [Там же, 1995, с. 247] – 'Вокруг **пурга** как **мутовка** сбивает...'

О р н и т о л о г и ч е с к и е п р и з н а к и:

• *Хуннэну, хугину, Хинмачакан дэтлэлни...* [Лебедев, 2004, с. 20] – '**Пурга** (моя), **вьюга**, С быстрыми **крыльями**...'

А н т р о п о м о р ф н ы е п р и з н а к и:

• *Хуги тикрэкэн чөнир один, ... Хиралча хуннэ тиунакан...* [Лебедев, 1968, с. 5] – 'Когда начинает вьюжить, появляются глыбы снежные, **Сердитая пурга** успокоится...'

ЛЁД в лингвокультуре эвенов чаще всего сопровождается эпитетами *гилрэне-гилдэне* 'блестящий', *нулдэне*, *гелбэти*, *нэрин* 'светлый, прозрачный'.

Признак **лёд** в эвенской языковой картине мира используется при образной концептуализации внутреннего человека:

Дёр итылкан бэй, Бөккэс боргутан эрин... [Кривошапкин, 1995, с. 16] – 'Двуличный человек, подобен разбившемуся льду...'; *Мяванси гелра бөкэс*.

Төрэрис төрэсни мө... [Кривошапкин, 1995, с. 38] – 'Сердце твоё холодное, словно лёд, Произносимые тобою слова – вода...'

Среди когнитивных признаков концепта ЛЁД следует отметить: в и т а л ь н ы е признаки, выраженные следующим образом:

Хялтаду бэжүчэ хигиңу... [Кейметинов, 2013, с. 22] – 'От трескучего мороза тайга обледенела...';

Окатла бөкэс кингэлрэн... [Кривошапкин, 1995, с. 115] – '*Звенил* на реке лёд...!'

В эвенской языковой картине мира выявлены образные орнитологические признаки ЛЬДА:

Бөкэчэкэл хэткэттэ... [Кейметинов, 2013, с. 44] – 'Льдинки *летают*...!'

Ценностно-оценочные признаки концептов ВЬЮГА и ЛЁД в языковом сознании эвенов выражены различными оценочными предикатами, показывающими отношение субъекта к данным природным явлениям зимнего сезона. «Общим местом является тезис о том, что у разных людей одно и то же явление может вызывать различную, порой полярно противоположную оценку. Вместе с тем выявление причин такого расхождения мнений приводит нас к признанию наличия в обществе разных групповых оценочных картин мира и разных типов субъектного оценочного позиционирования, осмысление которых представляет интерес для лингвокультурологии» [Карасик, 2013, с. 17].

«Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта, а они различны у разных людей» [Арутюнова, 1988, с. 6]. В национальном сознании эвенов образы *вьюги*, *пурги* и *метели* обладают неоднозначной коннотацией. Например, *пурга* в мировоззрении эвенов может восприниматься как некое наказание за грехи: *...Хан бэйл мэргэндутэн хуги тундраланюн тыккэттэн. Хигилкан, урэкэчэркэн төрлэ нян хуги хояв хаювран, теми нэлэм. Эвэсэл ок-ут-та хинимким очадип, төр-гу мухонни муттики хиралчадин, мэнурнюн дёмкатникан яв-ул кэнелив очадип, теми хуги надни гөникэн дёмкаткарар...* [Кривошапкин, 2018, с. 158–159] – 'Она (пурга) беснуется не только в тундре, как обычно думают неосведомленные люди. Нередко *пуржит* и в горно-таёжной местности. И там она *опасна* не меньше, чем в тундре. Гнев природы суров где угодно, и эвены в этом случае винят сами себя. Им кажется, что где-то проявили непочтение к духу земли, допустили жадность, в чём-то *согрешили*...!'

В мировосприятии этноса *хуги* 'вьюга' всегда сопряжена с неминуемой бедой. Например, это состояние зафиксировано в приметах:

Хуги бэй дюван эрэли курукэнэкэн – бэйду як-ут кэнели, биргэ оваттан (дюлкан бэй бутэнэллөттэн) – 'Если *вьюга* кружит вокруг дома человека – она предвещает что-то плохое (хозяин этого дома заболевает)' [Бурыкин, 2001, с. 239].

В качестве интенсификаторов, объективирующих степень опасности начавшейся стихии выступают наречие *хо* 'очень' и оценочные адъективы *нэлэм* 'страшный, ужасный, поразительный, чрезвычайный', *эгден* 'большой', *эңи* 'сильный':

Эгден хунуи тикрин. 'Сильная пурга началась'; *Нэлэм хуги орин таракам – 'Страшная метель* началась тогда';

Хо-хо нэлэм хунуи бихин тар инэнив – '*Очень-очень страшная вьюга* была в тот день!'

В эвенском фольклорном дискурсе образ пурги персонифицируется и выступает в антропоморфном образе *упэ* 'бабушки':

Хунуэ-Упэ эммөттэн, хэлэкэлкэн, хэлэклэн иманракакар бис – '*Пурга-бабушка* пришла, с мешочком, в мешке снежинки лежат' [Тарабукина, 2009, с. 44].

В видении мира нижнеколымских эвенов тундровой зоны, образ пурги может быть и положительным – может восприниматься ими как нечто обыденное и родное:

Тик боллар хунуэлдэкэн минтики олус ибго биврэн. Хунуэлдэкэн эчин дэсси-врэрэм, ибго-киэ хунуы олус ибго. Би боллар хунуэ долан балдаром болла, тигөми хунуэв айаваддом хунуэлдэкэн [Шарина, Кузьмина, 2018, с. 132] – Сейчас во время *пурги* я очень хорошо себя чувствую. Когда начинает *пуржить*, я вот так лежу, *очень хоро-*

шо себя чувствую во время пурги. Я же во время *пурги* родилась, поэтому мне нравится, когда начинается *пуржит*' [Там же, с. 154].

Для кочевых эвенов препятствием и опасностью являются бөгэ 'наледы':

Нулгэ бэйдү ядук-та эгден нэлэм – эрэк бөгэл. Бөгэмэн оралкан бэйдү эррочин оран ач тамна нес. Ораннюн долбаниран хялтаду хэбгэникэн хуедды бөгэв этэн уюсна, тадук ач нэлнэ этэн давра [Кривошапкин, 2018, с. 72] – 'Для человека-кочевника самую большую опасность представляют *наледы*. Счастлив тот оленевод, у кого сохранились передовые олени, не боящиеся наледей. Не всякий олень в темную ночь ступит в бурлящую, дымящуюся ледяную воду и по ней уверенно, нигде не останавливаясь, пройдет...!'

При концептуализации ЛЬДА в картине мира эвенов преобладают негативные ассоциации. Образы льда, обледенения характеризуются через чувственное, зрительное и звуковое восприятие: *Тулэски нёвэнилрэкэт, этыкэр гургаткартан бөкунэлрэ. Кориткарты ханканалра. Нимкамикарты тыюндэрэкэт, кисаргакан кунимачилра. Хиракарты хираракат, хэбгэлрэн, танмариканчин нэнэдьдөттэн* [Кривошапкин, 2018, с. 25] – 'Когда мы выходим на улицу, то у стариков борода *покрываются льдом*. Уши *щиплет*. Наши посохи, когда мы ими отталкиваемся, *скрипят* и *звонят*. Наше дыхание, когда мы делаем выдох, клубится и стелется, как туман'.

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, в эвенском языковом сознании образные признаки концептов ВЬЮГА, ЛЁД дифференцируются по различным ассоциативным признакам. Среди выделенных когнитивных признаков концепта ВЬЮГА преобладают витальные признаки, так же распространёнными являются зооморфные, антропоморфные, признаки стихий, предметные, орнитологические, выраженные в виде метафор и сравнительных конструкций. При концептуализации образной составляющей концепта ЛЁД в лингвокультуре эвенов отмечены витальные и орнитологические признаки. В числе ценностно-оценочных признаков данных концептов определено негативное отношение носителей языка к таким явлениям зимнего сезона как наледь, мерзлота. В этническом мировоззрении отношение к таким явлениям, как вьюга, пурга, метель неоднозначное. С одной стороны эти природные явления, безусловно, являются опасностью для человека, с другой пурга – это родная стихия и образ пурги в большинстве случаев персонифицируется. Полученные результаты могут быть полезны для сравнительно-сопоставительных исследований тунгусо-маньчжурских языков, а также для спецкурсов по эвенской лингвокультурологии.

Список литературы

- Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
- Белолобская, 2019 – Белолобская В. Г.-Аркук. Нургэнэк (стихи). Якутск : Бичик, 2019. 80 с.
- Бокова, 2011 – Бокова Е. Н. Воспеваю лето. Якутск : Бичик, 2011. 96 с.
- Борисенко, Питина, 2021 – Борисенко Т. В., Питина С. А. Некоторые особенности организации концептуальной категории (на материале русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 26–34. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34
- Борисова, Костина, 2021 – Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Фразеологизмы с компонентом зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когнитивности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 35–51. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51
- Бурыкин, 2001 – Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2001. 288 с.
- Карасик, 2013 – Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.

- Кейметинов, 2013 – Кейметинов В. С. Дёнтуралби анирам: дёнтурал (= Дарю свои стихи: сборник стихов). Якутск : Бичик, 2013. 64 с.
- Колесов, Пименова, 2016 – Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. 2016. 248 с.
- Кривошапкин, 1995 – Кривошапкин А. В. Ингэнь тор икэлэни. Дёнтур (=Песни Севера. Стихи). Якутск : Бичик, 1995. 256 с.
- Кривошапкин, 2018 – Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмүэ (= Охотник Тармита). Якутск : Бичик, 2018. 208 с.
- Кривошапкин, 2019 – Кривошапкин А. В. Бини – ачмудна хөвнэк (= Жизнь – бесконечный перевал). Якутск : Бичик, 2019. 256 с.
- Кузьмина, 2018 – Кузьмина Р. П. Концепт «зима» в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №10-2 (88). С. 305–308. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.18>
- Кузьмина, 2021 – Кузьмина Р. П. Особенности концептуализации снега в языковом сознании эвенов // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021. № 4. Т. 12. URL : <https://sfsk-mn.ru/PDF/16FLSK421.pdf>
- Лебедев, 1968 – Лебедев В. Д. Дялбу торэнгнэтэн (= На родине предков). Якутск, 1968. 63 с.
- Лебедев, 2004 – Лебедев В. Д. Ингэнь тор (= Родной край). Якутск : Бичик, 2004. 80 с.
- Лельхова, 2021 – Лельхова Ф. М. Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 77–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85
- Маслова, 2010 – Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия». 2010. 208 с.
- РЭС, 1952 – Русско-эвенский словарь / сост. В. И. Цинциус, Л. Д. Ришес. М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 777 с.
- ССТМЯ, 1975, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ответ. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, 1975. Т. 1. А–Н. 672 с.; 1977. Т. 2. О–Э. 992 с.
- Тарабукина У. П. Айанжа – мут дют (=Природа – наш дом). СПб. : Просвещение, 2002. 71 с.
- Ушнищкая, 2021 – Ушнищкая Н. Ю. Концепт «Бэюмэжит / охота» в языковой картине мира эвенов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 183–191. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191
- Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск : Наука, 2018. 183 с.
- Шиянова, 2021 – Шиянова А. А. Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих погодные явления // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 169–178. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178
- ЭСР, 2004 – Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2004. 356 с.

References

- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytiye, fakt* [The types of language meanings. Assessment, occasion, fact]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Belolyubskaya, V. G.-Arkuk. (2019). *Nurgenek (stikhi)* [Nurgenek (poems)]. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Bokova, E. N. (2011). *Vospelayu leto* [An ode to the summer]. Yakutsk : Bichik Press.(In Even).
- Borisenko, T. V., Pitina, S. A. (2021). Nekotorye osobennosti organizatsii kontseptual'noy kategorii (na materiale russkogo yazyka) [Some specific features of conceptual category organization (Based on Russian)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 26–34. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34
- Borisova, O. G., Kostina, L. Yu. (2021). Frazеологизмы s komponentom zoonimom v dialektnoy kartine mira zhiteley Kubani: Mekhanizmy kognitsii [Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: Cognition mechanisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 35–51. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51

- Burykin, A. A. (2001). *Malyye zhanry evenskogo fol'klora. Zagadki, poslovitsy i pogovorki, zaprety-oberegi, obychai i predpisaniya, primety (issledovaniye i teksty)* [The small genres of the Even folklore. Puzzles, idioms and proverbs, prohibitions-amulets, traditions and prescriptions, superstitions (Research and texts)]. St Petersburg : Peterburgskoye Vostokovedeniye Press. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Keymetinov, V. S. (2013). *Denturalbi aniram: dentural* [I am presenting these words to you: Poems]. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2016). *Vvedenie v kontseptologiyu* [An introduction to conceptology]: A coursebook. 2nd edn. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Krivoshapkin, A. V. (1995). *Ingen' tor ikelni. Dentur* [The songs of the North. Poems]. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Krivoshapkin, A. V. (2018). *Tormita buyusemye* [Tormita hunter]. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Krivoshapkin, A. V. (2019). *Bini – achmudna khovnek* [Life is eternal overcoming the pass]. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Kuzmina, R. P. (2018) Kontsept «zima» v yazykovoy kartine mira evenov [Concept “winter” in Evens’ linguistic worldview]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 10-2 (88), 305–308. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.18>
- Kuzmina, R. P. (2021). Osobennosti kontseptualizatsii snega v yazykovom soznanii evenov [Features of the conceptualization of snow in the linguistic consciousness of the Evens]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 4 (12). (In Russ.). Retrieved from <<https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK421.pdf>>.
- Lebedev, V. D. (1968). *Dyalbu torengneten* [In the ancestors’ homeland]. Yakutsk.
- Lebedev, V. D. (2004). *Ingen' tor* [Homeland]. Yakutsk : Bichik Press
- Lelkhova, F. M. (2021). Motivatsionnye priznaki nominatsiy dikorastushchikh yagodnykh rasteniy v khantyyskom yazyke: etnolingvisticheskiy analiz [Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno linguistic study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 77–85. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85
- Maslova, V. A. (2010). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]: A coursebook. 4th edn. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Tsintsius, V. I., Rishes, L. D. (1952). *Russko-evenskiy slovar'* [Russian-Even dictionary]. Moscow : Inostrannye i natsional'nye slovari State Press.
- Tsintsius, V. I. (Ed.) (1975, 1977). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazy'kov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad : Nauka Press.
- Tarabukina, U. P. *Ayanja – mut dyut (Priroda – nash dom)* [Nature is our home]. St Petersburg : Prosveshcheniye Press. (In Even, In Russ.).
- Ushnitskaya, N. Yu. (2021). Kontsept «Bjejumjekit / ohota» v yazykovoy kartine mira evenkov [The concept «Бэюмэжит / Hunt» in the Evenki linguistic picture of the world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 183–191. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191
- Sharina, S. I., Kuzmina, R. P. (2018). *Nizhnekolymskiy govor evenskogo yazyka* [Lower-Kolyma local accent of the Even language]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Shiyanova, A. A. (2021). Semantika prilagatel'nykh khantyyskogo yazyka, kharakterizuyushchikh pogodnye yavleniya [Semantics of the Khanty adjectives characterizing weather phenomena]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 169–178. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_169_178.
- Robbek, V. A., Robbek, M. E. (2004). *Evensko-russkiy slovar'* [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

Ма Татьяна Юрьевна✉, Михеев Дмитрий Сергеевич
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
tdovnar@mail.ru

Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса

Аннотация

Несмотря на многочисленные исследования спортивного дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике, лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса ранее не становилась предметом изучения в науке. В настоящей статье представлены результаты анализа таких системообразующих параметров британского спортивного дискурса, как цели, ценности, хронотоп, участники и жанры. В ходе исследования авторами был сделан вывод о том, что лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса определяется как совокупность присущих каждому параметру черт, к числу которых можно отнести концепты, объективирующие в языковой форме ценности, хронотоп и участников дискурса, а также отличительные языковые черты комментария и аналитической статьи как его жанров. С использованием таких методов, как контекстуальный анализ, компонентный анализ, метод количественных подсчётов, интерпретационный метод и др. было установлено, что разнообразие участников спортивного дискурса Великобритании и мест проведения соревнований обуславливают наличие в английском языке специальной лексики, в совокупности определяющей лингвокультурную специфику такого системообразующего параметра, как хронотоп. Спортивный комментарий в британских СМИ более объективен и «динамичен», а в спортивной аналитической статье, как правило, подробно освещается одно спортивное событие.

Ключевые слова: спортивный дискурс, параметры дискурса, национально-культурная специфика

© Ма Т. Ю., Михеев Д. С. 2022

Для цитирования: Ма Т. Ю., Михеев Д. С. Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 90–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_90

Tatyana Yu. Ma✉, Dmitry S. Mikheev
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru

Linguocultural specifics of British sports discourse

Abstract

Despite numerous studies of sports discourse in Russian and foreign linguistics, its national and cultural specifics have not previously become the focus of scientific research. The current article presents the results of the analysis of such system-forming parameters of the British sports discourse as goals, values, chronotope, participants and genres. In the course of the study of these parameters, the authors come to the conclusion that the linguocultural specificity of the British sports discourse is defined as a set of features inherent in each parameter, which include concepts objectifying in the linguistic form the values, participants and chronotope of the discourse, as well as distinctive linguistic features of the commentary and analytical article as discourse genres. Using such methods as contextual analysis, component analysis, the method of quantitative calculations,

the interpretative method, etc., it was found that the diversity of participants in the sports discourse of Great Britain and the venues of competitions determine the presence of special vocabulary in the English language, which collectively determines the linguistic and cultural specifics of such a system-forming parameter as chronotope. Sports commentary in the British media is more objective and “dynamic”, and in a sports analytical article, as a rule, one sports event is covered in detail.

Keywords: sports discourse, discourse parameters, linguocultural specifics

© Ma T. Yu., Mikheev D. S. 2022

For citation: Ma, T. Yu., Mikheev, D. S. (2022). Lingvokul'turnaya spetsifika britanskogo sportivnogo diskursa [Linguocultural specifics of British sports discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 90–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_90

1. Введение [Introduction]

Спортивные соревнования – одни из самых зрелищных и массовых событий современности, которые широко освещаются в СМИ. Телевидение, радио, пресса, Интернет фиксируют в форме репортажей и комментариев тысячи текстов спортивной тематики и предлагают своей аудитории готовые шаблоны дискурсивной деятельности.

Исследования спортивного дискурса сегодня ведутся достаточно интенсивно. Рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, используемые в спортивном газетно-публицистическом дискурсе [Егорова, 2021], семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса [Зиянгиров, 2017], жанры спортивного дискурса в лингвокогнитивном аспекте [Кислицина, 2020], просодия на эмоциональных и нейтральных участках футбольного комментария на материале британского английского и русского языков [Корыткин, Андросова, 2016], дискурс российских спортивных СМИ [Мальшева 2016], дискурсивная языковая личность [Пак, 2018], лингвосемиотические [Панкратова, 2005] и жанрово-стилистические характеристики спортивного дискурса [Терпелец, 2014], использование языковых средств в спортивном дискурсе и их лингвокультурная интерпретация [Caldwell et al., 2016], дискурс как форма деятельности, влияние современных информационных технологий и интернета на спортивный дискурс [Schirato, 2013].

Интерес учёных к этой коммуникативной сфере объясняется тем, что спортивный дискурс представлен несколькими жанрами, существует в разных формах – письменной и устной, чрезвычайно вариативен по хронотопу и привлечённым участникам, тесно связан с другими видами дискурса, тем самым предлагая научному сообществу обширный материал для осуществления научного поиска.

В исследовании, результаты которого представлены в статье, была предпринята попытка дать общую характеристику британского спортивного дискурса посредством анализа его системообразующих параметров – целей, ценностей, участников, хронотопа, жанров – и выявить его лингвокультурную специфику. В ряде случаев выполнение поставленных задач потребовало обращения к соответствующим параметрам русского спортивного дискурса, поскольку только в результате сопоставления явлений действительности можно говорить о наличии или отсутствии у них специфических для национального языка и культуры черт.

Общий объём фактического материала исследования составил 290 словарных статей Cambridge Dictionary, 5 аналитических статей на русском языке и 5 аналитических статей на английском языке (общее количество слов – 8178), 9 спортивных комментариев (общая длительность – 1060 минут), 10 спортивных репортажей (общая длительность – 85 минут), 9 интервью (общая продолжительность – 113 минут), информация, представленная на 4 сайтах спортивных организаций Великобритании.

Фактический материал исследования, несмотря на его ограниченный характер, дал возможность составить общее впечатление о том, что является универсальным в британском спортивном дискурсе с учётом выбранных параметров, а что можно рассматривать как его специфические черты. Поэтапный анализ целей, ценностей, участников, хронотопа и жанров, объективированных в языковой форме, позволил получить новые научные данные о дискурсивной деятельности в области национальных видов спорта Великобритании как дополнение к полученным ранее другими авторами результатам изучения спортивного дискурса в целом.

2. Системообразующие параметры британского спортивного дискурса [Systematic parameters of British sports discourse]

Цели спортивного дискурса. Целями любого спортивного дискурса являются: освещение событий в спортивной жизни общества и информирование о состоянии спорта, формирование определённого отношения к занятиям спортом, исследование направлений дальнейшего развития в мире спорта [Кислицина, 2020]. В Великобритании, как и во многих странах мира, достижение этих целей происходит при помощи средств массовой информации. Существует множество телеканалов и Интернет-сайтов, которые посвящены только спорту, где можно посмотреть как трансляции спортивных событий, так и репортажи с места проведения этих событий, спортивные ревью, спортивную аналитику: British Eurosport 1, Sky Sports 1, BT Sport 1, Premier Sports, skysports.com, sport-press.co.uk, sport.bt.com и др. Также существуют блоги, видеоканалы и подкасты, где люди сами могут создавать контент, формирующий локальный спортивный дискурс, и тем самым выражать своё отношение к спорту и мотивировать других. Спортивный дискурс Великобритании, как и в других странах, актуализируется и за пределами СМИ: в школах и университетах между студентами, преподавателями и тренерами в целях развития своих спортивных навыков, изучения направлений развития спорта, разработки проектов, проведения научных экспериментов.

Очевидно, что на уровне целей едва ли можно говорить о национально-культурной специфике британского спортивного дискурса. Однако данный параметр является системообразующим и характеризует спортивный дискурс Великобритании как сложившуюся в речевой практике коллектива традицию активно обсуждать тему спорта, широко освещать и всесторонне анализировать спортивные события в СМИ и Интернет, формировать ценностное отношение нации к данному виду человеческой деятельности как ключевому концепту культуры.

Ценности спортивного дискурса. Ценности британского спортивного дискурса сводятся к ценностям самой спортивной деятельности. Спортивная деятельность основана на стремлении достигнуть наивысшего результата, поэтому ценностями также являются те факторы, которые способствуют его достижению. Среди таких ценностей следует выделить физические и умственные способности спортсмена, дисциплинированность, спортивный дух и настрой. Также в профессиональной спортивной среде ценится преданность своему клубу и болельщикам.

С целью определения специфических черт британского спортивного дискурса на уровне такого параметра, как ценности, были проанализированы соответствующие разделы на сайтах нескольких спортивных организаций.

Организация England Golf, которая развивает любительский гольф в Англии, выделяет следующие корпоративные ценности: честность, поддержка, профессионализм, ответственность и открытость, целостность, справедливость, надёжность, прозрачность, взаимодействие, ценность развития и высоких стандартов, страсть к гольфу [England Golf]. The LTA – национальный орган, занимающийся развитием тенниса в Великобритании, на Нормандских островах и на острове Мэн, – ценит работу в команде,

преданность делу, ответственность и стремление быть лучшими [LTA]. Английская Премьер-Лига The Premier League выделяет амбициозность, вдохновение, сплочённость, справедливость. Они же, в свою очередь, включают в себя стремление добиваться большего, масштабное мышление, увлеченность футболом, доступность, честность и ответственность [Premier League]. Высший дивизион чемпионата Англии по регби Premiership Rugby указывает соревновательный дух, стремление к совершенствованию, уважение, масштабность проводимых мероприятий и высшее профессиональное мастерство в качестве базовых ценностей лиги [Premiership Rugby].

Суммируя представленную на сайтах информацию, можно утверждать, что важнейшими ценностями британских спортивных организаций являются профессионализм, честность, доступность, уважительное отношение к участникам спортивного дискурса и к спорту в целом, высокие стандарты и любовь к спорту, достойное поведение, развитие спорта.

Участники спортивного дискурса. Участники спортивного дискурса могут быть представлены тремя группами языковых личностей: первая группа (спортсмены, тренеры, судьи) структурирует свою речь в целях достижения спортивного результата; вторая группа представлена болельщиками и зрителями, которые эмоционально оценивают действия и результаты подготовленности участников спортивного события; третья группа – спортивные комментаторы и спортивные журналисты, коммуникативной целью которых являются фиксация и описание хода события для виртуальных болельщиков.

В ходе анализа материалов словаря Cambridge Dictionary языковые единицы, номинирующие участников и хронотоп спортивного дискурса, были классифицированы по группам с учётом возможности их перевода на русский язык и наличия соответствующего концепта в русской языковой картине мира: 1) лексика, которая обозначает присутствующий в русском спортивном дискурсе концепт и имеет прямой эквивалент; 2) лексика, обозначающая концепт, который присутствует в русском спортивном дискурсе и может переводиться на русский язык не только прямым эквивалентом, но и заимствованным словом; 3) лексика, которая обозначает присутствующий в российской спортивной среде концепт, но не имеет прямого эквивалента; 4) лексика без прямого эквивалента, которая обозначает отсутствующие в российской спортивной среде концепты. Данная классификация позволила выявить национально-культурную специфику британского спортивного дискурса на фоне русского варианта см. табл 1).

Т а б л и ц а 1. Классификация и частотность единиц спортивного дискурса
[Table 1. Classification and frequency of sports discourse units]

Категории слов	В российской спортивной лексике переводится			
	прямым эквивалентом	эквивалентом либо заимствованием	только заимствованием	понятие отсутствует
Наименования спортсменов	123 (72,35%)	12 (7,06%)	19 (11,18%)	16 (9,41%)
Время проведения соревнований	25 (62,50%)	4 (10,00%)	9 (22,50%)	2 (5,00%)
Место проведения соревнований	56 (70,00%)	7 (8,75%)	7 (8,75%)	10 (12,50%)

В ходе исследования было установлено значительное преобладание лексических единиц, номинирующих профессиональных спортсменов – 170 субъектов спортивного дискурса. При этом языковые единицы являются неоднородными по структуре и семантике.

В первой группе было выявлено 72,35% слов (123 единицы). Такие языковые единицы, как footballer 'футболист', gamer 'игрок' и др., относятся к общеупо-

требительной лексике и имеют переводческие эквиваленты в русском языке. 21,1% – слова, заимствованные и переданные в русском языке при помощи транслитерации или транскрипции: *outsider* 'аутсайдер', *athlete* 'атлет' и др. 78,9% имеют переводческие соответствия в русском языке: *first team* 'первая команда', *midfield anchor* 'опорный полузащитник', *mountain climber* 'альпинист' и др.

В т о р а я г р у п п а состоит из языковых единиц, которые, помимо русского эквивалента, имеют заимствованный эквивалент (7%, 12 единиц): *halfback* 'полузащитник' или 'хавбек', *centre forward* 'центральный нападающий' или 'центр форвард', *striker* 'бомбардир' или 'страйкер' и др. Использование транслитерированных слов, транскрипции в речи российских комментаторов, возможно, является способом сделать свою речь максимально приближенной к англоязычным аналогам и, тем самым, подчеркнуть национальную идентичность участников дискурса.

Из 170 слов, обозначающих участников спортивного дискурса, 19 (11,17%) единиц составляют т р е т ь ю г р у п п у, и переводятся на русский язык описательным способом. Например, слово *wantaway* 'футболист, который хочет уйти из клуба' объективирует концепт, присутствующий в российском спортивном дискурсе, но не имеет прямого эквивалента.

Другими примерами являются слова и словосочетания *goal hanger (goal poacher, poacher, fox in the box)* 'нападающий штрафной площади'; *field* 'все принимающие участие в игре спортсмены на поле'; *eleven* 'команда из 11 игроков'; *flat back four, back four* '4 игрока обороны'. В различных эстафетах словом *anchor* англичане обозначают спортсмена, завершающего эстафету. Слово *dan* означает того, кто получил дан (разряд в боевых искусствах). Есть также языковые единицы, которые называют субъекта в разных видах спорта: *benchwarmer* 'игрок, который редко играет в основном составе', *trialist* 'участник отборочных соревнований', *giant killer* 'команда или игрок, который побеждает намного более сильного соперника', *warhorse* 'опытный возрастной спортсмен', *pacemaker* 'лидер гонки'.

Более сложным процессом может оказаться восприятие и перевод слов и словосочетаний ч е т в ё р т о й г р у п п ы – 9,4% (16 языковых единиц), объективирующей концепты, которые отсутствуют в российском спорте или практически не распространены: *house*, *scratch team*, *seed*, *boot boy*, *blue*, *wild card*, *ringer*, *phoenix club*. В данную группу вошли также названия игроков в крикет и регби, которые переводятся на русский язык при помощи транскрипции и транслитерации: *wicketkeeper*, *bowler*, *batsman*, *flanker*, *scrumhalf*, *wing back*, *maul*, *hooker*.

Рассмотрим несколько примеров. *House* в Англии – это школьная группа, включающая определённое количество учащихся. В соответствии с *house system*, у разных школ разное количество данных групп. Эти группы могут соревноваться между собой в разных направлениях, в том числе и в различных видах спорта. *Scratch team* – сборная команда, которая была организована наскоро и временно. Такие команды могут быть собраны в рамках различных соревнований и необязательно спортивных. *Seed* – участник турнира, определённый в пару к другому участнику по результатам «посева», т. е. системы распределения участников турнира. *Boot boy* – молодой профессиональный футболист, который чистит бутсы старшим игрокам команды. *Blue* – игрок Оксфордского университета против Кембриджского университета или наоборот. *Wild card* – особое приглашение какому-либо спортсмену, не прошедшему общую квалификацию на соревнование. *Ringer* – наездник или лошадь, незаконно участвующие в забеге или гонке под именем другого наездника или лошади. *Phoenix club* – футбольный клуб, созданный после того, как другой клуб прекратил свою деятельность. Часто новый клуб имеет такое же название и форму.

В ходе анализа материалов словаря также были выявлены языковые единицы, имеющие несколько значений. Например, на русский язык слово *scorer* может перево-

даться и как 'человек, который забивает, приносит очки команде', и как 'судья-секретарь', *baller* – как 'игрок вида спорта с мячом' и как 'баскетболист'. Эти языковые единицы можно отнести и к первой группе слов – с прямым эквивалентом, и к третьей – без прямого эквивалента.

Хронотоп спортивного дискурса. Хронотоп состоит из временных и пространственных элементов, в рамках которых разворачивается спортивный дискурс. Локусом проведения спортивных мероприятий в Британии в первую очередь являются такие стадионы, как «Стэмфорд Бридж», «Эмирейтс», «Тоттенхэм Хотспур Стэдиум» и «Уэмбли» в Лондоне, «Олд Траффорд» в Манчестере и «Энфилд» в Ливерпуле – стадионы с богатой историей и современным оборудованием, «Туикенем» – самый большой регбийный стадион в мире, «Олимпийский стадион», который был построен специально к летним Олимпийским и Паралимпийским играм. Помимо всемирно известных стадионов в стране большое количество стадионов любительских команд различных видов спорта.

120 единиц словаря Cambridge Dictionary обозначают время или место проведения спортивных мероприятий. Из них 40 слов номинируют время, 80 – место проведения соревнований (табл. 1). Рассмотрим лексические единицы, которые обозначают временной параметр хронотопа.

Из 40 языковых единиц, которые обозначают время, в первую группу (4 группы языковых личностей, о которых говорилось ранее) было включено 25 языковых единиц (62,5%), 4 (16%) из которых переводятся на русский при помощи транслитерации или транскрипции: *round* 'раунд', *final* 'финал', *qualification* 'квалификация', *penalty* 'пенальти'.

Во вторую группу было включено 4 слова (10%). Отметим, что слово *timeout*, которое переводится как 'перерыв', используется в русском языке как 'таймаут', а его синоним – *half-time* – не имеет заимствованного эквивалента. В данную группу также вошли слова *extra time* 'дополнительное время' или 'экстра-тайм', *play-off* 'игра на вылет' или 'плей-офф', *overtime* 'дополнительное время' или 'овертайм'.

В третью группу было включено 9 языковых единиц (22,5%). Например, слово *shootout*, которое можно перевести на русский язык и как 'пенальти' (в футболе), и как 'буллит' (в хоккее), не имеет единого эквивалента, обозначающего и то, и другое. Словосочетание *injury time* 'компенсированное время из-за задержек, связанных с оказанием игрокам медицинской помощи' не является эквивалентом словосочетания 'компенсированное время', так как последнее включает в себя задержки, связанные не только с травмами игроков, но и с заменами, и с другими причинами.

В четвёртой группе 2 языковые единицы (5%). *Test match* употребляется в таких национальных видах спорта Великобритании, как крикет и регби и обозначает встречу между двумя национальными командами. В связи с тем, что эти виды спорта не распространены в России, данное понятие не имеет прямого эквивалента и передаётся как 'иннинг'.

Из 80 языковых единиц, которые обозначают место проведения спортивного события (см. табл. 1), первая группа включает 56 единиц (70%). Из 56 единиц 5 (8,9%) переводятся на русский язык при помощи транслитерации или транскрипции: *arena* 'арена', *amphitheatre* 'амфитеатр', *dojo* 'додзё', *fan zone* 'фан-зона', *ring* 'ринг'.

Вторая группа включает 7 языковых единиц (8,75%): *fitness centre* 'спортивно-оздоровительный центр' или 'фитнес центр', *skating-rink* 'каток' или 'скейтинг-ринк', *court* 'площадка' или 'корт', *pitch* 'поле' или 'питч', *recreation centre* 'центр отдыха и развлечений' или 'рекреационный центр', *skatepark* 'скейт-площадка' или 'скейтпарк', *track* 'трасса' или 'трек'.

В третьей группе 7 слов (8,75%). *Ballpark* может переводиться как 'место для занятия спорта с мячом, особенно бейсболом', *bowl* – 'арена в виде чаши',

bullring – 'арена для боя быков', *course* – 'территория для проведения спортивного мероприятия'. Слово *mezzanine* может обозначать как 'первые ряды верхнего яруса', так и 'весь верхний ярус'. *The tunnel* на русский язык переводится как 'вход в подтрибунное помещение'. *Row Z* обычно используется для того, чтобы акцентировать особое внимание на неточный удар футболиста: 'самый дальний от поля ряд трибун'.

В четвёртой группе 10 языковых единиц (12,5%). Например, *the rough*, *tee*, *green*, *bunker*, *links* и *fairway* относятся к такому виду спорта, как гольф. *The rough* (русс. 'раф') – это зона гольф-площадки с длинной травой. *Tee* (русс. 'ти') обозначает площадку на поле, откуда начинается игра. *Green* (русс. 'грин') обозначает участок с самой короткой травой вокруг лунки. Участок с травой средней длины, который занимает большую часть игрового поля между 'ти' и 'грином', называется *fairway* и передаётся на русский язык словом 'фервей'. *Links* – большая площадь на побережье моря с песочными холмами для игры в гольф. *Bunker* – разновидность покрытия из песка на площадке для гольфа.

Bowling green относится к такой игре, как «шары» или «игра в боулз» и означает лужайку, на которой проводится эта игра. *Crease* переводится как 'криз' и обозначает полосу, которая отделяет ту или иную зону от основного пространства питча.

Pavilion также является заимствованием, но из французского языка. В русском языке данное слово обозначает небольшую постройку облегчённой конструкции для каких-либо целей. В спортивном дискурсе Великобритании *pavilion* обозначает здание рядом со спортивным полем для игроков и иногда для людей, которые смотрят игру. Особенно часто это слово употребляется в крикете.

Dry slope не имеет прямого эквивалента в русском языке и обозначает склон без снега, покрытый пластиком или другим материалом. Такой материал стабилен при комнатной температуре и не меняет своих свойств.

Совпадают в английском и русском языках 227 единиц, относящихся к хронологу спортивного дискурса (имеют переводные эквиваленты), что составляет 78,27% от всего объёма изученного материала. Не имеют прямого эквивалента 63 языковые единицы (21,72%), которые обозначают концепты, специфичные для данного параметра британского спортивного дискурса. Вышеназванные концепты определяют в совокупности его лингвокультурную специфику, которая проявляется в процессе взаимодействия участников дискурсивного события как языковых личностей разных национальных культур.

Жанры британского спортивного дискурса. В ходе исследования были рассмотрены такие жанры британского спортивного дискурса, как спортивная аналитическая статья, спортивный репортаж, интервью и спортивный комментарий.

Спортивные комментаторы Великобритании склонны к критически объективному восприятию спортивного события. **С п о р т и в н ы й к о м м е н т а р и й** британского спортивного дискурса в первую очередь представляется более динамичным в отличие от спортивного комментария России, так как британские комментаторы стремятся описать происходящее в независимости от напряжения и динамики спортивного события. Русские же комментаторы могут отвлечься от происходящего, если динамика состязания невысока, и есть время упомянуть об интересном факте из жизни спортсмена, об истории соперничества команд или о другом заметном факте, который может быть интересен зрителю.

Спортивные комментаторы Великобритании часто используют эмоционально-оценочную лексику. Такие словосочетания, как *lovely chance* 'прекрасный шанс', *great chance* 'великолепный шанс', *glorious opportunity* 'невероятная возможность', *wonderful opportunity* 'прекрасная возможность' часто используются комментаторами. Однако они гораздо меньше задают риторических вопросов и обращаются к зрителю, и в их речи

гораздо меньше шуток и смеха, что в совокупности делает комментарий как жанр британского спортивного дискурса достаточно серьёзным и формирует соответствующее отношение к нему у публики. Русские же комментаторы часто обращаются к зрителю, привлекая его внимание к происходящему, что повышает ощущение вовлечённости в состязание.

Репортаж и интервью как жанры спортивного дискурса являются менее спонтанными жанрами со своей структурой и целями. Репортаж и интервью в британских и российских СМИ практически не отличаются, хотя в Великобритании интервью часто дают иностранные тренеры и спортсмены, что делает тексты этого жанра менее динамичными и грамматически правильными. Иностранные тренеры и спортсмены выражаются проще и короче, так как используют разговорный английский язык.

Аналитическая статья как письменный жанр спортивного дискурса обладает наибольшим количеством особенностей, которые отличают британскую спортивную аналитику от российской. Необходимо уточнить, что статей аналитического характера в количественном отношении гораздо меньше тех, которые носят описательный характер и посвящены, например, физической готовности спортсменов или команд к соревнованию, ярким моментам спортивной жизни вне соревнований, мнениям и высказываниям спортсменов и тренеров, влиянию ситуации в стране и в мире на спортивную сферу. Во многом это связано с тем, что результаты спортивных событий освещаются в таких речевых жанрах, как отчёт, репортаж, беседа, обзор или подкаст, который становится все более популярным в наши дни.

В ходе исследования было проанализировано 5 статей аналитического характера, которые опубликованы на сайте телеканала RT («Россия сегодня») [RT] и 5 статей, опубликованные на сайте издания «The Sun» [The Sun]. Именно на этих сайтах публикуются спортивные аналитические статьи на регулярной основе.

Первое отличие спортивных аналитических статей двух стран заключается в том, что аналитические статьи в российских СМИ одинаковы по размеру – от 600 до 1000 слов. В британских масс-медиа статьи могут быть такого же объёма, а могут включать менее 300 слов, например: *EAGLES SOARING Brighton 0 Crystal Palace 1: Jordan Ayew nets only goal of game as Shelutto booked on bench for feud with Zaha* – 'ИГЛЗ СОАРИН «Брайтон» – 0, «Кристал Пэлас» – 1: Джордан Айю забивает единственный гол в игре, поскольку Шелутто был удалён со скамейки запасных за вражду с Захой' («The Sun», 29 февраля 2020 года). Как правило, такие публикации посвящены спортивным событиям, которые не требуют подробной аналитики.

Второе заметное отличие заключается в том, что в одной публикации российских СМИ освещается сразу несколько спортивных мероприятий одного вида спорта, в то время как британская аналитическая статья содержит анализ одного спортивного события. Например: *Первый хет-трик Санчо, победа «Шахтера» над киевским «Динамо», лидерство БАТЭ: главные события дня в европейском футболе; Дубль Левандовски и красивый гол Хаверца: чем запомнились матчи 29-го тура Бундеслиги* (RT, 1 июня 2020 года), *MOUR TO DO Tottenham 2 Wolves 3: Strikerless Spurs throw away lead as Jimenez's strike puts Nuno's side above them in Prem table* – 'СКОРБЬ ПО «Тоттенхэму» 2: 3: «Шпоры» без нападающего теряют преимущество, поскольку удар Хименеса ставит команду Нуно выше их в таблице премьер-лиги'; *THE BEATABLES Watford 3 Liverpool 0: Deeney and Sarr combine to destroy Reds' Invincibles challenge with thrashing at Vicarage Road* – '«БИТЭЙБЛЗ» «Уотфорд» 3 «Ливерпуль» 0: Дини и Сарр объединяются, чтобы уничтожить «Непобедимых красных» на Викаридж-роуд' («The Sun», 1 марта 2020 года). Первая статья посвящена матчам трёх футбольных лиг (6 матчей). Вторая – 3 матчам одной футбольной лиги. В каждой статье британского издания анализируется один матч.

Следующее отличие является прямым следствием второго – анализ одного события даётся подробнее, чем анализ нескольких событий в одной статье. Например, в аналитической статье в российских СМИ могут быть описаны лишь самые важные события спортивного состязания, анализ турнирного положения команды, перспективы команды или игрока в ходе турнира или другие моменты, которые стоит упомянуть. Британская аналитическая статья содержит более подробную информацию как о событиях во время спортивного мероприятия, так и о других аспектах, связанных с этим мероприятием (к примеру, о турнирном положении, перспективах или истории соперничества). Например, в статье «Хет-трик Вернера, два мяча «Кёльна» за три минуты и гол россиянина из «Аугсбурга»: итоги воскресных матчей Бундеслиги» атака, которая привела к голу, описана двумя предложениями: *Сначала на ровном месте ошибся Салиф Сане, а затем небрежно сыграл Мюнир Мерджан. Ноа-Жозель Сарренрен-Базе и Серхио Кордова воспользовались подарками противников и довели счёт до крупного – 3:0* (RT, 25 мая 2020 года).

В британских СМИ представление голевой атаки в статье даётся очень подробно и включает упоминание менее важных событий, происходивших по ходу матча: *Lukasz Fabianski had conceded one corner by pushing Bernard Mendy's shot behind at his near post, and then Issa Diop another by nodding away Kevin De Bruyne's cross (MAN CITY 2 WEST HAM 0 Man City 2 West Ham 0: De Bruyne puts on masterclass as Pep's boys cruise past hopeless Hammers)* – 'Лукаш Фабиански пропустил один угловой, отразив удар Бернарда Менди на ближней штанге, а затем Исса Диоп пропустил другой, отразив прострел Кевина Де Брюйне» («МАН СИТИ» – 2, «ВЕСТ ХЭМ» – 0, «Ман Сити» – 2, «Вест Хэм» – 0: Де Брюйне проводит мастер-класс, пока парни Пепа пропускают безнадёжных «Хаммеров»)» («The Sun», 19 февраля 2020 года).

Последнее заметное отличие аналитических статей Великобритании и России заключается в языковых особенностях. В британских СМИ в аналитической статье подробно излагается ход спортивного мероприятия, а язык написания статьи «более динамичен». Стиль аналитической статьи в российских СМИ более лаконичный, что позволяет передать ключевые моменты спортивного события. Например, в статье «Аплодисменты пустым трибунам, празднование гола локтями, сейв защитника: чем запомнилось возобновление сезона Бундеслиги» результат матча «Боруссии» и «Шальке-04» представлен в одном предложении: *Хозяева отправили в ворота соперника четыре безответных мяча и впервые с 1966-го обыграли принципиального оппонента с разницей в четыре гола, а после финального свистка в полном составе отправились аплодировать пустым трибунам* (RT, 17 мая 2020 года).

В британском издании голевая атака описана достаточно подробно, и это описание включает большое количество глаголов, в том числе – глаголов движения: *MOUR TO DO Tottenham 2 Wolves 3: Strikerless Spurs throw away lead as Jimenez's strike puts Nuno's side above them in Prem table»: «Ruben Vinagre played a lovely one two with Ruben Neves on the left before getting in behind Aurier and firing in a cross, which Eric Dier failed to cut out and Japhet Tanganga miscontrolled, gifting Arsenal fan Matt Doherty the simplest and sweetest of close-range finishes – 'СКОРЬ ПО «Тоттенхэму» – 2, «Вулфс» – 3: «Сперс» без нападающего теряют преимущество, поскольку удар Хименеса ставит команду Нуно выше их в турнирной таблице»: «Рубен Винагре прекрасно сыграл один на два с Рубеном Невешем слева, прежде чем зайти за Орье и прострелить мяч, который Эрик Диер не смог срезать, а Джафет Танганга неправильно направил, подарив фанату «Арсенала» Мэтту Доэрти самый простой и приятный из ударов с близкого расстояния»* («The Sun», 1 марта 2020 года). Использование глаголов движения делает описание более динамичным, заставляя читателя представлять ход игры и производимые на большой скорости игроками маневры.

Указанные особенности в совокупности определяют лингвокультурную специфику британского спортивного дискурса и сложившуюся в его рамках традицию представления аналитической информации в СМИ: 1) британская аналитическая статья содержит анализ одного спортивного события, 2) анализ этого события достаточно детализирован, 3) статьи могут включать менее 300 слов, 4) в аналитической статье подробно описывается ход спортивного мероприятия, а язык изложения может быть охарактеризован как «динамичный».

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что цели британского спортивного дискурса совпадают с целями, которые определяют существование любого спортивного дискурса, что не позволяет говорить о его выраженной лингвокультурной специфике как объекта исследования. То же будет справедливым и для ценностей как системообразующего параметра. Профессионализм, честность, доступность, уважительное отношение к участникам спортивного дискурса и к спорту в целом, высокие стандарты и страсть к спорту, достойное поведение и развитие спорта характерны для спортивной жизни многих стран. Однако в Великобритании есть национальные виды спорта, в дискурсе которых эти ценности объективируются и культивируются как специфичные для британского спортивного дискурса элементы.

Разнообразие участников спортивного дискурсивного пространства Великобритании, которые посвящают свою карьеру определённому национальному виду спорта, места проведения соревнований обуславливают наличие в английском языке специальной лексики, в совокупности определяющей лингвокультурную специфику данного системообразующего параметра. Более 20% языковых единиц обозначают концепты, национально-специфичные для хронотопа британского спортивного дискурса.

В процессе изучения спортивных комментариев, репортажей, интервью и спортивных аналитических статей в британских СМИ и их сравнения с аналогичными российскими публикациями было выявлено несколько отличительных особенностей, которые подтверждают наличие лингвокультурной специфики у жанров британского спортивного дискурса. Спортивный комментарий в британских СМИ более объективен и «динамичен», а в спортивной аналитической статье, как правило, подробно освещается одно спортивное событие.

Разнообразие национальных видов спорта, которые зародились и в большей степени получили своё распространение в стране, и восприятие спорта как одного из ключевых концептов культуры Великобритании во многом обуславливают национально-культурную специфику британского спортивного дискурса, которая объективируется в языковой форме на уровне его системообразующих параметров – ценностей, участников, хронотопа и жанров.

Библиографический список

- Егорова, 2021 – Егорова С. А. Спортивный газетно-публицистический дискурс: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.19 ; Южный федеральный университет. Ставрополь, 2021. 184 с.
- Зиянгиров, 2017 – Зиянгиров Э. К. Семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.01 ; Уфа : Изд-во Башкирского государственного университета, 2017. 199 с.
- Кислицына, Новикова 2020 – Кислицына Н. Н., Новикова Е. А. Жанры спортивного дискурса. Лингвокогнитивный аспект. М. : ИНФРА-М, 2020. 205 с.

- Корыткин, Андросова, 2016 – Корыткин Ю. А., Андросова С. В. Просодические средства выражения эмоциональной составляющей в английском и русском футбольном комментарии // Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. 2016. № 2 (741). С. 62–74.
- Мальшева, 2016 – Мальшева, Е. Г. Дискурс российских спортивных СМИ. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Пак, 2017 – Пак Л. Е. Речезанровая специфика спортивных комментариев США и России // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2017. № 6 (183). С. 117–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-6-117-122>
- Панкратова, 2005 – Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.19 ; ВолГУ. Волгоград, 2005. 223 с.
- Терпелец, 2014 – Терпелец Ж. А. Жанрово-стилистическая характеристика спортивного медиадискурса // Связи с общественностью в спорте: образование, тенденции, международный опыт. 2014. № 6. С. 231–234.
- Caldwell et al., 2016 – The Discourse of Sport / D. Caldwell, J. Walsh, E. W. Vine, J. Jureidini. New York : Routledge Press, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315644974>
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org>
- England Golf – England Golf: The governing body for amateur golf in England. URL : <https://www.Englandgolf.org/>
- Premiership Rugby – Premiership Rugby: The organising body of the Gallagher Premiership Rugby league. URL : <http://premierstrugby.com>
- RT – RT. URL : <https://russian.rt.com/>
- Schirato, 2013 – Schirato T. Sports Discourse. Bloomsbury Publishing, 2013. URL : <https://www.perlego.com/book/806469/sports-discourse-pdf>
- LTA – The LTA: The National Governing Body for tennis in Great Britain. URL : <https://www.lta.org.uk/>
- The Premier League – The Premier League: The organising body of the Premier League. URL : <https://www.premierleague.com/>
- The Sun – The Sun. URL : <https://www.thesun.co.uk/>

References

- Yegorova, S. A. (2021). *Sportivnyy gazetno-publitsisticheskiy diskurs: kommunikativnyye strategii i taktiki* [Sports newspaper and journalistic discourse: communicative strategies and tactics]. PhD in Philological sci. diss. Southern Federal University. Stavropol. (In Russ.).
- Ziyangirov, E. K. (2017). *Semanticheskiye i funktsional'no-stilisticheskiye parametry sportivnogo diskursa* [Semantic, functional and stylistic parameters of sports discourse]. PhD in Philological sci. diss. Bashkir State University. Ufa. (In Russ.).
- Kislitsyna, N. N. Novikova, E. A (2020). *Zhanry sportivnogo diskursa. Lingvo-kognitivnyy aspekt* [Genres of sports discourse. Linguocognitive aspect]. Moscow : INFRA-M Press. (In Russ.).
- Korytkin, Yu. A., Androsova, S. V. (2016). Prosodicheskie sredstva vyrazheniya emotsional'noy sostavlyayushchey v angliyskom i russkom futbol'nom kommentarii [Prosodic means of expressing emotions in English and Russian football commentary]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingvistich. un-ta* [MSLU Bulletin. The Humanities], 2 (741), 62–74. (In Russ.).
- Malysheva, E. G. (2016) *Diskurs rossiyskikh sportivnykh SMI* [The discourse of the Russian sports media]. Омск : Омск State University Press. (In Russ.).
- Pak, L. E. (2017) Rechezhanrovaya spetsifika sportivnykh kommentariyev SSHA i Rossii [Speech genres specificity of American and Russian sports commentaries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univer-siteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 6 (183), 117–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-6-117-122>
- Pankratova, O. A. (2005) *Lingvosemioticheskiye kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Linguosemiotic characteristics of sports discourse]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd State University. Volgograd. (In Russ.).
- Terpelets, Zh. A. (2014). Zhanrovo-stilisticheskaya kharakteristika sportivnogo mediadiskursa [Genre and stylistic characteristics of sports media discourse]. *Svyazi s obshchestvennost'yu v sporte:*

- obrazovaniye, tendentsii, mezhdunarodnyy opyt* [Public relations in sports: Education, trends, international experience], 6, 231–234. (In Russ.)
- Caldwell, D., Walsh, J., Vine, E. W., Jureidini, J. (2016). *The Discourse of Sport*. New York : Routledge Press. <https://doi.org/10.4324/9781315644974>
- Cambridge Dictionary. Retrieved from <<https://dictionary.cambridge.org>>.
- England Golf: The governing body for amateur golf in England. Retrieved from <<https://www.englandgolf.org/>>.
- Premiership Rugby: The organising body of the Gallagher Premiership Rugby league. Retrieved from <<http://premiershiprugby.com>>.
- RT. Retrieved from <<https://russian.rt.com/>>.
- Schirato, T. (2013). *Sports Discourse*. Bloomsbury Publishing. Retrieved from <<https://www.perlego.com/book/806469/sports-discourse-pdf>>.
- The LTA: The National Governing Body for tennis in Great Britain. Retrieved from <<https://www.lta.org.uk/>>.
- The Premier League: The organising body of the Premier League. Retrieved from <<https://www.premierleague.com/>>.
- The Sun. Retrieved from <<https://www.thesun.co.uk/>>.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 30.03.2022.
The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 30.03.2022.

Солнцева Елена Сергеевна✉, Меджинян Мариам Вардановна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
shelestelena@yandex.ru

Грамматические девиации в англоязычных блогах носителей и неносителей языка

Аннотация

Целью данной работы стало описание особенностей явления грамматической девиации в англоязычных блогах носителей и неносителей английского языка. В ходе исследования было изучено понятие девиации в лингвистике, рассмотрены соотношение понятий «девиация» и «ошибка», а также существующие классификации типов грамматической девиации. Результатом исследования является, с одной стороны, составление классификационной сетки грамматической девиации, а с другой – выявление и описание намеренных и ненамеренных девиантных единиц. Материалом для исследования послужили тексты англоязычных блогов, размещённые в таких социальных сетях, как Instagram и Twitter, и написанные авторами носителями и неносителями английского языка (русскими). Выявлено, что в группах блогов как носителей, так и неносителей языка наиболее распространённым типом девиации являются синтаксические девиации. У носителей языка чаще всего встретилась группа намеренных синтаксических девиаций, у неносителей наиболее распространённым типом были ненамеренные синтаксические девиации.

Ключевые слова: девиация, блог, английский язык, отклонение от нормы, грамматика

© Солнцева Е. С., Меджинян М. В. 2022

Для цитирования: Солнцева Е. С., Меджинян М. В. Грамматические девиации в англоязычных блогах носителей и неносителей языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 102–115. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_102

Elena S. Solntseva✉, Mariam V. Medzhinyan
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
shelestelena@yandex.ru

Grammar deviation in blogs of native and non-native speakers

Abstract

Description and analysis of grammar deviation in English blogs are in the scope of the current study. We regard the concept of deviation as the choice of linguistic sources that interfere with Standard whereas we include here spontaneous violation as well as creative language use to make a new form for a successful and succinct expression. We distinguish between a deviation and a mistake and look deeper into existent classification of grammar deviation. As a result, we present a new classifying grid of possible grammar deviations and analyse intentional and non-intentional deviations in English blogs of such social networks as Instagram and Twitter by the authors who are both native and non-native (Russian) speakers. It was discovered that in both groups, the most frequent deviation was a syntactic one. Native speakers made a wide use of intentional syntactic deviation while non-native speakers mostly used non-intentional ones.

Keywords: deviation, blog, English, violation of linguistic norms, grammar

For citation: Solntseva, E. S., Medzhinyan, M. V. (2022). Grammaticheskie deviatsii v angloyazychnykh blogakh nositeley i nenositeley yazyka [Grammar deviation in blogs of native and non-native speakers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 102–115. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_102

1. Введение [Introduction]

Феномен девиации не только представляет собой случайные ошибки, допущенные носителями или неносителями языка в силу различных причин, но и является своеобразным инструментом живого языка, используемым в «креативных» целях: создание особого ритма текста, выражение мысли, для оформления которой недостаточно закреплённых нормой языковых средств, выражение разговорного узуса, требующего краткости и ёмкости языковых форм. Именно поэтому его изучение так важно для понимания процессов развития современного языка. В центре внимания данной работы стало описание особенностей явления грамматической девиации в англоязычных блогах носителей и неносителей языка. В существующих исследованиях блогов акцент ставится прежде всего на стилистических аспектах использования языка [Ибраева, 2018; Кислицина, Чернявская, 2019]. Здесь же рассматриваются именно грамматические феномены, возникшие под влиянием интенции автора либо неосознанно и подвергшиеся изменениям относительно современной нормы английского языка, зафиксированной, в частности, в трудах отечественных и зарубежных лингвистов [Кобрина и др. 1999; Leech, Svartvik 2002; Biber et al. 2003; Carter et al. 2006; Володин 2015; Nelson, Greenbaum 2015].

В ходе исследования было изучено понятие девиации в лингвистике, рассмотрены соотношение понятий «девиация» и «ошибка», а также существующие классификации типов грамматической девиации. Результатом исследования является, с одной стороны, составление классификационной сетки грамматической девиации, а с другой, выявление и описание намеренных и ненамеренных девиантных единиц на основе рассматриваемого материала.

С практической точки зрения настоящее исследование может дать начало более детальному и широкому исследованию особенностей, причин и целей грамматических девиаций, позволит обратить внимание на явление интерференции как одной из важнейших причин ненамеренных девиаций и на исследование влияния конкретных языков на употребление английского языка, что может способствовать разработке наиболее эффективных методов обучения английскому языку. Изучение же намеренных девиаций может быть весьма полезно для методов развития языковой компетенции и для развития умений использования грамматики в стилистических целях.

2. Теоретические предпосылки [Theoretical background]

Термин «девиация» (deviation – отклонение) широко употребляется во многих областях и сферах исследований и обозначает отклонение от нормы [Современный словарь..., 2000, с. 80]. Кембриджский словарь определяет данное понятие как «различие / отклонение от того, что обычно или ожидаемо» [Cambridge Dictionary]. Впервые термин был введён в лингвистику британским лингвистом Дж. Личем в 1969 г., в этот период он изучал различные произведения английской поэзии и отметил закономерность языковых отклонений [цит. по: Nameed, 2015, p. 6563].

Данный термин объясняется как «любое произношение, слово, предложение или семантическая структура, которая не подчиняется норме» [Richards et al., 1993, p. 105]. Рен Чи определяет девиацию как «противоположное норме, относящееся к выбору лин-

гвистических единиц, выходящих за рамки дозволенных единиц» [Chi, 2013, p. 85]. Девиации относятся к языковым единицам, которые нарушают правила «нормированного» употребления и проявляются на любых уровнях языка: грамматическом, фонетическом, семантическом и т.д. [Crystal, 2003, p. 134].

Понятие «девиация», в целом представляя собой отклонение от нормы, часто приравнивается к понятию «ошибка» и становится с ним в один синонимический ряд. Однако данные понятия не равнозначны. Девиация – понятие наиболее широкое, в которое входит понятие ошибки, т. е. ошибка может считаться девиацией, тогда как девиация не всегда может быть ошибкой. Подтверждением тому могут быть, например, намеренные девиации, девиации в поэзии и песенных текстах. Писатели и поэты нередко используют девиации на различных языковых уровнях в целях принесения в текст особых художественных эффектов, используя иные, девиантные формы слов в тех случаях, когда нормированные слова не способны передать мысль автора [Mansoor, Salman, 2020, p. 8].

Девиация рассматривается в следующем диапазоне: «норма – отдельные типы девиации – ошибка». Она учитывает промежуточные явления, которые представляют собой отклонение от нормы, но не квалифицируются как ошибки [Amengeldiyeva et al., 2016, p. 55]. Именно поэтому девиантные формы – это более часто встречающееся явление в повседневной жизни, нежели ошибки: «Сам язык в его нормативном состоянии предоставляет больше выразительных возможностей тем, кто пишет об исключениях, нежели тем, кто описывает правила, поскольку в семантике обыденной речи широко отражены все виды аномальных явлений и девиаций» [Арутюнова, 1999, с. 88–89]. Данные слова и выражения, как отмечает Т. Б. Радбиль, «не содержат очевидных нарушений в речевой актуализации системно-языковых закономерностей, не содержат коммуникативно-прагматических отклонений, но при этом всё же производят впечатление «странных», порой даже «нелепых» высказываний, явным образом оцениваемых как девиантные любым средним носителем языка [Радбиль, 2007, с. 239].

Таким образом, языковая девиация – это выбор лингвистических единиц, противоположный норме и выходящий за рамки литературной нормы, представляющий собой как случайные отклонения, так и «творческий подход к использованию языка» в целях создания нового плана выражения для наиболее успешного и ёмкого представления плана содержания.

Дж. Лич, первый лингвист, принявший во внимание лингвистики феномен девиации на основе изучения поэзии, выделил девять типов языковой девиации: лексическая, семантическая, синтаксическая, фонологическая, морфологическая, графическая, историческая, диалектная и регистра [цит. по: Mansoor, Salman, 2020, p. 8]. В нашей работе, проводимой в рамках теоретической грамматики английского языка, мы заострим внимание на двух типах грамматической девиации: синтаксической и морфологической.

С и н т а к с и ч е с к а я д е в и а ц и я возникает, когда говорящий или автор текста нарушает норму синтаксиса, т. е. это отклонение от правил грамматики и правил формирования предложения. Согласно В. С. Сетураману и Дж. Пеку, «поэты склонны следовать собственной грамматике и прибегать к отклонениям всякий раз, когда им приходится выражать значение, недоступное обычному языку». Это приводит к двусмысленности или непониманию со стороны читателя [цит. по: Mansoor, Salman, 2020, p. 11]. Данная точка зрения представляется релевантной в отношении к предмету изучения – блогам, так как многие современные блоги включают в себя элемент игры слов, художественного мастерства в целях привлечения читателей. Также нередко можно наблюдать ненамеренные нарушения синтаксиса, в особенности, в блогах, чьи авторы не являются носителями английского языка. В данном случае, причиной может являться недостаточная уверенность в использовании языка, либо интерференция родного языка,

что может явно присутствовать даже в текстах авторов, имеющих уровень английского языка Upper Intermediate (C1 CEFR) и выше.

Морфологическая девиация – это любой вид морфологических конструкций, являющихся результатом неправильно сформированных морфем [Crystal, 2003, p. 134]. Морфологическая девиация включает в себя различные процессы: например, добавление нетипичного суффикса к слову или, наоборот, убавление привычного суффикса.

Другим критерием для категоризации языковых девиаций является интенция, т. е. намеренность или ненамеренность конкретного грамматического отклонения. М. Дебрэнн предлагает рассмотреть такие виды девиации, как запланированные (авторские неологизмы, окказионализмы, игра слов и т. д.) и незапланированные (оговорки, описки, речевые ошибки) [Дебрэнн, 2006, с. 18]. Однако Г. А. Амангелдиева предлагает назвать данные термины иначе и углубляет их категоризацию, раздробив каждый вид девиаций на подвиды [Амангелдиева, 2018]. В своей работе мы будем опираться на такую классификацию и назовем девиации намеренными и ненамеренными.

Намеренные девиации и представляют собой особый стилистический приём, весьма часто использующийся в креативных текстах. К ним можно отнести:

1. Отклонения от нормы, намеренно допущенные, в основном, в творческих работах писателей и поэтов, преследующих определённые цели (сохранение ритма, размера, рифмы в тексте, языковая игра, изобретение новых метафор, эпитетов и т. д.).

2. Намеренные девиации в нарративном дискурсе. «Нарратив» (от лат. *narrare* 'рассказывать, повествовать') – рассказывание истории, пересказ, несобственно-прямое говорение [Обдалова, 2019, с. 332]. То есть нарратив – это текст, передающий информацию о реальных или же вымышленных событиях. Нарратив интересен девиатологии тем, что нарраторы могут намеренно допускать отклонения, акцентируя внимание читателей или слушателей на определённых словах и выражениях [Амангелдиева, 2018, с. 28]. Для блогов данная категория довольно распространена, так как блог имеет нарративный характер и блогеры весьма часто прибегают к отклонениям в своей речи для передачи новых, более ярких иллюстраций и смыслов. Также к данной категории мы отнесём «сленговость» нарратива в блогах, склонность языка данного типа текстов к живому течению языка, подвластному жаргонам и сленгу.

3. Девиации в никнеймах. Никнейм – неформальное имя для кого-либо или чего-либо, чаще основанное на настоящем имени или характерных чертах носителя никнейма [Cambridge Dictionary]. Никнейм также является «сетевым именем» пользователя сети Интернет, часто используемым в социальных сетях, приложениях, блогах, форумах и т. д. Девиации в никнеймах делятся на две подкатегории: 1) языковая игра; 2) графическая игра. Никнейм является предметом самопрезентации авторов текста, неким «атрибутом» его индивидуальности, именно поэтому никнеймы могут быть подвержены значительным девиациям.

4. Намеренные девиации в заголовках блогов, в заголовках конкретных постов / видео. Заголовки несут различные функции, одной из которых является оценочно-экспрессивная функция, нацеленная на привлечение внимания читателя, установление контакта с аудиторией, а также на выражение индивидуальности и оригинальности текста. Подобные цели вполне могут быть достижимы посредством непривычных языковых форм, которыми являются девиации.

К ненамеренным девиациям относятся:

1. Оговорки, ляпсусы. Данный вид отклонений возникает чаще всего в эмоциональном напряжении, что говорит о психологическом характере причин возникновения данной девиации [Амангелдиева, 2018, с. 30]. Существует следующая закономерность взаимосвязи уровня эмоционального напряжения и количества и качества отклонений от нормы: а) семантически нерелевантные повторы фраз, частей фраз, одного слова,

слов; б) незавершённость предложения (логическая, синтаксическая) при отсутствии последующих исправлений незавершённых предложений; в) оговорки, включающие парафазии, неологизмы; г) транспозиция слов из их «правильных» позиций в предложении; д) возрастание количества самокоррекции; е) увеличение количества пауз, заполненных и незаполненных [Носенко, 1975, с. 47].

2. Незначительные отклонения в устной и письменной речи. Таковыми могут быть отклонения, вызванные волнением в условиях эмоциональной напряжённости и быстрым темпом речи говорящего: а) возрастание количества и длительности пауз нерешительности, колебания; б) затруднения в осуществлении выбора языковых единиц, приводящее к семантически нерелевантным повторам; в) появление «поисковых слов» (это, такой), заполнителей молчания, слов-паразитов, который предложено называть «индексом синтаксической обрывности, который определяется как отношение числа грамматически незавершённых предложений к общему их числу» [Носенко, 1975, с. 45, 50].

3. Интерферентная девиация в коммуникации. Интерференция первого языка говорящего значительно отличается у естественных и искусственных билингвов. Чаще при естественном билингвизме к девиациям приводят спонтанность речи, сниженный самоконтроль, волнение и т. д. Именно грамматическая интерференция вызывает наибольшее количество ошибок, поскольку грамматические конструкции родного и неродного языков часто могут не совпадать, либо нести различные смысловые нагрузки. Выделяют два основных аспекта грамматической интерференции: взаимодействие систем контактирующих языков и, как следствие, разрушение отдельных грамматических моделей. Иными словами, мы наблюдаем нарушение норм иностранного языка, происходящее по причине неосознанного переноса грамматических навыков, сформированных под влиянием родной языковой системы, грамматические структуры которой стабильны в мышлении человека [Перелыгин, 2012, с. 237]. Попытка установления изоморфных отношений между русским и английским языком приводит к интерференции: *The snow goes* 'Снег идёт' вместо *It's snowing*.

4. Интеркаляционная девиация. К данному виду девиации относятся калькированные языковые единицы, вкрапления единиц неисконного языка [Амангелдиева, 2018, с. 31]. Интеркаляция – это так называемая обратная интерференция, представляющая собой вмешательство иностранного языка в конструкции родного. Так, часто можно слышать фразу «Мы стоим перед новыми вызовами», в основе которой лежит английский синтаксический концепт – «We are facing new challenges». При этом отмечается, что интеркаляция чаще используются в речи говорящего осознанно, по сравнению с интерференцией, носящей неконтролируемый характер [Матюшина, 2015, с. 164].

Таким образом, грамматическая девиация может быть довольно многогранным явлением, несущим в себе множество различных функций. Наиболее важной особенностью грамматических девиаций является их намеренный или ненамеренный характер.

3. Материал и методика исследования [Material and methods]

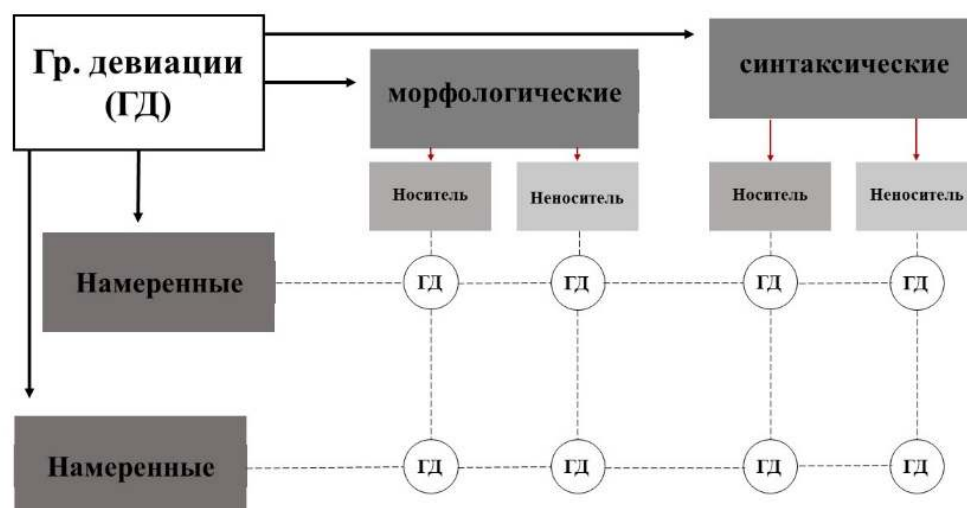
Материалом для исследования послужили тексты общей тематики (свободное время, хобби и т. п.) англоязычных блогов, размещённые в таких социальных сетях, как Instagram и Twitter, и написанные авторами, являющимися как носителями, так и неносителями английского языка. Выбор пал на данные социальные сети, так как они являются популярными площадками для размещения современных блогов, поскольку предоставляют авторам возможность размещать фотографии и текст одновременно, а также являются одними из наиболее удобных площадок для быстрого набора аудитории. Благодаря этим преимуществам количество блогов в данных социальных сетях относительно высоко, что даёт возможность проанализировать блоги различных тематик

и с достаточной уверенностью оценить общий уровень владения английским языком у разных авторов.

В ходе работы были полностью рассмотрены морфологические и синтаксические намеренные и ненамеренные девиации. Для данного исследования нами была разработана следующая схема, представляющая собой классификационную сетку грамматических (Гр.) девиаций (рис. 1).

На основании данной классификационной сетки были проанализированы примеры, отобранные методом сплошной выборки из текстов блогов. Для обеспечения сбалансированности было проанализировано относительно одинаковое количество текстов носителей и неносителей английского языка (~16 текстов каждого типа).

Для удобства дальнейшей атрибуции примеров использована следующая маркировка авторов – носителей языка: sam.hugg1 (1), georgiealexanian (2), jdolley (3), mindsetmentor (4), bridgitmendler (5), its_ant (6), lifeofjohnts (7); brandonkgood (8), maddyxooo (9), outsinned (10), mizzi9903 (11). По аналогичному принципу были маркированы блогеры – неносители языка, владеющие английским на уровне от A1 до C1 (CEFR): monalee.k (12), globusha (13), jorgeblanco (14), wittyveta (15), vitaliylanguev (16), juanpablo2santos (17), philip_cadena (18).

Р и с у н о к 1. Классификационная сетка грамматических девиаций
[Figure 1. Grammar deviation grid]

3.1. Особенности грамматических девиаций в блогах носителей английского языка [Grammar deviation in blogs of native English speakers]

В проанализированных текстах удалось выделить 27 единиц грамматической девиации. Наиболее распространённой группой оказалась группа намеренных синтаксических девиаций (13 единиц), следующей по количеству стала группа намеренных морфологических девиаций (9 единиц), наиболее малочисленными были группы ненамеренных синтаксических девиаций (5 единиц); ненамеренных морфологических девиаций не зафиксировано. Проанализируем каждую из групп подробнее.

3.1.1. Морфологические девиации носителей языка [Morphological deviation of native speakers]

Ненамеренные морфологические девиации. Количество ненамеренных морфологических девиаций в речи блогов носителей языка стремится к нулю. Это может

быть объяснено следующими причинами: 1) носители языка весьма хорошо владеют системой словообразования, поэтому вероятность случайной ошибки или оговорки минимальна; 2) даже в случае предположения о недостаточной образованности конкретного носителя языка, вероятность совершения ошибки по невнимательности или незнанию также минимально в силу существования встроенных приложений автокорректировки текста в любых социальных сетях. В случае употребления неправильной словоформы, которая может представлять сложность для данного носителя языка, автоматическая корректировка текста, как правило, помогает быстро устранить возможные ненамеренные ошибки. Однако в ряде случаев они остаются без внимания. Например, при образовании форм степеней сравнения прилагательного:

*It's the **most quiet** place on earth (2).*

В данном случае мы можем наблюдать тенденцию к девиантному употреблению сравнительной степени прилагательного, которая предполагает использование частицы *most* перед двусложными словами вместо использования суффикса *-est*, создающее более приятное для слуха сочетание, которое вполне может в будущем претендовать на место в литературной норме, однако пока считается только узусом. В данном предложении автор упустил артикль *the* в выражении *on the Earth*. Упущение определённого артикля меняет смысл фразы, так как выражение *on earth* выполняет функцию восклицания в вопросительных и побудительных предложениях. Употребление артикля также подвергается изменениям в следующем примере:

*Every body shape is **a** art of perfection (9).*

Вместо артикля *an*, употребляющегося перед существительными, начинающимися на гласную, использован артикль *a*.

Намеренные морфологические девиации. Намеренные морфологические девиации обусловлены двумя основными причинами: 1) использованием разговорного стиля речи в письменном тексте, благодаря которому текст блога кажется читателю более «расслабленным», приближенным к реальности (группа 1); и 2) использованием окказиональных морфологических форм слова при недостатке нормированных форм для выражения мысли (группа 2).

Именно этого добиваются многие авторы блогов – живой, интересный и близкий читателям язык, который привлечёт внимание своей непосредственностью (в противовес грамматически абсолютно правильным, «скучным» текстам). Мы относим данные типы примеров к намеренным девиациям, так как автор использует их осознанно, понимая неправильность этих словоформ. С точки зрения морфологии в группе 1 происходит слияние двух слов или слова и частицы. Например:

*The memories which I **wanna** cherish (2).*

В данном случае автор сливает слова *want* и *to*, перенося устную форму данного выражения в письменную, тем самым создавая эффект разговорной речи в тексте. Отметим, что подобные выражения весьма часты в устной речи, однако они не входят в норму языка и считаются морфологической девиацией в силу изменения корневой морфемы.

Похожим образом происходит соединение слов *let* и *me*, *going* и *to*:

***Lemme** help you do that (11);*

*It's **gonna** be great; **gonna** have a whole room just for board games (3).*

Следующий пример относится к группе 2:

*One of the things I hear from people all of the time is how their life is filled with **shoulds** (4).*

В данном тексте автор говорит о советах, которые человек слышит на протяжении своей жизни. Автор трансформирует модальный глагол *should* в существительное и использует данное слово во множественном числе, чтобы ёмко и кратко донести до чи-

тателя свою мысль, заключённую всего в одном слове вместо, например, целого предложения. Так же автор использует модальный глагол *should* в качестве существительного, используя рядом с ним указательное местоимение *that*, что не выходит за рамки нормы:

I'm not gonna take that should (4).

В следующем примере автор трансформирует модальный глагол *should* в герундий:

Stop shoulding on yourself! (4).

В результате используется всего одно слово вместо, например, более длинного словосочетания “*stop saying “I should” to yourself*”. Таким образом данная девиация делает фразу более динамичной и убедительной, так как привлекает внимание читателя своей необычностью.

3.1.2 Синтаксические девиации носителей языка [Syntactic deviation of native speakers]

Ненамеренные синтаксические девиации. Эти девиации нередко бывают связаны с волнением, либо простой невнимательностью. Ненамеренных синтаксических девиаций обнаружилось немного. В основном примеры связаны с проникновением форм устной разговорной речи в письменные тексты блогов, например, смешение времён в предложениях, требующих согласование времён:

I told my friend that I'm emotionally “hitting the wall” (8).

В данном предложении главная часть относится к плану прошедшего (*told*), что требует употребления прошедшего времени и в зависимой части. Однако автор использовал время Present Simple, перенеся упрощение грамматических конструкций в письменную речь.

В следующем примере автору текста следовало использовать герундиальную форму *crying*, а не инфинитив для описания ситуации:

I just saw a guy in the library cry for five or six minutes... and then his phone alarm went off and he just stopped crying (10).

Ненамеренные синтаксические девиации, в большинстве своём, наблюдаются в социальной сети *Twitter*, в которой предусмотрены только короткие посты с ограниченным количеством знаков. Данная особенность ведёт к некоей «небрежности» и краткости речи, к быстрой написания мысли, и подобные девиации чаще всего не осознанны пишущим и не несут целенаправленных функций.

Намеренные синтаксические девиации. Абсолютное большинство примеров данного вида девиаций обусловлено опущением одного из членов предложения, чаще всего – подлежащего:

Finally saw him live Bloodstream (1).

Hope to see you there (3).

Can't wait to see you rock this decade (5).

May or may not be wearing this (3).

В некоторых случаях опускается ещё и глагол-связка:

Crawling out of my cave to see the outside world (1).

Подобные пропуски – весьма частое узуальное явление разговорной речи, однако они не считаются нормой английского языка, в котором порядок слов предложения имеет строго закреплённый характер, а опущение членов предложения и частей аналитических форм рассматривается как отклонение. Причиной распространённости таких форм в блогах становится, безусловно, высокая скорость обмена сообщениями и сравнительная лёгкость восстановления полного смысла всей фразы из контекста.

3.2. Особенности грамматических девиаций в блогах неносителей английского языка [Grammar deviation in blogs of non-native English speakers]

На основании анализа данных блогов мы смогли выделить 29 единиц грамматической девиации. Значительно преобладающей по количеству стала группа ненамеренных синтаксических девиаций (22 единицы), наименее распространёнными группами стали намеренные синтаксические девиации (5 единиц), намеренные и ненамеренные морфологические девиации носили единичный характер. Рассмотрим каждую из групп подробнее.

3.2.1. Морфологические девиации неносителей языка [Morphological deviation of non-native speakers]

Ненамеренные морфологические девиации. Как и в случае с носителями английского языка, возможность совершения ненамеренной, случайной морфологической ошибки, связанной с ошибочным употреблением морфем (чаще суффиксов или предлогов), минимизируется встроенными технологиями автокоррекции неправильных морфологических сочетаний. Одним из немногих примеров, который удалось выделить, стал случай неправильного построения сравнительной степени прилагательного (как и у носителей языка), которое не может быть скорректировано программой, так как в отдельности данные слова считаются как верные:

*Let's make this world **more friendly*** (13).

Здесь выбран аналитический вариант образования сравнительной степени прилагательного вместо традиционного “*friendlier*”, такие варианты чаще выбираются неносителями языка как более удобные.

Кроме того, встречаются случаи ошибочного употребления временных форм *Past Simple* и *Present Perfect*. Вместо перфектной формы настоящего времени употребляется простая форма прошедшего времени:

*Marrying you is the best decision I **ever made*** (14).

*I **already took** shower* (12).

Это особенно часто происходит там, где присутствуют лексические маркеры *Present Perfect*, такие как *ever* и *already*, как в примерах выше. В этом случае пользователи считают использование особой видо-временной формы излишней, так как значение, выраженное лексически, становится достаточным для передачи смысла в условиях блогерской коммуникации.

Намеренные морфологические девиации. Причины употребления намеренных, т. е. осознанных, морфологических девиаций, также связаны с привнесением разговорной речи в письменную. Данный тип девиации встречается преимущественно в текстах авторов, владеющих английским языком на уровне Upper Intermediate (C1 CEFR) и выше, поэтому в речи неносителей таких девиаций мало. Примером может служить, в частности, использование разговорной стяжённой формы “to be going to”:

*I **was gonna** start a career of producer* (12).

Наконец, опущение гласной буквы из слова “*next*”, а также сведение слова “*number*” к “*no*” использовано здесь для сокращения речи и приближения к разговорному стилю.

3.2.2. Синтаксические девиации неносителей языка [Syntactic deviation of non-native speakers]

Ненамеренные синтаксические девиации. Группа ненамеренных синтаксических отклонений является самой многочисленной среди всех выделенных групп. Это объясняется различным уровнем владения английским языком у авторов анализируемых блогов. Девиации данной группы были основаны на следующих отклонениях: 1) ошиб-

ки в согласовании времён; 2) ошибки в употреблении артиклей, предлогов и частиц; 3) неверное построение вопросительных конструкций; 4) рассогласование подлежащего и сказуемого по лицу и / или числу; 5) неверный порядок слов предложений, возникающий под влиянием интерференции родного языка автора в язык блога.

Так, например, несоблюдение согласования времён можно наблюдать в следующих двух примерах:

*She also **told** me today that I **don't** love her* (12).

*It **was** me who **bought** the pens she asked for* (15).

Предлоги могут опускаться, например, предлог *to*:

***Thanks everyone** who gave me advise* (18).

Ниже даны два примера неверного построения вопросительных предложений:

*What **they will think** about me?* (18).

*Maybe **there I finally can to understand** why I'm here?* (16).

В последнем примере мы видим не только неверное образование вопросительного типа предложения, но и ошибочное употребление частицы *to* с модальным глаголом *can*.

Девииации могут быть связаны с несовпадением частеречного выражения одного и того же концепта. Так, в русском *бояться* является полноценным глаголом, и структура русской повелительной формы *не бойся* была перенесена в английскую речь “*don't afraid*” вместо употребления требуемой “*don't be afraid*”:

*Be brave and **don't afraid** of what people can think about you* (15).

Также мы можем видеть явную интерференцию словопорядка русского языка в структуру английского предложения:

*It doesn't matter **will it be beautiful or no**, just dance* (15).

Сравним по-русски: «Не важно, будет ли это красиво» – в английском предложении слово *will* встаёт в ту же позицию, которую глагол занял бы в русской фразе.

Схожим образом автор поступил и в следующем примере:

*Perhaps some people will not understand you, but **the majority you will cheer up*** (13).

Это прямой перевод русской фразы «но большинству вы поднимете настроение», порядок слов и структура которой интерферировались в английское предложение.

«Калькированная» структура русского предложения, перенесённая в английский язык, видна и в следующем примере:

*And **dancing** with partners in the street when **someone watching you it's already something ordinary*** (16).

Намеренные синтаксические девиации. Намеренные синтаксические девиации, в своём большинстве, связаны со структурами вопросительных конструкций и со структурами предложений, где автор опускает подлежащее и часть сказуемого. Данный вид девиаций встречается у авторов с наиболее высоким уровнем владения английским языком, уверенно разбирающихся в построении английского предложения (доказательством тому могут быть другие тексты того же автора с идеальным построением предложений), что и даёт нам основание причислять подобные отклонения к намеренным. Прежде всего отступления наблюдаются в построении вопросительных предложений:

***You remember** I told you I was **gonna** start a career of producer?* (12).

В данном примере опущен вспомогательный глагол *do*, а также использован девиантный вариант слова *going to*. В трёх других примерах имело место опущение предиката *is*:

Feeling good after the workout (12).

***Den coming** with me as a mental support* (12).

***Going to** a shooting now to learn the process* (12).

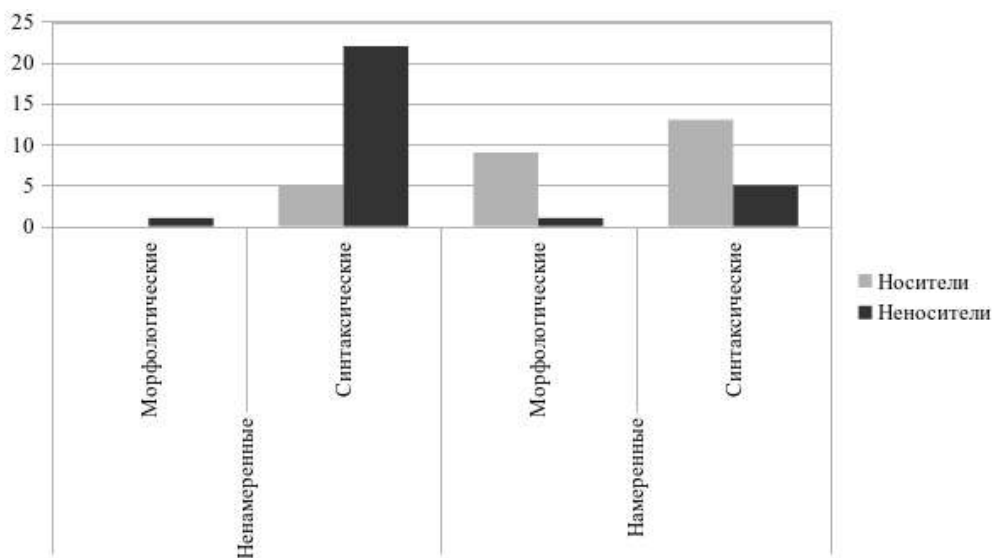
Пропуск глагола-связки, использование формы *gonna* и подобных, а также нарушения в построении вопросительных предложений у неносителей языка с высоким

уровнем владения английским может рассматриваться как попытка неносителей адаптировать свою речь к более естественной речи носителей языка, что свидетельствует о важности таких девиаций для построения живой английской разговорной речи в блоге.

3.3. Сравнительный анализ грамматических девиаций в блогах носителей и неносителей языка [Comparison of grammar deviation in blogs of native and non-native speakers]

Проведём сравнительный анализ, во-первых, количества намеренных и ненамеренных девиаций, во-вторых, количества морфологических и синтаксических девиаций в блогах носителей и неносителей (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Сравнительная гистограмма девиаций
[F i g u r e 2. Comparative bar chart for deviation]

Как мы можем видеть на гистограмме, намеренных девиаций у носителей языка значительно больше, чем у неносителей. Ситуация с ненамеренными девиациями противоположна первой: количество ненамеренных отклонений у неносителей в разы превышает количество ненамеренных отклонений у носителей.

Сравнение количества морфологических и синтаксических отклонений показало, что в обеих группах преобладают синтаксические девиации, что объясняется относительной маловероятностью совершения случайных морфологических ошибок в силу объясненных выше причин, а также, как показало исследование, редкостью употребления морфологических девиаций в целом. Однако количество морфологических девиаций у носителей превышает их количество у неносителей, так как носители используют данный тип отклонений как стилистический приём, который в свою очередь требует владения языком на весьма высоком уровне.

Количество синтаксических девиаций у неносителей значительно превышает их количество у носителей в основном по причине сложностей, возникающих из-за грамматической интерференции, когда правила и структуры родного языка неосознанно перекладываются на изучаемый язык.

4. Выводы [Conclusion]

В данном исследовании были проанализированы особенности грамматической девиации, причины её возникновения, а также её функции в блогах носителей и неноси-

телей английского языка (русскоязычных авторов). Были рассмотрены особенности интерференции в грамматических конструкциях английского языка под влиянием родного русского. Материал был изучен через призму новой классификационной сетки грамматических девиаций, созданной нами на основе двух существующих классификаций.

Результаты показали, что, во-первых, в обеих группах блогов наиболее частотными девиациями были синтаксические девиации. Однако если у носителей языка превалировали намеренные синтаксические девиации, то у неносителей наиболее распространёнными оказались ненамеренные синтаксические девиации. Во-вторых, для русскоязычных авторов наиболее частым явлением интерференции было неверное построение порядка слов в предложениях (как в повествовательных, так и в вопросительных), а также ошибки в согласовании времён.

Наиболее частотными в группе ненамеренных девиаций оказалась небрежность в написании текста. Такие ненамеренные девиации чаще встречались в текстах, размещённых в такой функции социальных сетей, как «истории», которая позволяет публиковать контент самым быстрым способом и на короткий промежуток времени, а также в текстах в социальной сети *Twitter*, предполагающей максимальную краткость выражения мысли. Это случайные опечатки, незначительные отклонения в письменной речи, оговорки, а также отклонения, допущенные по причине интерференции.

Блог – это пространство, где автор рассказывает о своей жизни, о своём личном и профессиональном опыте. Главным отличием этого пространства от других текстовых пространств является высокая персонификация блогов, когда автор предпринимает попытку передать образ «себя настоящего» или же построить нужный, максимально естественный образ, который привлечёт читателей. Эти цели и определяют особенности намеренных девиаций в текстах, приближенных к живой речи, которая допускает отклонения в текстах, где важным критерием является стремление автора передать мысль наиболее лаконичным и коротким образом, задержать внимание читателя до конца текста и не заставить его скучать.

С практической точки зрения проведённое исследование может дать начало более детальному и широкому исследованию особенностей, причин и целей грамматических девиаций, позволит обратить внимание на явление интерференции как одной из важнейших причин ненамеренных девиаций и на исследование влияния конкретных языков на употребление английского языка, что может улучшить процесс разработки наиболее эффективных методов обучения английскому языку. Изучение намеренных девиаций может быть весьма полезно для методов развития языковой компетенции и для развития умений использования грамматики в стилистических целях.

Библиографический список

- Амангелдиева, 2018 – Амангелдиева Г. А. Девиантное употребление прилагательных в русской речи билингвов : дис. ... д-ра философии : 6D011800 ; КазНПУ. Алматы, 2018. 162 с.
- Арутюнова, 1987 – Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
- Дебрэнн, 2006 – Дебрэнн М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; НГУ. Новосибирск, 2006. 375 с.
- Ибраева, 2018 – Ибраева А. Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 333–336. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.25>
- Кислицына, Чернявская, 2019 – Кислицына Н. Н., Чернявская О. Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 6. С. 368–373. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.78>

- Матюшина, 2015 – Матюшина Н. В. Лингвистическая интерференция на различных языковых уровнях // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. : Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 2 (26). С. 159–168.
- Носенко, 1975 – Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975. 96 с.
- Обдалова, Левашкина, 2019 – Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332–338. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>
- Перельгин, 2012 – Перельгин А. И. Способы нейтрализации грамматической интерференции // Ученые записки ОГУ. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 237–240.
- Радбиль, 2007 – Радбиль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.
- Современный словарь..., 2000 – Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 2000. 742 с.
- Amangeldiyeva et al., 2016 – Deviance as an object of linguistic research / G. Amangeldiyeva, D. Shaibakova, A. Sarsembayeva, A. Biyazdykova, S. Kosnazarova // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7, N 4. P. 49–56.
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения : 25.04.2021).
- Chi, Hao, 2013 – Chi R., Hao Y. Language Deviation in English Advertising // Studies in Literature and Language. 2013. Vol. 7, N 2. P. 85–89.
- Crystal, 2003 – Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford : Basil Blackwell, 2003. 555 p.
- Hameed, 2015 – Hameed A. M. A Study of Stylistic Deviation in Maya Angelou's Still I Rise // European Academic Research. 2015. Vol. III, Iss. 6. P. 6563–6586.
- Mansoor, Salman, 2020 – Mansoor M., Salman Y. Linguistic Deviation in Literary Style // Cihan University-Erbil Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 4, N 1. P. 7–16.
- Richards et al., 1993 – Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics / J. C. Richards, J. Platt, H. Platt, C. Candlin. Harlow : Longman Group UK Limited. 1993. 657 p.

References

- Amangeldiyeva, G. A. (2018). *Deviantnoe upotreblenie prilagatel'nykh v russkoy rechi bilingvov* [Deviant use of Russian adjectives by bilingual speakers]. PhD in Philosophy. Almaty : Abai Kazakh National Pedagogical University. (In Russ.).
- Arutjunova, N. D. (1987). Anomalii i yazyk (k probleme yazykovoy «kartiny mira») [Anomalies in language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 3–19. (In Russ.).
- Debrenn, M. Teoreticheskie i prikladnye aspekty mezh"yazykovoy deviatologii [Deviations triggered by language interference: Theory and practice]. Doctoral in Philological sci. diss. Novosibirsk : Novosibirsk State University. (In Russ.).
- Ibraeva, A. F. (2018). Yazykovye osobennosti tekstov angloyazychnoy i russkoyazychnoy blogosfery [Linguistic features of texts of English and Russian blogosphere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 8 (86), Part 2, 333–336. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.25>
- Kislitsyna, N. N., Chernyavskaya, O. G. (2019). Kompozitsionnye, stilisticheskie i leksicheskie osobennosti internet-kommunikatsii (na materiale angloyazychnykh blogov professional'noy napravlenosti) [compositional, stylistic and lexical peculiarities of internet communication (By the material of the English professionally oriented blogs)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (6), 368–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.78>

- Matyushina, N. V. (2015). Lingvisticheskaya interferentsiya na razlichnykh yazykovykh urovnyakh [On linguistic intergerence on various language levels]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Modern Linguistic & Methodical-and-didactic Researches], 2 (26), 159–168. (In Russ.).
- Nosenko, E. L. (1975). *Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noy napryazhennosti* [Features of speech under emotional tension]. Dnepropetrovsk : [S.n.]. (In Russ.).
- Obdalova, O. A., Levashkina, Z. N. (2019). Ponyatie “narrativ” kak fenomen kul'tury i ob"ekt diskursivnoy deyatel'nosti [“Narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 48, 332–338. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>
- Perelygin, A. I. (2012). Sposoby neytralizatsii grammaticheskoy interferentsii [The ways of a grammatical interference neutralization]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Studies], 5 (49), 237–240.
- Radbil', T. B. (2007). Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira [Anomalies in language conceptualization of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 1 (13), 239–265.
- Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Ok. 20000 slov. [Modern dictionary of foreign words: About 20000 words] (2000). 3d edn. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Amangeldiyeva, G., Shaibakova, D., Sarsembayeva, A., Biyazdykova, A., Kosnazarova, S. (2016). Deviance as an object of linguistic research. *Journal of Language and Literature*, 7 (4), 49–56. Cambridge Dictionary. Retrieved April 25, 20121 from <<https://dictionary.cambridge.org>>.
- Chi, R., Hao, Y. (2013). Language deviation in English advertising. *Studies in Literature and Language*, 7 (2), 85–89.
- Crystal, D. (2003). *A dictionary of linguistics and phonetics*. Oxford : Basil Blackwell.
- Hameed, A. M. (2015). A Study of stylistic deviation in Maya Angelou's Still I Rise. *European Academic Research*, III (6), 6563–6586.
- Mansoor, M., Salman, Y. (2020). Linguistic deviation in literary style. *Cihan University-Erbil Journal of Humanities and Social Sciences*, 4 (1), 7–16.
- Richards, J. C., Platt, J., Platt, H., Candlin, C. (1993). *Dictionary of language teaching and applied linguistics*. Harlow : Longman Group UK Limited.

Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
nstarodubceva@yandex.ru

Сравнение как одно из средств выразительности языка Мо Яня

Аннотация

Настоящее исследование своей целью ставит анализ образных сравнений, используемых в романе «Устал рождаться и умирать» Мо Яня, и выявление их тематики. Методом сплошной выборки для анализа было отобрано 699 примеров сравнений, выделенных в тексте романа. Дальнейшее исследование проводилось с помощью описательного метода и метода анализа с использованием приёмов классификации и систематизации. Полученные результаты дали возможность составить представление о частотности употребления сравнений групп различной тематики. Наибольшей частотностью характеризовались примеры, относящиеся к группе «Сравнения с представителями животного мира: дикими и домашними животными, птицами, рыбами, пресмыкающимися» и к группе «Сравнения с предметами». Наименьшая частотность была у примеров, относящихся к группе «Сравнения с «нетипичными» и мифическими животными (или сущностями)» и «Сравнения, связанные с историческими событиями».

Ключевые слова: средства выразительности, механизмы создания художественных образов, тематические группы сравнений, виды сравнений

© Стародубцева Н. С. 2022

Для цитирования: Стародубцева Н. С. Сравнение как одно из средств выразительности языка Мо Яня // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 116–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_116

Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveschensk, Russian Federation
nstarodubceva@yandex.ru

Simile as a means of expressiveness of Mo Yan's language

Abstract

This study aims to analyze the similes used in the novel “Life and death are wearing me out” by Mo Yan and to identify their themes. Using continuous sampling method, 699 examples of similes were identified in the text of the novel for further analysis. The analysis was carried out using the descriptive method, classification and systematization techniques. As a result, the frequency of occurrence of different groups of similes classified by themes was obtained. The most frequent examples were those related to the group “Comparisons with representatives of the animal world: Wild and domestic animals, birds, fish, reptiles” and “Comparisons with inanimate objects”. The examples belonging to the group “Comparisons with “atypical” and mythical animals (or entities)” and “Comparisons related to historical events” were characterized by the lowest frequency.

Keywords: means of expressiveness, mechanisms for creating artistic images, thematic groups of similes, types of similes

For citation: Starodubtseva, N. S. (2022). *Sravnenie kak jedno iz sredstv vyrazitel'nosti yazyka Mo Yanya* [Simile as a means of expressiveness of Mo Yan's language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 116–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_116

1. Введение [Introduction]

Художественная выразительность языка китайского писателя Мо Яня получила высокую оценку у критиков и простых читателей. Отражая в своих произведениях реальный мир, автор описывает его через призму собственного восприятия – восприятия прирождённого сказителя. Свою нобелевскую лекцию Мо Янь назвал «Сказитель». Переводчик его произведений И. А. Егоров полагает, что это название точно характеризует особенности его писательского стиля. Нельзя не отметить фирменный почерк автора и многообразный, выразительный, чувственный язык произведения. Одним из средств выразительности речи, используемых Мо Янем, выступает образное сравнение.

Конкретность восприятия, свойственная представителям китайской нации влечёт за собой склонность к образности, поэтому при аргументации какого-либо положения они часто прибегают к образам, которые можно воспринять конкретно [Спешнев, 2011, с. 26]. Образность, убедительность и выразительность речи авторов литературных произведений достигается за счёт употребления метафор, метонимий и сравнений. Обобщая труды И. В. Левит [Левит, 2005] и М. И. Конюшкевич [Конюшкевич, 2001], Л. М. Малых отмечает, что «категория сравнения рассматривается в современном языкознании в трёх аспектах: гносеологическом, понятийном (логическом) и языковом, и при учёте всех трёх аспектов сравнение трактуется очень широко как философская категория познания, «категория категорий», так как «язык соткан из результатов сравнения», а «сам факт наименования предмета, его идентификация и таксономические характеристики – и есть установление его сходства с другими предметами». Через сравнение происходит процесс иерархизации (категоризации) наших знаний (представлений) о мире, формирование системных связей предметов объективной действительности в нашем сознании, а также внутреннего мира человека» [Малых, 2001, с. 106]. Н. Н. Самчик подчёркивает, что «использование ассоциативных связей между компонентами сравнения делает его ярким языковым средством, используемым для привлечения внимания собеседника, эмоционального воздействия на него, а также для выражения собственного отношения к предмету разговора» [Самчик, 2019, с. 361].

Сравнения выполняют две основные функции: образной конкретизации и экспрессивную, которые проявляются в экспликации собственного (авторского) видения предмета речи в объекте сравнения и выражении эмоционально-оценочного отношения к субъекту с целью воздействия на адресата (читательское восприятие) в соответствии с замыслом пишущего, создания впечатления устного общения персонажей художественного произведения и коммуникативной целью говорящего [Черноусова, 2012, с. 222].

Российские исследователи рассматривают различные виды сравнений в художественных произведениях, анализируя формы выражения сравнения, их роль в системе средств художественной выразительности писателей [Метликина, 2009; Платонова, 2011; Туралина, 2011; Гергель, 2018 и др.]; проблему типологии индивидуальных образных сравнений, а именно, расширения типологии индивидуальных образных сравнений и разработки процедуры выявления смысла индивидуальных образных сравнений с имплицитно выраженным основанием [Баранова, 2020]; сравнение как средство создания образности художественного текста в китайском языке [Григорьева и др., 2017].

Е. Г. Манчева [Манчева, 2011, с. 198] рассуждая о разграничении образных и необразных сравнений, акцентирует внимание на различиях в сопоставляемых при

сравнении понятий, цитируя Н. И. Кондакова [Кондаков, 1975, с. 568]: для успешной реализации логического (или необразного) сравнения необходимо, чтобы сравнивались «однородные понятия, которые отражают однородные предметы и явления объективной действительности». А для того, чтобы состоялось сравнение образное, чаще всего сопоставляются понятия далекие друг от друга. А. Л. Коралова утверждает, что «отдалённость сравниваемых понятий прямо пропорциональна вероятности возникновения образа» [Коралова, 1975, с. 47]. Е. Г. Манчева [Манчева, 2011, с. 199] приходит к выводу, что «возникновению образности способствуют: 1) наличие общего дифференциального признака, по которому будет проходить сравнение; 2) семантическая отдалённость сопоставляемых понятий; 3) употребление агента сравнения в его сигнификативном значении. Но все эти условия должны привести к одному результату, который составляет сущность категории «образности», а именно к возникновению семантической двуплановости: первый план – переносное значение слова (или сравнения), второй – передаёт его буквальное значение». А. Л. Коралова уточняет это определение, утверждая, что «из этих двух картин рождается новая, третья, вбирающая в себя все необходимые, существенные признаки двух предыдущих» [Коралова, 1975, с. 19].

И. А. Солодилова [Солодилова, 2022], исследуя процесс оценочного смыслообразования на основе высказываний, содержащих образные сравнения, относит в этой связи их к метафорическому типу оценочного смыслообразования. Автор обращает внимание, что «образные сравнения очень часто могут быть источником совершенно неожиданного видения предмета» [Солодилова, 2022, с. 167].

Лингвисты, разрабатывающие лингвокультурологическое направление в изучении категории сравнения, в попытке найти ключ к разгадке национального сознания, исследуют устойчивое сравнение, основываясь на том, что «концептуальное осмысление категорий культуры находит своё воплощение в естественном языке. Так, народный менталитет и духовная культура воплощаются в единицах языка прежде всего через их образное содержание» [Маслова, 2001, с. 144]. По словам Н. Н. Самчик, «восприятие человеком окружающего его мира фильтруется культурой, языком, носителем которого он является, следовательно, сравнения, будучи сложной лингво-понятийной категорией, участвуя в создании и выражении языковой картины мира, отражают уникальный опыт, традиции и ценности того или иного этноса» [Самчик, 2019, с. 362].

Понять общее и различное в русской и китайской культурах помогают сопоставительные исследования на материалах двух языков: национально-культурной специфики эталона сравнения в психолингвистическом аспекте [Цюе, 2012]; устойчивых сравнений, характеризующих лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) [Юй, 2016]; устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом для описания непривлекательной внешности в русской и китайской лингвокультурах [Ян, 2021]; устойчивых сравнений с эталонами старик, старичок, старуха, старушка на фоне китайского языка [Чжан, 2017]; отражения концепта «Человек как разумное существо» в содержащих сравнение фразеологических единицах русского и китайского языков [Спивакова и др., 2018].

Образное сравнение рассматривалось как механизм интерпретации и со стороны языка, и со стороны мышления – механизм появления смыслов интерпретации с помощью изучения взаимодействия концептов «интерпретируемое» и «интерпретирующее», а также цель этого взаимодействия: характеристика цвета, формы, оценка внешнего вида и т. д., при этом тематика образных сравнений была самой разнообразной: фрукты, овощи, животный мир, состояние человека, профессия, части тела, предметы домашнего обихода, социальная сфера, природные явления [Parshina, Blohina et al., 2020, p. 107–113]. Эти эталонные сферы в рассматриваемом произведении служили для характеристики цвета,

внешнего вида, характера и поведения человека (ср.: одежда, обувь, продукты питания, посуда, домашние и дикие животные, домашняя птица, насекомые, рыбы и пресмыкающиеся [Черноусова, 2012, с. 219–223]).

«Основная задача сравнения состоит в том, чтобы наиболее ярко и четко представить в воображении реципиента то качество, которое по замыслу автора необходимо подчеркнуть. Его прагматическая функция заключается в передаче определенного настроения от автора реципиенту, а также в иллюстрации сложных идей» [Горобец, 2008, с. 120].

Настоящее исследование своей целью ставит анализ сравнений, используемых в романе «Устал рождаться и умирать» Мо Яня. Данное произведение насыщено сравнениями как одним из средств создания образности художественного текста. Интерес научной общественности к творчеству Мо Яня – обладателя большого количества престижных литературных премий КНР, лауреата Нобелевской премии по литературе 2012 г. растёт с каждым днём. Литературоведы и лингвисты изучают систему смыслов и образов его произведений [Потапчук, 2021 ; Чжоу, 2020], их лексико-стилистические особенности [Ягуфаров, 2018 ; Куликова, 2020], специфику реализации лингвокультурологических особенностей китайского языка в русской языковой системе [Гао, 2021 ; Сюй и др., 2021].

В данном исследовании предпринимается попытка выявить тематику сравнений в тексте романа «Устал рождаться и умирать», что послужит ресурсом для понимания механизмов создания художественных образов в произведении. Мо Янь при помощи сравнений привлекает внимание читателя, эмоционально воздействуя на него. Анализ этих сравнений помогает познакомиться с Мо Янем как с автором и как с личностью, так как он через сравнение выражает собственное отношение к предмету. Широко трактуя сравнение как философскую категорию познания, мы изучаем внутренний мир представителей китайской культуры, делаем попытку познания языковой картины мира китайского народа.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили 699 примеров сравнений, выделенных в тексте романа «Устал рождаться и умирать» Мо Яня. Объектом исследования выступают сравнения с точки зрения их тематики.

В работе был задействован комплекс методов: сплошная выборка языкового материала из вышеуказанного источника, описательный метод и метод анализа с использованием приёмов классификации и систематизации.

Проанализировав выделенные примеры сравнений, мы разбили их на следующие тематические группы: сравнения с объектами и явлениями природы; с представителями животного мира; с предметами; с пищей; сравнения, опирающиеся на китайскую специфику; сравнения, связанные с историческими событиями; сравнения, помогающие автору передать запах, цвет, звук, а также тактильные ощущения; сравнения с проявлениями человека и человеческой деятельностью или лицами, осуществляющими деятельность; сравнения, помогающие автору «дорисовать» действие; группа пословиц и поговорок, устойчивых выражений, построенных на явном или скрытом сравнении.

2.2. Обсуждение результатов исследования [Results and discussion]

Анализ показал, что автор любит делать сравнения с объектами и явлениями природы. В романе мы встречаем 82 примера (11,73% от общего

числа рассмотренных сравнений). Такого рода сравнения помогают читателю представить образ персонажа: «*глаза чистые как вода*» (这是两只清澈如水的牛眼) [Мо, 2014, с. 129]; «*глаза блестят, как хрусталь...*» (双目亮如水晶) [Мо, 2014, с. 164]; «*щёчки красные, как осенние яблочки*» (两个腮帮子红通通的, 像深秋的苹果) [Мо, 2014, с. 90]; «*на обмороженных щеках волдыри повскакивали. На белой коже они смотрелись как спелые вишенки*» (她们的腮上都起了冻疮。她们的面皮都很白, 紫红的冻疮, 像熟透的樱桃一样鲜艳) [Мо, 2014, с. 215]; «*замёрзшие напрочь кончики носов, что плоды боярышника*» (鼻头冻得如山楂果儿) [Мо, 2014, с. 205]; «*замёрзшие пальцы походили на вымытые в ледяной воде морковки*» (他的手指冻得犹如刚从冰水中洗出来的胡萝卜) [Мо, 2014, с. 210]; «*личико смуглое, как чёрный пион*» (小脸儿黑黑的, 仿佛一朵黑牡丹) [Мо, 2014, с. 38]; «*человек с худым, как тыквенная семечка, лицом*» (瘦瓜子脸) [Мо, 2014, с. 43]; «*взор ясный, как звёздный свет*» (目若朗星) [Мо, 2014, с. 89]; «*распущенные волосы чёрным водопадом спускались до самой земли*» (犹如一道黑色瀑布, 从头顶直泻至地面) [Мо, 2014, с. 647]. Сравнения с явлениями природы ярко передают эмоциональное состояние персонажей: «*раскалённой лавой плещется несправедливо обиженная душа*» (冤屈的灵魂像炽热的岩浆) [Мо, 2014, с. 27]; характеризуют их действия: «*речами разливается, что река полноводная*» (言犹如滔滔江河) [Мо, 2014, с. 26]; «*и пошёл скорой рысью, стараясь держаться плавно, как текущая вода или плывущие облака*» (我快步疾走, 同时努力保持着身体的平稳, 宛如行云流水) [Мо, 2014, с. 91]; дают описание предметам: «*легки подковы, мчат меня, как ветер*» (新挂铁掌四蹄轻, 一路奔跑快如风) [Мо, 2014, с. 49].

Значительное место в романе занимают сравнения с представителями животного мира: дикими и домашними животными, птицами, рыбами, пресмыкающимися – 105 примеров (15,02%). Основанием для сравнения выступает внешнее сходство: «*в этой позе она походила на раненую лягушку*» (那副姿态, 像只受伤的青蛙) [Мо, 2014, с. 61] или сходство в характере: «*Лань Лянь упрямый, как осёл*» (蓝脸就是一头犟驴) [Мо, 2014, с. 48]; «*но все собаки – и добродушные, как овцы, и злобные, как львы или тигры...*» (但所有的狗, 不论是绵善如羊者还是凶暴如狮虎者) [Мо, 2014, с. 200]; сходство в состоянии, в котором пребывает персонаж: «*хозяин, спокойный, как дохлая свинья*» (我的主人摆出一副死猪不怕开水烫的架势) [Мо, 2014, с. 99]; «*целься я сейчас тебе в голову, ты уже валялся бы, как дохлый пёс*» (如果我瞄着你的头, 那么现在, 你已经像一条死狗一样趴在地上) [Мо, 2014, с. 59].

Сравнение действий и поведения персонажей с поведением животного «оживляет образ», задавая ему экспрессию: «*Хун Тайюэ набросился на меня, как тигр...*» (洪泰岳一个猛虎扑食上来, 夺取了我的枪) [Мо, 2014, с. 59]; «*толпа стаей голодных волков ворвалась во двор*» (便一群饿狼般地冲进了西门家的大院子) [Мо, 2014, с. 121]; «*скакали и прыгали, как пьяные обезьяны*» (像喝醉了的猿猴一样上蹿下跳) [Мо, 2014, с. 132]; «*...и потащил меня, как вертлявую макаку*» (就把我拖拉得像一只连蹦带跳的小狒狒) [Мо, 2014, с. 140]; «*руки всякий раз выскользывали, как два больших, покрытых слизью сома*» (像两条遍体黏液的大鲇鱼, 不时地挣脱出来) [Мо, 2014, с. 190]; а также поясняет характер этих действий: «*...вскоре уехал вместе с отрядом по проведению «четырёх чисток» и, ни слуху, ни духу, скрылся, как хорёк в чаще леса*» (随着四清工作队撤走, 像一条钻进了密林的黄鼠狼一样消逝得无影无踪) [Мо, 2014, с. 169]; «*да, жена у тебя что надо, как сука, одного за другим приносит*» (你老婆真能, 像母狗一样, 一窝一窝地下) [Мо, 2014, с. 214]; «*но пока неуклюже переваливалась, как утка, своей толстой задницей*» (想逃又逃不动, 笨拙如鸭, 屁股肥大, 摇摇摆摆) [Мо, 2014, с. 140]; «*швырнул куртку в бурьян..., где она распласталась, как большая странная птица*» (犹如一只大怪鸟, 飞到路边的荒草地上去了) [Мо, 2014, с. 92]; «*я воткнул копьё в землю и подошёл, ступая по воде и грязи, как курица по снегу, наклоняясь вперёд и задирая ноги*» (踩着水和泥, 像一只在雪地里行走的鸡, 翘腿蹶脚, 靠了前)

[Мо, 2014, с. 193]; «*пуговицы с его старой потрёпанной армейской шинели – символа его славной истории – отлетели, пока он мчался, полы, разметавшись, хлопали, как перебитые крылья мёртвой птицы*» (他那件标志着他的光荣历史的破旧军大衣的扣子都在飞行中崩掉了, 忽忽闪闪, 像死鸟的破翅子) [Мо, 2014, с. 153]; «*но теперь тебе, краб варёный, не улизнуть бочком в сторону – никуда не денешься, как черепаха в чане* (这次, 你是煮熟的螃蟹难横行了, 你是瓮中之鳖难逃脱了) [Мо, 2014, с. 31]»; «*женщина... обвила его, как осьминог*» (那女人猛地跃起, 像一条章鱼缠在了他身上) [Мо, 2014, с. 686].

Кроме, так называемых «типичных» представителей животного мира, т. е. тех, кто обитает в непосредственной близости и (или) часто встречается в регионе проживания героев романа, встречаются сравнения с «нетипичными» и мифическими животными (или сущностями) – 18 примеров – 2,58% (дракон и феникс – 1; летучая мышь – 1; пантера – 2; леопард – 2; жираф – 1; кенгуру – 2; страус – 1; крокодил – 2; антилопа – 1; оборотень – 1; чудовище – 1; чёрт – 1; дьяволенок – 1; ангел – 1). Примеры сравнений с нетипичными животными: «*он запрыгнул тебе на спину – какие ноги длиннющие! – обхватил тебя за шею и плотно прижался к хребту, как чёрная пантера*» (骗腿跨到你背上——他的腿竟然那么长——他搂着你的脖子, 身体紧贴着你的脊梁, 仿佛一只黑豹子) [Мо, 2014, с. 141]; «*Цзиньдун сначала замер, а потом, словно вспугнутый кенгуру, отскочил с нашей полоски аж до самой дороги, прилегающей к дамбе*» (金龙一怔, 然后便像受了惊吓的袋鼠一般, 蹦跳着从我家地里出来, 站在了紧靠着河堤的道路上) [Мо, 2014, с. 170]; «*на шее у меня повис, как летучая мышь-кровосос, мой заклятый враг, деревенский староста Хун Тайюэ*» (但随即便看清, 像吸血蝙蝠一样伏在我头颈上的, 是村长洪泰岳, 我的冤家对头) [Мо, 2014, с. 64]. Пример сравнения с мифическим животным: «*детки мои детки, как папа тосковал о вас! Надеялся, что вы, как дракон и феникс, приумножите славу своих праотцов*» (我的孩子啊, 爹好生思念你们啊! 爹还指望着你们成龙成凤光宗耀祖呢) [Мо, 2014, с. 25].

Оскорбления и ругательства, которые встречаются в речи героев, часто представляют собой сравнения с чёртом и такими животными как собака, свинья. Кроме чёрта и дьявола (дьяволёнка) в романе встречается сравнение трактора с другим мифическим существом – оборотнем: «*Ярко-красные, издав издав, они смотрелись, как два красных оборотня, изрыгали голубоватый дым и оглушающе ревели*» (周身涂着红漆, 远看像两个红色的妖魔) [Мо, 2014, с. 163].

В тексте романа встречаются сравнения с предметами – 101 пример (14,45%): ветхой стеной, тигриной шкурой, белой бумагой и проч. Рождённые в результате прочтения образы раскрывают перед читателем автора как художника, мыслящего богатыми образными ассоциациями и человека с хорошим чувством юмора: «*в уголках рта скопилась слюна, слова дышали свирепостью, но не несли содержания, будто надутые и покрашенные красной краской презервативы*» (嘴角溢出白沫, 语言杀气腾腾、空空洞洞, 犹如一只只被吹足了气、涂上了红颜色、形状如冬瓜、顶端一乳头的避孕套, 在空中飞舞, 碰撞, 发出嘭嘭的声响, 然后一只只爆裂, 发出啪啪的声响) [Мо, 2014, с. 197].

Особый интерес представляют сравнения, опирающиеся на китайскую специфику – 31 пример (4,43%). Благодаря им, автор погружает читателя в мир китайской культуры, в быт своего народа, создавая яркие декорации для своего повествования. На страницах романа мы знакомимся с предметами, которые китайцы используют в быту: «*зашёл за угол, достал рогатку, прицелился в Мо Яня ... и выпустил пульку в гладкую, как тыква-горлянка¹, голову*» (我躲在墙角, 摸出弹弓, 瞄准……的莫言那个光溜溜的

¹Бутылевидные плоды данного сорта тыквы использовались чаще всего в качестве сосудов, а также при изготовлении музыкальных инструментов.

葫芦头, 发射了一粒弹丸) [Мо, 2014, с. 133]; рисуем образы построек в китайском стиле: «*хозяин стоял у навеса, громадный, как железная пагода*» (我看到主人站在棚口, 庞大的身体像一座铁塔) [Мо, 2014, с. 29]; *любимся красотой животного мира Китая: «роняя на её волосы слёзы, которые стекали с них, как капельки воды с пёрышек уток-мандаринок»* (泪水落在她的头发上, 就像水珠溅到鸳鸯的羽毛上) [Мо, 2014, с. 671]; ощущаем благоухание цветов, несущих в себе символическое для китайской культуры значение: «*не то чтобы она красавица и не разряжена, как пион, но изумительно свежа, непритязательна, как хризантема*» (她长得确实算不上美丽, 不是浓妆艳抹的牡丹、芍药, 但她异常清新, 人淡如菊) [Мо, 2014, с. 526]; «*слой краски на лице отца вроде бы истончился, но лицо оставалось ярко-красным, и капли воды стекали с него, как с листа лотоса*» (我爹脸上的红漆似乎薄了些, 但依然是满堂红, 水珠从那上面滚落, 如同从荷叶上滚落) [Мо, 2014, с. 192].

Мо Янь, с детства вобравший в себя народные сказания и изречения, эстетику вещей, свойственных китайской культуре, словно пропитывает этими образами страницы своего романа: «*драконами извиваются с десяток песчаных гряд*» (有十几道蜿蜒如龙的沙梁) [Мо, 2014, с. 66]; «*на лбу выросли синеватые рога, подобные остроконечным побегам бамбука, гладкие и блестящие, как яшма*» (额头上, 已经冒出了两根青色的角, 形状如笋, 光滑似玉) [Мо, 2014, с. 148]; «*чисто пёс в паланкине, не ценишь доброго отношения*» (你他妈的简直是狗坐轿子不识抬举) [Мо, 2014, с. 112]; «*тут, как избавитель с девятых небес, во двор ворвалась сестра*» (我姐冲进院子, 如同救星从九天降落) [Мо, 2014, с. 191]; «*в порыве революционного энтузиазма, в полной мере проявив силу воображения, мой брат Цзиньлун повёл за собой четвёрку братьев Сунь, «четверых стражей»...»* (我的重山兄弟西门金龙, 凭着一股革命热情, 充分发挥了他的想象力, 领导孙家四兄弟——“四大金刚”) [Мо, 2014, с. 204]; «*как исполнительница танца ян-гэ...»* (扭秧歌似的...) [Мо, 2014, с. 354]; «*зажарен до хруста, как тьянцзиньский хворост «шибацзе»*» (像一根天津卫十八街的大麻花一样酥焦了) [Мо, 2014, с. 10]; «*были недосыгаемы, как Чан Э в лунных чертогах*» (就像月宫里的嫦娥一样高不可攀) [Мо, 2014, с. 376].

«Вкусные образы» возникают перед читателем благодаря сравнениям с пищей – 27 примеров (3,86%): «*земля весной похожа на подходящее тесто*» (春天的地像发酵的面团) [Мо, 2014, с. 119]; «*лицо багровое, как финик*» (面如重枣) [Мо, 2014, с. 89].

В тексте встречаются сравнения, связанные с историческими событиями – 5 примеров (0,71%): «*поклонился с особой почительностью, как командиры марионеточных войск кланялись японским офицерам*» (对着他点头哈腰, 好像伪保长见到了日本军官) [Мо, 2014, с. 441]; «*будто хунвейбины во время «культурной революции»*» (既像“文革”期间的红卫兵) [Мо, 2014, с. 566]; «*вылитый боец рабочего отряда Восьмой армии*» (完全是一副八路军武工队的打扮) [Мо, 2014, с. 452]. Описывая одного из главных героев, у которого было на лице огромное родимое пятно синего цвета, автор сравнивает его с картой боевых действий, давая следующее описание: «*половина лица синяя, половина красная, а нос как водораздел между красным и синим, такая граница между территорией врага и освобождёнными районами*» (在他身上流淌, 蓝色的半边脸, 另半边脸是红色, 红与蓝以鼻为界, 好像敌占区与解放区) [Мо, 2014, с. 29].

Сравнения с проявлениями человека и человеческой деятельностью – 57 примеров (8,15%) – можно разделить на три группы: сравнения с проявлениями человеческой психики, сравнения с проявлениями человеческой физиологии и сравнения с человеческой деятельностью. Говоря о сравнениях с проявлениями человеческой психики, автор указывает на отклонение от нормы: «*когда он пробегает мимо, дети на стене барабанят ещё громче и кричат, как безумные*» (它跑到之处, 墙上的小红孩们便发了疯般地鼓噪呐喊) [Мо, 2014, с. 161]; «*не*

противься мне... Не противься... – бормотал Ма Лянцай, как умалишённый. Точно крыша поехала у этого типа» (依了我……依了我……马良才狂乱地叨念着。这个家伙简直是丧心病狂) [Мо, 2014, с. 190]. Сравнения с проявлениями физиологии необходимы в романе для придания действиям реалистичности: *«Я тоже схватил ком и хотел запустить в него, но на меня строго прикрикнул отец. Будто глаза на спине: как он мог видеть каждое моё движение?»* (我也想抓土扬他, 但总是被爹厉声呵斥。爹仿佛脑后有眼, 看得见我的一举一动) [Мо, 2014, с. 170]; *«Монголка не только задыхалась, изо рта у неё выступила пена, страшно смотреть. Потом вообще упала и закатила глаза, как мёртвая»* (蒙古牛不但喘息不止, 而且口吐白沫, 样子十分骇人。后来它一头栽倒, 翻着白眼, 仿佛死牛) [Мо, 2014, с. 170].

Сравнения с человеческой деятельностью или лицами, осуществляющими деятельность, присущим им образом, используются автором в случае необходимости подчеркнуть характер определённого действия человека, полнее описать его, обратив внимание на детали: *«тут я чихнул, отец вздрогнул и, как воришка, опрометью выбежал из-под навеса»* (我打了一个喷嚏, 惊动了我爹。爹慌慌张张地跑出来, 仿佛从牛棚里溜出来的一个贼) [Мо, 2014, с. 158]; *«вол раз за разом бодал его большой головой, словно кузнец за ковкой»* (牛用硕大的头一下一下地顶着他, 让我联想到铁匠锻打铁器的情景) [Мо, 2014, с. 153]; *«сестра стояла невозмутимая, как боевой генерал»* (我姐冷静地站着, 宛若一个女将军) [Мо, 2014, с. 192]; *«у дверей, словно верные солдаты, защищающие вход, толпились старики»* (那些老人, 就像忠诚的老兵一样, 把守着牛栏门口) [Мо, 2014, с. 131]; *«шли мы окольными путями и старались скрыться, завидев людей, словно раненые солдаты, покидающие поле боя»* (我们不走大道走小径, 见到人群就躲避, 仿佛两个从战场上逃脱的伤兵) [Мо, 2014, с. 115]; *«вылитый российский декабрист или итальянский карбонарий»* (活脱脱一个俄罗斯十二月党人或意大利烧炭党人) [Мо, 2014, с. 412]; *«как Анна Каренина перед тем, как броситься под поезд, в романе Толстого»* (我像托尔斯泰小说《安娜·卡列尼娜》中的安娜·卡列尼娜卧轨自杀前想得一样多) [Мо, 2014, с. 491]; *«у меня было множество мыслей, как у получившего от отца звонкую оплеуху сына в повести Мо Яня «Взрыв»»* (我像莫言的小说《爆炸》中那个挨了父亲一记响亮耳光后的儿子想得一样多) [Мо, 2014, с. 491]; *«я немало раздумывал, как Оуян Хай, герой вышедшего накануне «культурной революции» знаменитого романа «Песнь об Оуян Хае», который бросился сталкивать с полотна испугавшуюся лошадь, и его сбил паровоз»* (我像“文革”前夕那部著名小说《欧阳海之歌》中的欧阳海跃上铁轨、奋推惊马即将被火车撞死的一瞬间里想得那样多) [Мо, 2014, с. 491]; *«Несколько мужчин средних лет, словно фокусники, развернули плакаты с лозунгами»* (几个中年男人, 变戏法般地展开了几条横幅标语) [Мо, 2014, с. 566]; *«как те, кто раздаёт ритуальные деньги на деревенских похоронах»* (像乡下办丧事时那些职业抛撒纸钱者) [Мо, 2014, с. 566].

Далее рассмотрим группы, объединённые по схожести цели создания сравнения. Интерес представляет группа сравнений, помогающая автору передать запах, цвет, звук, тактильные ощущения – 100 примеров (14,3%): *«волнующий запах стал густым, как вино, как мёд, как только что высыпанные со сковородки отруби»* (那煽情的气味浓郁如酒, 如蜜, 如刚从炒锅里端出来的麸皮) [Мо, 2014, с. 101]; *«двор покрывала жидкая, чёрная, как вороново крыло, грязь»* (地上流淌着乌黑的泥浆) [Мо, 2014, с. 212]; *«Лицо Цзиньлуна вдруг побелело, как бумага»* (我看到西门金龙的脸突然变得像一张破旧的白纸那样) [Мо, 2014, с. 142]; *«тело сияло, словно покрашенное золотой краской»* (牛身上光芒四射, 仿佛刷了一层金色的漆) [Мо, 2014, с. 195]; *«крово-красный, как рана, рот»* (脸上的一道伤口般的血嘴) [Мо, 2014, с. 601]; *«поверхность прозрачного, как зеленоватый нефрит, льда»* (碧玉般透明的冰面) [Мо, 2014, с. 518]; *«в полете этот камень прорезал острыми краями воздух, потрескивая, как распариваемый качественный шёлк или*

атлас» (石片在空中飞行, 锋利的边缘切割着无色的空气如同划破上等的绸缎) [Мо, 2014, с. 29]; *«играл на флейте дунсяо, извлекая из неё с благородным изяществом звуки, похожие на всхлипы»* (吹得好洞箫, 呜呜咽咽, 有高士雅韵...) [Мо, 2014, с. 185]; *«тонкий, как паутинка, голос»* (一缕游丝般的声音) [Мо, 2014, с. 79]; *«из её груди вырываются странные звуки, словно курица кукарекнуть пытается»* (它胸腔里发出的那颇似性倒错的母鸡学习打鸣的声音) [Мо, 2014, с. 170]; *«эти двое исполняли революционные песни... протяжно, как ревущие ослы»* (这两个青年, 用比毛驴叫唤还要悠长的声音, 演唱革命歌曲) [Мо, 2014, с. 158]; *«она уже не кричала, а хрипло рычала, как волчица»* (姐姐大声吼叫着, 声音嘶哑, 犹如母狼) [Мо, 2014, с. 191]; *«квакнув, как жаба, распласталась перед носом у Хуан Туна»* (她发出一声蛤蟆叫, 身体前倾, 跌倒在黄瞳眼前...) [Мо, 2014, с. 140].

В данном исследовании ставилась цель не распределить примеры сравнений по их видам, а выделить группы наиболее часто употребляемых сравнений, распределив их по тематике. В каждой группе встречаются примеры, относящиеся к различным видам сравнений. В группе сравнений, помогающих автору «дорисовать» действие – 144 (20,6%), мы разделили примеры предметных и ситуативных сравнений, так как это деление ярко демонстрирует, как с помощью лингвистических средств автор создаёт живые образы.

Предметные сравнения: *«рухнула, как прогнившая стена»* (轰然倒地, 犹如一堵腐朽的墙壁) [Мо, 2014, с. 25]; *«там журчит вода на мелководье, серебристыми змейками отражает свет звёзд и луны»* (浅浅的流水, 反射着星月之光, 犹如银蛇逶迤) [Мо, 2014, с. 66]; *«томят на огне, как стервятника»* (像熬大鹰一样熬我) [Мо, 2014, с. 134]; *«все талдычат одно и то же, как магнитофон»* (像.....录音机, 一遍遍地重复着惹我厌烦的话) [Мо, 2014, с. 131]; *«глаза его горели как-то особенно, словно ..... куски угля»* (那只眼睛, 奇特的亮, 犹如.....煤炭) [Мо, 2014, с. 190]; *«щепки летели во все стороны, как осколки снарядов»* (木片横飞, 犹如弹片) [Мо, 2014, с. 219]; *«ослята умрут от холода в этих заснеженных полях, застыв, как деревянные колоды или камни»* (如果我们的驴驹冻死在雪地, 身体僵硬, 犹如木棍和石头) [Мо, 2014, с. 74]; *«словно кусок глины, сталь на наковальне принимала под ударами форму, какую хотели придать ей»* (在这样的锻打下, 砧子上的铁犹如一块烂泥, 随便他们师徒二人塑造成什么形状) [Мо, 2014, с. 45].

Ситуативные сравнения: *«отец наклонился и протянул к телёнку руку, причём так, как в ярко освещённом танцевальном зале благовоспитанный джентльмен приглашает на танец увешанную драгоценностями даму»* (父亲弯下腰, 对着那头小公牛伸出一只手, 仿佛是一个风度翩翩的绅士, 在灯光辉煌的舞场上, 对着一个珠光宝气的女士邀舞) [Мо, 2014, с. 125]; *«усмехнулся, будто с тяжестью на душе»* (苦笑着摇摇头, 仿佛心事重重) [Мо, 2014, с. 49]; *«брат с кнутом в руке лупил по стеблям камыша, будто изливая сдерживаемую досаду»* (我的哥哥手持着上支皮鞭, 啪啪地抽打着那些芦苇, 好像在发泄着心中压抑的烦恼) [Мо, 2014, с. 148]; *«здоровая нога тяжело опускалась на землю, словно пуская корни с каждым шагом»* (那条腿落地沉重, 仿佛步步生根) [Мо, 2014, с. 89]; *«он зашатался, словно от удара дубинкой по голове»* (他的身体也如当头挨了一棒似的摇晃起来) [Мо, 2014, с. 142]; *«снег сыпал так, будто в небесах распорили тысячи подушек, набитых гусиным пухом»* (大雪飘飘, 犹如半空中撕开了一万只鹅毛枕头) [Мо, 2014, с. 206]; *«во дворе царил мрак, а в усадьбе стало светлеть, будто там разгорался пожар»* (院子里的红墙、红树, 都跟着焕发出光彩, 红得耀眼, 红得如火) [Мо, 2014, с. 192].

Примеры, приведённые ниже, интересны тем, что в них автор сравнивает две ситуации – 15 примеров (2,15%): *«Когда пишешь на компьютере, стоит выключить его, как сразу охватывает какое-то сомнение, словно ты ничего и не сделал, словно писал на облаке»* (用电脑写作, 只要一关机, 我就产生一种怀疑, 好像什么也没干, 那些文

字，好像写在云上) [Мо, 2014, с. 697]; *«плыть по течению – может, единственный способ избежать бед. А идти против течения – всё равно, что швырнуть куриные яйца в каменную стену!»* (像我们这种根不红苗不正的人，跟着潮流走也许还能躲过劫难，逆着潮流走，正是拿着鸡蛋往石头上碰啊!) [Мо, 2014, с. 135]; *«я наконец нашёл свою любовь – так по стеблю добираются до арбуза»* (终于找到了我的爱情，就如顺着藤蔓终于摸到了一颗西瓜) [Мо, 2014, с. 101].

Как талантливый сказитель, Мо Янь при помощи сравнения рисует целые сцены, которые после импульса, заданного автором, раскручиваются в воображении читателя сами собой: *«Из выхлопной трубы впереди вылетают колечки сизого дыма. Они мощно устремляются вверх, как медные тарелки, кружатся и сталкиваются, звонко и ритмично, раскатываются эхом, распугивая воробьёв и ворон, которые с отчаянными криками разлетаются кто куда»* (车头上的烟囱里，一圈圈的青烟，强劲地冲上去，犹如一扇扇飞起的铜钹，旋转，碰撞，铿铿锵锵，激起一串串回声，吓得麻雀和乌鸦尖声惊叫，飞到不知哪里去) [Мо, 2014, с. 222].

Нижеследующие примеры представляют собой целую цепочку сравнений, которые передают читателю мироощущение автора, стремясь всё полнее и полнее выразить его в словесной форме – 4 примера (0,57%): *«Эти два сумасброда дунбэйского Гаоми светили повсюду огромными лампами, реяли, как два знамени – красное и чёрное»* (这两个高密东北乡的怪人，如同两盏巨大的灯泡光芒四射，如同一红一黑两面旗帜高高飘扬) [Мо, 2014, с. 629]; *«нахлынули воспоминания... Они походили и на набегающие на песчаную отмель волны прибоя, и на устремляющихся к огню мотыльков, и на притягиваемые магнитом железные опилки, на бьющие в нос запахи, на краски, расплывающиеся по первосортной сюаньчэнской бумаге, и на мою тоску по женщине с самым прекрасным в мире ликом»* (有关那头牛的回忆纷至沓来，犹如浪潮追逐着往沙滩上奔涌；犹如飞蛾，一群群扑向火焰；犹如铁屑，飞快地粘向磁铁；犹如气味，丝丝缕缕地钻进鼻孔；犹如颜色，在上等的宣纸上洇开；犹如我对那个生着一张世界上最美丽的脸的女人的思念，不可断绝啊，永难断绝) [Мо, 2014, с. 122–123].

В романе достаточное количество пословиц и поговорок, устойчивых выражений, некоторые из них построены на явном или скрытом сравнении – 10 примеров (1,43%): *«да я с таким же успехом могу назначить себя главнокомандующим всего войска в Поднебесной, многотысячные армии громить, как циновки скатывать!»* (老子自封为天下兵马大元帅，横扫千军如卷席) [Мо, 2014, с. 209]; *«одному противостоять пути общественного развития – разве это не то же, что смотреться в зеркало и искать свои изъяны?»* (你一个人，与社会潮流对抗，这不是扒着眼照镜子自找难看吗?) [Мо, 2014, с. 135].

Таким образом, рассмотренные выше группы сравнений можно объединить в три вида на основании трёхчленной структуры сравнения, включающей в себя объект, эталон и основание сравнения (табл. 1).

4. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показал, что в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» представлена следующая тематика сравнений: сравнения с объектами и явлениями природы; с представителями животного мира (включая сравнения с «нетипичными» и мифическими животными или существами); с предметами; с пищей; сравнения с проявлениями человека и человеческой деятельностью; сравнения, опирающиеся на китайскую специфику; сравнения, связанные с историческими событиями. Наибольшее количество примеров относится к группе «Сравнения с представителями животного мира: дикими и домашними животными, птицами, рыбами, пресмыкающимися» – 15,02% и «Сравнения с предметами» – 14,45%. Немного меньшей частотностью характеризуются

ся примеры группы «Сравнения с объектами и явлениями природы» – 11,73%. Наименьшее количество примеров было отнесено к группам «Сравнения с «нетипичными» и мифическими животными (или сущностями)» – 2,58% и «Сравнения, связанные с историческими событиями» – 0,71%. Эти тематические группы были объединены в вид по схожести эталона сравнения.

Кроме этого, были выделены группы примеров, отнесённые к виду по схожести цели создания сравнения. В данных группах достаточно высокие показатели: «Сравнения, помогающие автору «дорисовать» действие» – 20,6% и «Сравнения, помогающие автору передать запах, цвет, звук, а также тактильные ощущения» 14,30%.

Низкие показатели частотности употребления у групп, объединённых в вид по схожести организации сравнения: «Сравнение двух ситуаций» – 2,15%, «Пословицы и поговорки, устойчивые выражения, построенные на явном или скрытом сравнении» – 1,43% и «Цепочка сравнений» – 0,57%.

Благодаря наличию в романе такого художественного приёма, как сравнение, читатель многопланово воспринимает речь автора, глубже погружается в повествование. Анализ сравнений, к которым прибегает автор в романе, помогает увидеть мир самого сказителя таким, каким он был им воспринят. Выделенные тематика и виды сравнений способствуют более глубокому осмыслению стиля изложения автора и пониманию механизмов создания художественных образов в произведении. Перспективы развития данного исследования видятся в рассмотрении грамматических способов построения сравнений.

Т а б л и ц а 1. Виды сравнений (по трём признакам)
[T a b l e 1. Types of comparison (Based on three features)]

Виды	№ п.п.	Группы сравнений	Проценты (количество примеров)
схожесть эталонов сравнения	1	Сравнения с представителями животного мира: дикими и домашними животными, птицами, рыбами, пресмыкающимися	15,02% (105)
	2	Сравнения с предметами	14,45% (101)
	3	Сравнения с объектами и явлениями природы	11,73% (82)
	4	Сравнения с проявлениями человека и человеческой деятельностью	8,15% (57)
	5	Сравнения, опирающиеся на китайскую специфику	4,43% (31)
	6	Сравнения с пищей	3,86% (27)
	7	Сравнения с «нетипичными» и мифическими животными (или сущностями)	2,58% (18)
	8	Сравнения, связанные с историческими событиями	0,71% (5)
схожесть цели создания сравнения	9	Сравнения, помогающие автору «дорисовать» действие	20,6% (144)
	10	Сравнения, помогающие автору передать запах, цвет, звук, а также тактильные ощущения	14,30% (100)
схожесть организации сравнения	11	Сравнение двух ситуаций	2,15% (15)
	12	Цепочка сравнений	0,57% (4)
	13	Пословицы и поговорки, устойчивые выражения, построенные на явном или скрытом сравнении	1,43% (10)

Библиографический список

- Гао, 2021 – Гао С. Специфика реализации лингвокультурологических особенностей китайского языка в русской языковой системе (на примере перевода романа Мо Яня «Устал родиться и умирать») // *Litera*. 2021. № 6. С. 156–163. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.6.35896>
- Гергель, 2018 – Гергель О. В. Сравнение как средство создания образа в текстах современной англоязычной женской прозы // *Традиции и инновации в национальных системах образования : материалы нац. науч.-практ. конф. 22 ноября 2018 г.* Уфа : Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2018. С. 44–47.
- Горобец, 2008 – Горобец А. Ф. Сравнение : динамика и образные потенции // *Культурная жизнь Юга России*. 2008. № 2 (27). С. 119–120.
- Григорьева и др., 2017 – Григорьева А. А., Ордахова Т. В., Лебедева В. В. Образные сравнения в рассказе Чжан Айлин «Чувства, разум» // *Проблемы и перспективы развития мировой научной мысли : сб. статей по итогам международной научно-практической конференции: в 2 частях*, Пермь, 26 мая 2017 года. Пермь : Агентство международных исследований, 2017. С. 87–90.
- Кондаков, 1975 – Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1975, 720 с.
- Коралова, 1975 – Коралова А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975. 172 с.
- Конюшкевич, 2001 – Конюшкевич М. И. Категория сравнения и её место в системе языка // *Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. Вып. 4 / под ред. М. И. Конюшкевич*. Гродно : ГрГУ, 2001. С. 82–94.
- Куликова, 2020 – Куликова А. Е. Стилистические особенности в произведении Мо Яня «Устал родиться и умирать» // *Восточный калейдоскоп : материалы докладов и сообщений I Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых-востоковедов*, Москва, 11 ноября 2020 года. М. : Изд-во РУДН, 2020. С. 85–91.
- Левит, 2005 – Левит И. В. Сложные сравнительные синтаксические конструкции как элемент функционально-семантического поля сравнения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2005. 166 с.
- Малых, 2011 – Малых Л. М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // *Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология*. № 2. С. 105–110.
- Манчева, 2011 – Манчева Е. Г. К вопросу о разграничении образных и необразных сравнений // *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 4. С. 198–199.
- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Метликина, 2009 – Метликина Л. С. Окказиональные сравнения в произведениях Б. А. Пильняка // *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение*. № 2. С. 159–163.
- Мо, 2014 – Мо Я. Устал родиться и умирать : в 2 т. / пер. с кит. И. А. Егорова. М. : Амфора, 2014. 703 с.
- Платонова, 2011 – Платонова Т. В. Место сравнений в художественной речи А. И. Куприна // *Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 6 (44). С. 246–252.
- Потапчук, 2021 – Потапчук Е. Ю. Система образов в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» // *Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : материалы V Международной науч.-практ. конф.*, Хабаровск, 18–19 ноября 2020 года / отв. ред. Л. В. Чередниченко. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2021. С. 46–54.
- Самчик, 2019 – Самчик Н. Н. Категория сравнения и этноязыковая картина мира // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 360–362.
- Собольников, 2001 – Собольников В. В. Этнопсихологические особенности китайцев. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2001. 130 с.
- Солодилова, 2022 – Солодилова И. А. Образное сравнение как источник оценочного смыслообразования // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Вып. 8, № 1. С. 165–177. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_165

- Спешнев, 2011 – Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2011. 336 с.
- Спивакова, Спивакова, 2018 – Спивакова Е. М., Спивакова М. М. Человек мыслящий в русской и китайской языковых картинах мира (на материале сравнений) // Вестник Приамурского гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2018. № 2 (31). С. 79–87.
- Сюй, Казакова, 2021 – Сюй Л., Казакова Т. А. Культурно-значимые языковые единицы в произведениях Мо Яня в переводе на русский язык // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13, Вып. 4. С. 464–483. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.401>
- Туралина, 2011 – Туралина Н. А. Репрезентанты сравнения в современной женской прозе // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). С. 55–60.
- Цюе, 2012 – Цюе Ч. Исследование национально-культурной специфики эталона сравнения в психолингвистическом аспекте (на материале китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 205–207.
- Чжан, 2017 – Чжан Л. Устойчивые сравнения с эталонами старик, старичок, старуха, старушка в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 183–192.
- Чжоу, 2020 – Чжоу И. Писатель Мо Янь: смыслы и образы // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 02–04 декабря 2020 года: в 3-х ч. Ч. 3 / под редакцией Е. Е. Тихомировой. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т. 2020. С. 194–195.
- Черноусова, 2012 – Черноусова О. Н. Функционирование образных сравнений в художественном тексте и речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 219–223.
- Юй, 2016 – Юй Ф. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2016. 22 с.
- Ягуфаров, 2018 – Ягуфаров Р. А. Лексико-стилистические особенности произведений жанра магического реализма на материале произведений Мо Яня // Евразийское научное объединение. 2018. № 6-2 (40). С. 94–97.
- Ян, 2021 – Ян Ч. Устойчивые сравнения с компонентом-зоонимом для характеристики непривлекательной внешности человека в русской картине мира (на фоне китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 8. С. 2421–2425. <https://doi.org/10.30853/phil210384>
- Parshina et al., 2020 – Parshina E. O., Blohina E. D., Moliboga G. L. Anthropocentrism in French similes (based on the material of modern French literary works) // Культура в зеркале языка и литературы: материалы Восьмой Междунар. науч. конф., Тамбов, 13–14 ноября 2020 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. P. 107–113.

References

- Gao, X. (2021). Spetsifika realizatsii lingvokul'turologicheskikh osobennostey kitayskogo yazyka v russkoy yazykovoy sisteme (na primere perevoda romana Mo YAnya «Ustal rozhdatsya i umirat») [Specificity of realization of linguoculturological peculiarities of the Chinese language in the Russian linguistic system (On the example of translation of Mo Yan's novel "Life and death are wearing me out")]. *Litera* [Litera], 6, 156–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.6.35896>
- Gergel', O. V. (2018). Sravnenie kak sredstvo sozdaniya obraza v tekstakh sovremennoy angloyazychnoy zhenskoy prozy [Comparison as a means of creating an image in the texts of modern English-language women's prose]. *Traditsii i innovatsii v natsional'nykh sistemakh obrazovaniya* [Traditions and innovations in national education systems] (pp. 44–47). Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah Press. (In Russ.).

- Gorobets, A. F. (2008). Sravnenie : dinamika i obraznye potentsii [Comparison: Dynamics and imaginative potential]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2 (27), 119–120. (In Russ.).
- Grigor'eva, A. A., Ordakhova, T. V., Lebedeva, V. V. (2017). Sravnenie kak sredstvo sozdaniya obraznosti khudozhestvennogo teksta v kitayskom yazyke [Comparison as a means of creating the imagery in Chinese fiction]. *Proc. of the International Conference "Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya nauki XXI veka"* [The current state and ways of development of science in the XXI century] (pp. 119–126). Ufa : International Research Agency LLC. (In Russ.).
- Konyushkevich, M. I. (2001). Kategoriya sravneniya i ee mesto v sisteme yazyka [The comparison category and its place in the language system]. *Voprosy funktsional'noy grammatiki* [Issues of functional grammar] (pp. 82–94). Grodno : Yanka Kupala State University of Grodno Press. (In Russ.).
- Kondakov, N. I. (1975). *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Koralova, A. L. (1975). *Semanticheskaya priroda obraznykh sredstv v sovremennom angliyskom yazyke* [The semantic nature of figurative means in modern English]. PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Kulikova, A. E. (2020). Stilisticheskie osobennosti v proizvedenii Mo Yanya "Ustal rozhdat'sya i umirat" [Stylistic features in the work of Mo Yan "Life and death are wearing me out"]. *Vostochnyy kaleydoskop* [Oriental Kaleidoscope]: Conference proc. (pp. 85–91). Moscow : RUDN University Press. (In Russ.).
- Levit, I. V. (2005). Slozhnye sravnitel'nye sintaksicheskie konstruksii kak element funktsional'no-semanticheskogo polya sravneniya [Complex comparative syntactic constructions as an element of the functional-semantic field of comparison]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg State University. St-Petersburg. (In Russ.).
- Malykh, L. M. (2011). Status kategorii sravneniya v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Status of the category of comparison in contemporary linguistic research]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2, 105–110. (In Russ.).
- Mancheva, E. G. (2011). K voprosu o razgranichenii obraznykh i neobraznykh sravneniy [On the issue of distinguishing figurative and non-figurative comparisons]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 4, 198–199. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Metlikina, L. S. (2009). Okkazional'nye sravneniya v proizvedeniyakh B. A. Pil'nyaka [Occasional comparisons in the works of B. A. Pilnyak]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adygea State University. Series 2 : Philology and Art History], 2, 159–163. (In Russ.).
- Mo, Y. (2014). *Mo Yan Ustal rozhdat'sya i umirat'* [Life and death are wearing me out]. Translated from Chinese by I. A. Egorov. Moscow. (In Russ.).
- Platonova, T. V. (2011). Mesto sravneniy v khudozhestvennoy rechi A. I. Kuprina [The place of comparisons in the artistic speech of A. I. Kuprin]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series : Humanities and Social Sciences], 6 (44), 246–252. (In Russ.).
- Potapchuk, E. Yu. (2021). Sistema obrazov v romane Mo Yanya «Ustal rozhdat'sya i umirat'» [The system of images in Mo Yan's novel "Life and death are wearing me out"]. *Literatura i zhurnalistika stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v mezhkul'turnoy kommunikatsii XX–XXI vv.* [Literature and journalism of the countries of the Asia-Pacific region in intercultural communication XX–XXI centuries] (pp. 46–54). Khabarovsk : Pacific National University. (In Russ.).
- Samchik, N. N. (2019). Kategoriya sravneniya i etnoyazykovaya kartina mira [Comparison category and ethno-linguistic picture of the world]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 8, 3 (28), 360–362. (In Russ.).
- Sobol'nikov, V. V. (2001). *Etnopsikhologicheskie osobennosti kitaytsev* [Ethnopsychological features of the Chinese]. Novosibirsk : SibAGS Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2022). Obraznoe sravnenie kak istochnik otsenoch'nogo smysloobrazovaniya [Figurative comparison as a source of evaluative meaning-making]. *Teoreticheskaya i prikladnaya*

- lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8(1), 165–177. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_165
- Speshnev, N. A. (2011). *Kitaytsy. Osobennosti natsional'noy psikhologii* [The Chinese. Features of national psychology]. St Petersburg : Karo Press. (In Russ.).
- Spivakova, E. M., Spivakova, M. M. (2018). Chelovek myslyashchiy v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira (na materiale sravneniy) [A thinking man in the Russian and Chinese language pictures of the world (based on comparisons)]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema* [Bulletin of the Sholom-Aleichem Priamursky State University], 2 (31), 79–87. (In Russ.).
- Xu, L., Kazakova, T. A. (2021). Kul'turno-znachimye yazykovye edinyty v proizvedeniyakh Mo Yanya v perevode na russkiy yazyk [Signs of cultural significance in the works of Mo Yan translated into Russian]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], 13 (4), 464–483. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.401>
- Turanina, N. A. (2011). Rerezentanty sravneniya v sovremennoy zhenskoy proze [Representatives of comparison in modern women's prose]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 12 (107), 55–60. (In Russ.).
- Qiuye, Zh. (2012). Issledovanie natsional'no-kul'turnoy spetsifiki etalona sravneniya v psikholingvisticheskom aspekte (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov) [Research of national-cultural particularity of comparison model in psycholinguistic aspect (Based on the Chinese and the Russian languages)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 1 (15), 205–207. (In Russ.).
- Zhang, L. (2017). Ustoychivye sravneniya s etalonami starik, starichok, starukha, starushka v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone kitayskogo yazyka) [Steady comparisons with references of starik, starichok 'old man,' starukha, starushka 'old woman' in Russian language picture of the world (On background of Chinese language)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 11, 183–192. (In Russ.).
- Zhou, Yi. (2020). Pisatel' Mo Yan: smysly i obrazy [Writer Mo Yan: Meanings and images]. In E. E. Tikhomirova (Ed.), *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii* [Youth of the XXI century: Education, science, innovation] (pp. 194–195). Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.).
- Chernousova, O. N. Funktsionirovanie obraznykh sravneniy v khudozhestvennom tekste i rechi dialektonositeley [The functioning of simile in the art text and speech of dialectspeakers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics.], 1 (15), 219–223. (In Russ.).
- Yu, F. (2016). *Ustoychivye sravneniya, kharakterizuyushchie litso cheloveka, v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone kitayskogo yazyka)* [Stable comparisons characterizing a person's face in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg State University St-Petersburg. (In Russ.).
- Yagufarov, R. A. (2018). Leksiko-stilisticheskie osobennosti proizvedeniy zhanra magicheskogo realizma na materiale proizvedeniy Mo Yanya [Lexical and stylistic features of the works of the genre of magical realism based on the material of the works of Mo Yan]. *Evrasiyskoe nmauchnoe ob"edinenie* [Eurasian Scientific Association], 6-2 (40), 94–97. (In Russ.).
- Yang, Zh. (2021). Ustoychivye sravneniya s komponentom-zoonimom dlya kharakteristiki neprivekatel'noy vneshnosti cheloveka v russkoy kartine mira (na fone kitayskogo yazyka) [Stable comparisons with component-zoonym used to describe person's unattractive appearance in the Russian and Chinese languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (8), 2421–2425. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil210384>
- Parshina, E. O., Blohina, E. D., Moliboga, G. L. (2020). Anthropocentrism in French similes (Based on the material of modern French literary works). *Kultura v zerkale yazyka I literatury* [Culture in the mirror of language and literature]: Proc. of the Eighth International Conference, Tambov, November 13–14, 2020 (pp. 107–113). Tambov : Derzhavinskiy Press.

Стрельцов Алексей Александрович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
al-astr@yandex.ru

Классификация слов, образованных посредством блендинга: тематический аспект

Аннотация

В статье рассматривается вопрос классификации контаминированных лексических единиц, также известных как телескопные слова или бленды. Этот вопрос поднимался в работах ряда отечественных и зарубежных лингвистов, но не был изучен систематически: насколько нам известно, исследователи ограничивались рассмотрением отдельных аспектов этой проблемы, хотя и добились определённых успехов. В настоящем исследовании поставлена цель, обобщив имеющиеся примеры, преимущественно англоязычные, но также и на других языках, выстроить наиболее полную и последовательную тематическую классификацию слов, образованных способом слияния основ. В результате представлена классификация блендов на основании того, какую сферу деятельности отражает тот или иной бленд, поскольку каждый из них создаётся для обозначения нового объекта или явления, объединяющего в себе элементы двух или более других, давно известных. Было выделено несколько областей, в частности «наука и техника», в рамках которой, в свою очередь, оформилось три группы: «естественно-научные термины и терминоиды», соотносимые с теми или иными научными дисциплинами (химия, биология, физика, и т. д.) «технические термины», включая названия устройств, «названия гибридов живых существ», как реальных, так и вымышленных. В рамках области «быт», представлены группы «еда», включая названия напитков, предметов сервировки и т. д., «одежда», а также обувь и аксессуары, «дом» и «отдых и развлечения». В отдельные группы оформились «политика», «экономика», «искусство», «языкознание» и т. д. со своими подгруппами в составе каждой. Большая часть блендов представлена именами существительными, и поэтому основу каждой группы составляют слова именно этой части речи. Однако в состав двух групп – «описание личности», включая как внешность, так и характер, и «признаки объекта или явления» – вошли почти исключительно прилагательные.

Ключевые слова: словообразование, блендинг, телескопия, словослияние, контаминация, окказионализм

© Стрельцов А. А. 2022

Для цитирования: Стрельцов А. А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: тематический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 131–150. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_131

Aleksey A. Streltsov
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
al-astr@yandex.ru

A classification of blended words: Thematic aspect

Abstract

The article offers a classification of contaminated lexical units, also known as telescope words or blends. This issue was raised by some Russian and foreign linguists, but has not been studied systematically. To the best of our knowledge, researchers succeeded in studying certain aspects of this issue, however, no complex studies

were performed to provide a coherent picture of the phenomenon. Therefore, this paper aims to summarize the available approaches and examples (mainly in English but also in other languages), and to design a complete and consistent thematic classification of words formed by means of fusion. The result is a classification of blends based on activity fields they denote, since each of them is created to designate a new object or phenomenon that combines the elements of two or more words already existing in the language. A number of areas were identified for the use of blends, particularly “science and technology” embracing three groups: “natural science terms and terminoids”, which correlate with various scientific realms (chemistry, biology, physics, etc.), “technical terms”, including the names of devices, “names of hybrids of living beings”, both real and fictional. Within the “everyday life” area, the “food” groups are presented, including the names of drinks, serving items, etc., “clothing”, as well as shoes and accessories, “home” and “recreation and entertainment”. We also identified a number of separate groups: “politics”, “economics”, “art”, “linguistics”, etc., each with subgroups. Most of the blends are represented by nouns, and therefore form the basis of each thematic group of words. However, two groups are formed almost exclusively by adjectives: “a person description”, including both appearance and character, and “features of an object or phenomenon”.

Keywords: word-formation, blending, telescoping, word-fusion, contamination, occasionalism

© Streltsov A. A. 2022

For citation: Streltsov, A. A. (2022). Klassifikatsiya slov, obrazovannykh posredstvom blendinga: tematicheskii aspekt [A classification of blended words: Thematic aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 131–150. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_131

1. Введение [Introduction]

Поскольку ранее [Стрельцов, 2021 а] мы уже обращались к рассмотрению особенностей самого феномена словослияния, целью настоящего исследования является разработка стройной классификации блендов по сфере использования: вариант, представленный в работе [Нухов, 2016 б], на наш взгляд, является недостаточно полным и системным, к тому же, автор ограничивается только примерами на английском языке.

Рассмотрим, в каких областях чаще всего встречаются бленды. Обобщая несколько точек зрения, можно выделить следующие сферы: общественно-политическая деятельность (политический дискурс), экономика, реклама и маркетинг (экономический и рекламный дискурс), средства массовой информации (публицистический дискурс), искусство (кинематография), наука и техника – в текстах научной и научно-популярной направленности (научный дискурс), быт – повседневная речь [Омельченко, 1980, с. 67; Сухорукова, 2004, с. 15; Лашкевич, 2005; Астафурова, 2006, с. 184; Жукова, 2010, с. 15; Хрущева, 2011 б, с. 15; Абросимова, 2012, с. 19; Мурзаков, 2013, с. 21; Никанорова, 2017, с. 46].

Этот перечень может послужить основой для выделения различных тематических групп (обозначенных ниже цифрами 1, 2 и т. д.). Под этим термином-словосочетанием мы будем понимать слова разных частей речи, объединённые общностью темы – т. е. слова одной предметной направленности, количеством не менее 10. Термином более высокого уровня – гиперонимом, – является предметная область, объединяющая 2 и более тематические группы и насчитывающая несколько десятков слов, а более низкого уровня – гипонимом – является подгруппа (обозначенная ниже буквами а, б и т. д.); в каждой группе может быть от двух подгрупп. Учитывая специфику объекта исследования, мы постарались сделать выборку насколько возможно более репрезентативной, но даже в этом случае пришлось ввести более мелкие единицы: малая группа (от 4 слов) и малая подгруппа (от 2 слов), последняя может выделяться как в рамках малой группы, так и в составе обычной подгруппы.

Общий объём проанализированной лексики, полученной посредством сплошной выборки из научных публикаций, представленных в списке литературы, составил около

600 единиц. Абсолютное большинство примеров представлено на английском языке, но мы посчитали необходимым включить в перечни, где возможно, бленды на русском, немецком, французском, испанском и португальском языках, чтобы подчеркнуть межъязыковой характер классификации.

Мы намеренно не стали перечислять в составе групп слова с общими компонентами (списки разных словообразовательных гнезд (СГ) блендов были приведены нами ранее [Стрельцов, 2021 б]), а также те, что представлены в классификации [Нухов, 2016 б] – он выделяет девятнадцать зон, или сфер, повышенной контаминационной активности (они же – «области номинации»), с которыми любой желающий может ознакомиться по первоисточнику.

2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В рамках области «наука и техника» (science and technology) имеется несколько групп и подгрупп слов:

1) Естественно-научные термины и термины:

а) названия наук и направлений исследований: *mechatronics* = mechanics + electronics, *bionics* = biology + electronics – биологические исследования для создания и улучшения электронных приборов, *moletronics* = molecule + electronics – молекулярная электроника, *radionics* = radiation + electronics, *astrometry* = astronomy + geometry – изучение геометрических и кинематических свойств небесных тел;

б) Химия:

– неорганическая: *hazchem* = hazardous + chemical, *chemurgy* = chemistry + metallurgy, *to chemisorb* = chemically + to absorb, *loxigen* = liquid + oxygen, *carboxide* = carbon + oxide, *redox* = reduction + oxidation;

– органическая: *glutose* = glucose + fructose, *aldehyde* = alcohol + dehydrogenatum, *metamizole* = methyl + amino + pyrazol, *petrochemical* = petroleum + chemical;

в) Биология:

– молекулярная биология: *mutagen* = mutation + genesis, *genome* = gene + chromosome, *prion* = proteinaceous + infectious, *ribozyme* = ribonucleic + enzyme – каталитическая РНК;

– микробиология: *girus* = giant + virus, *molecism* = molecule + organism / *organule* = organism + molecule – любой вирус, сочетающий черты микроорганизма и молекулы,

– прочее: *rabbitat* = rabbit + habitat, *appetstat* = appetite + thermostat – область гипоталамуса мозга, которая отвечает за чувство аппетита у человека, а также *cyborg* = cybernetic + organism;

г) Астрономия: *pulsar* = pulse + quasar – пульсар, *asteromet* = asteroid + comet;

д) Физика:

– макроскопическая: *electret* = electricity + magnet, *glidescend* = glide + descend, *gravisphere* = gravity + sphere, *troposcatter* = troposphere + scatter – тенденция радиоволн рассеиваться из-за облаков и твердых частиц в атмосфере;

– микроскопическая: *atomicroscopic* = atomic + microscopic, *positron* = positive + electron (e+), *negatron* = negative + electron – электрон (e-), *swindletron* = swindle + electron – тип ускорителя элементарных частиц;

е) Геометрия: *slantindicular* = slanting + perpendicular – не строго перпендикулярный, *squarectangle* = square + rectangle, *squoval* = square + oval;

ж) Науки о земле: *permafrost* = permanent + frost, *neutercane* = neuter + hurricane – разновидность циклона, *volcaniclastic* = volcanic + clastic – из обломков вулканической породы, *blizzaster* = blizzard + disaster;

з) Медицина и здравоохранение: *caplet* = capsule + tablet, *spansule* = span + capsule – капсула с лекарством, рассчитанная на постепенное поступление его в орга-

низм, *cosmeceutical* = cosmetic + pharmaceutical – лечебная косметика, *oinkment* = oink + ointment (ср. мазелин), *bacne* = back + acne, *illsease* = illness + disease, *globesity* = global + obesity, *diabesity* = diabetes + obesity, *medifraud* = medical + fraud, *medibank* = medical + bank, *medevac* = medical + evacuate – эвакуировать пострадавших в близлежащий госпиталь, *corpsicle* = corpse + popsicle – тело человека, подвергнутое заморозке с целью последующей реанимации.

В русском языке также зафиксировано несколько блендов-окказионализмов, имеющих негативную (намеренно издевательскую) окраску, которые можно отнести к данной подгруппе: *эскувер* = эскулап + изувер, *ханастезиолог* = хана + анестезиолог, *херург* = х**овый + хирург, *эскуляпсус* = эскулап + ляпсус – врачебная ошибка.

и) Сельское хозяйство: *permaculture* = permanent + agriculture, *haylage* = hay + silage – сенаж, *stimulighting* = stimulation + lighting – светостимуляция (увеличение периода освещения с целью повышения яйценоскости кур на птицефабриках).

В целом, как видно из представленных примеров, в данную группу вошли узловые, стилистически нейтральные бленды терминологического характера. То же самое можно сказать и о группе 2, представленной ниже.

2) Технические термины (tools, appliances and gadgets)

а) Аппаратура: *camcorder* = camera + recorder, *cameradar* = camera + radar, *teleputer* = television + computer, *teleprinter* = teletype + printer, *digicam* = digital + camera, *transceiver* = transmitter + receiver, *telex* = teleprinter + exchange, *datel* = data + telex, фр. *amplituner* = amplificateur + tuner;

б) Приборы и устройства: *breathalyser* = breath + analyser, *calorielator* = calories + calculator, *varactor* = varying + reactor, *squarial* = square + aerial – плоская спутниковая антенна, *transverter* = transformer + converter, *stator* = stationary + motor;

в) Электроника: *thermistor* = thermal + resistor, *posistor* = positive + thermistor, *memristor* = memory + resistor, *transistor* = transfer / transmit + resistor, *varistor* = variable / varied + resistor, *transputer* = transistor + computer – элемент построения многопроцессорных систем, выполненный на одном кристалле большой интегральной схемы, разработанный в 1980-х гг., *клавистор* = клавиатура + резистор;

г) Авиация и космос: *superjet* = supersonic + jet, *jetomic* = jet + atomic – атомно-реактивный, *turbocopter* = turbine + helicopter, *heliport* = helicopter + airport, *vertiport* = vertical + airport, *elevon* = elevator + aileron, *avgas* = aviation + gasoline – авиационное топливо, *airgation* = air + navigation – воздушная навигация, *avionics* = aviation + electronics – авиационная радиоэлектроника, *seasat* = sea + satellite, *marisat* = maritime + satellite, *spacelab* = space + laboratory;

д) Компьютерная терминология и Интернет (Internet use):

– аппаратные средства: *modem* = modulator + demodulator, *codec* = coder + decoder, *desknote* = desktop + notebook, *floptical* = flop + optical – гибкий магнитооптический диск, *nouse* = nose + mouse – новая форма компьютерной мыши – курсорное устройство компьютера, контролируемое движением носа пользователя;

– прочее: *malware* = malicious + software, *telematics* = telecommunications + informatics, *pixel* = picture + element – пиксель, наименьший элемент изображения, *voxel* = volume + pixel, *bit* = binary + digit, *computerate* = computer + literate – продвинутый в сфере компьютерных технологий;

– Интернет: *cybrarian* = cyber + librarian – человек, который занимается сбором, классификацией и сохранением информации из Интернета, *netizen* = citizen + net – человек, работающий с Интернетом, *fave* = favourite + save – сохранить Интернет-страничку в категории «избранное», а также слова из СГ «Twitter», «web» и отдельные слова из других СГ с компонентом (Inter)«net»;

е) Материалы:

– сплавы: *carbology* = carbon + alloy, *stalloy* = steel + alloy, *zircalloy* = zirconium + alloy, *duralumin* = durable + aluminium, *magnalium* = magnesium + aluminium;

– прочие: *alundum* = aluminum + corundum – электрокорунд, *carborundum* = carbon + corundum – карбид кремния, *vinylon* = vinyl + nylon, *pleather* = plastic + leather, *silastic* = silicone + plastic, *quikrete* = quick + concrete – быстро застывающий цемент, *bitumastic* = bitumen + mastic – смесь асфальта с наполнителем, используемая в качестве наполнителя в целях защиты металлов от коррозии, *glasphalt* = glass + asphalt, *glassteel* = glass + steel (вымышленный), *сумалл* = стекло + кристалл, а также французские *nickalumin* = nickel + aluminium, *nifé* = nickel + fer, *plapier* = plastique + papier;

– смеси: *disohol* = diesel + alcohol – смесь дизельного топлива и этилового спирта, *gasohol* = gasoline + alcohol – бензоспирт;

ж) Инструменты и технологии: *pliench* = pliers + wrench – инструмент, объединяющий функции плоскогубцев и ключа, *to blunge* = blend + plunge – смешивать глину и т.п. во вращающемся устройстве, *to galvanneal* = to galvanize + to anneal – оцинковывать, *to meld* = to melt + to weld, фр. *oxycoupage* = oxygène + coupage – кислородная резка;

з) Транспортные средства: *oilberg* = oil + iceberg – тип танкера, *dunemobile* = dune + automobile, *auto-train* = automobile + train, *autosloible* = automobile + slow, *mobus* = motor + bus, *beep* = baby + jeep – лёгкий джип, *moped* = motor + pedal.

Во французском языке есть несколько слов, которые можно отнести к подгруппе «строительство»: *turponnel* = tunnel + pont – мостотуннель, *rootdozier* – корчевальный бульдозер, *tournadozer* – поворотный бульдозер.

Некоторые из блендов могут относиться сразу к нескольким (под)группам: *ambucopter* = ambulance + helicopter, *helibus* = helicopter + bus, *pharming* = pharmaceutical + farming – разведение генетически модифицированных животных.

3) Названия гибридов живых существ (crosses and hybrids)

а) Растений:

– цитрусовых: *tangelo* = tangerine + pomelo – гибрид мандарина и грейпфрута (помелло), *tangemon* = tangerine + lemon, *citrango* = citron + orange, *limequat* = lime + kumquat – лаймкват – лайм + кумкват (особый случай: *orangequat* – оранжекват – мандарин + кумкват);

– прочих: *triticale* = triticum + secale (лат. пшеница и рожь) – *whye* = wheat + rye – рженица, *pluot / plumcot* = plum + apricot – *aprium* = apricot + plum, *potatomato / potamo* = potato + tomato – помитрофель = помидор + картофель, или томмофель = томат + картофель, *grapear* = grape + pear, *garlion* = garlic + onion – чеслук = чеснок + лук, *celtuce* = celery + lettuce, *tomacco* = tomato + tobacco, *tobaccoffee* = tobacco + coffee, порт. *sojão* = soja + feijão (фасоль), *кель* = клён + ель;

б) Животных:

– род пантеры: *liger* = lion + tiger – лигр = лев + тигрица, *tigon* = tiger + lion – тигон = тигр + львица (существуют варианты *tigrion* и *tiglon*, но, как отмечает [Lefilliâtre, 2019, с. 19], они с середины прошлого века употребляются редко), *leopon* = leopard + lion – леопон, *jaglione* = jaguar + lion – яглев;

– прочие хищники: *coywolf* = coyote + wolf, *волкособ* – wolfdog (особый случай: слово является блендом только в русском языке, и в его образовании участвует соединительная гласная), *grolar* = grizzly + polar (bear) – гролар или *pizzly* = polar (bear) + grizzly – пиззли, *хонорик* = хорёк + норка;

– род лошади: *zedonk* = zebra + donkey – зедонк, фр. *zébrâne* = zèbre + âne, порт. *jumebra* = jumento + zebra, *zony* = zebra + pony, *zorse* = zebra + horse или *horbra* = horse + zebra – зорс, *zebrule* = zebra + mule, *лошак* = лошадь + ишак – *hinny*;

– подсемейство бычьи: *cattalo* = cattle + buffalo, *beefalo* = beef + buffalo – бифало, *yakow* = yak + cow, *зуброн* = зубр + бизон – *zubron* (особый случай: в английском языке зубр – European bison, и скрещиваются зубр с коровой);

– прочие травоядные: *cama* = camel + llama – кама, *geep* = goat + sheep или *shoat* = sheep + goat, нем. *Schiege* = das Schaf + die Ziege;

– водные обитатели: *wholphin* = whale + dolphin – вольфин или касаткодельфин, *нарлуга* = нарвал + белуга – *narluga*, *crocogator* = crocodile + alligator, *бесмер* = белуга + стерлядь, а также *индоутка* = индейка + утка (особый случай: в образовании слова участвует соединительная гласная);

– породы собак: *labradoodle* = Labrador + poodle, *schnoodle* = schnauzer + poodle, *peekaroo* = Pekingese + poodle, *cockapoo* = cocker spaniel + poodle (особый случай: в последних двух примерах в образовании слова участвует соединительная гласная);

в) Вымышленные существа:

– животные: *jackalope* = jackrabbit + antelope – мифический кролик с рогами, *donkophant* = donkey + elephant (особый случай: в последних двух примерах образовании участвует соединительная гласная), *snark* = snail + shark, *churkey* = chicken + turkey, *birdosaur* = bird + dinosaur – Археоптерикс, или любое другое окаменелое существо, имеющее черты, как динозавра, так и птицы, *слонопотам* = слон + гиппопотам, *коровей* = корова + соловей, *черепудель* = черепаха + пудель, *павлевазмей* = павлин + лев + змей;

– люди – животные: *animale* = animal + male или *huminals* = human (beings) + animals – это название неведомых особей, появление которых возможно в результате генной инженерии, *sheeple* = sheep + people, *mog* = man + dog;

– в переносном смысле: *dawk* = dove + hawk – политический деятель, пытающийся соединить реакционные взгляды с либеральными, *стрекозёл* = стрекоза + козёл – легкомысленный, ведущий себя не соответственно возрасту мужчина (обычно пожилой), *человолк* = человек + волк, фр. *éperviche* = épervier + perroquet (ястреб-попугай);

– растения: *applemon* = apple + lemon, *огурбузы* = огурцы + арбузы, *помидыни* = помидоры + дыни, *редисвёкла* = редис + свёкла, *репуста* = репа + капуста, *сельдерошек* = сельдерей + горошек, *моркофель* = морковь + картофель, *спаржовник* = спаржа + крыжовник, *баклачки* = баклажаны + кабачки;

– прочие слова: *americanimal* = American + animal, *fatimal* = fat + animal, *animule* = animal + mule, *plantimals* = plant + animals, *enormouse* = enormous + mouse, *zoolatry* = zoo + idolatry – увлечение животными, *zootique* = zoo + boutique – зоопарк, расположенный в живописном месте, в котором животные живут в комфортных условиях [Омельченко, 1980, с. 66, 67; Омельченко, 1989, с. 34, 35; Шевелева, 2003; Сухорукова, 2004; Прокопец, 2005, с. 108; Лашкевич, 2005; Прокопец, 2006, с. 143; Enarsson, 2006; Липилина, 2006; Астафурова, 2006, с. 183; Ермоленко, 2007; Bakaradze, 2010; Хрущева, 2011б; Хрущева, 2011а, с. 279; Лаврова, 2011, с. 172; Савчин, 2012; Мурзаков, 2013; Пекарская, 2013; Лаврова, 2013; Mirzaie, 2014; Bednárová-Gibová, 2014, p. 7; Минеева, 2015; Когниенко, 2016; Синкевич, 2016, с. 121; Гетманская, 2017, с. 109; Храброва, 2017; Сафарова, 2017, с. 12, 13; Перфильева, 2019, с. 212] (здесь и ниже страницы указаны в том случае, если примеры в источнике представлены компактно, или же являются единичными – А. С.). Большое количество представленных примеров (около 200) объясняется тем, что подобные лексические единицы суть отражения в языке многочисленных изобретений «в технике ... физике, космонавтике, химии, биологии, медицине и т.п.», на что указывала ещё [Омельченко, 1989, с. 34]; проще говоря, они «возникли в результате развития науки и техники» [Лаврова, 2011, с. 128], вследствие чего «телескопия находит широкое использование в образовании научно-технических терминов» [Омельченко, 1989, с. 36]. Она отводила им до 46,8% в проанализированной ей выборке (2000 слов), хотя [Жлуктенко, 1983, с. 111] указывал почти вдвое меньшую до-

лю – 25%, а [Сухорукова, 2004, с. 15] – всего 14%. Последние цифры представляются нам более соответствующими действительности.

Как и в первой группе, здесь встречаются окказионализмы ироничного характера (в подгруппе вымышленных существ), но в отличие от первой группы, среди таковых зафиксированы и англоязычные единицы.

Мы не стали выделять группу СМИ, поскольку это «основной источник блендов» [Храброва, 2017, с. 169], причём разной тематики:

4) «Политика» (politics), куда были отнесены также социальные явления: *pullitician* = pull + politician – влиятельный политический деятель, *socialion* = social + lion – крупный общественный деятель, *dopelomat* = dope + diplomat – незадачливый дипломат, *pandaplomacy* = panda + diplomacy – дипломатия, в соответствии с принципами которой принято дарить подарки другому государству, *milliterrorism* = military + terrorism, *warphan* = war + orphan, *paytriot(ism)* = pay + patriot(ism), *agitprop* = agitation + propaganda, *legislady* = legislative + lady, *feminazi* = feminist + nazi – радикальная феминистка, а также слова из СГ «activist», *подлутик* = подлость + политик, демократура = демократия + диктатура, *демокрад* = демократ + казнокрад, *кремледворец* = Кремль + царедворец – политик, близкий к кремлевским кругам и т. п. Во многих единицах данной группы нетрудно увидеть критику и иронию.

5) «Экономика» (economics), куда также отнесён маркетинг и др. (все узуальные, стилистически нейтральные, носят терминологический характер):

а) *tradeal* = trade + deal, *stabex* = stabilize + exports, *coopetition* = cooperation + competition – ситуация, когда компании-конкуренты сотрудничают в сфере технологий или разработке стандартов, *cashomat* = cash + automat, а также слова из СГ «entrepreneur»;

б) Реклама: сюда включены слова из СГ «commercial» и «advertise / advertising»;

в) Финансы: слова из СГ «inflation», а также *doubloonie / toonie* = doubl(e) / two + loonie – канадская двухдолларовая монета, *прихватизация* = приватизация + хватать, *социокапитизм* = социальный + капитализм, *гривро* = гривна + евро, нем. *Teuro* = teuer + Euro и т.п.

б) Спорт (sports) – 15 примеров на английском языке (все узуальные, стилистически нейтральные, носят терминологический характер):

а) Виды спорта: *skurfing* = skating+surfing, *snurfing* = snow + surfing, *streetball* = street + basketball, *heliskiing* = helicopter + skiing, *aquaerobics* = aqua + aerobics, *aerobatics* = aerial + acrobatics, *slimnastics* = slim + gymnastics, *polocrosse* = polo+lacrosse, *octopus* = otopus + push – подводный хоккей;

б) Спортсмены: *stamateur* = sham + amateur – профессионал, выдающий себя за любителя, *блейдеробежец* = блейдеры + конькобежец – тот, кто катается на роликовых коньках, в которых колесики расположены в один ряд, *паралангист* = парашютист + аквалангист;

в) Прочая лексика: *socceroos* = soccer + kangaroos – сборная Австралии по футболу, *спортуально* = спорт + актуально – полезно для спорта, спортивно, *наспартачить* = напартачить + Спартак, а также некоторые слова из СГ «exercise» [Борисенко, 1976, с. 93–94; [Омельченко, 1980, с. 67; Тарасова, 1991, с. 9; Шевелева, 2003, с. 10; Enarsson, 2006; Bakaradze, 2010; Хрущева, 2011 б; Минеева, 2015; Гетманская, 2017, с. 110; Хрущева, 2017, с. 67, 69; Vargas, 2018]. Все русскоязычные примеры, за исключением последнего, несущего ярко выраженный ироничный характер, являются стилистически нейтральными.

7) Искусство (art). Сюда относятся музыка (music), фильмы (film), и литература (literature):

а) Кино и телевидение: *filmovie* = film + movie, *dramedy* = drama + comedy, *dramality* = drama + reality, *biopic* = biography + picture, *sitcom* = situation + comedy – ко-

медия положений, *rom-com* = romantic + comedy, *dubtitle* = dub + subtitle, *rockumentary* = rock + documentary – документальный фильм о рок-музыке и музыкантах, *docusoap* = documentary + soap-opera, *mockumentary* = mock + documentary – псевдодокументальный кинофильм или телевизионная программа, *teleplay* = television + play, *comediva* = comedy + diva – музыкально-комедийное шоу, *machinima* = machine + cinema – практика или технология производства анимационных фильмов через манипуляции графики видеоигры, *мылодрама*, а также слова из СГ «cinema»;

б) Театр: *comediocre* = comedy + mediocre – посредственная комедия, *ballreto* = ballet + libretto, *dramassassin* = drama + assassin – театральный критик, который всегда пишет обличительные рецензии;

в) Музыка:

– инструменты: *banjolin* = banjo + mandolin, *keytar* = keyboard + guitar, *mellotron* = mellow + electron – электромеханический клавишный музыкальный инструмент;

– прочее: *instrumedley* = instrumental + medley, *rockabilly* = rock'n'roll + hill-billy – ранняя разновидность рок-н-ролла, *promcert* = promenade + concert – концерт на свежем воздухе, *musicassette* = music + cassette – магнитофонная лента с записанной музыкой, *castrophony* = cacophony + catastrophic – неблагозвучная песня, *pianologue* = piano + monologue – музыкальный шарж под аккомпанемент фортепиано, *музыкайф* = музыка + кайф;

г) Литература: *prosetry* = prose + poetry, *fablegend* = fable + legend, *autobydography* = autobiography + by dog, *faction* = fact + fiction – художественная литература, в основе которой – документальные факты, *нейсатель* = пейзаж + писатель;

д) Прочее: *barosoco* = baroque + rosoco, *bellyrina* = belly + ballerina – исполнительница танца живота, *adornament* = adorn + ornament, *stencilhouette* = stencil + silhouette, *фотонусец* = фото + живописец, а также слова из СГ «actor / actress» [Омельченко, 1980, с. 67; Жлуктенко, 1983, с. 111; Липилина, 2006, с. 90; Астафурова, 2006, с. 183; Enarsson, 2006; Bakaradze, 2010; Хрущева, 2011 б, с. 10, 11; Савчин, 2012, с. 294, 295; Минеева, 2015, с. 65; Павлова, 2016, с. 153; Никанорова, 2017, с. 46, 47]. По мнению [Сухорукова, 2004, с. 15], четвертая часть всех блендов относится к этой группе. В целом, как видно из представленных примеров, в данную группу вошли узуальные, стилистически нейтральные бленды, многие из которых носят терминологический характер, хотя встречаются и бленды ярко выраженного оценочного (*mockumentary*, *comediocre*, *castrophony*, *музыкайф*), иногда ироничного характера (*dramassassin*, *autobydography*, *мылодрама*, *нейсатель*).

О б л а с т ь « б ы т » (everyday use) включает несколько групп и подгрупп.

8) Еда (food):

а) Напитки:

– кофе: *frappuccino* = frappé + cappuccino, *capuchillo* = cappuccino + chill – охлаждённый капучино, *macchichillo* = macchiato + chill – охлаждённый кофе-эспрессо;

– безалкогольные: *citrisun* = citric + sun – напиток наподобие горячего шоколада, *limon* = lime + lemon – напиток со вкусом лимона и лайма, нем. *Kiba* = Kirsche + Banane – вишнево-банановый сок, *fruice* = fruit + juice, *mocktail* = mock + cocktail – безалкогольный коктейль, фр. *confipote* = confiture + compote;

– алкогольные: *vodkatini* = vodka + martini, *извинишко* – бутылка вина, купленная чтобы искупить вину;

б) Готовая еда:

– мясная: *spat* = spiced + ham, *macon* = mutton + bacon – баранина, приготовленная как бекон, *turducken* = turkey + duck + chicken – индейка, начиненная мясом утки и курицы, *beefish* = beef + fish – мясорыбный фарш, *prosage* = protein + sausage – белковая колбаса, нем. *Ketwurst* = Ketchup + Wurst – разновидность хот-дога;

– бутерброды: *cheeseburger* = cheese + hamburger, *бургероженное* = бургер + мороженое – бургер с джелато (итальянским мороженым), который можно приобрести в одном из кафе на пешеходной набережной в районе Нерви (Генуя, Италия), *round-wich* = round + sandwich, *croissantwich* = croissant + sandwich, исп. *choripán* = chorizo + pan (сэндвич с копчёной колбаской, популярный в Аргентине, Уругвае и Чили);

– выпечка: *beefcake* = beef + (cheese) cake, *cinnebon* = cinnamon + bun – булочки с корицей, *banoffee(i)* = banana + toffee – баноффи пай, *donis* = donut + brownies, *мяфля* = мягкий + вафля;

– соусы: *mayochup* = mayonnaise + ketchup – кетчунез = кетчуп + майонез, *моло-нез* = молочный + майонез, порт. *macarronese* = macarrão + maionese;

– прочие продукты: *frankenfood* = Frankenstein + food – генетически модифицированные продукты питания, *vegetate* = vegetable + chocolate – шоколад, содержащий растительные жиры, *mexicatessen* = mexican + delicatessen – мексиканские деликатесы, *чебупель* = чебурек + пельмень, *бульмени* = бульон + пельмени;

в) Сопутствующие обстоятельства:

– приготовление: *drice* = dry + ice, *to parboil* = partially + to boil – обварить кипятком, подварить (ср. *to parcook* – сварить до полуготовности),

– сервировочные предметы: *foon* = fork + spoon – *spork* = spoon + fork – нем. *Göffel* = Gabel + Löffel, фр. *cuichette* = cuillère + fourchette, *knork* = knife + fork, *kug* = kettle + mug, *woon* = wooden + spoon;

– приём пищи: *brunch* = breakfast + lunch, *dunch* = dinner + lunch, *lupper* = lunch + supper, *blupper* = breakfast + lunch + supper, *tunch* = tea + lunch, *drunch* = drinks + lunch, *deskfast* = desk + breakfast – завтрак за рабочим столом в офисе, *dinter* = dinner + interview, *застелье* = застолье + постель – трапеза в постели;

– отношение к пище: *flexitarian* = flexible + vegetarian – вегетарианец, позволяющий себе по особым случаям есть мясо или рыбу – нем. *Flexitarier*, *fruitarian* = fruit + vegetarian – фрукторианец.

В целом, в данную группу вошли узуальные, стилистически нейтральные бленды, обозначающие кулинарные или гастрономические реалии. То же самое можно сказать, с поправкой на тематику, и о группах 9 и 10, представленных ниже.

9) Одежда (articles of clothing):

а) Одежда: *duraknit* = durable + knit – вязаная одежда, которая не нуждается в глажке, *jeggings* = jeans + leggings, *skort* = skirt + shorts, *chemiloon* = chemise + pantaloons – женское бельё с неразделённой верхней и нижней частью, *half-a-jamas* = half + pyjamas – укороченная пижама, фр. *pyjarobe* – платье в виде пижамы, *combishort* = combination + short – женская спортивная одежда в виде обтягивающего укороченного коминезона, *backini* = back + bikini – женский купальный костюм, обнажающий спину, *swacket* = sweater + jacket, *hijack* = hijab + jacket, *peacoat* = peajacket (бушлат) + coat;

б) Обувь и аксессуары: *silkpipe hat* = silk hat + stovepipe hat, *scaferchief* = scarf + kerchief, *socking* = sock + stocking, *glitten* = glove + mitten, *keds* = peds+ kids. Сюда же относятся слова из соответствующей подгруппы СГ «man».

10) Дом:

а) Жильё: *homicile* = home + domicile – дом, постоянное жильё, *autome* = auto + home – дом-прицеп, *splanch* = split-level + ranche house – дом полугородского типа на одну семью, *twigloo* = twig + igloo – временное укрытие из веток и листьев;

б) Прилегающая территория: *yarden* = yard + garden – двор-сад, *dogwam* = dog + wigwam – собачья конура,

в) Обстановка: *windoor* = window + door, *chable* = chair + table, *chofa* = chair + sofa, *slanket* = sleeve + blanket, *душалет* = душ + туалет (но не *chairdrobe* = chair +

wardrobe – наваливание вещей на стул [Берман, 1959, с. 105 ; Тарасова, 1991 ; Шевелева, 2003, с. 11, 14 ; Einarsson, 2006 ; Липилина, 2006, с. 89, 90 ; Bakaradze, 2010 ; Хрущева, 2011б, с. 10–11 ; Лаврова, 2011, с. 129 ; Савчин, 2012 ; Лаврова, 2013 ; Стадульская, 2013, с. 170 ; Kornienko, 2016, p. 221 ; Giyatmi, 2017, p. 67 ; Vargas, 2018 ; Перфильева, 2019, с. 212 ; Григорьева, 2019, с. 489, 490 ; Коробкина, 2020, с. 4].

11) Отдых и развлечения. Сюда относятся все слова из СГ «vacation», «entertainment» и «tourism».

12) Языкознание (linguistics). Это отдельная группа, в которой мы предлагаем выделить три подгруппы:

а) Лингвонимы – названия вариантов английского языка (varieties of English, hybrid Englishes), или же смешение в речи слов родного и английского языков, второй компонент всегда *-(ng)lish* (усечённая форма *English*):

– *Ameringlish* (American), *Anglish* (Angle) – проект по созданию английского языка, очищенного от заимствований,

– *Chinglish* (Chinese), *Germlish* (German) или *Denglish* (Deutsch), *Frenglish* (French), *Greeklis* (Greek), *Hebrish* (Hebrew), *Hinglish* (Hindi), *Hunglish* (Hungarian), *Japlish* (Japanese), *Janglish* – произнесение английских слов «по-японски» (иногда ещё называется Katakana English), *Engrish* – неуместное использование английских слов в речи японца, *Konglish* (Korean), *Malglis* (Malaysian), *Norglish* (Norge), *Russlish* или *Runglish* (Russian), *Singlish* (Singaporean), *Spanglish* (Spanish), *Swenglish* (Swedish), *Taglish* (Tagalog), *Tinglish* (Thai), *Yinglish* (Yiddish); во французском языке также есть ряд таких слов: *franglais* (français + anglais), *fragnol* (français + espagnol), *frallemant* (français + allemande), *japanglais* (japonais + anglais), *portagnol* (portugais + espagnol); в испанском: *itañol* (italiano + español), *espanglés* (español + inglés), *frañol* (francés + español), *catañol* (catalán + español), *portuñol* (portugués + español), *quechuañol* (quechua + español), *idishñol* (idish + español), *castidish* (castellano + idish), а в португальском – *brasiguaio* (brasileiro + paraguaio).

– *globish* = global + English искусственный язык, который создал Madhukar Gogate –упрощенный английский, употребляемый лицами, не являющимися носителями английского языка, *weblis* = web + English – язык программирования, с использованием английского языка и его грамматических и лексических особенностей.

б) Гибридные термины: *anacronym* = anachronism + acronym, *backronym* = back + acronym, *apronym* = apropos + acronym, *phoneme* = phonetics +scheme, *textonym* = text + antonym, *bromidiom* = bromide + idiom – избитое выражение, *slang* = slovenly + language, *semantax* = sematics + syntax, *interrobang* = interrogative + bang – фр. *exclarrogatif* = exclamatif + interrogatif – возможное название знака «?!», *scanlation* = scan + translation – фр. *scantrad* – распространяемые неофициально в сети интернет переводы комиксов, *frankenword* = Frankenstein + word –разговорное название блендов;

в) Манера изъясняться (социо- и идеолекты): *slanguage* = slang + language – язык, характеризующийся избыточным употреблением сленга и жаргона, *camouflanguage* = camouflage + language – язык, перенасыщенный лингвистическими и языковыми средствами, которые помогают говорящему скрыть реальный смысл сообщения, *ganguage* = gang + language – язык, используемый преступными группировками, *tavernacular* = tavern + vernacular – вульгарный язык, *mockney* = mock + Cockney – имитация лондонского диалекта английского языка, *publilect* = puberty + dialect – язык подростков, *jargonaut* = jargon + argonaut – тот, кто часто употребляет в речи жаргонизмы и / или создает их;

– язык афро-американцев: *blaccent* = black + accent и *ebonics* = ebony + phonics;

– жестовые языки: *lansign* = language + sign и *Ameslan* = American + sign + language,

а также *Europanto* = European + esperanto – общеевропейский язык [Воронин, 1968, с. 84; Лашкевич, 2005, с. 102; Липилина, 2006, с. 89; Enarsson, 2006; Bakaradze, 2010, p. 91; Савчин, 2012, с. 295; Mirzaie, 2014; Mikić Čolić, 2015, p. 25; Kornienko, 2016, p. 221; Никанорова, 2017, с. 46; Храброва, 2017, с. 171; Vargas, 2018]. В данную группу вошли только узуальные, стилистически нейтральные бленды терминологического характера.

13) Гендерные отношения: *huwoman* = human + woman, *boyzillian* = boy + Brazilian – глубокая эпиляция в области бикини, которую делают мужчине, *celebating* = celebrating + celibate – наслаждающийся холостяцкой жизнью, *playbore* = playboy + bore – бабник-зануда, *камазонка* – девушка, молодая женщина, работающая на КАМАЗе, а также слова из СГ «man», «sex», «sexual», «bimbo» и «girl». Многие из таких блендов носят ироничный и / или оценочный характер.

14) Авторские неологизмы:

а) «Слова-чемоданы» (portmanteaux) Льюиса Кэрролла (Lewis Carroll) из стихотворения «Бармаглот» (Jabberwocky): *brillig* = begin + broiling, *frumious* = fuming + furious, *to galumph* = to gallop + triumphantly, *to chortle* = to chuckle + to snort, *mimsy* = flimsy + miserable, *slithy* = lithe + slimy [Enarsson, 2006; Павлова, 2016, с. 152; Vargas, 2018];

б) Произведения Н.С. Лескова «Левша»: *нимфозория* = нимфа + инфузория; *мелкоскоп* = микроскоп + мелкий, *гувернянька* = гувернантка + нянька, *гульвар* = бульвар + гулять, *верояции* = вариации + вероятность, *бюстра* = бюсты + люстра [Kornienko, 2016];

в) Из мультфильма «Симпсоны» (The Simpsons): *bart-noculars* = Bart + binoculars – бинокль для наблюдения за Бартом, *Chalmskin* = Chalmers + Skinner – название кинокомпании, организованной директором школы, и его непосредственным начальником, *ribwich* = rib + sandwich – одно время любимый бутерброд Гомера, *Sadgasm* = sad + orgasm – название группы Гомера, *homeraholic* = Homer + alcoholic – увлечённость Мардж своим мужем, который, по собственному признанию, *rageaholic* – злобноголик, *nachocano* = nacho (мексиканская закуска – кукурузные чипсы, часто подаются с сырным соусом или плавленым сыром) + volcano, *Chattanuclear Choo-Choo* = Chattanooga (Choo-Choo) + nuclear – заголовок к сюжету о «радиоактивном» взрыве на ж/д вокзале, *Nedna* = Ned + Edna – общее имя Фландерса и его второй жены, *Blacula* = black + Dracula – д-р Хиберт (афро-американец) в костюме Дракулы на Хэллоуин, *moejack* = Мое + hijack – похищение барменом Мо Сизлаком (разбор 237 примеров, полученных методом сплошной выборки из электронных скриптов 639 серий (29 сезонов) мультфильма представлен в статье [Renwick, 2019]). Все слова этой группы, ожидаемо, являются окказионализмами.

Помимо вышперечисленных, конечно же, есть ещё много слов, выражающих различные понятия, но тематические группы с ними являются малочисленными:

15) «Право и полиция»: *carjack* = car + hijack – кража автомобиля с использованием оружия, *identikit* = identity + kit – портрет преступника; составленный полицией на основании показаний свидетелей, *abscoundrel* = absconding + scoundrel – преступник, скрывающийся от правосудия, *representathieves* = representative + thieves – официальные лица (члены парламента), замешанные в расхищении бюджетных денег (ср. *демокрады* = демократы + казнокрады), *крадоначальник* = крадёт + градоначальник, *нуворишки* = нувориши + воришки, *convictim* = convict + victim, *electrocution* = electricity + execution, *topol* = mobile + police, *testlying* = testify + lying – дача сотрудником полиции ложных показаний; среди них встречаются как экспрессивно-окрашенные (*abscoundrel*, *representathieves*, *демокрады*, *крадоначальник*, *нуворишки*) окказионализмы, так и нейтральные бленды.

16) «Общение»: *confrotalk* – confrontation + talk, *civilogue* = civil + dialogue – «культурное» обсуждение, *businesspeak* = business + speak, *tongue-fu* = tongue + kung-fu – искусство разрешения сложных вопросов путём переговоров, *sofalising* = sofa + socializing – общение через Интернет (соц. сети) из дома, *to communicate* = computer + to communicate;

17) «Семья и дружба»: *framily* = friend + family, *bromance* = brotherly + romance – крепкая мужская дружба, *froe* = friend + foe, *frenemy* = friend + enemy – «друзья-соперники», *apartmate* = apartment + mate, *niephlings* = niece + nephew + siblings, *grandy* = grand + daddy, *mana* = мама + папа;

18) «Военное дело»: *paratroops* = parachute + troops, *combattle* = combat + battle – столкновение, *ammonal* = ammonium + aluminum (взрывчатка), *napalm* = naphthene + palmitate – зажигательная смесь, *scrapnel* = scrap + shrapnel – осколки самодельной бомбы;

19) «Автомобиль»: *traficator* = trafic + indicator – указатель поворота, *dashcam* = dashboard + camera – автомобильный видеорегистратор, *carbage* = car + garbage – мусор на заднем сиденье или в багажнике, *replicar* = replica + car – современный автомобиль, внешне копирующий старинный;

20) «Религия»: *natureligion* = nature + religion, *churchapel* = church + chapel, *godeity* = god + deity, *faiththeist* = faith + atheist – атеист, воздерживающийся от критики религии, *apatheist* = apathetic + theist – безразличный к существованию Бога/богов, *ignostic* = ignorant + agnostic – отрицающий по незнанию, *televangelist* = television + evangelist – телепроповедник, *godcast* = God + podcast – религиозный подкаст [Сухорукова, 2004, с. 12; Enarsson, 2006; Липилина, 2006, с. 90; Bakaradze, 2010; Лаврова, 2011, с. 3; Савчин, 2012, с. 295; Mirzaie, 2014; Минеева, 2015, с. 62; Нухов, 2016а, с. 785; Никанорова, 2017, с. 46; Дельва, 2018, с. 4,5; Амахина, 2018, с. 34]. Почти все бленды в группах 16–20 являются нейтральными.

Также можно отметить существование нескольких слов, обозначающих переход между временами года – это уже упоминавшееся выше слово *springmer*, а также *falter* = fall + winter – осень, переходящая в зиму, или содержащих названия месяцев – *автябрь* = август + сентябрь, *мартобрь*, а также *усабрь* – *Movember* = moustache + November – обозначает вид фандрайзинга, при котором мужчины ежегодно в ноябре отращивают усы и в течение месяца делают пожертвования на изучение и борьбу с «мужскими» болезнями.

Нетрудно заметить, что подавляющее большинство представленных выше примеров были именами существительными: на преобладание слов этой части речи обращали внимание многие исследователи, в частности, [Хрущева, 2011 б, с. 14] и [Стадульская, 2013, с. 171], а [Сухорукова, 2004, с. 13] отмечала, что они составляют 85% от всего количества телескопических единиц в английском языке (по [Жлуктенко, 1983, с. 111] – 90%, а по [Нухов, 2016 а, с. 787] – 93%), тогда как прилагательные составляют 9% (согласно [Жлуктенко, 1983] и [Нухов, 2016 а] – 5% и 4,5%, соответственно). Это легко объяснить: «бленды ... используются для обозначения новых понятий, реалий и явлений» [Никанорова 2017, с. 45], а поскольку «существительное является семантически самым емким именем» [Лаврова, 2013, с. 16], их оказывается «больше ... чем действий и признаков» [Ермоленко, 2007, с. 12].

Несмотря на это, и даже в связи с вышесказанным, представляется возможным выделить ещё две группы:

21) Описание личности:

а) Внешность: *preet* = pretty + sweet, *prettiful* = pretty + beautiful, *cutiful* = cute + beautiful (псевдоанглицизм, существующий в немецком языке), *attractivating* = attractive + captivating – пленительный, чарующий, *oogly* = ooh + ugly – непередаваемо уродливый, *respectacle* = respectable + spectacle – выглядящий респектабельно, потому что носит очки, *swellegant* = swell + elegant, *noblelegant* = noble + elegant; к этому перечню

можно также добавить прилагательное *blong* = blond + long – светлые длинные волосы и существительное *bluenette* = blue(-eyed) + brunette,

б) Особенности характера: *sceptimistic* = skeptical + optimistic, *peptimistic* = peppu (живой, энергичный, весёлый) + optimistic, *boldacious* = bold + audacious – любящий риск и опасность, *wisensible* = wise + sensible, *brash* = bold + rash – порывистый, дерзкий, *prissy* = prim + sissy – жеманный, женоподобный, *mingy* = mean + stingy – скупой, мелочный, *ditzy* = dizzy + dotty – ветреный, взбалмошный, нем. *Problemiker* = Problem + Melancholiker – человек, который во всем видит негатив;

в) Состояние: *crunk* = crazy + drunk (ср. *drunkenstein* = drunk + Frankenstein – пьяный агрессивный человек), *crunktional* = crunk + rational – пьяный в стельку, но, несмотря на это, неплохо держащийся на ногах, *shamelancholy* = shame + melancholy, *flustrated* = flustered + frustrated, *scandiculous* = scandal + ridiculous, *noisterous* = noise + boisterous, *angrageous* = anger + ragerous – раздражённый, разъяренный, *hangry* = hungry + hangry (возможно, отсылка к поговорке: *A hungry man is an angry man*); к этому перечню можно также добавить причастия *confuzzled* = confused + puzzled и *bestraught* = beset + distraught – расстроенный, подавленный, и существительное *fantigue* = fan + fatigue – нервное волнение.

22) Признаки объекта или явления:

а) Формальные:

– размер: *abnormous* = absurd + enormous, *ginormous* = gigantic + enormous, *tremense* = tremendous + immense, *humongous* = huge + monstrous,

– цвет: *bleen* = blue + green – *grue* = green + blue – нем. *blün* = blau + grün;

б) Положительные качества: *beautifect* = beautiful + perfect, *impecculate* = impeccable + immaculate, *grandificent* = grand + magnificent – великолепный, *trill* = true + real, *absolucid* = absolutely + lucid – яснее ясного, *crucial* = crucial + critical – архиважный, *exaccurate* = exact + accurate, *promptual* = prompt + punctual – своевременный, оперативный, *snazzy* = snappy + jazzy – очень стильный, *swoonderful* = swoon + wonderful – головокружительный, восхитительный, *adorkable* = adorable + dork – замечательный, волшебный (с оттенком экстравагантности), *clantastical* = clandestine + fantastical – таинственный, *fantabulous* = fantastic + fabulous, *heartistic* = heart + artistic – идущий от сердца, *chillaxing* = chilling + relaxing – умиротворяющий, симпатичный = симпатичный + отличный;

в) Отрицательные качества: *wromantic* = wrong + romantic, *drizzerable* = drizzling + miserable – промозглый, *dramastic* = dramatic + drastic, *blandiose* = bland + grandiose – скучный и надуманный, банальный «с претензией», *craptacular* = crappy + spectacular – примечательное тем, что является низкосортным, но в то же время забавным, *aggritating* = aggravating + irritating, *failtacular* = fail + spectacular – эпический провал, *terrible* = terrible + horrible, *scuzzy* = scum + fuzzy – занюханный, *fugly* = f**king + ugly, *abdoludicrous* = absolutely + ludicrous – нелепый, абсурдный, *simplifficult* = simple + difficult – не такой простой, как кажется [Шевелева, 2003, с. 13, 15; Сухорукова, 2004, с. 14, 19; Einarsson, 2006; Ермоленко, 2007, с. 16; 17; Жукова, 2010, с. 8; Bakaradze, 2010, с. 88, 96; Лаврова, 2013; Mirzaie, 2014; Bednárová-Gibová, 2014, p. 6, 8; Архиреев, 2015, с. 44]. Многие из слов этих двух групп имеют ярко выраженную эмоциональную окраску.

Глаголы, которые по [Сухорукова, 2004, с. 13] и [Жлуктенко, 1983, с. 111] составляют всего 5% от общего числа блендов, слишком малочисленны, чтобы образовывать более одной группы; в работе [Нухов, 2016 а] приводится величина 2%, но размер его выборки составляет всего 200 слов, что представляется недостаточным для вынесения обоснованных суждений по этому вопросу. Блендов, относящихся к другим частям речи, гораздо меньше: наречия: *absotively* = absolutely + positively – *positutely* = positively + absolutely – решительно, совершенно точно, *smallowly* = small + lowly – неприятель-

ный, *alonely* = alone + lonely, и местоимения: *hesh* = he + she, *shim* = she + him представлены единичными примерами.

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, применение тематического подхода к классификации блендов позволило выделить свыше 20 групп, объединяемых в области, самыми крупными из которых являются «наука и техника» и «быт». В рамках групп, в свою очередь, было выделено две-три подгруппы, в отдельных случаях – до пяти и более подгрупп:

I. Наука и техника

1) Естественно-научные термины и терминоиды: названия наук и направлений исследований, химия, биология, астрономия, физика, математика, науки о Земле, медицина, сельское хозяйство.

2) Технические термины: аппаратура, приборы и устройства, электроника, авиация и космос, компьютерная технология и Интернет, материалы, инструменты и технологии, транспортные средства.

3) Названия гибридов живых существ: растений, животных, вымышленных существ.

II. Быт

1) Еда: напитки, готовая еда, сопутствующие обстоятельства.

2) Одежда: собственно одежда, а также обувь и аксессуары.

3) Дом: жильё, прилегающая территория, обстановка.

Отдельно выделены группы «политика», «экономика» (маркетинг, реклама, финансы), «спорт» (виды спорта и спортсмены), искусство (кино и телевидение, театр, музыка, литература), «отдых и развлечения», «языкознание» (лингвонимы, гибридные термины, манера изъясняться), «гендерные отношения», «авторские неологизмы» (Льюиса Кэролла, Н. С. Лескова и др.), «описание личности» (внешность, особенности характера, состояние), «признаки и явления» (формальные, положительные качества, отрицательные качества), а также «право и полиция», «общение», «семья и дружба», «военное дело», «автомобиль», «религия».

Также по степени употребительности бленды можно разделить на узуальные и окказиональные, а стилистически – на нейтральные (в частности, термины) и экспрессивные (разговорная лексика). Следует отметить, что русскоязычные бленды преимущественно являются экспрессивно-окрашенными окказионализмами, тогда как англоязычные бленды достаточно частотны и оперативно включаются в словари, такие как «Dictionary by Merriam-Webster» и «Urban Dictionary».

Побочным результатом стало то, что разный порядок слияния исходных слов может приводить к образованию дублетов: *molecism / organule*, *pluot / aprium*, *zorse / horbra*, *foon / spork*, *bleen / grue*, *absotively / positutely*, *to memberlect / to recomember*.

Предложенная в настоящей статье классификация может быть использована для дальнейших исследований вопросов словообразования и, в частности, неологии, а также в рамках курса «Лексикология английского языка». В перспективе возможно применение полученных результатов для тематической классификации блендов в других языках.

Библиографический список

- Абросимова, 2012 – Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 18–22.
- Амахина, 2018 – Амахина С. Р. Новые слова в английском языке в сфере информационных технологий // *Juvenis scientia*. 2018. № 4. С. 34–35.

- Арнольд, 1986 – Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка Изд. 3-е. М. : Высшая школа, 1986. 295 с.
- Архиреев и др., 2015 – Архиреев А. Г., Буслаев С. В., Нахлесткин А. А. Особенности словообразования слов-слитков в английском языке // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве: IV межвуз. молодежная науч.-практич. конференция / [ред. колл. : Л. К. Кондратьюкова, М. А. Гросс, Т. А. Винникова]. Омск : ОГТУ, 2015, С. 41–44.
- Астафурова, Сухорукова, 2006 – Астафурова Т. Н., Сухорукова О. Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.
- Берман, 1959 – Берман, И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104–107.
- Борисенко, 1976 – Борисенко И. И. Телескопия в современном английском языке // Вопросы языковой структуры: исследования по романо-германской филологии. Киев : Вища школа, 1976. С. 90–95.
- Воронин, 1968 – Воронин С. В. Пограничные явления словообразования и фонетики (Образование гаплогогических слов-слитков и композитов) // Филологические науки. 1968. № 1. С. 82–85.
- Гетманская, Кисилева, 2017 – Гетманская М. Ю. Функциональный потенциал лексико-грамматических контаминантов в русском и английском языках // Казанский вестник молодых ученых. 2017. Т. 1, № 2 (2). С. 109–112.
- Григорьева, 2019 – Григорьева П. В. Блендинг как тип неузуального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 488–490.
- Дельва, 2018 – Дельва А. Е. Контаминация (блендинг) в современном английском языке: Фонетический аспект // Современные лингвокоммуникативные практики: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 2018. С. 3–6.
- Ермоленко, 2007 – Ермоленко Ю. П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Московский гос. лингв. ун-т. М., 2007. 24 с.
- Жлуктенко, 1983 – Жлуктенко Ю. А. Английские неологизмы. Киев : Наукова думка, 1983. 172 с.
- Жукова, 2010 – Жукова А. Н. Семантические и прагматические характеристики лексической контаминации в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. Самара, 2010. 20 с.
- Коробкина, 2020 – Коробкина Н. И. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 1–10.
- Лаврова, 2011 – Лаврова Н. А. Towards blending as a word-building pattern // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 171–175.
- Лаврова, 2013 – Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04 ; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2013. 48 с.
- Лашкевич, 2005 – Лашкевич О. М. Семантика слов-слитков в современном английском языке // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2005. № 2. С. 99–104.
- Липилина, 2006 – Липилина Л. А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 2. Филологические науки. 2006. С. 87–92.
- Минеева, 2015 – Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского ун-та. История и филология. 2015. Т. 25, Вып. 2. С. 58–68.
- Мурзаков, 2013 – Мурзаков А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
- Никанорова, 2017 – Никанорова И. А. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания : сб. ст. / под ред. И. Е. Коптеловой. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 44–50.

- Нухов, 2016 а – Нухов С. Ж. Комбинаторика производящих основ в английских блендах // Вестник Башкирского ун-та. 2016. Т. 21, № 3. С. 784–789.
- Нухов, 2016 б – Нухов С. Ж. Семантика контаминированных образований и сферы их распространения в английском языке // Вестник Башкирского ун-та. 2016. Т. 21, № 3. С. 795–802.
- Омельченко, 1980 – Омельченко Л. Ф. Телескопия – один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М. : Высшая школа, 1980. №5 (119). С. 66–71.
- Омельченко, 1989 – Омельченко Л. Ф. Английская композита: структура и семантика : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04 ; Киевский гос. ун-т. Киев, 1989. 43 с.
- Павлова, Саварцева, 2015 – Павлова Е. Д., Саварцева Н. В. Телескопия как словообразовательный процесс в современном английском языке // Амурский научный вестник. 2016. № 2. С. 151–154.
- Пекарская, 2013 – Пекарская И. В. Лексическая контаминация как принцип и орнаментальный элокутив: к проблеме соотношения понятий и типологии // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 90–98.
- Перфильева, Галанкина, 2019 – Перфильева Н. В. Галанкина И. И. Деривационная контаминация в английском языке и её влияние на русское словообразование (на примере коммерческих наименований) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 206–218.
- Прокопец, 2005 – Прокопец А. П. Типология словообразовательных контаминантов // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. : Филология. 2005. Т. 18, № 2. С. 107–111.
- Прокопец, 2006 – Прокопец А. П. Семантические модели словообразовательных контаминантов // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. : Филология. 2006. Т. 19 (58), № 3. С. 140–146.
- Савчин, 2012 – Савчин І. М. Телескопія як один із словотворчих засобів мовної економії англійської мови // Наукові записки Національного університету "Острозька академія". Сер. : Філологічна. 2012. Вип. 26. С. 293–296.
- Сафарова, 2017 – Сафарова У. А. Семантические отношения между компонентами контаминированных слов // Iltiy Axborotnoma: Filologiya. 2017. № 2. С. 11–15.
- Синкевич, Тетерлева, 2016 – Синкевич Е. Н., Тетерлева О. В. Особый тип образования телескопических слов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ТвГТУ. Сер. «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2016. Вып. 3. С. 121–125.
- Стадильская, 2013 – Стадильская Н. А. Бленд-модели вербальных товарных знаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8, Ч. 2. С. 169–171.
- Стрельцов, 2021а – Стрельцов А. А. Блендинг: краткая история заблуждений // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 135–147.
- Стрельцов, 2021б – Стрельцов А. А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: словообразовательный аспект // Известия Смоленского гос. ун-та. 2021. № 4. С. 113–129.
- Сухорукова, 2004 – Сухорукова О. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе: на материале англоязычной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2004. 24 с.
- Тарасова, 1991 – Тарасова Л. А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Моск. гос. лингв. ун-т. Москва, 1991. 24 с.
- Храброва, 2017 – Храброва В. Е. Английский лексический блендинг в контексте лингвистической полемики и образовательной ценности // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность : ежегодный сб. науч. тр. М. : Pearson, 2017. С. 163–174.
- Хрущева, 2011а – Хрущева О. А. Бленды: способы, особенности и сложности их передачи переводчиком // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24. С. 278–280.
- Хрущева, 2011б – Хрущева О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2011. 23 с.
- Хрущева, 2017 – Хрущева О. А. Бленды современного русского языка как зеркало культуры // Вестник Оренб. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 66–70.

- Шевелева, 2003 – Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Рос. гос. пед. ун-т. Санкт-Петербург, 2003. 18 с.
- Bakaradze, 2010 – Bakaradze E. K. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation // *International Journal of Arts and Sciences*. 2010. № 3 (16). P. 86–105.
- Bednářová-Gibová, 2014 – Bednářová-Gibová K. Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines // *Jazyk a kultúra*. 2014. № 19–20. P. 1–10.
- Enarsson, 2006 – Enarsson A. *New Blends in the English Language*. Hostterminen, 2006. 120 p.
- Giyatmi, Sihindun, 2017 – Giyatmi R. W., Sihindun A. English Blends Found in Social Media // *Jurnal Arbitrer*. 2017. Vol. 4. N. 2. P. 1–11. <https://doi.org/10.25077/ar.4.2.65-75.2017>
- Kornienko, 2016 – Kornienko O. Social and Economic Background of Blending // *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd, 2016. P. 220–225.
- Lefilliâtre, 2019 – Lefilliâtre B. The cognitive motivation and purposes of playful blending in English // *Corela: Cognition, représentation, langage*. 2019. Vol. 17, N. 2. P. 1–30.
- Mikić Čolić, 2015 – Mikić Čolić A. Word formation of blends // *Mostariensia*. 2015. N 19-2. P. 21–36.
- Mirzaie, 2014 – Mirzaie N. H. New blends in English language // *International Journal of English Language and Linguistics Research*. 2014. Vol. 2, N 2. P. 15–26.
- Renwick, Renner, 2019 – Renwick A., Renner V. New lexical blends in *The Simpsons*: a formal analysis of English nonce formations and their French translations // *Lexis*. 2019. N 14. P. 1–16.
- Vargas, 2018 – Vargas A. Blending as a productive means of word-formation in modern English // *Science and Technology of the XXI Century*, 2018. URL : <http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775> (дата обращения : 24.10.2020).

References

- Abrosimova, L. S. (2012). Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoy paradigmy [Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 1, 18–22.
- Amakhina, S. R. (2018). Novye slova v angliyskom yazyke v sfere informacionnykh tehnologiy [New English words in information technology vocabulary]. *Juvenis scientia*, 4, 34–35.
- Arnold, I. V. (1986). *The English word*. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Arkhireev, A.G., Buslaev, S. V., Nakhlestkin, A. A. (2015). Osobennosti slovoobrazovaniia slov-slitkov v angliyskom iazyke [Features of word formation of words-ingots in the English language]. In L. K. Kondratyukova (Ed.), *Aktual'nye voprosy lingvistiki v sovremennom professional'no-kommunikativnom prostranstve* [Current issues of linguistics in the modern professional and communicative space]: Proc. IV Inter-university youth scientific and practical conference (pp. 41–44). Omsk : Omsk State Technical University.
- Astafurova, T. N. Sukhorukova, O. N. (2006). Teleskopiya: novyy sposob slovoobrazovaniya? [Telescopy: A new way of word formation?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 5, 182–185.
- Berman, I. M. (1959). O «vstavochnom» tipe slovoobrazovaniya [On word-formation by blending]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2, 104–107.
- Borisenko, I. I. (1976). Teleskopiya v sovremennom angliyskom yazyke [Telescopy in modern English]. *Voprosy yazykovoy struktury: issledovaniya po romano-germanskoy filologii* [Issues of language structure: Research in Romance-Germanic philology] (pp. 90–95). Kiev : Vishha shkola Press.
- Voronin, S. V. (1968). Pogranichnye iavleniia slovoobrazovaniia i fonetiki (Obrazovanie gapologicheskikh slov-slitkov i kompozitov) [Borderline phenomena of word formation and phonetics (Formation of haplogological words-ingots and composites)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1, 82–85.
- Getmanskaya, M. Yu. Kisileva, A. V (2017). Funkcional'nyy potentsial leksilo-grammaticheskikh kontaminantov v russkom i angliyskom yazykakh [Functional potential of lexico-grammatical contaminants in the Russian and English languages]. *Kazanskiy vestnik molodyh uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 1, 2 (2), 109–112.

- Grigor'eva, P. V. (2019). Blending kak tip neuzual'nogo slovoobrazovaniia: k utochneniiu poniatii [Blending as a type of unusual derivation: To clarify the concept]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The World of Science, Culture and Education], 3, 488–490.
- Del'va, A. E. (2018). Kontaminatsiya (blending) v sovremennom angliyskom yazyke: foneticheskiy aspekt [Contamination (blending) in modern English: phonetic aspect]. *Sovremennye lingvokommunikativnye praktiki* [Modern linguocultural practices] (pp. 3–6). Saratov.
- Ermolenko, Yu. P. (2007). *Nominativnye modeli formirovaniya novykh slov metodom styazheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Nominative models of new words formation by liaison in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow: Moscow State Linguistic University.
- Zhluktenko, Yu. A. (1983). *Angliyskie neologizmy* [English neologisms]. Kiev: Naukova dumka Press.
- Zhukova, A. N. (2010). *Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki leksicheskoy kontaminatsii v sovremennom angliyskom yazyke* [Semantic and pragmatic characteristics of lexical contamination in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities.
- Korobkina, N. I. (2020). Ekologichnost' blendovykh okkazionalizmov v publichnoi kommunikatsii [Ecology of blend occasionalisms in public communication]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of language and Communicative Practice], 1, 1–10.
- Lavrova, N. A. (2011). Towards blending as a word-building pattern. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current issues of humanities and natural sciences], 11, 171–175.
- Lavrova, N. A. (2013). *Kontaminatsiia kak slovotvorcheskaia model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Contamination as a word-building model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (based on the material of the modern English language)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
- Lashkevich, O. M. (2005). Semantika slov-slitkov v sovremennom angliyskom yazyke [The semantics of blendings in modern English]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2, 99–104.
- Lipilina, L. A. (2006). Leksicheskie sliyaniya v sovremennom angliyskom yazyke [Lexical blends in English]. *Vestnik RGU im. I. Kanta. Filologicheskie nauki* [Vestnik of Russian State University named after I. Kant. Philological sciences], 2, 87–92.
- Mineeva, Z. I. (2015). Kontaminatsiia v obrazovanii nominatsii cheloveka [Contamination in the derivation of nominations for people]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt university. History and Philology Series], 2, 58–68.
- Murzakov, A. A. (2013). *Funktional'no-pragmaticheskie aspekty sliianiia v angliiskom iazyke* [Functional and pragmatic aspects of merging in the English language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University.
- Nikanorova, I. A. (2017). Blending v sovremennom politicheskom i ekonomicheskom diskurse [Blending in modern political and economic discourse]. In I. E. Koptelova (Ed.), *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nye problemy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya* [Language. Culture. Society. Current issues, research methods and teaching problems] (pp. 44–50). Moscow: Diplomatic Academy of MID Russia.
- Nukhov, S. Zh. (2016 a). Kombinatorika proizvodyashchikh osnov v angliyskikh blendakh [Combinatorial formulas of English blends]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Vestnik of Bashkir university], 3, 784–789.
- Nukhov, S. Zh. (2016 b). Semantika kontaminirovannykh obrazovaniy i sfery ikh rasprostraneniya v angliiskom yazyke [The meaning of English blends and the spheres of their usage]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Vestnik of Bashkir university], 3, 795–802.
- Omel'chenko, L. F. (1980). Teleskopiya – odin iz maloizuchennykh sposobov glagoloobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka [Telescopy – one of the little-studied ways of verb formation in modern English]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological sciences. Scientific essays of Higher Education], 5, 66–71.

- Omel'chenko, L. F. (1989). *Angliyskaya kompozita: struktura i semantika* [English Composite: Structure and Semantics]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Kiev : Kiev State University.
- Pavlova, E. D. Savartseva, N. V. (2016). Teleskopiya kak slovoobrazovatel'nyy protsess v sovremennom angliyskom yazyke [Blending as a word-formation process in modern English]. *Amurskiy nauchnyy vestnik* [Amur Journal], 2, 151–154.
- Pekarskaya, I. V. (2013). Leksicheskaya kontaminatsiya kak printsip i ornamental'nyy elokutiv: k probleme sootnosheniya ponyatiy i tipologii [Lexical contamination as a principle and ornamental elocution: To the problem of concepts and typology correlation]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Vestnik of Khakassiya State University named after N. F. Katanov], 4, 90–98.
- Perfil'eva, N. V. Galankina, I. I. (2019). Derivatsionnaya kontaminatsiya v angliyskom yazyke i eyo vliyanie na russkoe slovoobrazovanie (na primere kommercheskikh naimenovaniy) [Derivational contamination in English and its influence on Russian word formation (An analysis of commercial names)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. The Humanities], 4, 206–218.
- Prokopets, A. P. (2005). Tipologiya slovoobrazovatel'nykh kontaminantov [Typology of word-forming contaminants]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky National University. Philology], 18, 2, 107–111.
- Prokopets, A. P. (2006). Semanticheskie modeli slovoobrazovatel'nykh kontaminantov [Semantic models of word-formation contaminants]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im V. I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky National University. Philology], 3, 19, 140–146.
- Savchin, I. M. (2012). Teleskopiia iak odin iz slovtvorchikh zasobiv movnoi ekonomii angliys'koi movi [Telescopy as one of word-building means of speech economy in English]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademiia". Ser.: Filologichna* [Scientific notes of National University of Ostroz'ka Academy. Philology], 26, 293–296.
- Safarova, U. A. (2017). Semanticheskie otnosheniia mezhdru komponentami kontaminirovannykh slov [Semantic relations between components of contaminated words]. *Ilmiy Axborotnoma. Filologiya*, 2, 11–15.
- Sinkevich, E. N. Teterleva, O. V. (2016). Osobyi tip obrazovaniia teleskopicheskikh slov (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov) [Specific manner of telescopy unit formations (Case study: The Russian and German languages)]. *Vestnik TvGTU. Seriya "Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki"* [Vestnik of Tver State Technical University. Series «Social Sciences and Humanities»], 3, 121–125.
- Stadul'skaia, N. A. (2013). Blend-modeli verbal'nykh tovarnykh znakov [Blend-models of verbal trademarks]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 8-2, 169–171.
- Streltsov, A. A. (2021). Blending: kratkaya istoriya zabluzhdeniy [Blending: A brief history of misconception]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 135–147.
- Streltsov, A. A. (2021). Klassifikatsiya slov, obrazovannykh posredstvom blendinga: slovoobrazovatel'nyy aspekt [A classification of blended words: Derivation aspect]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 4, 113–129.
- Sukhorukova, O. N. (2004). *Strukturno-semanticheskie i funkcional'nye osobennosti teleskopicheskikh edinic v massovo-informacionnom diskurse: na materiale angloyazychnoy pressy* [Structural, semantic and functional features of telescoped units in mass-media discourse: Based on English-language press]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University.
- Tarasova, L. A. (1991). *Strukturno-semanticheskie aspekty teleskopii v sovremennom angliyskom yazyke* [Structural and semantic aspects of telescoping in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Linguistic State University.
- Khrabrova, V. E. (2017). Angliyskiy leksicheskiy blending v kontekste lingvisticheskoy polemiki i obrazovatel'noy tsennosti [English lexical blending in terms of linguistic polemics and educational

- value]. *Kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom mire: massovaia kommunikatsiya i yazykovaya lichnost'* [Communication in the modern multicultural world: Mass communication and language personality] (pp. 163–174). Moscow : Pearson.
- Khrushcheva, O. A. (2011 a). Blends: sposoby, osobennosti i slozhnosti ikh peredachi perevodchikom [Blends: ways, features and difficulties of their transmission by the translator]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 1, 278–280.
- Khrushcheva, O. A. (2011 b). *Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga* [Universal and linguocultural features of blending]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk : Chelyabinsk State University.
- Khrushcheva, O. A. (2017). Blendsy sovremennogo russkogo yazyka kak zerkalo kul'tury [Modern Russian blends reflecting culture]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 2, 66–70.
- Sheveleva, A. N. (2003). *Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniia kognitivnoy lingvistiki (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Structure and semantics of telescopic derivatives from the point of view of cognitive linguistics (Based on modern English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Russian State Pedagogical University.
- Bakaradze, E. K. (2010). Principle of the least effort: Telescopic wordformation. *International Journal of Arts and Sciences*, 3 (16), 86–105.
- Bednářová-Gibová, K. (2014). Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines. *Jazyk a kultúra*, 19-20, 1–10.
- Enarsson, A. (2006). *New Blends in the English Language*. Hostterminen.
- Giyatmi, R. W. Sihindun, A. (2017). English Blends Found in Social Media. *Jurnal Arbitrer*, 4 (2), 1–11. <https://doi.org/10.25077/ar.4.2.65-75.2017>.
- Kornienko, O. (2016). Social and Economic Background of Blending. *Globalistics and Globalization Studies* (pp. 220–225). Volgograd.
- Lefilliâtre, B. (2019). The cognitive motivation and purposes of playful blending in English. *Corela: Cognition, représentation, langage*, 17 (2), 1–30.
- Mikić Čolić, A. (2015). Word formation of blends. *Mostariensia*, 19-2, 21–36.
- Mirzaie, N. H. (2014). New blends in English language. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 2 (2), 15–26.
- Renwick, A. Renner, V. (2019). New lexical blends in The Simpsons: a formal analysis of English nonce formations and their French translations. *Lexis*, 14, 1–16.
- Vargas, A. (2018). Blending as a productive means of word-formation in modern English. *Science and Technology of the XXI Century*. Retrieved October 24, 2020 from <<http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775>>.

Хань Юфэн
Независимый исследователь
г. Харбин, КНР

Мэн Шусянь
Независимый исследователь
Провинция Хэйлунцзян, КНР

Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна✉,
Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
polia-80@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сопоставительные характеристики междометий в ороchonском и эвенкийском языках

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа различных категорий междометий ороchonского языка и их функций; проведен сопоставительный анализ полученных данных со сведениями научной литературы об использовании этих слов в языке эвенков. Исследование показало, что междометия ороchonского и эвенкийского языков коррелируют в функциональном плане и выражают разные типы эмоций, чувств и волеизъявления. Эвенкийский язык обнаруживает большее разнообразие словообразовательных моделей – в нем выделяются первичные и производные междометия. В ороchonском языке описана только группа непродуцированных междометий. Сферы употребления междометий в эвенкийском языке шире, чем в ороchonском, что обусловлено особенностями их культуры и быта – в языке эвенков отдельно выделяется группа междометий, связанных с оленеводством. Междометия эвенкийского и ороchonского языков не тождественны в звуковом выражении – соответствия отмечены только для некоторых словарных единиц.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, грамматика, неизменяемые слова, междометия, первичные междометия, производные междометия, функции междометий

© Хань Ю., Мэн Ш., Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. 2022

Для цитирования: Сопоставительные характеристики междометий в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 151–159. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_151

Han Youfeng
Independent researcher
Harbin, China

Meng Shuxian
Independent researcher
Heilongjiang province, China

Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko✉, **Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova**
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Comparing interjections in Orochon and Evenki

Abstract

The current article focuses upon the results of the interjections analysis, their types and functions in the Orochon language. The data obtained are compared with the data on the interjections forms in the Evenki language obtained in previous studies. The study identified the correlation of Orochon and Evenki interjections functioning patterns to express various emotions, feelings and will. The Evenki language reveals a wide variety of word-building models – it has primary and secondary interjections. The Orochon language describes only the group of primary interjections. The spheres of interjections use are wider in the Evenki language which is connected with their household activities and culture peculiarities – the Evenki language depicts a group of reindeer breeding interjections. Orochon and Evenki interjections do not correlate in their sound pattern having single examples of phonetic correspondence.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, grammar, unchangeable words, interjections, primary interjections, secondary interjections, interjection functions

© Han Y., Meng Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. 2022

For citation: Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2022). Sopostavitel'nye kharakteristiki mezhdometiy v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing interjections in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 151–159. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_151

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование является частью научной работы коллектива авторов, занимающихся изучением парадигматики и синтагматики языка орочонов. На предшествующих этапах были опубликованы научные материалы, явившиеся результатом лингвистического анализа знаменательных частей речи и их грамматических категорий (имя существительное, местоимение, глагол, имя числительное), а также служебных частей речи (союз) в ороchonском языке. Полученные данные были сопоставлены с имеющимися сведениями научной литературы о формах и способах образования знаменательных и служебных слов в эвенкийском языке [Морозова и др., 2019 ; Хань и др., 2020 а, б ; Хань и др., 2021 а, б, в]. Настоящая статья продолжает цикл работ,

направленных на контрастивный анализ незначительных частей речи. В центре внимания данной работы находятся виды междометий и их функции.

Ц е л ь ю предпринятого исследования является классификация междометий в ороchonском языке, исходя из основных функций данных слов. Актуальность проведения анализа грамматического строя ороchonского языка заключается во фрагментарности имеющихся на сегодняшний день данных и необходимости их упорядочивания и классификации. Полученные данные сопоставляются с имеющимися в научной литературе сведениями о междометиях и их функциях в эвенкийском языке, что определяет новизну предпринятого исследования.

М а т е р и а л о м для анализа послужили звукозаписи спонтанной речи (монологической и диалогической) семи носителей ороchonского языка старше 55 лет (трёх мужчин и четырёх женщин), проживающих в Ороchonском автономном хошуне Внутренней Монголии КНР. Запись аудиоматериалов осуществлялась в ЛЭФИ Амурского государственного университета и в ходе лингвистических экспедиций в г. Алихэ (Внутренняя Монголия, КНР). Также задействовались экспедиционные материалы Н. Я. Булатовой, полученные в 2014 году от 5 женщин того же возраста – носителей языка из г. Хэйхэ и Баина. Кроме того, были использованы данные хрестоматий и материалов [Са, 1981 ; Ху, 1986, 2001 ; Хань, Мэн, 1993, 2013, 2014 ; Материалы..., 2014], собранных в ходе экспедиций к ороchonам северо-востока КНР.

Перевод контекстов, содержащих словарные эвенкийские примеры, взят из словарей [Болдырев, 1994, 2000 ; Василевич, 1958], перевод остальных эвенкийских примеров выполнен авторами статьи. Перевод ороchonских примеров, взятых из полевых материалов, выполнен авторами настоящей статьи, перевод ороchonских контекстов, взятых из печатных источников на китайском языке, выполнен В. С. Гибалиным и Е. В. Береза.

2. Междометия [Interjections]

Междометие – это класс неизменяемых слов, лишённых специальных грамматических показателей и обладающих особой экспрессивно-семантической функцией – выражения чувств и волевых побуждений [Ахманова, 2007, с. 225]. Однако, выражая различные эмоции и побуждения, междометия не называют их, в связи с чем они не могут быть отнесены ни к знаменательным частям речи, ни к служебным словам. В отличие от самостоятельных частей речи междометия не обладают номинативной функцией: они выражают различные эмоции, но не называют их. В отличие от служебных слов междометия не обладают связующей функцией [Болдырев, 2007, с. 900–901]. Как правило, употребление междометий свойственно в основном устной речи, и значение многих из них можно понять лишь благодаря интонации, мимике, жестам и лингвистическому контексту.

Междометия могут входить в состав предложения, занимая обычно положение в его начале, или использоваться изолированно, образуя самостоятельную синтаксическую конструкцию.

В научной литературе выделяют несколько видов междометий:

1) междометие вокативное – совпадает по форме со звательной формой существительного или звательного словосочетания (*о господи, боже мой!* и др.);

2) междометие глагольное – особое неизменяемое слово, иногда совпадающее по форме со звукоподражательными междометиями и употребляющееся в предложении в функции глагольного сказуемого со значением прошедшего времени совершенного вида (*бац, толк, хватъ, шастъ* и др.);

3) междометие императивное (повелительное) – специфический разряд глагольных слов с повелительно-восклицательным значением (*вон, прочь, долой, брысь* и др.);

4) междометие первичное (непроизводное) – не связано со знаменательными частями речи и представляет собой внутренне не расчленённый и грамматически не оформленный знак эмоционального и волевого выражения (*а, ай, ага, эх, эй, увы* и др.);

5) междометие производное (вторичное) – связано по происхождению со знаменательными частями речи (*брось, вали, полно* и др.) [Ахманова, 2007, с. 173, 225].

Исследователи, занимающиеся изучением тунгусо-маньчжурских языков, в своих классификациях используют лишь два последних вида междометий: первичные и производные [Болдырев, 2007, с. 901 ; Василевич, 1958, с. 732 ; Константинова, 1964, с. 267 ; Булатова, 1987, с. 70–71]. Так, в эвенкийском языке выделяют как первичные, так и производные междометия, однако в языке орохонов описываются только непроизводные междометия. В ороchonском языке первичные междометия классифицируют, исходя из их функций в структуре высказывания или предложения.

2.1 Междометия в ороchonском языке [Interjections in the Orochon Language]

Исходя из выполняемых функций, все междометия ороchonского языка можно распределить по нескольким группам.

1. Междометия, выражающие удивление, изумление: *вэй, йб, эйэ*:

Вэй! *Щй али эмэчэй!* – '**Ой!** Ты когда пришёл?'

Вэй! *Эри иңэчин бэйэ тбр!* – '**О!** Это что за человек?'

Йб! *Щй али эмэчэй!* – '**О!** Ты когда пришёл?'

Эйэ! *Эри бэйун бндурди эгдэ!* – '**Ого!** Какой большой лось!'

2. Междометия, обозначающие недовольство, несогласие, непокорность, неуважение: *йэ, хэң, хэй*:

Йэ! *Ихунңи баитан эри!* – '**Ах!** Что это за дело!'

Йэ! *Эри бндурди баран?* – '**О!** Как так много?'

Хэң *щй эмэрэхи нян дянчйм щинэвэ!* – '**Хм!** Если ты ещё раз осмелишься прийти, я тебя побью!'

Хэй! *Щй ихун бдани!* – '**Эй!** Ты сможешь?'

3. Междометие, обозначающее согласие: *эн*:

Эн! *Бйтимана нэнэчив* – '**Угу!** Я завтра пойду!'

4. Междометия, выражающие страдания или невыносимость, тяжесть: *энэй, энэй, эрэй*:

Энэй! *Бй эщим бдавча!* – '**Ох!** Я больше не могу!'

Энэй! *Щй идэ минэвэ мундани?* – '**Ох!** Зачем ты меня бьёшь?'

Эрэй! *Эри мб бндурчи ургэ!* – '**Ой-ой!** Какое же тяжёлое это дерево!'

Эрэй! *Эри бэйэ йэча?* – '**Ой!** Что случилось с этим человеком?'

5. Междометия, использующиеся для того, чтобы позвать, окликнуть человека: *вэй, эйи*:

Вэй! *Щй илэ нэнэни?* – '**Эй!** Ты куда пошёл?'

Эйи! *Щй эвишэхи эмэхэл!* – '**Эй!** Иди сюда!'

6. Междометия, использующиеся для ответа, отклика на реплику собеседника: *а, ай*:

А! *Бйтимана бунэдев* – '**А!** Я завтра принесу!'

Ай! *Бй дблдичив!* – '**Ай!** Я слышу!'

7. Междометие, использующееся для выражения сожаления: *гэ*:

Гэ! *Тари бэйэ ябуча дар* – '**Ах!** Тот человек уже ушёл!'

8. Междометие, выражающее разрешение, одобрение: *гā*:

Гā! *Иичā!* – '**Угу!** Давай!'

9. Междометие, выражающее испуг: *мохб*:

Мохб! *Щй минэвэ нэлүхэнчей!* – '**О Боже!** Ты меня напугал!'

2.2. Междометия в эвенкийском языке [Interjections in the Evenki Language]

У исследователей, занимающихся изучением эвенкийского языка, нет единого подхода к классификации междометий. Так, отталкиваясь от понятия «междометие», Б. В. Болдырев выделяет две основные группы:

1. Междометия, выражающие чувства, переживаемые говорящим, его отношение к окружающей действительности, к речи, действиям собеседника;

2. Междометия, выражающие волеизъявление.

Междометия первой группы используются для передачи радости (*ай* 'ах'), восхищения (*аяканди* 'ах, как хорошо!'), одобрения (*ау* 'да, ладно, хорошо'), положительной оценки фактов (*го / ко* 'верно, правда, хорошо'; *и-и* 'да, так, ладно'), похвалы (*няка* 'ничего'; *гойоко* 'хорошо'; *гудейке* 'как красиво!'), досады (*эк / хэк* 'эх'), неожиданности (*дас* 'ой!'), испуга (*илэ* 'ох'; *олбвсэ* 'ой'; *ук* 'ой', 'ах'; *эбэй* 'ах'; *эрэй* 'ай'; *эк* 'чур'; *эксе* 'ого'; *эгэ-гэ* 'ай-ай-ай'), удивления (*хила* 'ну вот'; *урсю* 'ну!'; *ханук?* 'да ну? неужели?'; *э!* 'ну, как?'), усталости (*ху!* 'фу!') и других [Болдырев, 2007, с. 903].

Междометия, входящие во вторую группу, употребляются в целях побуждения, приглашения, призыва, запрещения и т. д. Эти междометия выражают обращение (*ма!* 'на, возьми'; *мā-мā, кэ!* 'ну / давай!'), оклик (*ку!* 'подожди'; *бэ-бэ* 'постой'; *бй* 'постой, подожди'; *байде* 'погоди'), окрик (*а! а! а!* 'стой!'), предупреждение / угрозу (*чивирэ* 'не мешай, не приставай'; *эсэ* 'вот я тебя!', 'ну подожди же!'; *насарэ* 'отстань!'; *чāгилā* 'посторонись'), призыв (*чэк-чэк; эл!* 'сюда-сюда') и т. д. [Болдырев, 2007, с. 903–904].

На основе классификации Г. М. Василевич и собственных материалов, эвенкийские междометия можно разделить на четыре категории:

1. Обращение (*кэ!* 'ну'; *ма* 'на'; *туги-туги* 'так, так'; *ча, чā!* 'пошёл!', 'прочь!'; *эчā?* 'что случилось?'); на материале других говоров можно добавить, что междометие *кэ!* 'ну' имеет чаще значение побуждения к действию: *Кэ, нэнэгэт!* – 'Ну, давай пойдём-мы!'; К этому списку можно добавить часто употребляющееся междометие *де!* 'ну!', который можно рассматривать как синоним к междометию *кэ!* 'ну!': *Де! Икэдерйл икэрэ-дэ икэрэ!* – 'Ну! Поющие поют да поют!'

2. Междометие *туги-туги* 'так, так' имеет варианты *тыкэ-тыкэ, тыкэн-тыкэн*.

3. Испуг (*эй!* 'ой!'; *эрэй!* 'ой!'; *эк!* 'ай!'); междометие *эрэй!* может иметь также значение удивления: *Эрэй! Экун бран?* – 'О! Что случилось?'

4. Боль (*айю!* 'ох!'; *энү!* 'ой!');

5. Удивление (*охо-о!* 'ого!'; *на!* 'ба!') [Василевич, 1958, с. 732].

6. Сожаление (*о!* 'о!'), часто употребляется в сочетании с междометием *де!* 'ну вот!': *О, де! Эдā тыкэн гундерэ!* – 'Ну вот! Зачем так говорят!'

Как было упомянуто выше, междометия в эвенкийском языке представлены двумя видами: первичными и вторичными. К первичным междометиям относятся слова, не связанные генетически с какими-либо знаменательными частями речи. Иными словами, это слова, специально образованные для выражения эмоций и / или волевых побуждений говорящего. Примерами таких слов может служить большая часть междометий, представленных в классификациях по функциональным признакам.

К вторичным (производным) междометиям относятся слова, связанные со знаменательными частями речи (прилагательными, существительными, наречиями, глагольными формами), однако утратившие своё семантическое значение и превратившиеся в средство выражения эмоций, чувств, воли. Вторичные междометия образуются от основ знаменательных слов, прибавляющих определённые аффиксы, обязательно содержащие или состоящие из эмфатически долгого гласного *ē*. В зависимости от типа аффикса выделяют следующие группы производных междометий:

1. Междометия с аффиксом *-pē*: (*насарē* 'отстань!'; *хуварē* 'сквозит!'; *кирē* 'фу! гадость');
2. Междометия с аффиксом *-kē*: (идарикē 'ой, горько!'; *энукē* 'больно');
3. Междометия с аффиксом *-ē*: (*учунē* 'тише!'; *сэбденē* 'ой, весело!'; *мулē* 'ой, как жаль');
4. Междометия, имеющие форму падежей существительных или наречий (*мод!* *мод!* 'предостережение оленям не наткнуться на деревья в тайге');
5. Устойчивые фразеологические сочетания, утратившие самостоятельное лексическое значение и выполняющие функцию междометия (*тыл-мэт-лувар* 'это только слухи / неправда') [Константинова, 1964, с. 268].

Кроме того, отдельно выделяют междометия, представляющие собой десемантизированные отглагольные формы (*āmэ* 'спать хочется'; *демō* / *депмō* 'есть хочется'; *энэл-гэ* 'ленился'; *ичэмэй* 'быть некрасивым') [Болдырев, 2007, с. 902–903; Булатова, 2002, с. 63; Василевич, 1958, с. 732].

2.3. Обсуждение результатов [Discussion]

Исследование междометий показало, что системы этих неизменяемых слов в ороchonском и эвенкийском языках обнаруживают как сходства, так и различия. В ороchonском языке не выделяются в отдельную группу вторичные (производные) междометия. Однако это не означает, что такой способ образования эмоциональной и волеизъявительной лексики не свойственен данному языку – исследования, проведённые авторами на предыдущих этапах, посвящённых анализу способов образования знаменательных и служебных слов, показывают близость, а иногда и тождественность морфологических систем эвенкийского и ороchonского языков.

К сожалению, имеющийся в распоряжении исследователей языковой материал не позволил обнаружить в ороchonском языке десемантизированные междометия, образованные от существительных, прилагательных, наречий и глагольных форм при помощи аффиксов. Тем не менее, это не даёт оснований категорично утверждать об их отсутствии в языке ороchonов.

Первичные междометия демонстрируют одинаковые функции в сопоставляемых языках – данная категория слов используется для выражения удивления, испуга, радости, боли, страдания, сожаления, досады, согласия и несогласия и т. д. Кроме того, междометия этого типа применяются для волеизъявления: обращения, побуждения, призыва, оклика, окрика, угрозы, запретов, предупреждения, просьбы о пощаде или помощи и т. д.

В ходе анализа первичных междометий было отмечено большое количество таких неизменяемых слов эвенкийского языка, используемых в оленеводстве (*кало-кало* 'окрик при собирании оленей'; или 'окрик на оленя чтобы он не задевал рогами за ветки'; *чо! чо!* 'приманивание оленя солью'; *ку-ку* 'созывание оленей'; *ча! ча!* 'призыв оленю остановиться'). Это обусловлено образом жизни эвенкийского народа, в котором главную роль играет данный вид деятельности. В ороchonском языке данная группа междометий отсутствует, так как в традиционные занятия ороchonов – охоту, добычу пушного зверя, земледелие и животноводство – разведение и выпас оленей никогда не входили.

Несмотря на сходства междометий ороchonского и эвенкийского языков в функциональном плане, звуковая форма этих слов в аналогичных категориях двух языков не находит соответствий. Анализ звуковой стороны неизменяемых слов выявил единичные случаи согласований, например, междометию *аң* (со значением 'да') в эвенкийском языке соответствует ороchonское *эн*. Эвенкийское *эгэ-гэ* (со значением 'ай-ай-ай') коррелирует с ороchonским *гэ*, выражающим сожаление.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, классификации междометий ороchonского и эвенкийского языков находят соответствия в функциональном плане, выражая разные типы эмоций, чувств и волеизъявления, однако они не идентичны с точки зрения морфологии – эвенкийский язык демонстрирует большее разнообразие морфологических форм, использующихся для создания десемантизированной эмоционально-окрашенной лексики. В ороchonском языке выделяют только группу первичных междометий, в то время как эвенкийский язык обнаруживает как первичные, так и производные формы. Во-вторых, традиционные занятия эвенкийского и ороchonского народов находят отражение в словарном облике языка. Так, эвенкийский язык богат междометиями, использующимися в оленеводстве – лексика такого рода применяется для приманивания, оклика, окрика оленей, управления стадом или отдельными особями. В ороchonском языке данный пласт слов отсутствует в связи с иными традициями и бытом. Наконец, несмотря на сходство междометий в плане их функционирования в сравниваемых языках, звуковая сторона не обнаруживает явных корреляций. Соответствия в фонетическом и функциональном планах единичны.

Настоящая работа представляет собой седьмой этап комплексного исследования грамматической системы ороchonского языка. В перспективе планируется продолжить описание знаменательных и служебных частей речи ороchonского языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка русских эвенков.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М. : Ком-Книга, 2007. 576 с.
- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука, 2007. 932 с.
- Болдырев, 1994 – Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 499 с.
- Болдырев, 2000 – Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1 : А-П. 503 с.
- Булатова, 1987 – Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Л. : Наука, 1987. 168 с.
- Булатова, 2002 – Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб. : Дрофа, 2002. 64 с.
- Василевич, 1958 – Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. 803 с.
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.–Л. : Наука, 1964. 274 с.
- Морозова и др., 2019 – Сопоставительные характеристики категории имени существительного в ороchonском и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 4, № 5. С. 171–181. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_171_181
- Мэн Ш., 2017 – Общее описание ороchonского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 67–86. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_67_86
- Хань и др., 2020 а – Сопоставительные характеристики местоимений в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 161–171. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_161_171
- Хань и др., 2020 б – Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 136–145. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_136_145
- Хань и др. 2021 а – Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 71–79. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79

- Хань и др. 2021 б – Сопоставительные характеристики имени числительного в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 192–203. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203
- Хань и др. 2021 в – Сопоставительные характеристики союзов в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 4. С. 159–168. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_159_168
- Ху, 1986 – 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Ху Ц. Краткое описание ороchonского языка. Пекин : Народное изд-во, 1986. 209 с.]
- Ху, 2001 – 胡增益 《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Ху Ц. Исследование ороchonского языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.]
- Хань, Мэн, 1993 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页. [Хань Ю., Мэн Ш. Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Центральное изд-во Ин-та нац. меньшинств. Пекин, 1993. 385 с.]
- Хань, Мэн, 2013 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页 [Хань Ю., Мэн Ш. Краткая хрестоматия ороchonского языка. Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, Харбин, 2013. 185 с.]
- Хань, Мэн, 2014 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Хань Ю., Мэн Ш. Исследование диалектов ороchonского языка. Осака : Изд. отдел Национального музея этнологии, 2014. 113 с.]
- Материалы..., 2014 – 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Материалы по ороchonскому языку (сборник). Хэйхэ : Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.]
- Са, 1981 – 萨希荣. 简明汉语鄂伦春语对照读本. 民族出版社, 1981年, 71页 [Са С. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия. Пекин : Изд-во национальностей, 1981. 71 с.]

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (1994). *Russko-evenkiyskiy slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk : VO "Nauka". (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk : Russian Academy of Sciences Press, Siberian Branch. (In Russ.).
- Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [The Evenki accents of the Amur region]. Leningrad : Nauka Press.
- Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St Petersburg : Drofa Press. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow. (In Evenki and Russ.).
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Han, Y., Meng, Sh. (2019). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imenisushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative analysis of the noun in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_171_181
- Meng, Sh. (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_67_86

- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 a). Sopostavitel'nyye kharakteristiki mestoimeniy vorochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing pronouns in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 161–171. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_161_171
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 b). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategoriy zaloga i vida glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 136–145. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_136_145
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021 a). Sopostavitel'nye kharakteristiki kategorii nakloneniya glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing mood category in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 71–79. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_2_71_79
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021 b). Sopostavitel'nye harakteristiki imeni chislitel'nogo v orochonskom i evenkijskom yazykah [Comparing numerals in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 192–203. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E.A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021 v) Sopostavitel'nye harakteristiki soyuzov v orochonskom i evenkijskom yazykah [Comparing conjunctions in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 159–168. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_159_168
- Hú Zēngyì, è lún chūn yǔ jiǎn zhì / běi jīng: mín zú chū bǎn shè, 1986 nián, 209 yè [Hu, Z. (1986). *Brief description of the Orochon Language*. Beijing] (In Chinese).
- Hú Zēngyì, è lún chūn yǔ yán jiū mín zú chū bǎn shè 2001 nián [Hu, Z. (2001). *Studies in the Orochon Language*. Minzu Press] (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, è lún chūn yǔ hàn yǔ duì zhào dú běn / běi jīng. zhōng yang mín zú xué yuàn chū bǎn shè chū bǎn. 1993 nián. 385 yè [Han, Y., Meng, Sh. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Central Publishing House of the Institute for National Minorities]. (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, jiǎn míng è lún chūn yǔ dú běn / hā ěr bīn shì: hēi lóng jiāng jiào yù chū bǎn shè , 2013 nián , 185 yè [Han, Y., Meng, Sh. (2013). *Brief reader of the Orochon language*. Heilongjiang Province Education Publishing House]. (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, zhōng guó è lún chūn yǔ fāng yán yán jiū / dà bǎn shì: guó lì mín zú xué bó wù guǎn rén jiān wén huà yán jiū jī gòu, 2014 nián, 113 yè [Han, Y., Meng, Sh. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka] (In Chinese).
- È lún chūn yǔ cái liào / Hēi hé shì: hēi hé shì mín zú zōng jiào shì wù jú, 2014 nián, 111 yè [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government] (In Chinese).
- Sà Xīróng. Jiǎn míng hàn yǔ è lún chūn yǔ duì zhào dú běn. Mín zú chū bǎn shè, 1981 nián , 71 yè [Sa, S. (1981). *Sino-Orochonian comparative reading*. Beijing.].

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Цзюй Юньшэн¹✉, Лю Жуйпин²

¹Хэйлунцзянский университет, ²Санкт-Петербургский государственный университет

¹Харбин, Китайская Народная Республика, ²Санкт-Петербург, Российская Федерация

zhengzhengjuju@163.com

Способы образования спортивных жаргонизмов в русском языке

Аннотация

Целью данного исследования является комплексный анализ способов образования русского спортивного жаргона. Исследование проводится на материале существующих словарных статей и предполагает детальное рассмотрение спортивных жаргонизмов с точки зрения семантики, морфологии и фразеологии. Научная новизна заключается в многоуровневом рассмотрении вопроса с привлечением трудов как современных исследователей, так и работ авторов прошлого столетия. В результате выявлено, что исследованные спортивные жаргонизмы были образованы разными способами: аффиксацией, словосложением, сокращением, субстантивацией, лексико-семантическим способом и т.д. Оказалось, что для лексико-семантической системы спортивного жаргона характерна активная вторичная номинация на базе следующих типов исходных единиц: зоонимов и фитонимов, собственных имён. Аббревиация обнаружила низкий уровень продуктивности. Полученные результаты могут быть использованы в курсах лексикологии и стилистики русского языка в том числе как иностранного. Перспективу исследования составит дальнейшая стратификация спортивного жаргона.

Ключевые слова: спортивный жаргонизм, словообразование, семантический перенос, суффиксация, сложение, сокращение

© Цзюй Ю., Лю Ж. 2022

Для цитирования: Цзюй Ю., Лю Ж. Способы образования спортивных жаргонизмов в русском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 160–171. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_160

Ju Yunsheng¹✉, Liu Ruiping²

¹Heilongjiang University, ²St Petersburg State University,

¹Harbin, China, ²St Petersburg, Russian Federation

zhengzhengjuju@163.com

Ways of forming Russian sports jargon

Abstract

This study aims to perform a comprehensive analysis of Russian sports jargon building patterns. The existing dictionary entries are used as the material for the research to focus upon the details of their semantics, morphology and phraseology. Such multi-level studies have not been reported in the literature so far. The background for the research is built upon the works of both modern linguists and the authors of the previous century. The results demonstrate various patterns involved in building sports jargon units: affixation, compounding, contraction, substantiation, lexico-semantic transformations, etc. It was discovered that the lexical-semantic system of sports jargon is characterized by active secondary nomination based on the following types of initial units: zoonyms and phytonyms, proper names. At the same time, abbreviation was found to show a low level of productivity. The results obtained can be used in the courses of lexicology and stylistics of the Russian language, both as L1 and L2. The outlook on future research will involve further stratification of sports jargon.

Keywords: sports jargon, word formation, semantic transfer, suffixation, compounding, contraction

© Ju Yunsheng, Liu Ruiping 2022

For citation: Ju, Yu., Liu, R. (2022). Sposoby obrazovaniya sportivnykh zhargonizmov v russkom yazyke [Ways of forming Russian sports jargon]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 160–171. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_160

1. Введение [Introduction]

Учёные всегда уделяли внимание жаргону различных социолектов, в число которых входит и социальный язык спортсменов и любителей спорта. Наблюдающийся сегодня рост интереса к жаргонам объясняется их важной социальной ролью, тем, что жаргон всё более специализируется и профессионализируется, а также тем, что появляются всё новые виды спорта. В России социальная значимость физкультуры и спорта растёт [Бауэр, 2001] и спортивная субкультура становится модным направлением. Спортивная индустрия в России получила новый импульс в частности в связи с проведённым в 2018 году на территории РФ Чемпионатом мира по футболу. Всплеск интереса к спорту привёл к динамичному развитию спортивного жаргона.

Спортивная лексика является одной из актуальных тем в современном языкознании. На протяжении нескольких десятилетий она рассматривалась с разных ракурсов. Изучалась терминология, включающая разные спортивные обозначения: наименования спортсменов, общие понятия, эпонимы, номены [Авакова, 1971 ; Гуреева, 2011]; анализировались заимствования в спортивный жаргон из многочисленных индо-европейских и экзотических языков и графическая вариативность жаргонизмов, обусловленная ареально-локальными характеристиками [Елистратов, 2012, 2015]; изучались образование легкоатлетической терминологии [Зелинская, 1974], состав специальной лексики физической культуры и спорта и её место в лексической системе современного русского языка [Зильберт, 1982]; было сделано структурно-семантическое описание русской спортивной лексики [Кожевникова, 2002], рассматривались источники семантических трансформаций [Кириллова, 2011]. Изучалась терминология отдельных видов спорта, например, терминологическая система футбола в русском языке [Рылов, 1997], терминология фигурного катания в коммуникативном аспекте [Птушкина, 1998]. Предметом рассмотрения были характеристики телевизионного спортивного дискурса [Снятков, 2008], терминология спортивных игр [Юрковский, 1979], спортивная лексика и язык спорта в контексте интернет-пространства [Фрончек, 2018]. Имеются и сравнительные исследования, например, статистический сравнительный анализ спортивной терминологии и её представления в СМИ [Schneider, 1974]. Вышеупомянутые исследователи отмечают лексику спорта в числе тех лексических разрядов и групп, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников, с наибольшей полнотой демонстрируют общественные изменения.

Спортивная лексика представляет собой открытую подсистему без жёстких границ. Некоторые языковые единицы, используемые в других видах человеческой деятельности, получают в спортивном контексте новые значения. И наоборот, единицы, функционирующие исключительно в сфере спорта, начинают всё чаще употребляться вне спортивного дискурса [Фрончек, 2018]. Именно поэтому встаёт вопрос о выделении языка спорта как отдельной части языковой системы. Несмотря на востребованность языка спорта в жизни российского общества в целом и жаргонизмов – в частности, динамика словообразовательных процессов в спортивных жаргонизмах остаётся слабо изученной. Причина может быть в том, что жаргонизмы находятся на периферии спортивного лексического пространства [Гуреева, 2011].

Определим понятия жаргона, жаргонизма и сформулируем основную функцию жаргона. Итак, жаргон (фр. *jargon*) – социолект, отличающийся от общеразговорного языка специфичной лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладающий собственной фонетической и грамматической системой [Ярцева, 1998, с. 151]. Жаргонизмы – это по преимуществу лексика устного употребления, мало допустимая в письменной речи, однако её роль в обогащении словарного состава любого языка неоспорима.

Необходимо отметить, что структура и состав социальных групп, в среде которых функционирует жаргон, находятся в динамическом состоянии: взаимодействии, взаимопроникновении и взаимообогащении. Вследствие этого трудно определить границу между началом одной жаргонной лексики и продолжением другой [Орлова, 2004]. Определённая часть жаргонизмов может относиться не к одной, а нескольким, возможно, уже устаревшим или исчезающим группам социума. Или может произойти переход между ними, а также они перемещаются из общеупотребительного языка в профессиональный, при этом изменяя форму и смысл.

Основная функция жаргона состоит в выражении принадлежности к относительно автономной социальной группе посредством употребления специфических слов, словосочетаний и речевых оборотов. [Кудинова, 2010] Жаргонизмы занимают важное место в межличностном общении, так как, используя жаргонизмы, говорящий может заявить о себе как о представителе определённого микросоциума и одновременно отделиться от остального общества.

Цель настоящего исследования состоит в проведении комплексного анализа специфических семантических и структурных черт русских лексем-жаргонизмов, относящихся к спортивному дискурсу. В центре нашего внимания находятся лексико-семантический и морфемный способы образования жаргонизмов. Такой анализ проводится впервые.

2. Анализ способов образования спортивного жаргона в русском языке [Analysis of the ways to form sports jargon in Russian]

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили словари жаргона и спортивного сленга, такие как “Толковый словарь русского сленга” [Елистратов, 2007], “Словарь современного молодёжного жаргона” [Грачёв, 2007], а также “Словарь спортивного жаргона” [Орлов, 2014].

В ходе исследования использовались: метод обобщения и систематизации, методы лингвистического описания и анализа словарных дефиниций, контекстный анализ, компонентный анализ.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Жаргонная лексика для именованья новых реалий создаётся двумя общеизвестными способами словопроизводства: морфологическим (морфемным) и семантическим (неморфемным) (см., напр., [Балалыкина, Николаев, 1985]) или создаётся посредством словообразовательных морфем на основе существующих в языке корней или появляется в процессе развития изменения значений у уже бытующих в языке слов. Процесс появления новой семантики жаргона может происходить по разным причинам: трансформация семантики слова возможна при появлении нового денотата, трансформация семантики жаргона может объясняться изменением понятия о чём-то уже существующем, изменением самого денотата.

В результате обработки материала было выявлено 68 жаргонизмов разных способов образования. Из них 23 образовано метонимическим переносом, 45 – метафорическим переносом.

2.2.1. Метонимический и метафорический перенос [*Metonymy and metaphor*]

Согласно полученным результатам, в спортивном жаргоне среди метонимий наиболее частотны те, в которых основанием для сопоставления является материал, из которого сделан предмет. Так, *хватить сосны* означает 'отправиться на скамью штрафников'. Объяснение следующее: сосна – это материал, из которого сделана вышеупомянутая скамья; возможно, слово *сосна* само по себе здесь является метонимией для дерева вообще; к тому же сосна ассоциируется с хвоей, колючками, и отправление на скамью штрафников осознаётся в данном выражении как нечто настолько неприятное, что может быть отождествлено с ощущениями человека, ухватившегося внезапно за что-то колючее. Метонимический перенос приемлем в случаях образования одного значения от другого. Например, семантика 'совокупность мер, направленных игроками на то, чтобы сохранить ворота своей команды в неприкосновенности' слова *защита* преобразовалось в значение 'группа игроков, выполняющих указанные действия'.

В спортивном жаргоне метонимия может строиться на основании цвета (так как в спорте важен цвет одежды, в которой выступает игрок – этот цвет указывает на принадлежность игрока к той или иной команде или на его статус внутри команды). Так, в профессиональном спортивном языке игроков из России называют *красно-белыми* из-за цвета флага.

Можно рассмотреть некоторые примеры сужения значений в словах и выражениях спортивного жаргона, обозначающих тот или иной участок поля, на котором проходит игра, или участки территории, прилегающие к нему. Так, слово *банка* в общеупотребительном языке имеет значение 'некая стеклянная емкость'. В языке спортивного жаргона существует ряд выражений, конкретизирующих значение этого слова, которые изменяют его значение: 1. Скамейка запасных. 2. Взятие ворот соперника. 3. Бутылка алкоголя 0,5–0,7 литра; 4. Сиденье в байдарке, шлюпке, катамаране. Ср: *банку пропустить* в боксе означает 'пропустить сильный удар'; *банкой с пивом на три литра* называют тренера, злоупотребляющего алкоголем в ущерб делу или спортсмена, набравшего за отпуск излишний вес [Орлов, 2014, с. 26–45].

Таким же жаргонизмом является выражение *нейтральная полоса*, значение которого в бейсбольной сфере сужается до 'пространство между игроками разных команд'. Термин со сходным значением есть и в жаргоне регби: *тоннель* 'промежуток между передними рядами игроков двух команд в схватке' (хотя, возможно, это не сужение значения, а метафорический перенос).

В целом метонимический способ словообразования редко порождает спортивный жаргон, более частотным способом является *м е т а ф о р и ч е с к и й*. Ассоциативные соотношения, появляющиеся при образовании метафорических жаргонизмов, разнообразны, иногда их смысл скрыт и не понятен. Так, в нашем материале были обнаружены существующие в спортивной сфере жаргонные выражения: *смотреть шнурки* 'остерегаться (в борьбе)'; *чистить пятак* 'вытеснять игроков команды-соперницы со своего пятка (в хоккее)'; *целовать штангу* 'образно представленные действия крайнего нападавшего при простреле мяча вдоль ворот, цель которых – воспрепятствовать полёту мяча за дальнюю штангу и направить его в ворота соперника'; *убить мяч* 'удар ли мячу, не оставляющий у соперников никакой надежды на его приём (в теннисе, волейболе)'; *ухать на трибуны* 'потерять ориентацию в воротах в результате обманных действий полевого игрока команды соперников (в хоккее)'. Сюда же можно отнести

сравнительные обороты *нырнуть шучкой* 'хорошо войти в воду (в плавании, прыжках в воду)'; *бежать как швед* 'часто теряться на дистанции (в спортивном ориентировании)'; *бить как конь копытом* 'сильный, поставленный удар (в боксе)'. Данные спортивные жаргонные единицы, ставшие уже устойчивыми, создают образность и эмоциональность.

В спортивном жаргоне встречаются зоологические и флористические метафоры, цветочные метафоры, метафоры, основанные на местоположении, на действии и т. д. Зоологические и флористические метафоры переносят в животный и растительный мир: *жеребец* 'шустрый, ловкий молодой игрок'; *кобылица* 'спортсменка во главе забега дистанции на средние и длинные расстояния'; *зайцы* 'два шара, ступёванных в бильярде'; бык 'физически сильный, но прямолинейно действующий игрок'; *кабан* – 'очень сильный человек, занимающийся спортом в подвальных и полуподвальных помещениях'; *козёл* 'комбинация, осуществляемая игроком первого темпа, который демонстрирует намерение играть зону, но в последний момент делает шаг в сторону пасующего и атакует с короткой передачи'; *рыбка* 'ныряющее падение на грудь при защитных действиях (в плавании)'; *аист* 'фиксация ноги при выполнении приёма (в восточных единоборствах, борьбе)'.

Встречаются и фитонимы: *бамбук* 'тощий спортсмен'; банан 'большой загиб клюшки (в хоккее)'; *дерево* 'игрок со слабой техникой'.

Метафоры, основанные на местоположении, распространённый приём образования спортивного жаргона. Показательно, что в русском языке иноязычные названия не прижились и переименованы. Например, наименование игроков футбола по их расположению на поле: английское слово *форвард* со значением 'тот, кто находится впереди' заменено на русское *нападающий*, английское *бек-юг* 'тот, кто находится сзади' – на русское *защитник*. На наш взгляд, здесь проявился русский характер, менталитет русского человека.

Можно также отметить случай искажения написания жаргона, который, однако, находится в полном соответствии с русской произносительной нормой: *атец* 'выдающийся или опытный игрок, к мнению которого следует прислушиваться'.

В метафорических жаргонизмах нашли отражение важные стороны спорта: техника игры, отношение к физическим качествам играющих, их поведение во время игры, специфика игрового процесса.

Метафора по внешнему сходству включает сходство действий, движений. Например, *бабочка* 'передача шайбы партнёру по воздуху, при которой шайба вращается, напоминая взмахи крыльев бабочки (в хоккее)'; *попрыгушка* 'юниорка, чьи прыжки похожи на движения скачущей стрекозы (в лёгкой атлетике)'; *бульдозер* 'спортсмен, бездумно, не творчески, выполняющий задания тренера, как машина-бульдозер'; *горчичник* 'жёлтая карточка'. Сюда же относятся названия видов движений: так, в футболе *щёчкой* называют внутреннюю стопу ноги; а *шведкой* – внешнюю.

Отмечены метафоры, выражающие отношение к физическим качествам игроков: *шпала* 'рослый спортсмен'; *шнурок* 'спортсмен низкой квалификации'. Также найдена метафора по материалу – *чугунные ноги* 'тяжёлый, малоподвижный спортсмен'.

Обнаружены жаргонизмы синтаксического характера, обозначающие силу, меткость и специфику техники: *пальцы на балкон* 'мощный удар по рукам блокирующего (или блокирующих), в результате чего нападающий игрок приносит очко своей команде'; *снизу поприветствовать* 'удар снизу (в боксе)'; *пришлите ногу* 'удар мимо мяча (в футболе)'; *размахай оглоблю* 'одиночный удар открытой перчаткой (в боксе)'; *забыл ударить* 'удар мимо мяча'; *мяч на угол попал* 'очень неточный удар головой по мячу'; *отдыхайте, ребята!* 'удар, в результате которого мяч улетает высоко вверх'; *падающий камень* 'удар по мячу по дуге, резко падающей вниз после прохождения наивысшей точки'; *ультра-си* 'очень хороший удар (в бильярде)'; *удар под кожу* 'удар, при котором нападающий игрок загоняет мяч между сеткой и руками блокирующих (в волейболе)';

удар шведкой 'удар, выполняемый внешней стороной стопы (в футболе)', *удар щечкой* 'удар, выполняемый внутренней стороной стопы (в футболе)', *удар пыром* 'удар, выполняемый с носка, большим пальцем (в футболе)'; *удар по пасти* 'удар по лицу (в футболе)'.

Ещё одна подгруппа жаргонизмов выражает оценку, отношение: *юбку надеть* – саркастическое выражение в адрес игрока, пропуская мяч между ног', также *Слушай, тебе уж впору юбку надевать!*; *шедевр* 'изящно выполненный технический приём, красивый гол'; *чехол* 'блокирование, приведшее к вертикальному отскоку вниз, который не удалось подстраховать (в волейболе)'; *черпачок* 'удар под низ мяча крайними фалангами пальцев ноги (в футболе)', *унитаз* 'стойка горе-лыжника при спуске с горы, при которой сиделище неоправданно завалено назад, что снижает скорость движения'; *ТУЗ* 'шар, обозначенный цифрой "1" (в бильярде означает 11 очков при игре в «Пирамиду»).

Выявлены метафорические и метонимические жаргонизмы медицинской тематики: *аппендицит* 'петля, извилина дистанции (в лыжных гонках, туризме, спортивном ориентировании)'; *аритмия* 'смена (иногда частая) темпа игры (в футболе)'; *гликолиз* 'интенсивная развивающая тренировка'; *валидол* 'спортивное соревнование, команда, спортсмен, доводящие окружающих до неоправданных волнений'; *горчичник* – 1) 'жёлтая карточка, которой судья матча предупреждает игрока-нарушителя о грубой игре (в футболе)'; 2) 'тысячерублёвая купюра'.

Таким образом, исследовательский материал свидетельствует о том, что метафорический и метонимический виды переноса в спортивном жаргоне являются весьма активными способами словообразования. Выявление общих сем в процессе компонентного анализа показало, что для большинства вторичных номинаций, созданных на базе метафоры в спортивном жаргоне, вполне применима традиционная классификация метафор по внешнему сходству и сходству функций предметов. Для всех спортивных жаргонизмов, рассмотренных здесь, характерны две черты: экспрессивность (проявляющаяся либо в оценке, либо просто в образности, так как многие жаргонизмы нейтральны с оценочной точки зрения) и терминологичность.

2.2.2. Суффиксация [Suffixation]

Русский язык отличается развитой системой словообразования, что отражается и в образовании спортивных жаргонизмов. В словаре спортивного жаргона [Орлов, 2014] можно выделить ряд слов-жаргонизмов, образованных с помощью добавления суффиксов. Всего в материале было найдено 49 таких жаргонизмов, в образовании которых участвовало 15 суффиксов. Приведём примеры:

1. Суффикс *-ач*: *липач* 'спортсмен-переросток, играющий по подложным документам за младшую возрастную группу'. Суффикс придаёт слову значение лица по основному признаку.

2. Суффикс *-аг/-яг*: *бодяга* 'сосуд для питья во время игры или тренировки' – образовано по аналогии со словом фляга с этим же значением; *портняга* 'портняжная мышца';

3. Суффикс *-ун*: *скользун* 'тот, кто к ничему не годен, только как отлично катить (в фигурном катании)', *катун* 'погодные условия пригодные для гладкого скольжения (в биатлоне)'.

4. Суффикс *-ник*: *сеточник* 'игрок в передней зоне волейбольной сетки (в волейболе)'; *бровочник* 'крайний полузащитник (в футболе)'; *колхозник* 'новичок в боксе, неумело размахисто боксирующий (в боксе)'; *воротник* 'вратарь'.

5. Суффикс *-тель*: *долгожитель* (спорт.) существующий за счет долга, будущих наградных денежных премий.

6. Суффикс *-к*: *болелка* 'болельщик'; *котлетка* 'шайба (в хоккее)'; *бестолковка* 'голова'; *болтанка* 'нерациональная обводка соперника, сопровождающаяся передерж-

кой мяча, задержкой развития атаки (в баскетболе)'; *бүдкә (бүдьяра)* 'спортсмен огромных размеров'. Как видим, слова с данным суффиксом служат для именования спортивных реалий.

7. Нулевой суффикс: *широч* 'самая широкая мышца спины (фитнес)'; *кач* 'спортсмен, с накачанными мышцами'; *хав (хавчик)* – сокр. от *хавбек* 'полузащитник'; *взлёт* 'комбинация, при которой игрок совершает прыжок до момента передачи (в волейболе)'; *выкидыш* 'перелёт шайбы из игровой зоны (в хоккее)'.

8. Суффикс *-ак/-як*: *чувствяк* 'игрок хорошо чувствующий мяч (в теннисе)'; *турняк* 'толстый конец кия (в бильярде)'; *верняк* 'событие, на которое можно ставить, не опасаясь проигрыша'; *дохляк* 'слабый спортсмен'; *резак* 'нападающий игрок'; *горняк* 'специалист-велоспортсмен по горным дорогам (в велоспорте)'; *договорняк* 'игра по неспортивным принципам с уговором команд о его результатах'; *душняк* 'обстановка не объективности, тенденциозности в команде, в игре, на тренировке'.

9. Суффикс *-аш*: *черкаш* 'мяч, попавший в угол стола (в теннисе)'; *полташ* 'дистанция пятьдесят метров'; *бульбааш* 'игрок по национальности белорус'.

10. Суффикс *-ух*: *показуха* 'показательные выступления'; *закидуха (шняга)* 'полёт мяча с неожиданным вращением и приземлением в результате срезки, несобранности или слабой техники теннисиста (в теннисе)'; *чернуха* 'тяжёлая тренировка'.

11. Суффикс *-ушк*: *пикушка* 'пик формы'; *попрыгушка* 'юниорка джамп-машинка'; *четвертушка* 'четверть финала'.

12. Суффикс *-чик/-щик* (чаще всего это существительные со значением лица по роду деятельности): *чистильщик* 'игрок, функция которого страховать действия партнёров по обороне'; *забивальщик* 'бомбардир команды'; *доигровщик* 'нападающий, играющий вторым темпом'; *хавчик* – сокращённая форма английского слова *хавбек* 'полузащитник'; *живчик* 'спортсмен с отличной подвижностью и реакцией'; *воротчик* 'вратарь'; *качальщик* 'пассивно играющий, отбивавшийся теннисист'; *катальщик* 'фигурист, который может отлично катить'; *полировщик* 'фигурист, который в каждом прокате допускает как минимум одно (а часто и не одно) падение'.

13. Суффикс *-ец*: *чухонец* 'нерусский игрок – финн по национальности'; *живец* 'спасатель, помогающий «утопленнику» в воде (в водном спорте)'.

14. Суффикс *-ек*: *чурек (чурка)* – нерусский игрок по национальности из среднеазиатской страны.

15. Суффикс *-ол*: *хохол* – игрок, болельщик из Украины.

16. Суффикс *-ок*:- *качок* 'мускулистый, натренированный человек (в бодибилдинге и фитнесе)'; *желобок* 'выемка на лезвии конька (в фигурном катании)'; *сучок* 'название руки, помешавшей точному броску, от неё мяч при его обработке отлетает в неожиданном направлении (в баскетболе)'. Отсюда пошли выражения *Мяч попал на сучок*, *Спилить сучок*.

17. Суффикс *-ер*: *кипер* 'вратарь' (сокр. от голкипер); *блочер* 'блокирующий защитник, который преграждает путь мячу, идущему от соперника; осуществляется выносом любой части тела выше верхнего края сетки (в волейболе)'; *пасер* (то же, что пасующий, разводящий, связка, связующий) 'игрок, чья основная функция – отдавать пасы нападающим (разг.)'; *планер* (то же, что планирующая подача) 'подача, при которой мяч летит с относительно небольшой скоростью по неустойчивой траектории, при этом может в конце резко оборвать полёт'.

2.2.3. Сложение, сокращение и аббревиация [Compounding, contraction, abbreviation]

В жаргонном лексиконе спортсменов наличествуют слова, образованные путём сложения основ с интерфиксом *-о/-е-*. В качестве примера можно назвать такие слова,

как: *автогол* 'мяч, случайно задвинутый в свои ворота (в футболе)'; *домосед* 'защитник оборонительного плана (в хоккее)'; *дровосек* 'грубо играющий защитник'; *искромёт* 'быстрый игрок (обычно нападающий)'; *тихоход* 'обделённый скоростными качествами игрок'; *волнорез* 'футболист, амплуа которого – первым встречать соперника, владеющего мячом, и стремиться предотвратить атаку' (см. также опорник).

Наблюдается и образование новых слов путём сложения частей слов, например: *матчбол* 'очко, выигрыш или проигрыш которого может решить исход всего матча', ср. контрольный мяч; *комбез* 'комбинезон, одеваемый хоккеистом под форму'.

Также одним из способов образования жаргонов является метод сокращения основ: *прога* 'программа'; *кора* 'коронный приём'; *гас* 'гасить', т. е. совершать нападающий удар; *герма* – 'герметический мешок'; *тренька* (тренья) 'тренировка'.

Зафиксировано несколько случаев образования жаргонов от буквенно-звуковых аббревиатур: *ТУК* – Торпедо Усть-Каменогорск; *АРГ* – аргентинский спортсмен; *АТА* – Алматы; *ВЛАДИК* – Владивосток.

Исследуемый материал свидетельствует об образовании спортивных жаргонизмов от разных частей речи. Так, от имён существительных образованы следующие жаргонизмы: *парашиот* (то же, что *свеча*) 'подача, передача и другие действия игрока, приводящие к тому, что мяч летит по большой дуге'; *боги* 'первые пятьдесят спортсменов рейтинга (в теннисе)'; *боец* 'волевой спортсмен'; *дерево* 'игрок со слабой техникой'; *кол* 'мощный нападающий удар, после которого мяч приземляется недалеко от сетки'; *крюк* 'нападающий удар, при котором игрок выходит боком к мячу и бьёт по нему над головой'; *мельница* 'нападающий удар, при котором игрок заносит одну руку, якобы собираясь бить, зависает и резко бьёт другой'; болото 'непроходимая оборона'; *пол-потолок* (*пол-потал*) 'нападающий удар, после которого мяч от пола отскакивает в потолок'; *полочка* (то же, что *полметра*) 'нападающий удар недалеко от связующего с паса высотой в полметра'; *поляна* 'игровая площадка'; *волна* 'комбинация, при которой к сетке на нападающий удар поочередно по параллельным траекториям выходят игроки первого и второго темпа'; *балалайка* 'мяч, ударившийся о перекладину, затем о землю и отскочивший в ворота (в футболе)'; *весло* '1) винтовка; 2) хоккейная клюшка; 3) ложка; 4) лопата; 5) блок-шот (в баскетболе)'.

От прилагательных образованы следующие жаргонизмы: *чалый* 'слабый, невыразительный, посредственный игрок'. Отсюда выражение чалая команда, показывающая маловыразительную, серую, блеклую игру; *тряпочный* 'плохо выполняющий технические приёмы игрок'; *холодный* 'спортсмен, не справляющийся с выполнением простейших действий'; *тупорылый* 'безграмотный игрок'.

Спортивные жаргонизмы образуются и от наречий: *в обратку* 'пас партнеру, от которого только что получил мяч (шайбу) (в игровых командных видах спорта)'; *в отдачку* 'игра в пас'; *в разрез* 'быстрая, неожиданная передача мяча (шайбы) в свободную зону между двух или нескольких защитников (в футболе)'; *в головке* 'быть в группе лидеров (в биатлоне, лыжных гонках)'; *в касаньице* 'приём и передача мяча (шайбы) в одно касание (в футболе, хоккее)'; *в кость* 'жестокая, не совместимая с правилами игра, при которой игрок бьёт соперника по ногам (в футболе)'; *в лоб* '1) удар по мячу точно по центру площадки (в волейболе); 2) удар битком в центр прицельного шара (в бильярде); *в небо* 'безадресная, отбойная игра защитной линии команды (в футболе)'.

Спортивные жаргонизмы могут быть образованы от глаголов: *шустрить* '1) пытаться выделиться среди других спортсменов своим поведением; 2) иметь повышенные притязания на что-либо'; *шухнуться* 'обменяться ударами (в боксе)'; *шарить* 'играть'; *феерить* 'показывать искромётную, зажигательную игру'; *чехлить* '1) накрывать мяч, который соперник бросил в корзину (в баскетболе); 2) осуществлять блокирование, приводящее к вертикальному отскоку вниз, который не удаётся подстраховать (в волейболе)'.

Интересны спортивные жаргонизмы междометного образования. Среди них такие, как *чирк* 'шарик, перевалившийся на половину стола соперника после лёгкого касания сетки или края стола (в настольном теннисе)'; *цик* 'выполнять тонкий атакующий удар по касательной одной накладкой без участия основания; накладку при этом «цыкает» (в теннисе)'; *чпоньк* 'звук, характерный для свежее переклеенной накладки (в теннисе)'. Отсюда выражение *ракетка чпонькает* 'производит звук от касания шарика с только что наклеенной накладкой на деревянную основу ракетки'.

Спортивные жаргонизмы по структуре могут быть однокомпонентными, двухкомпонентными, трёхкомпонентными и четырёхкомпонентными. Среди однокомпонентных были отмечены *парашиют, дерево, кол, крюк, мельница, балалайка, болото, поляна, волна; связующий, разводящий, безрукий, зальный, замороженный*; среди двухкомпонентных – *быстрый гол, валидольный матч, верховой мяч, мёртвый мяч, ручной игрок*. При этом двухкомпонентные жаргонизмы приобретают устойчивый и терминологический характер. Прежде всего это были двухкомпонентные глагольные жаргонизмы: *смотреть шнурки* 'остерегаться (в борьбе)'; *чистить пятак* 'вытеснить игроков команды-соперницы со своего пятка (в хоккее)'; *целовать штангу* 'образно представленные действия крайнего нападавшего при простреле мяча вдоль ворот, цель которых – воспрепятствовать полёту мяча за дальнюю штангу и направить его в ворота соперника'; *убить мяч* 'удар по мячу, не оставляющий у соперников никакой надежды на его приём (в теннисе, волейболе)'; *ухать на трибуны* 'потерять ориентацию в воротах в результате обманных действий полевого игрока команды соперников (в хоккее)'.

К двухкомпонентным можно отнести дуплетные выражения, такие, как: *чики-чики* 'десятка (в стрельбе)'; *туда-сюда* 'акробатический прыжок с моста или коня с поворотом на 180 градусов'; *бей-беги* 'бездумная игра отдельного спортсмена или целой команды (в хоккее, футболе)'. Отсюда саркастическая оценка бездумной игры команды в выражениях *Бей-беги, встретимся у ворот! Бей-беги, окружай ворота!* Наконец, следует упомянуть сравнительные обороты *нырнуть шучкой* 'хорошо войти в воду (в плавании, прыжках в воду)'.

В качестве примера трёхкомпонентного жаргонизма можно привести выражение *бежать как швед* 'часто теряться на дистанции (в спортивном ориентировании)', четырёхкомпонентного – выражение *бить как конь копытом* 'сильный, поставленный удар (в боксе)'.

3. Заключение [Conclusion]

В настоящей работе под пристальным вниманием находился спортивный жаргон в роли важного инструмента пополнения словарного состава русского языка. Выявлено, что исследованные спортивные жаргонизмы были образованы разными способами: аффиксацией, словосложением, сокращением, субстантивацией, лексико-семантическим способом, и т. д. Частотность этих способов оказалась неодинаковой. Более употребительными были единицы, образованные суффиксальным способом. Набор суффиксов, функционирующих в русском спортивном жаргоне и создающих специфику устной разговорной речи, богат как в количественном отношении, так и в способности выражения разнообразных эмоционально-экспрессивных оттенков.

Выявлено, что 43% проанализированного лексического состава русского спортивного жаргона охвачено процессами семантического преобразования на основе метафоры, метонимии и вторичной номинации. Представлены различные виды метафор: метафоры по внешнему сходству, по сходству функций, совмещённые метафоры, ассоциативные метафоры, связанные с актуализацией периферийной семы и превращением

её в ядерную, метафоры, связанные с актуализацией сем, не только не входящих в импликационал исходной единицы, но и противоположных её интенционалу. Большим разнообразием отличаются также процессы метонимических преобразований, однако метонимия употреблялась в два раза реже метафоры. Для лексико-семантической системы спортивного жаргона характерна активная вторичная номинация на базе следующих типов исходных единиц: зоонимов и фитонимов, собственных имён.

Своеобразие русского спортивного жаргона, определяемое свойствами русского языка, проявляется также в морфолого-синтаксическом способе словообразования. Его результатом была субстантивация имён прилагательных и причастий.

Основосложение в русском спортивном жаргоне было представлено сложными существительными и прилагательными, сложных глаголов не отмечено. Аббревиация обнаружила низкий уровень продуктивности, встретились аббревиатурные образования на базе сокращения или усечения слов. Усечение сопровождалось структурным однообразием: во всех случаях отсекается конечная часть слова. Некоторые виды аббревиатур, например буквенно-словные сокращения, вообще не свойственны русскому спортивному жаргону, как и русскому языку в целом.

Механизм анализа спортивного жаргона, выявления его специфики, предложенный в нашей работе, может быть применён к анализу любого другого социолекта. Полученные результаты могут быть использованы в курсах лексикологии и стилистики русского языка в том числе как иностранного. Перспективу исследования составит дальнейшая стратификация спортивного жаргона.

Библиографический список

- Авакова, 1971 – Авакова А. С. Наименования спортсменов в русском языке: дисс. ... канд. фил. наук : 10.00.00 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1971. 328 с.
- Балалыкина, Николаев, 1985 – Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985. 184 с.
- Бауэр, 2001 – Бауэр В.Г. Социальная значимость физической культуры и спорта в современных условиях развития России // Теория и практика физической культуры. 2001. № 1. С. 50–56.
- Грачёв, 2007 – Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. М. : Эксмо, правда, 2007. 672 с.
- Гуреева Е. И. Разновидности специальных обозначений в современной спортивной терминологии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 71–73.
- Елистратов, 2012 – Елистратов А. А. Заимствования в спортивный жаргон: опыт контрастивного анализа (на материале английского и русского языков) // Вестник Донского гос. технич. ун-та . 2012. № 12 (6). С. 118–124.
- Елистратов, 2015 – Елистратов А. А. К проблеме географической вариативности жаргонов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 29–32.
- Елистратов, 2007 – Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М. : АСТ-ПРЕСС, 2007. 672 с.
- Зелинская Н. И. Словообразование в спортивной терминологии (на материале легкоатлетической терминологии) // Очерки по русскому языку и стилистике. Кишинев : Штиинца, 1974. С. 79–87.
- Зильберт Б. А. К вопросу о составе специальной лексики физической культуры и спорта и ее месте в лексической системе современного русского языка // Язык и общество. Социолингвистические проблемы лексикологии: межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. Вып. 6. С. 76–93.
- Кириллова Ю. Н. Тематическая группа «спорт» как источник семантических трансформаций // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2011. №7. С. 234–244.

- Кожевникова И. Г. Русская спортивная лексика: структурно-семантическое описание. Воронеж : Изд-во Воронеж гос. ун-та, 2002. 264 с.
- Кудинова Т. А. «Общий жаргон» в системе субстандарта // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 5. URL : <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Kudinova/>
- Орлов В. Б. Словарь спортивного жаргона : учеб. пособие. Ханты-мансийск : «Югорский формат», 2014. 120 с.
- Орлова Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). URL : http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/24_6/
- Птушкина Е. В. Спортивная терминология в коммуникативном аспекте (лексика фигурного катания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1997. 24 с.
- Рылов А. С. Терминологическая система «Футбол» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 1998. 20 с.
- Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Череповецкий гос. ун-т. Вологда, 2008. 18 с.
- Фрончек М. К. Спортивная лексика и язык спорта как часть интернет-пространства // Филология и лингвистика. 2018. № 1 (7). С. 31–36. URL : <https://moluch.ru/th/6/archive/75/3052/>
- Юрковский И. М. Термины, общие для спортивных игр, в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Л., 1979. 18 с.
- Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Schneider P. Sprache des Sports: Terminologie und Präsentation in Massenmedien. Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1974. 517 S.

References

- Avakova, A. S. (1971). *Naimenovaniya sportsmenov v russkom yazyke* [Names of athletes in Russian]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University.
- Balalykina, E. A., Nikolaev, G. A. (1985). *Russkoe slovoobrazovanie* [Russian word formation]. Kazan : Kazan University Press.
- Bauer, V. G. (2001). Sotsial'naya znachimost' fizicheskoy kul'tury i sporta v sovremennykh usloviyakh razvitiya Rossii [The social significance of physical culture and sport in modern conditions of development of Russia]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 1, 50–56.
- Grachev, M. A. (2007). *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona* [Dictionary of modern youth jargon]. Moscow : Eksmo, pravda Press.
- Gureeva, E. I. (2011). Raznovidnosti spetsial'nykh oboznacheniy v sovremennoy sportivnoy terminologii [Variation of sport terminology denoting special notions]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 24 (239), 71–73. (In Russ.).
- Yelistratov, A. A. (2012). Zaimstvovaniya v sportivnyy zhargon: opyt kontrastivnogo analiza (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Borrowings into sports slang: Contrastive analysis experience (English and Russian languages studies)]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Don State Technical University], 12 (6), 118–124. (In Russ.).
- Yelistratov, A. A. (2015). K probleme geograficheskoy variativnosti zhargonov [The problem of geographic variations of slangs]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 1, 29–32. (In Russ.).
- Elistratov, V. S. (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow : AST-PRESS. (In Russ.).
- Zelinskaya, N. I. (1974). Slovoobrazovanie v sportivnoy terminologii (na materiale legkoatleticheskoy terminologii) [Word formation in sports terminology (Based on track and field terminology)].

- Ocherki po russkomu yazyku i stilistike* [Essays on the Russian language and style] (pp. 79–87). Kishinev : Shtiintsa Press. (In Russ.).
- Zilbert, B. A. (1982). K voprosu o sostave spetsial'noy leksiki fizicheskoy kul'tury i sporta i ee meste v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka [On the question of the composition of the special vocabulary of physical culture and sports and its place in the lexical system of the modern Russian language]. *Yazyk i obshchestvo. Sotsiolingvisticheskie problemy leksikologii* [Language and Society. Sociolinguistic problems of lexicology] (Vol. 6, pp. 76–93). Saratov : Saratov University Press. (In Russ.).
- Kirillova, Yu. N. (2011). Tematicheskaya gruppa «sport» kak istochnik semanticheskikh transformatsiy [The sport thematic group as a source of semantic transformations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 7, 234–244. (In Russ.).
- Kozhevnikova, I. G. (2002). *Russkaya sportivnaya leksika: strukturno-semanticheskoe opisanie* [Russian sports vocabulary: structural and semantic description]. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Kudinova, T. A. (2010). «Obshchiy zhargon» v sisteme substandarta [“General jargon” in the substandard system]. Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie» [Humanitarian Information Portal “Knowledge. Understanding. Skill”], 5. (In Russ.). Retrieved from <<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Kudinova/>>.
- Orlov, V. B. (2004). *Slovar' sportivnogo zhargona* [Dictionary of sports jargon]: A coursebook. Khanty-Mansiysk. Yugorsky Format LLC. (In Russ.).
- Orlova, N. O. (2004). Sleng vs zhargon: problema definitsi [Slang vs jargon: The problem of definition]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 3 (40). (In Russ.). Retrieved from <http://vestnik.yspu.org/releases/novy_e_issledovaniya/24_6/>.
- Ptushkina, E. V. (1997). Sportivnaya terminologiya v kommunikativnom aspekte (leksika figurnoy kataniya) [Sports terminology in the communicative aspect (figure skating vocabulary)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Rostov State University. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Rylov, A. S. (1998). Terminologicheskaya sistema «Futbol» v russkom yazyke [Terminological system "Football" in Russian]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Lobachevsky State University. Nizhni Novgorod. (In Russ.).
- Snyatkov, K. V. (2008). Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Cherepovets State University. Vologda. (In Russ.).
- Fronchek, M. K. (2018). Sportivnaya leksika i yazyk sporta kak chast' internet-prostranstva [Sports vocabulary and the language of sports as part of the Internet space]. *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics], 1 (7), 31–36. (In Russ.).
- Yurkovskiy, I. M. (1979). Terminy, obshchie dlya sportivnykh igr, v russkom yazyke [Terms common to sports games in Russian]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Leningrad. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big encyclopedic dictionary]. 2nd edn. Moscow : Bolshaya Russkaya Entsiklopedia Press. (In Russ.).
- Schneider, P. (1974). *Sprache des Sports : Terminologie und Präsentation in Massenmedien*. Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann.

Статья поступила в редакцию 16.07.2021; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 16.07.2021; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Ши Минюэ

Хэйлунцзянский университет

г. Харбин, КНР

shi.mingyue@qq.com

История, современная ситуация и особенности исследований концепции Ван Янмина в России (на материале анализа концепта ЗНАНИЕ)

Аннотация

Статья представляет историю, современную ситуацию и характеристику особенностей распространения концепции Ван Янмина в России. Целью работы является лингвокогнитивный анализ концепта ЗНАНИЕ в исследованиях русских философов, посвящённых неоконфуцианскому учению Ван Янмина. Материалом исследования послужили работы русских философов XX века, посвятивших свои труды изучению конфуцианства и неоконфуцианства в Китае. Сравнительно-сопоставительный метод используется для толкования лексического значения термина «знание» в словарях и в цитатах из работ Ван Янмина. Гипотезой исследования является возможность определения дополнительного значения концепта ЗНАНИЕ в работах трудах русских философов. Автор приходит к выводу, что китайский философ эпохи Мин связывает знание с движением и сердцем, обращается к внутреннему миру человека. Ван Янмин выделяет «интуитивное» знание, благодаря которому возможно достижение истины. Дополнительное значение – обращение к внутренней сущности человека, а не только к рассмотрению внешней действительности отличает философские взгляды Ван Янмина от общепринятых тенденций. Исследование может быть продолжено более подробным рассмотрением связанных с концептом ЗНАНИЕ понятий «благо», «добро» и «недобро».

Ключевые слова: эпоха Мин, неоконфуцианство, концепт ЗНАНИЕ, концепт НЕЗНАНИЕ, понятие, лексема, сема, семема, дополнительное значение

© Ши М. 2022

Для цитирования: Ши М. История, современная ситуация и особенности исследований концепции Ван Янмина в России (на материале анализа концепта ЗНАНИЕ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 172–180. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172

Shi Mingyue

Heilongjiang University

Harbin City, China

shi.mingyue@qq.com

History, current situation and specifics of Yangming studies in Russia (Based on the concept KNOWLEDGE)

Abstract

The article presents the history, the current situation and the characteristics of the spread of Wang Yangming's concept in Russia. The aim of the paper is to perform linguistic and cognitive analysis of the concept KNOWLEDGE in the studies of Russian philosophers devoted to the Neo-Confucian teachings of Wang Yangming. The works of Russian philosophers of the 20th century who focused on Confucianism and Neo-Confucianism in China were taken as the material for this study. Comparative method is used to interpret the

lexical meaning of the term “knowledge” in dictionaries and in quotations from Wang Yangming's works. The hypothesis of the study is the possibility of determining the additional meaning of the concept KNOWLEDGE in the works of Russian philosophers. The conclusion is made that the Chinese philosopher of the Ming era associates KNOWLEDGE with the movement and the heart, refers it to the inner world of a person. Wang Yangming singles out «intuitive» knowledge, due to which it is possible to reach the truth. The additional significance of appealing to the inner essence of a person and not only to the consideration of external reality distinguishes Wang Yangming's philosophical views from generally accepted tendencies. The study can be continued by a more detailed consideration of the notions related to the concept of KNOWLEDGE – “advantage”, “good” and “evil”.

Keywords: Ming era, Neo-Confucianism, concept of KNOWLEDGE, concept of IGNORANCE, notion, lexeme, seme, sememe, additional meanings

© Shi M. 2022

For citation: Shi, M. (2022). Istoriya, sovremennaya situatsiya i osobennosti issledovaniy kontseptsii Van Yanmina v Rossii (na materiale analiza kontsepta ZNANIE) [History, current situation and specifics of Yangming studies in Russia (Based on the concept KNOWLEDGE)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 172–180. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172

1. Введение [Introduction]

Вторая половина почти трехвековой эпохи Мин (1368–1644) является периодом расцвета автохтонной китайской культуры. Наибольшим идейным влиянием в этот период пользовалось неоконфуцианское учение «учение о сердце» (*синь-сюэ*) литератора, военачальника и государственного деятеля Ван Янмина (Ван Шоужэня) 王阳明 (1472–1529). В эпоху Цин (1644–1911) философская доктрина Ван Янмина подверглась критике сторонников Дунлинъюаньской школы (Дунлинъюань-пай 东林学派), Цзишанъюаньской школы (Цзишанъюань-пай 蕺山学派) [Кобзев, 2011, с. 28]. В конце XIX века неоконфуцианское учение Ван Янмина вновь возродилось на родине и стало активной идеологической силой [Кобзев, 2012, с. 366].

Опыт современного Китая, теоретические изыскания философов эпохи Мин, характеристики исследовательских работ учёных, изучающих труды философов, представляют особый интерес в рамках построения инновационного государства. Необходимость поиска инновационного пути развития в дискурсе научно-технологического прогресса стала побудительным мотивом для проведения настоящего исследования.

Основными философскими сочинениями Ван Янмина являются: «Чуань си лу» (= Записи преподанного и воспринятого), «Да сюэ вэнь» (= Вопросы к «Великому учению»), «У цзин и шо» (= Собственное мнение о «Пяти канонах»), др. В своих сочинениях философ рассматривал каноны конфуцианства как образцовые материальные свидетельства абсолютных истин и ценностей, которые скрываются в душе каждого человека [Кобзев, 2010, с. 203].

Ц е л ь ю данной работы является лингвокогнитивный анализ концепта ЗНАНИЕ в исследованиях русских философов, посвящённых неоконфуцианскому учению Ван Янмина. В соответствии с этим, было необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) проанализировать основные теоретические работы российских учёных, посвящённые исследованию философского учения Ван Янмина в хронологической последовательности;
- 2) дать характеристику современного состояния исследований учения Ван Янмина;
- 3) выделить основное значение концепта ЗНАНИЕ в работах русских философов, посвящённых учению Ван Янмина;

4) обобщить полученные сведения и выделить особенности исследований учения Ван Янмина в России.

В работе использовался описательный метод при составлении теоретического обзора литературы, применялись аналитический и сравнительно-сопоставительный методы при характеристике концепта ЗНАНИЕ.

Лингвистический анализ концепта ЗНАНИЕ на материале философских работ, посвящённых изучению учения Ван Янмина, проводится впервые.

В труде историка китайской философии А. А. Петрова в 1936 году впервые при характеристике древнего китайского философского даосизма прозвучало имя Ван Янмина, сторонника субъективного натурализма-интуитивизма. Монография А. А. Петрова посвящена описанию мировоззрения философа Ван Би и его трактата «И-цзин» («Книга перемен») [Петров, 1934, с. 40]. Характеристика учения Ван Янмина как субъективного идеализма дана в ряде работ [Щузкий, 1993, с. 55 ; Буров, 1976, с. 58–60 ; Сенин, 1956, с. 128].

Учение Ван Янмина в России в 1974 году было описано в монографии советского востоковеда, профессора Я. Б. Радуль-Затуловского [Радуль-Затуловский, 1974, с. 327]. Автор отмечает важность внутреннего мира человека, ставшего основанием оценки дел человека, необходимых для достижения гармонии в общественной жизни людей [Радуль-Затуловский, 1974, с. 328].

На страницах «Современной китайской философии» В. Г. Булова отмечается, что развитие китайской философии от Ван Янмина до китайского философа, нонконформиста Ли Чжи было процессом превращения реакционной философии в философию прогрессивную, идеализма в материализм [Буров, 1980, с. 223]. В коллективной монографии «Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики» неоконфуцианскому учению Ван Янмина посвящён раздел «Теоретическая новация в неоконфуцианстве как текстологическая проблема» (Ван Янмин и идейная борьба вокруг «Да сюе») [Конфуцианство в Китае, 1982, с. 149].

В «Истории китайской философии» анализируется субъективно-идеалистическое учение Ван Янмина и даётся оценка положений его теории. В частности, утверждается, что учение о сердце было создано с целью укрепления феодальных законов и моральных норм [Субъектно-идеалистическое учение..., 1989, с. 372].

При отсутствии монографических исследований, посвящённых изучению концепции Ван Янмина в России, переводы учения философа получили неоднозначную оценку. Н. И. Конрад в середине 1960-х гг. назвал Ван Янмина последним философом эпохи Возрождения в Китае [Конрад, 1972, с. 203]. Л. Д. Поздеева отмечает, что Ван Янмин стал предтечей Просвещения, и его прогрессивные взгляды нанесли удар по неоконфуцианству [Поздеева, 1970, с. 208]. Филолог-китаист Б. Л. Рифтин считал взгляды Ван Янмина прогрессивными для XVI–XVII вв., поскольку они утверждали индивидуальное начало в человеке, его внутреннюю сущность, в то время как в конфуцианстве личность нивелировалась [Рифтин, 1974, с. 91].

Первые специальные работы, посвящённые учению субъективного натурализма Ван Янмина, были опубликованы А. И. Кобзевым, который посвятил кандидатскую диссертацию философии Ван Янмина, а в 1983 году опубликовал монографию, в которой обобщил ранее полученные результаты [Кобзев, 1983]. Новаторской идеей А. И. Кобзева является нестандартная для отечественной науки характеристика учения Ван Янмина как субъективного материализма (натурализма), который предполагает слияние всех субстанций к единому началу – натуралистический монизм или персоналистическая монадология [Кобзев, 1983, с. 96–97]. Рассмотрение философских категорий «субъективный идеализм» и «субъективный натурализм» по отношению к учению Ван Янмина заслуживает внимания в отдельной работе.

Современные исследователи, изучающие эпоху Мин, обращаются к следующим вопросам: 1) проблеме личной ответственности в философских взглядах Ван Янмина [Березикова, 2011, с. 125]; 2) взаимосвязи инноваций и национальной культуры на материале трудов философов эпохи Мин [Соломин, Кучинская, 2021, с. 64]; 3) характеристике сторонников конфуцианства [Завьялова, 2020, с. 90]; 4) поиску параллелей исторического развития Китая и Японии в эпоху Мин [Янгутов, Лугавцова, 2020, с. 248]. В этих трудах производится сравнительное исследование роли и значимости эпохи Мин в историческом развитии Китая, важности философского учения Ван Янмина, открывающего новые смыслы в конфуцианстве.

В связи с этим, гипотеза исследования состояла в том, что анализ философских трудов Ван Янмина позволит обнаружить дополнительные значения концепта ЗНАНИЕ, выделенные философом. Для проверки данной гипотезы мы обратились к исследованиям текстов философа, проведённым в России. В качестве материала исследования были выбраны тексты работы русских философов XX века, предметом рассмотрения которых стала эпоха Мин в Китайской классической философии. За основу были взяты научные труды с 1936 по 2021 годы.

2. Когнитивный анализ концепта ЗНАНИЕ в Янминских исследованиях [Analysis of the KNOWLEDGE concept in Yangming studies]

Анализ материала показал, что главной особенностью изучения концепции Ван Янмина в России является позитивное отношение к субъективно-идеалистическому подходу философа, в то время как в Китае он в течение долгого времени был под запретом. Доказательством этого тезиса является цитата из «Истории китайской философии», составленной коллективом авторов из девяти педагогических вузов (включая Пекин и Шанхай): «Философские идеи Ван Янмина подрывают революционный боевой дух народа, спасая и защищая феодальное общество» [История китайской философии, 1989, с. 381].

Прежде чем перейти к анализу концепта ЗНАНИЕ в философских трудах Ван Янмина и исследователей его учения, необходимо обозначить семы понятия. В толковом словаре С. И. Ожегова выделяется три значения лексемы *знание*: 1) результаты познания, научные сведения; 2) совокупность сведений в какой-нибудь области [Толковый словарь..., 1994, с. 421]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова лексема *знание* имеет два значения: 1) деятельность сознания, целью которой является постижение действительности (философск.); 2) обладание сведениями о чём-нибудь [Толковый словарь..., 2014, с. 523]. Таким образом, в толковых словарях выделяется три семы слова *знание*: 1) результат познания; 2) деятельность; 3) обладание. Знание отражает объективную реальность.

Слово *знание* образовано от глагола *знать* морфологическим способом с помощью присоединения словообразующего суффикса: *знать* → *знание* (суффикс *-аниѳ*). Отглагольное существительное *знание* в философских трудах могут описывать действия в отвлечённом смысле, связанные с познанием. Слово *познание* в толковом словаре С. И. Ожегова имеет следующие значения: 1) приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; 2) совокупность знаний [Толковый словарь..., 1994, с. 743].

Теперь обратимся к трудам исследователей. В работе «Субъективно-идеалистическое учение Ван Шоужэня о сердце» отмечается, что теория познания в концепции философа основана на познании внутреннего, собственного сердца, а не внешних, объективно существующих предметах и явлениях [Субъектно-идеалистическое учение..., 1989, с. 376]. Сердце является «природным знанием». Природное знание – сущность сердца. В этом предложении раскрывается новое значение термина «познание» – постижение внутреннего мира человека, его внутренних качеств. Природные знания ха-

рактируются как истинная способность «отличать истинное от ложного, доброе от дурного» [Субъектно-идеалистическое учение..., 1989, с. 376]. Природные знания обладают многоаспектной семантикой, выраженной в трёх последовательных семантических аспектах: [Субъектно-идеалистическое учение..., 1989, с. 376]:

1) высший принцип неба – обладание природными знаниями, не требующими специального учения;

2) природные знания распоряжаются всеми предметами на земле и на небе, обладают сверхъестественной силой;

3) природные знания характеризуются наличием врождённых феодальных и моральных принципов.

Получается, что семантика выражения *природные знания* сводится к единству соблюдения феодальных норм и признанию сущности субъективного идеализма. Итак, лексическое значение термина «познание» объясняется интересом к получению природных знаний. Ван Янмин отрицает познание объективных предметов и явлений, и в то же время познание сводится к самопознанию природных явлений вне зависимости от увиденного и услышанного. Ван Янмин выделяет в слове *познание* новое лексическое значение 'постижение внутреннего мира человека', при этом отрицает значение 'постижение закономерностей объективной реальности', которое отмечается в современном словаре [Толковый словарь..., 1994, с. 743].

В предисловии к древнему оригиналу «Да сюе гу бэнь» («Великого учения») 1518 года отмечается, что «необходимо доводить до конца первотелесное *знание*, чтобы движение не было недобрым» [Конфуцианство в Китае, 1982, с. 152]. В соответствии с этим, знание приобретает дополнительную семантику – взаимосвязь с движением. Понятие «первотелесность» (бэнь ти) соотносится с сердцем и является высшим благом. Недоброе может возникнуть вслед за движением, однако первотелесное знание не может вести к недоброму, что означает «мысль – это движение». Знание состоит из мыслей, которые могут направлять человека к добрым помыслам. Это четвёртый семантический аспект концепта ЗНАНИЕ в философском учении Ван Янмина. В этом значении слово *знание* раскрывает сему «движение» и дополняет её: знание есть движение к добрым помыслам, то есть постижение «недоброе» не является обучением и получением знаний. Термин «недоброе» знание требует дополнительного изучения.

В монографии Я. Б. Радуль-Затуловского первотелесному знанию соответствуют синонимы *естественное, врождённое, интуитивное* [Радуль-Затуловский, 1974, с. 328]. Сердце человека представляет собой путь, а путь является сущностью идеального «ли» и может иметь название «небо». Соответственно, человек в своём «сердце» познает «небо». Получается, что люди наделены интуитивным знанием, и лишь небольшая часть людей обладает неизменным стандартом всеобъемлющей истины. В этом значении интуитивное знание соотносится с постижением объективной реальности и одним из значений концепта ЗНАНИЕ.

Пятым аспектом концепта ЗНАНИЕ является соотношение знания и истины. Достижение истины возможно благодаря развитию знания и совершенствованию пяти конфуцианских этических качеств: «человеческого начала», «любви к людям», «человеколюбия», «милосердия» и «гуманности» [Радуль-Затуловский, 1974, с. 329]. Естественное (врождённое) знание является импульсом действия, которые совершаются во внешнем мире. Знание объединяет внутренний и внешний мир человека, способствует развитию внутреннего мира человека. Такое значение концепта является уникальным для понимания значения термина «знание», соотносённость с сердцем, истиной и познанием внутреннего мира – новое значение концепта, понимание его внутренней сущности.

В монографии А. И. Кобзева «Философия неоконфуцианства» отмечается влияние принципа «знания и действия», согласно которому познание является активным

творчеством, а не пассивным действием [Кобзев, 2002, с. 44]. Учёный поясняет, что в теории Ван Шоужэня получать знания из окружающей действительности невозможно, необходимо обращаться лишь к внутреннему созерцанию [Кобзев, 2002, с. 61]. Добро относится к первотелесности сердца, а сердце представляет собой путь, который противоречит движению. Получается, что знание находится между небом и землей. Следует доводить до конца врождённое знание, чтобы движение было добрым. Если знание доведено до конца, то помыслы становятся искренними и могут достичь первотелесности. Это состояние концентрации знания и искренности является остановкой на совершенном добре [Кобзев, 2002, с. 83].

Концепт НЕЗНАНИЕ в работе Ван Янмина «Си цы чжуани» раскрывается как несдержанность эгоистических сердец, стремление постигать возвышенные качества человека без стремления установить благо [цит. по : Кобзев, 2002, с. 119]. Получается, что знания возможно достичь только с целью получения всеобщего блага, иначе это будут попытки эгоистичных сердец получить незнание. Значение термина «благо», которое будет удовлетворять потребностям общества, нуждается в дополнительном изучении.

Сема 'деятельность' выделяется в значении термина «знание», однако движение знания связано с творчеством, внутренним созерцанием (постижением внутренней сущности человека), добра и искренности человека.

Получается, что философском учении Ван Янмина лексема *знание* имеет три новые семемы: которые не отражены в современных толковых словарях: 1) отражение деятельности внутреннего мира человека, связанного с его мыслями и чувствами; 2) знание является объектом внутреннего мира человека, который соотносится лишь с сердцем и истиной; 3) знание является предметом добрых помыслов, а доведенное до конца знание может привести к состоянию совершенного добра. По мнению философа, объективные знания могут приобретаться человеком, который достиг понимания добра и искренности, им движет жажда созерцания внутренних помыслов и истины.

3. Заключение [Conclusion]

В данной статье сделана попытка лингвокогнитивного анализа концепта ЗНАНИЕ на материале трудов российских исследователей. Рассмотрев историю, современную ситуацию и основные особенности Янминских исследований в России, необходимо отметить, что в текстах философских трудов российских исследователей неоконфуцианское учение Ван Янмина оценивается положительно, подчёркивается особое внимание, которое в своих основных трудах уделял Ван Янмин рассмотрению внутренней сущности человека.

Выявлено, что лексема *знание* в толковых словарях имеет четыре лексических значения, в основном связанные с результатами познания внешней действительности, а в философских трудах Ван Янмина она обретает дополнительные смыслы. В ходе исследования обнаружено три новые семемы: две из них связаны с внутренним миром человека, который, с одной стороны, соотносится с мыслями и чувствами, а с другой – с сердцем и истиной; третья соотносит знание с добром.

Материалы исследования могут быть использованы при изучении теоретического курса и на практических занятиях следующих дисциплин: «История и философия науки», «Философия», «Философия Китая», «Лингвоперсонология» (при изучении китайского философа Ван Янмина и концептов его учения).

Перспективы исследования состоят в дополнительном изучении спорных моментов, к которым прежде всего относятся значения терминов «добро» и «недоброе» в работах Ван Янмина, а также «благо», которого необходимо достичь с целью удовлетворения потребностей общества.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена в рамках новаторского научно-исследовательского проекта для магистров и аспирантов Хэйлунцзянского университета 2021 «Исследование конфуцианства русских результатов экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян (иностранные языковые дисциплины «Исследование русского перевода китайской конфуцианской классики в рамках модели перевод+китаеведение на базе русского перевода Лунъюя русского синоведа Л. С. Переломова» (номер проекта: WY2021074-C).

Библиографический список

- Березикова, 2011 – Березикова М. А. Проблема личной ответственности в творчестве Чжу Си, Лю Цзи и Ван Янмина // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. Т. 9. № 4. С. 125–132.
- Буров, 1976 – Буров В. Г. Мироззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М. : Наука, 1976. 221 с.
- Буров, 1980 – Буров В. Г. Современная китайская философия. М. : Наука, 1980. 311 с.
- Завьялова, 2020 – Завьялова Т. Г. Стратегическое мышление в контексте китайской философии XVI-XVII веков // Философия, социология, право: традиции и перспективы : сб. науч. тр. Всероссийской науч. конф., посвященной 30-летию Ин-та философии и права СО РАН (19–20 ноября 2020 г., Новосибирск) / отв. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск : Офсет ТМ, 2020. С. 90–95.
- История китайской философии, 1989 – История китайской философии / отв. ред. М. Л. Титаренко. М. : Прогресс, 1989. 552 с.
- Кобзев, 1983 – Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М. : Наука, 1983. 354 с.
- Кобзев, 2002 – Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М. : Восточная литература, 2002. 606 с.
- Кобзев, 2010 – Кобзев А. И. Ван Янмин // Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина, А. П. Огурцова, др. М. : Мысль, 2010. Т. 1. С. 203–205.
- Кобзев, 2011 – Кобзев А. И. Таланты поднебесной из Восточного леса, или дунлинские последователи Ван Ян-мина // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 4. С. 27–36.
- Кобзев, 2012 – Кобзев А. И. Изучение Ван Ян-мина в России и специфика китайской философии // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6 / редкол. А. И. Кобзев [и др.]. М. : Институт востоковедения РАН, 2012. С. 366–379.
- Конрад, 1972 – Конрад Н. И. Запад и Восток. 2-е изд. М. : Наука, 1972. 496 с.
- Конфуцианство в Китае..., 1982 – Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики / отв. ред. Л. П. Делюсин, А. А. Бокшанин, Л. Н. Борох, Р. В. Вяткин, А. И. Кобзев. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. 264 с.
- Петров, 1934 – Петров А. А. Ван Би: Из истории китайской философии. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 160 с.
- Позднеева, 1970 – Позднеева Л. Д. Литература Востока в средние века. М. : Изд-во Московского ун-та, 1970. 465 с.
- Радуль-Затуловский, 1974 – Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1974. 450 с.
- Рифтин, 1974 – Рифтин Б. Л. К изучению внутрорегиональных закономерностей и взаимосвязей (литературы Дальнего Востока в XVII в.) // Историко-филологические исследования. М. , 1974. С. 89–103.
- Сенин, 1956 – Сенин Н. Г. Общественно-политические взгляды Сунь Ятсена. М. : Советская историческая энциклопедия, 1956. 261 с.
- Соломин, Кучинская, 2021 – Соломин Д. Н., Кучинская Т. Н. Проблематика взаимосвязи инноваций и национальной культуры в философской мысли КНР // Социодинамика. 2021. № 3. С. 64–76. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.3.35053>

- Субъектно-идеалистическое учение..., 1989 – Субъектно-идеалистическое учение Ван Шоужэня о сердце // История китайской философии / отв. ред. М. Л. Титаренко. М.: Наука, 1989. С. 371–381.
- Толковый словарь..., 1994 – Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: АЗЪ, 1994. 907 с.
- Толковый словарь..., 2014 – Толковый словарь русского языка / сост. Д. Н. Ушаков. М.: АСТ, Астрель, 2014. 720 с.
- Щуцкий, 1993 – Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд. М.: Наука, 1993. 583 с.
- Янгутов, Лугавцова, 2020 – Янгутов Л. Е., Лугавцова А. П. Эпохи Мин (1368–1644) И Эдо (1603–1868) в истории Китая и Японии // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 248–262. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi26>

References

- Berezikova, M. A. (2011). Problema lichnoy otvetstvennosti v tvorchestve Chzhu Si, Lyu Tszi i Van Yanmina [The Problem of personal responsibility in the works of Zhu Xi, Liu Ji and Wang Yangming]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser. Filosofiya* [Vestnik NSU. Series: Philosophy], 9, 4, 125–132. (In Russ.).
- Burov, V. G. (1976). *Mirovozzrenie kitayskogo myslitelya XVII veka Van Chuan'shanya* [Worldview of the 17th century Chinese thinker Wang Chuanshan]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Burov, V. G. (1980). *Sovremennaya kitayskaya filosofiya* [Modern Chinese philosophy]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Zav'yalova, T. G. (2020). Stratagemnoe myshlenie v kontekste kitayskoy filosofii XVI-XVII vekov [Stratagem thinking in the context of Chinese philosophy of the 16th–17th centuries]. In M. N. Volf (Ed.), *Filosofiya, sotsiologiya, pravo: traditsii i perspektivy* [Philosophy, sociology, law: Traditions and perspectives]: Proc. All-Russian scientific conference dedicated to the 30th anniversary of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (November 19–20, 2020, Novosibirsk) (pp. 90–95). Novosibirsk : Ofset TM Press. (In Russ.).
- Titarenko, M. L. (Ed.). (1989). *Istoriya kitayskoy filosofii* [History of Chinese Philosophy]. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Kobzev, A. I. (1983). *Uchenie Van Yanmina i klassicheskaya kitayskaya filosofiya* [Wang Yangming's teaching and classical Chinese philosophy]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kobzev, A. I. (2002). *Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Kobzev, A. I. (2010). Van Yanmin [Wang Yangming]. In V. S. Stepin, A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, A. P. Ogurtsov (Eds.), *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia] (pp. 203–205). Moscow : Mysl' Press. (In Russ.).
- Kobzev, A. I. (2011). Talanty podnebesnoy iz Vostochnogo lesa, ili dunlin'skie posledovateli Van Yanmina [Celestial talents from the Eastern Forest, or the Donglin followers of Wang Yang-ming]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 4, 27–36. (In Russ.).
- Konrad, N. I. (1972). *Zapad i Vostok*. [West and East]. 2nd edn. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Delyusin, L. P., Bokshchanin A. A., Borokh L. N., Vyatkin R. V., Kobzev A. I. (Eds.). (1982). *Konfutsianstvo v Kitae: problemy teorii i praktiki* [Confucianism in China: problems of theory and practice]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Petrov, A. A. (1936). *Van Bi: Iz istorii kitayskoy filosofii* [From the history of Chinese philosophy]. Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Pozdneeva, L. D. (1970). *Literatura Vostoka v srednie veka* [Literature of the East in the Middle Ages]. Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).
- Radul'-Zatulovskiy, Ya. B. (1974). *Konfutsianstvo i ego rasprostranenie v Yaponii* [Confucianism and its spread in Japan]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).

- Riftin, B. L. (1974). K izucheniyu vnutriregional'nykh zakonomernostey i vzaimosvyazey (literatury Dal'nego Vostoka v XVII v.) [The study of intra-regional patterns and relationships (Literature of the Far East in the 17th century)]. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya* [Historical and philological studies] (pp. 89–103). Moscow. (In Russ.).
- Senin, N. G. (1956). *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Sun' Yatsena* [Socio-political views of Sun Yat-sen]. Moscow : Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Solomin, D. N., Kuchinskaya, T. N. (2021). Problematika vzaimosvyazi innovatsiy i natsional'noy kul'tury v filosofskoy mysli KNR [The problem of the relationship between innovation and national culture in the philosophical thought of the PRC]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 3, 64–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.3.35053>
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (Eds.). (1994). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow : AZ" Press. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (Ed.). (2014). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow : AST Press, Astrel' Press. (In Russ.).
- Shchutskiy, Yu. K. (1993). *Kitayskaya klassicheskaya «Kniga peremen»* [Chinese classic "Book of Changes"]. 2nd edn. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Yangutov, L. E., Lugavtsova, A. P. (2020). Epokhi Min (1368–1644) i Edo (1603–1868) v istorii Kitaya i Yaponii [The Ming (1368–1644) and Edo (1603–1868) periods in the history of China and Japan]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2, 248–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi26>

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 02.06.2022.
The article was submitted 21.12.2021; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 02.06.2022.

Шустова Светлана Викторовна✉, Третьякова Дарья Денисовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Глаголы с инкорпорированными актантами в английском языке: функциональный подход

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается вопрос экономии языковых средств на примере функционирования глаголов с инкорпорированными актантами в английском языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа явления инкорпорации в языках, в которых ранее это явление не фиксировалось, а если отмечалось, то фрагментарно. Объектом анализа являются типы глаголов с инкорпорированными актантами, предметом – семантический потенциал данных глаголов и его контекстуальная актуализация. В ходе исследования отобрано 60 таких глаголов, употреблённых в 600 контекстах. В результате выявлено, что изучаемые глаголы включают в свой семантический потенциал значения субъекта (одушевлённого и неодушевленного), объекта (одушевлённого и неодушевленного), инструмента (с различными вариациями), способа действия, локатива, дескриптива (с различными вариациями) и временного промежутка. Рассматриваемые глаголы являются отсубстантивными, а их появление в языке обусловлено не только языковой экономией, но и стилистическими факторами.

Ключевые слова: английский язык, глагол, инкорпорированный актант, контекстная семантика, корпусные данные, словообразование, функциональный потенциал, семантический потенциал

© Шустова С. В., Третьякова Д. Д. 2022

Для цитирования: Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Глаголы с инкорпорированными актантами в английском языке: функциональный подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 181–189. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_181

Svetlana V. Shustova✉, Dar'ya D. Tret'yakova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

Verbs with incorporated actant-instrument in English: Functional approach

Abstract

The current article examines the issue of saving linguistic resources by the example of the verbs with incorporated actants functioning patterns in English. There haven't been enough researches of the incorporation phenomenon in a number of languages, and there are languages where it has not been studied whatsoever. In this study, the focus is made on the types of verbs with incorporated actants, their semantic potential and actualization patterns in various contexts. 60 verbs of the studied kind were selected in 600 contexts. The results show that the semantic potential of these verbs includes the meaning of the subject (both animate and inanimate), object (both animate and inanimate), instrument (with different variations), they also incorporate the way of action, location, description and time. These verbs are related to nouns, and their emergence in the language is determined by both linguistic economy and stylistic factors.

Keywords: English, verb, incorporated actant, contextual semantics, corpus data, word formation, functional potential, semantic potential

© Shustova S. V., Tret'yakova D. D. 2022

For citation: Shustova, S. V., Tret'yakova, D. D. (2022). Glagoly s inkorporirovannymi aktantami v angliyskom yazyke: funktsional'nyy podkhod [Verbs with incorporated actant-instrument in English: Functional approach]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 181–189. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_181

1. Введение [Introduction]

Слово фиксирует все преобразования, процессы, события, явления, которые наблюдаются в развитии общества и общественных отношений. Источником новых номинаций является словообразование. Современные деривационные процессы отражают действие ряда экстралингвистических факторов, что характеризует актуальную социолингвистическую ситуацию. Одним из способов словообразования выступает инкорпорация.

Инкорпорация понимается как способность языковой единицы включать в свой семантический потенциал мысль, фрагмент действительности в связи с другими объектам или два и более участников ситуации, не эксплицированных отдельной позицией. В этом случае наблюдается освобождение контекста от избыточных элементов/ участников ситуации. В пространстве инкорпорации современными исследователями на материале разных языков изучается очень широкий спектр вопросов: инкорпорация при глагольном управлении в словообразовании путём сложения [Зарипова, 2021], в этом случае инкорпорация рассматривается как сложение именного корня слова с глаголом, в результате чего образуется глагол-компонит; актуализация облигаторных участников описываемой глаголом ситуации, не получившей синтаксической роли в структуре кхмерского предложения [Погибенко, 2020]; именная инкорпорация в кетском языке [Буторин, 2018]; именная инкорпорация в древнефризских глаголах [Поспелова, 2018]; инкорпорация глагольной основы (причастия) в имя, инкорпорация глагола в глагол и инкорпорация пространственных аргументов глаголов перемещения [Виняр, Герасименко, 2018]. Инкорпорация имеет прямое отношение к лингвистической экономии, которая в синхронии проявляется как механизм функционирования языковой системы на парадигматическом и синтагматическом уровнях, предполагающий не столько экономию в обыденном смысле этого слова, сколько синтез разнонаправленных сил, одни из которых ликвидируют бесполезные различия, другие приводят к возникновению новых различий, а третьи – к сохранению имеющегося лингвистического порядка [Мартине, 1960, с. 129–130 ; Становая, 2016]. Языковая экономия обусловлена следующими факторами: язык, будучи социальным явлением, не может быть вне процессов, происходящих в обществе, и реагирует на них соответствующими изменениями, например, в русском языке в период пандемии появились глаголы вирусовать (распространяться, заражаться (о коронавирусной инфекции), дистантить, дистантиться, досамоизолироваться, думскроллить (просматривать негативные новости, в том числе о коронавирусной инфекции), закарантинить [Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021 ; Смирнова 2014].

Особенности изучения инкорпорации и неоднозначность инкорпорации отмечались многими исследователями [Мещанинов 1978 ; Анохина 2006 ; Головач 2011 ; Смирнова 2014 ; Афанасьева 2016 ; Сулейбанова 2016]. Распространённость глаголов с инкорпорированными актантами, с одной стороны, и фрагментарность их исследований – с другой, явились побудительным мотивом для настоящего исследования.

2. Анализ функционирования глаголов с инкорпорированными актантами [Verbs with incorporated actant-instrument: Functioning patterns]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Источниками материала для исследования послужили данные словарей английского языка [Cambridge Dictionary ; Collins Dictionary], корпус английского языка лаборатории Лейпцигского университета [LC], данные исследовательского ресурса Google Books Ngram Viewer [Ngram]. Отбор эмпирического материала осуществлялся вручную по словарям, выявленные единицы вводились в строку поиска в корпусе в разных морфологических формах в связи с ограничением расширенного лексико-грамматического поиска. Общее количество единиц анализа составило более 60 глаголов, реализованных в 600 контекстах. В качестве методов использовались корпусный анализ, контекстуальный анализ, метод направленной выборки, описательный метод. Представленная классификация является продолжением работы в области исследования функциональных свойств глаголов с инкорпорированными актантами [Смирнова 2013; Шустова, Смирнова 2013].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа полученного материала было выделено семь групп глаголов с инкорпорированными актантами.

Г р у п п а 1. Глаголы с инкорпорированным актантом, обозначающим одушевлённый субъект либо неодушевлённый субъект, имеющий стихийный характер:

а) одушевлённый субъект:

TO TUTOR 'давать частные уроки' (от *tutor* 'репетитор, преподаватель'): *In retirement, she continued to tutor schoolchildren; During the summer months between school years she gave swimming lessons and tutored in Reading; She was involved in a school event for underprivileged children and tutored middle and high school students; Her mother, a deeply religious former teacher, tutored Ella at home and coached her in public speaking* (LC);

TO DOCTOR 'лечить, врачевать' (от *doctor* 'врач'): *Hurvitz, a member of the American Academy of Home Care Physicians, has been doctoring "the old fashioned way" for the past 35 years* (LC).

б) неодушевлённый субъект, имеющий стихийный характер:

TO THUNDER 'греметь, грохотать' (от *thunder* 'гроза'): *The sky grew dark and it started to thunder* (Cambridge dictionary);

TO LANDSLIDE 'оползать, обваливаться' (от *landslide* 'оползень'): *That trail we were on yesterday has probably landslided since then because of the rain* (Adams M. 'Turn Right at Machu Picchu'. 2011. Ngram).

Г р у п п а 2. Глаголы с инкорпорированным актантом-объектом одушевленным или неодушевлённым:

а) одушевлённый объект:

TO RAT 'истреблять крыс' (от *rat* 'крыса'): *He had just got out of the Maine State Prison for a drug crime, and he ratted in that case also proving Ollie didn't do his homework on this guy either* (Leland B. 'The Fall of an Angel'. 2018. Ngram);

TO RABBIT 'охотиться на кроликов' (от *rabbit* 'кролик'): *'Rabbited,' really?' Juan said with a smile. "Last time I read someone 'rabbiting' was an old spy novel"* (Cussler C., Brul J. 'Mirage: Oregon Files #9'. 2013. Ngram);

TO BABYSIT 'нянчиться с ребёнком' (от *babysitter* 'няня'): *I babysit for Jane on Tuesday evenings while she goes to her yoga class* (Cambridge dictionary).

б) неодушевлённый объект:

TO NEST 'вить гнездо' (от *nest* 'гнездо'): *Some bugs had nested under the computer's motherboard* (Cambridge dictionary);

TO DUST 'стирать пыль' (от *dust* 'пыль'): *I was dusting (her desk) when I noticed the piece of paper* (Cambridge dictionary);

TO HOUSE-HUNT 'подыскивать дом, квартиру' (от *house-hunting* 'поиск недвижимости'): *Professional property hunters look for homes for people who don't have time to look for themselves, but can afford to pay someone to house-hunt on their behalf* (Collins English Dictionary).

Г р у п п а 3. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом. Здесь средством осуществления действия выступают:

а) неотчуждаемое орудие:

TO ELBOW 'толкать локтем' (от *elbow* 'локоть'): *She elbowed me in the ribs before I could say anything* (Cambridge dictionary);

TO NOSE 'учуять, прнюхать' (от *nose* 'нос');

TO FINGER-PAINT 'рисовать пальцами' (от *finger* 'палец'): *She discovers finger paints and decides to finger paint* (Landreth G. 'Play Therapy: The Art of the Relationship'. 2012.Ngram);

TO EYE 'разглядывать' (от *eye* 'глаз'): *She eyed me warily* (Cambridge dictionary);

TO FINGER 'трогать пальцем' (от *finger* 'палец'): *She fingered her necklace absent-mindedly as she talked* (Cambridge dictionary);

TO TOE 'касаться, ударять носком' (от *toe* 'палец на ноге'): *Each center involved in the draw has to have a foot toeing (or next to) the centerline* (Tucker J., Yakutchik M. 'Women's Lacrosse: A Guide for Advanced Players and Coaches'. 2014. Ngram).

б) предметное орудие:

TO KNIFE 'резать ножом' (от *knife* 'нож'): *He knifed her in the back* (Cambridge dictionary);

TO SPOON-FEED 'кормить с ложки' (от *spoon* 'ложка'): *I can't spoon-feed these players, they have got to do it themselves* (LC);

TO HAMMER 'забивать молотком; ковать; чеканить' (от *hammer* 'молоток'): *Can you hold this nail in position while I hammer it into the door?* (Cambridge dictionary);

TO MACHINE-GUN 'вести огонь из пулемёта, расстрелять из пулемёта' (от *machine-gun* 'пулемёт'): *The raiders machine-gunned everyone in the bank before escaping in a van* (Cambridge dictionary);

TO WHEEL 'катить (тачку и т. п.), везти, описывать круги, поворачиваться' (от *wheel* 'колесо'): *Halfway through the talk someone wheeled in a trolley laden with drinks* (Cambridge dictionary);

TO PUMP 'накачать' (от *pump* 'насос'): *Our latest machine can pump a hundred gallons a minute* (Cambridge dictionary);

TO SAW 'распиливать' (от *saw* 'пила'): *They sawed the door in half* (Cambridge dictionary);

TO SPUR 'подстёгивать, шпорить' (от *spur* 'шпора'): *He spurred his horse on and shouted "Faster! Faster!"* (Cambridge dictionary);

TO BOTTLE 'разливать по бутылкам' (от *bottle* 'бутылка'): *The wine is bottled at the vineyard* (Cambridge dictionary);

TO CAN 'консервировать (мясо, овощи, фрукты)' (от *can* 'жестяная банка'): *He works in a factory where they can fruit* (Cambridge dictionary);

TO CORNER 'загнать в угол, поставить в угол' (от *corner* 'угол'): *Once the police had cornered her in the basement, she gave herself up* (Cambridge dictionary);

TO FLOOR 'сбить с ног, настилать пол, валить на пол' (от *floor* 'пол'): *He was floored with a single punch to the head* (Cambridge dictionary);

TO GARAGE 'ставить в гараж' (от *garage* 'гараж'): *If your car is garaged, you get much cheaper insurance* (Cambridge dictionary);

TO PARK 'ставить на стоянку (автомобиль и т. п.)' (от *park* 'стоянка'): *Just park your car in the driveway* (Cambridge dictionary);

TO POCKET 'класть в карман' (от *pocket* 'карман'): *He carefully pocketed his change* (Cambridge dictionary).

Следует признать, что три последних глагола могут быть распределены и в другую группу в зависимости от того, как воспринимать объекты: гараж, парковка, с одной стороны, это конкретные объекты, фиксирующие актуализированную денотативную соотносённость, в таком случае можно говорить об инструментальности. С другой стороны, они могут восприниматься как пространство, и в этом случае могут быть отнесены к глаголами с инкорпорированным актантом-локативом (Группа 5). Подобные ситуации свидетельствуют о том, что не всегда однозначно можно соотнести тот или иной глагол, точнее, его семантический потенциал, с конкретной ситуацией. В этом случае актуальным считаем реализацию контекстной семантики глагола.

в) природная или нематериальная сущность:

TO WIND 'сушить на воздухе, проветривать' (от *wind* 'ветер'): *If you are winded by something such as a blow, the air is suddenly knocked out of your lungs so that you have difficulty breathing for a short time* (Collins English Dictionary);

TO BLOW-DRY 'сушить волосы феном' (от *blow* 'дуновение ветра'): *I'll be ready as soon as I blow-dry my hair* (Cambridge dictionary).

г) вещество:

TO GLUE 'клеить, склеивать, приклеивать' (от *glue* 'клей'): *Is it worth trying to glue this plate back together?* (Cambridge dictionary);

TO BALM 'бальзамировать' (от *balm* 'бальзам'): *This rest might yet have balm'd thy broken sinews, Which, if convenience will not allow, Stand in hard cure* (Shakespeare W., Orgel S. 'King Lear'. 2016. Ngram).

д) средство передвижения:

TO PLANEPOST 'отправлять авиапочтой' (от *plane* 'самолет', *post* 'почта').

е) материал:

TO IRON 'покрывать, обивать железом' (от *iron* 'железо').

Г р у п п а 4. Глаголы с инкорпорированным актантом-способом действия:

TO QUESTION 'спрашивать, задавать вопросы' (от *question* 'опрос'): *I questioned what we could have our employees do* (Grabau M., Swartz J.E. 'The Executive Guide to Healthcare Kaizen: Leadership for a Continuously Learning and Improving Organization'. 2013. Ngram);

TO WORD 'выражать словами, подбирать слова' (от *word* 'слово'): *He worded the reply in such a way that he did not admit making the original error* (Cambridge dictionary);

TO CHEER-LEAD 'приветствовать' (от *cheer* 'одобрительные возгласы'): *I set myself goals that feel really pleasurable to achieve, and I cheerleaded myself the whole way through* (Pollack C. 'Feed Your Soul'. 2019. Ngram).

Г р у п п а 5. Глаголы с инкорпорированным актантом-локативом:

TO CAGE 'сажать в клетку' (от *cage* 'клетка'): *Normally humans are free, and the bird is caged* (LC);

Г р у п п а 6. Глаголов с инкорпорированным актантом-дескриптивом:

а) животное:

TO CHICKEN (OUT) 'струсить, отступить от трусости' (от *chicken* 'цыплёнок'): *I didn't want to mention it in class in front of Hillary, and well, fine, the other time I saw her I chickened out* (Hall S. 'A Little Something Different: Fourteen Viewpoints, One Love Story'. 2014. Ngram);

TO RAT 'предавать, доносить' (от *rat* 'крыса'): *The governor thinks it's most likely because they don't want to feel like they ratted out their friends, neighbors or even their kids* (LC);

TO FLOCK 'собираться толпой, держаться вместе' (от *flock* 'стадо, стая'): *Hundreds of people flocked to the football match* (Cambridge dictionary);

TO DOG 'неотступно следовать, выслеживать' (от *dog* 'собака'): *Reporters dogged him for answers* (Cambridge dictionary);

TO MONKEY 'подшучивать, дурачиться; передразнивать' (от *monkey* 'обезьяна'): *I monkeyed around with my camera, and I think maybe I fixed it* (Hart C. 'Ultimate Phrasal Verb Book'. 2017. Ngram);

TO WOLF (DOWN) 'есть с жадностью; пожирать; уплетать' (от *wolf* 'волк'): *The boys wolfed the sandwiches (down) and then started on the cake* (Cambridge dictionary).

б) человек, для которого характерны то или иное поведение, деятельность):

TO KING 'вести себя как король' (от *king* 'король'): *For, my good liege, she is so idly kinged, Her sceptre so fantastically borne By a vain, giddy, shallow, humorous youth, That fear attends her not* (Shakespeare W., Peabody O.W.B., Singer S.W. 'The Dramatic Works of William Shakespeare'. 1837. Ngram);

TO LORD 'разыгрывать из себя аристократа, важничать' (от *lord* 'лорд'): *He likes to lord it over his little sister* (Cambridge dictionary);

TO APE 'глупо подражать, кривляться' (от *ape* 'кривляка; подражатель')¹: *Modelling yourself on someone you admire is not the same as aping all they say or do* (Collins dictionary);

TO CROWD 'толпиться' (от *crowd* 'толпа'): *As soon as he appeared, reporters crowded around him* (Cambridge dictionary).

в) мифическое существо, с которым ассоциируются действия человека:

TO ANGEL 'покровительствовать, поддерживать' (от *angel* 'ангел');

TO WITCH 'обворожить, околдовать' (от *witch* 'ведьма, колдунья');

TO GHOST-WRITE 'писать, сочинять за кого-л. другого' (от *ghost* 'привидение, призрак'): *His autobiography was ghostwritten* (Cambridge dictionary).

г) способ организации:

TO CATALOGUE 'каталогизировать' (от *catalogue* 'каталог'): *Many plants become extinct before they have even been catalogued* (Cambridge dictionary);

TO CLASS 'классифицировать, сортировать' (от *class* 'класс, сорт');

TO CROSS-QUESTION 'подвергать перекрёстному допросу' (от *question* 'допрос').

д) предмет, с характеристиками которого сравнивается действие:

TO BALLOON 'быстро увеличиваться или расти' (от *balloon* 'воздушный шар'): *The rumours soon ballooned into a full-blown scandal* (Cambridge dictionary);

TO DART 'рвануться, помчаться стрелой' (от *dart* 'дротик'): *I darted behind the sofa and hid* (Cambridge dictionary).

Г р у п п а 7. Глаголы с инкорпорированным актантом, обозначающим промежуток времени:

TO HONEYMOON 'проводить медовый месяц' (от *honeymoon* 'медовый месяц'): *They are honeymooning in the Bahamas* (Cambridge dictionary);

TO WEEKEND 'проводить дни отдыха; отдыхать где-либо с пятницы или субботы до понедельника' (от *weekend* 'выходной');

TO WINTER 'проводить зиму; перезимовать (о растениях); кормиться зимой (о птицах); содержать зимой (скот и т. п.) (от *winter* 'зима'): *Birds migrate so that they can winter in a warmer country* (Cambridge dictionary).

¹Как и в случае с глаголами *to garage, to park, to pocket*, здесь мы имеем дело с многозначностью. В одном из значений – прямом – *to ape* может быть отнесён к подгруппе «животное» (если кто-то строит рожи и кривляется, как обезьяна). Однако во втором значении слово указывает на поведение человека – подражать поведению другого человека, а не подражать обезьяне. Наш контекст показывает употребление именно в этом значении.

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, языковая экономия может рассматриваться как один из важных и необходимых принципов естественного функционирования языка. Современные исследования в области социолингвистики, теории дискурса, лингвистической прагматики позволяют по-новому исследовать инкорпорацию в языках. Можно сказать, что инкорпорация скорее отражает семантический аспект словообразования, а не механизм. Механизмом как раз и выступают конверсия и сложение. В представленной классификации глаголов с инкорпорированными актантами актуальным считаем введение новых разрядов, базирующихся на различных семантических основаниях: природный характер актанта-субъекта (*to landslide*); неотчуждаемое орудие в качестве актанта-средства (*to eye, to elbow, to toe*); расширение группы глаголов с актантом-средством предметного свойства (*to spoon-feed, to machine-gun*); кроме того, значительно увеличилось количество глаголов с актантом-дескриптивом (*to flock, to ape, to crowd, to ghost-write*). Глаголы с инкорпорированными актантами актуализируют целостные события (участников, характеристику действия, место действия, время действия, средство / способ осуществления действия и т. д.), центрированные вокруг какого-либо объекта и фокусирующие тот или иной признак. Изучаемые глаголы можно рассматривать как диффузные ментальные образования, в которых намечаются различия в восприятии действия с учётом чувственных, визуальных, метафорических признаков, составляющих фокус события. Инкорпорированные участники ситуации обязательно присутствуют в ситуации, но не получают в предложении самостоятельной синтаксической роли. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами актуализирует упрощение синтаксической структуры предложения, но с точки зрения содержания обогащают её новыми стилистическими оттенками.

Библиографический список

- Анохина, 2006 – Анохина М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 73–82.
- Афанасьева и др., 2016 – Афанасьева О. Ю., Азначеева Е. Н., Нефедова Л. А. Семантическая глагольная инкорпорация: экономия vs избыточность (на материале английского, немецкого и французского языков) // Вестник ЧелГУ. 2016. № 12 (394). С. 7–12.
- Головач, 2011 – Головач О. А. Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011. № 3 (17). С. 137–139.
- Горбач, 2013 – Горбач О. В. Основные факторы возникновения неологизмов-композигов лексики маркетинга современного немецкого языка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 26. С. 53–59.
- Зарипова, 2021 – Зарипова И. Ф. Инкорпорация при глагольном управлении как один из видов словообразования в современном татарском языке // Вестник Башкирского ун-та. 2021. Т. 26. № 2. С. 447–454.
- Карцевский, 2000, 2004 – Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Сост., вступит. статья и комментарии И. И. Фужерон. М. : Языки славянской культуры. Т. 1, 2000. Т. 2, 2004.
- Левицкий, 1995 – Левицкий Ю. А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию : учеб. пособие. Пермь : Пермский ун-т, 1995. 195 с.
- Мартине, 1960 – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 301 с.
- Мартине, 1963 – Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М. : Прогресс, 1963. С. 366–566.
- Мещанинов, 1978 – Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 388 с.

- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб : Ин-т лингвистич. исследований РАН, 2021. 550 с.
- Смирнова, 2015 – Смирнова Е. А. Особенности семантического потенциала и функционирования отсубстантивных глаголов (на материале русского языка) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3. № 1 (5). С. 95–107.
- Смирнова, 2013 – Смирнова Е. А. Функциональный потенциал английских глаголов с инкорпорированными актантами. Пермь : Прикамский соц. Ин-т, 2013. 148 с.
- Становая, 2016 – Становая Л. А. Ещё раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2. № 4. С. 50–75.
- Сулейбанова, 2016 – Сулейбанова М. У. Языковая экономия как один из факторов развития языка // Знание. 2016. № 4-3 (33). С. 93–98.
- Шустова, 2013 – Шустова С. В., Смирнова Е. А. Инкорпорация и экспликация актантов глагола как пример языковой экономии // Филологические знания на современном этапе : сб. статей к 60-летию филологического факультета Курганского гос. ун-та / отв. ред. И. А. Шушарина. Курган : Курганский гос. ун-т, 2013. С. 136–140.
- Cambridge Dictionary, 2021 – Cambridge Dictionary. 2021 URL : <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения : 10.10.2021).
- Collins Dictionary, 2021 – Collins Dictionary. 2021 URL : <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения : 03.10.2021).
- LC – Leipzig Corpora URL : <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>
- Ngram – Google Books Ngram Viewer. URL : <https://books.google.com/ngrams>

References

- Anokhina, M. A. (2006). Semanticheskaya inkorporatsiya kak odin iz sposobov realizatsii kognitivnoy modeli glagola (na materiale angliyskogo yazyka) [Semantic incorporation as a way to realize verb cognitive models (Based on English)]. *Polzunovskiy vestnik* [Polzunovskiy Journal], 3, 73–82. (In Russ.)
- Afanasjeva, O. Yu., Aznacheeva, E. N., Nefedova, L. A. (2016). Semanticheskaya glagol'naya inkorporatsiya: ekonomiya vs izbytochnost' (na materiale angliyskogo, nemetskogo i frantsuzskogo yazykov) [Verbal incorporation: Economy vs redundancy (In Russian, German and French)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 12 (394), 7–12. (In Russ.)
- Golovach, O. A. (2011). Printsip ekonomii v lingvistike [The principle of economy in linguistics]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University], 3 (17), 137–139. (In Russ.)
- Gorbach, O. V. (2013). Osnovnye faktory vznikoveniya neologizmov-kompozitov leksiki marketinga sovremennogo nemetskogo yazyka [Principal factors of neologisms-composites' origin of modern german marketing lexis]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: Issues of philology, art and culture studies] (Vol. 26, pp. 53–59). (In Russ.)
- Zaripova, I. F. (2021). Inkorporatsiya pri glagol'nom upravlenii kak odin iz vidov slovoobrazovaniya v sovremennom tatarskom yazyke [Incorporation in verbal government as one of the types of word building in modern tatar language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 26 (2), 447–454. (In Russ.)
- Kartsevskiy, S. I. (2000, 2004). *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From linguistic heritage]. Compilation, Introduction and comments by I. Fuzheron. (Vol. 1, Vol. 2). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.)
- Levitskiy, Yu. A. (1995). *Ot vyskazyvaniya – k predlozheniyu. Ot predlozheniya – k vyskazyvaniyu* [From utterance to sentence. From sentence to utterance.]: A coursebook. Perm : Perm University Press. (In Russ.)
- Martine, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh: problemy diakhronicheskoy fonologii* [The principle of economy in phonetic changes: problems of diachronic phonology]. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.)

- Martine, A. (1963). *Osnovy obshchey lingvistiki* [Basics of general linguistics]. *Novoe v lingvistike* [New Issue in Linguistics] (Vol. 3, pp. 366–566). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Meshchaninov, I. I. (1978). *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Sentence members and parts of speech]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Russian dictionary of coronavirus era]. St-Petersburg : Institute for Linguistic Studies, RAS. (In Russ.).
- Smirnova, E. A. (2015). *Osobennosti semanticheskogo potentsiala i funktsionirovaniya otsubstantivnykh glagolov (na materiale russkogo yazyka)* [Semantic potential and functioning patterns of verbs related to nouns]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Russian Language and Literature Studies], 3, 1 (5), 95–107. (In Russ.).
- Smirnova, E. A. (2013). *Funktional'nyy potentsial angliyskikh glagolov s inkorporirovannymi aktantami* [Functional potential of English verbs with incorporated actants]. Perm : Nauka Press. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2016). *Eshche raz k voprosu o printsipe yazykovoy ekonomii* [Addressing the principle of linguistic economy again]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (4), 50–75. (In Russ.).
- Suleybanova, M. U. (2016). *Yazykovaya ekonomiya kak odin iz faktorov razvitiya yazyka* [Saving the language as one of the factors of language]. *Znanie* [Knowledge], 4-3 (33), 93–98. (In Russ.).
- Shustova, S. V. Smirnova, E. A. (2013). In I. A. Shusharina (Ed.), *Inkorporatsiya i eksplikatsiya aktantov glagola kak primer yazykovoy ekonomii* [Incorporation and explication of verb actants as an example of language economy] (pp. 136–140). Kurgan : Kurgan State University Press.
- Cambridge Dictionary (2021). Retrieved October 10, 2021 from <<http://dictionary.cambridge.org>>.
- Collins Dictionary (2021). Retrieved March 10, 2021 from <<https://www.collinsdictionary.com>>.
- LC – Leipzig Corpora. Retrieved from <<https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>>.
- Ngram – Google Books Ngram Viewer. Retrieved from <<https://books.google.com/ngrams>>.

Бакина Анна Дмитриевна^{1, 2} ✉

¹Орловский государственный университет, г. Орел, Российская Федерация

²Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Российская Федерация

heart-anna@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна

Владимирский государственный университет, г. Владимир, Российская Федерация

Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии: рецензия на книгу Ю. С. Степанова «Методы и принципы современной лингвистики»

Аннотация

В рецензируемой монографии отражены результаты комплексного многоаспектного исследования методологии лингвистической науки, а именно рассматриваются и анализируются основные частнонаучные методы лингвистики с учётом таких наиважнейших принципов современного языкознания, как исторический и логический. Книга представляет обзор и систематизированное описание специальных лингвистических методов. Исходя из проблемы отсутствия единой классификации методов, автор структурирует книгу особым образом: первоначально обобщая важные методические принципы текущих работ, далее исследуя известные методические принципы, исходя из их применения для описания языка в диахронном аспекте, и, наконец, рассматривая принципы лингвистики с точки зрения их применения в целях синхронного и логического описания языка. При исследовании методов и принципов автором поддерживается порядок изложения, соответствующий иерархии методов. Обобщения, представленные в каждой части после обзора методов и принципов, иллюстрируются примерами использования методов отечественными и зарубежными лингвистами с детальным анализом последних.

Ключевые слова: методология, метод, лингвистическое исследование, принципы современной лингвистики, исторический принцип, логический принцип, частнонаучные методы

© Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. 2022

Для цитирования: Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии: рецензия на книгу Ю. С. Степанова «Методы и принципы современной лингвистики» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 190–196. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_190

Anna D. Bakina^{1, 2}

¹Orel State University, Orel, Russian Federation

²Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

heart-anna@yandex.ru

Tatiana N. Fedulenkova

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Review of the monograph by Yu. S. Stepanov “Methods and principles of modern linguistics”

Abstract

The reviewed monograph presents the results of a comprehensive multi-aspect study of the methodology of linguistic science, namely, the main specific research methods of linguistics are considered and analyzed, taking

into account such most important principles of modern linguistics as historical and logical. The book gives an overview and systematic description of special linguistic methods. Based on the problem of the lack of a unified classification of methods, the author structures the book in a special way: initially generalizing the important methodological principles of current work, then exploring the known methodological principles, based on their application to describe the language in a diachronic aspect, and, finally, considering the principles of linguistics from the point of view of their applications for the purpose of synchronous and logical description of the language. In the study of methods and principles, the author maintains the order of presentation corresponding to the hierarchy of methods. The generalizations presented in each part after the review of methods and principles are illustrated by examples of the use of methods by Russian and foreign linguists with a detailed analysis of the latter.

Keywords: methodology, method, linguistic research, principles of modern linguistics, historical principle, logical principle, specific research methods

© Bakina A. D., Fedulenkova T. N. 2022

For citation: Bakina, A. D., Fedulenkova, T. N. (2022). Metody lingvisticheskogo issledovaniya v sinkhronii i diakhronii: retsenziya na knigu Yu. S. Stepanova «Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki» [Review of the monograph by Yu. S. Stepanov “Methods and principles of modern linguistics”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 190–196. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_190

1. Введение [Introduction]

Проблема методологии лингвистического исследования была и неизменно остаётся одной из центральных в современной лингвистике. Прежде чем приступить к научному исследованию, каждый учёный, как начинающий, так и опытный, так или иначе «окуётся в водоворот» сложных методологических вопросов (напр., какие методы являются наиболее релевантными и обоснованными; какие принципы будут положены «во главу угла»; какая методика исследования окажется наиболее эффективной; каким образом можно сочетать классические и инновационные методы исследования для того, чтобы результаты его были как можно более достоверными и т. д.). Ср., например, «правильно выбранный метод формирует алгоритм поиска истины, т. е. позволяет двигаться к цели изучения объекта исследования кратчайшим путём» [Гудкова, Яницкий, 2020, с. 211].

Как справедливо отмечает И. В. Арнольд, «внутри советской лингвистики при единстве методологии, поскольку основой для неё являлась философия диалектического материализма, и особенно ленинская теория отражения и теория связи языка и общества, возможны разные методы и разные направления, зависящие от объекта исследования» [Арнольд, 1990 с. 9].

Сложность и насущность проблемы методологии лингвистического исследования связана ещё и с тем, что в течение долгого времени не существовало работ систематизирующего характера в изучении методологии науки. Наличествовали лишь отрывочные представления, узко-специальные исследования методов и специфики их применения, что не способствовало развитию как методологии исследования, так и самой лингвистической науки.

В качестве работы, в которой наметилось решение данной проблемы, можно отметить пособие З. И. Комаровой «Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике», задачей которого является «создание основ системной методологии лингвистики на базе синтеза работ по методологической проблематике для оптимизации научных исследований в области лингвистики» [Комарова, 2012, с. 5].

Ввиду обилия методов и методик лингвистических исследований необходимо системное описание лингвистических методов, создание с и с т е м н о й м е т о д о л о г и и, что наглядно представлено в неоднократно переиздаваемой монографии «Методы и принципы современной лингвистики» (2019) Ю. С. Степанова, доктора

филологических наук, профессора, академика РАН, члена Парижского лингвистического общества, лауреата Государственной Премии РФ, основателя таких направлений теоретической лингвистики, как философия языка и семиотика.

2. Структура и содержание монографии [Monograph's structure and content]

Композиция книги не вполне стандартная, но, как отмечает сам автор во Введении, в котором рассматривает общие вопросы теории метода в лингвистике, включающие проблему трёхчастного строения метода, вопрос соотношения метода познания и метода изложения, наконец, проблему классификации методов, с опорой на приемлемую классификацию, а именно, основанную на предварительном выявлении глубинного принципа каждого метода, монография разделена на три части «Направления поиска и линии развития в современной лингвистике», «Исторический принцип в современной лингвистике» и «Логический принцип в современной лингвистике». Предлагаемая автором структура свидетельствует о неординарном подходе к систематизации методов, о «глубинном» понимании сути проблемы и значительном теоретико-практическом опыте учёного.

Книга снабжена именным и предметными указателями, что значительно облегчает и упрощает работу с научным изданием. Благодаря данным указателям читатель может быстро найти необходимые цитаты, теории, термины и т. п. определённых авторов, ссылки на которых представлены внутри текста в виде подстрочных сносок. Предметный указатель включает наиболее значимые языковые иллюстрации, «в которых либо одни и те же языковые факты освещаются разными приёмами и методами в разных местах книги, либо даётся относительно развёрнутое авторское описание с единой точки зрения в одном месте» [Степанов, 2019, с. 308].

Профессор Ю. С. Степанов видит задачу своего труда в обзоре и систематизации специальных лингвистических методов. Ввиду специфической сложности объекта систематизации автор не концентрируется на методах социолингвистики, психолингвистики и лингвостатистики, но целенаправленно исследует и обобщает результаты своих научных изысканий в рамках таких частнонаучных методов современной лингвистики, как порождающий, дистрибутивный и оппозитивный.

Во Введении чётко обозначены основные ориентиры и важнейшие траектории рассмотрения теории метода в лингвистике, при этом автор сосредоточивается главным образом на ключевых понятиях, таких как методика, метод и методология, выделяемых в традиции советского языкознания, и сравнивает такое строение метода с тремя областями лингвистики в американском языкознании, а именно долингвистика, микролингвистика и металингвистика. Данные сравнения позволяют говорить о сходстве и различиях в понимании метода в американской и русской терминологии. Кроме того, представители американской дескриптивной лингвистики рассматривали метод «как способ фиксации корпуса языка и его анализа» [Степанов, 2019, с. 9], в то время как последователи Н. Хомского пытались сформулировать аналитические методы «чтобы построить грамматику языка» [Там же].

Первая часть книги «Направления поиска и линии развития в современной лингвистике» представлена одной главой «Обзор принципов и обобщение», в которой обсуждаются вопросы об у к р у п н е н и и г р а м м а т и к и как на семантической основе, так и на основе принципа структурной иерархии; у к р у п н е н и и л е к с и к о л о г и и, задачей которой все яснее становится изучение синтагматических и парадигматических отношений в лексико-семантической языковой системе. Особое внимание автор уделяет вопросу о роли синтаксиса, точнее о его новом понимании, в современных лингвистических исследованиях. Центральное место теперь отводится «синтаксису акта высказывания». Проблема взаимоотношения лингвистики и логики,

неоднократно поднимаемая в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов, получает у акад. Ю. С. Степанова развитие в рамках теории метода, в частности вопроса о методах описания форм, благодаря чему произошло выделение ряда смежных для логики и лингвистики категорий (оппозиция, дихотомия и бинарность, понятие классификации, исчисление системы, импликация, конъюнкция и многие другие). Данное вычленение, несомненно, оценивается исследователями как положительный фактор [Федуленкова, Басова, 2020, с. 77–80].

В этой же главе автор обращается к **п р и н ц и п у ф о р м а л и з а ц и и**, формальному анализу на примере категории множества, обсуждает применяемые логико-лингвистические методы в фундаментальных трудах таких учёных, как Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Г. В. Винокур, А. И. Смирницкий. Автор делает вывод о том, что аналогичные принципы были применены разными лингвистами «для формального определения уже выявленных категорий языка» [Степанов, 2019, с. 49].

П р и н ц и п а н т р о п о ц е н т р и з м а в лингвистике, по мнению Ю. С. Степанова, является неотъемлемой частью любого вопроса и выражается в таком свойстве языка, как субъективность и референциальная соотнесённость с говорящим индивидом. Автором приводятся работы таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Э. Бенвенист, Г. Гийом, И. А. Бодуэн де Куртенеэ, Л. В. Щерба, Н. С. Поспелов и др. Несмотря на то, что концепции и теории, которые развивались представленными выше лингвистами, абсолютно разные, антропоцентрический принцип получил своё индивидуальное выражение в каждой из них.

В заключительном разделе Первой части монографии автор затрагивает ещё один немаловажный принцип, а именно **н е д и с к р е т н о с т ь** (или неразложимость), под которым понимается «такой принцип исследования, при котором основное внимание обращается не на выделение предельных единиц каждого уровня языка, а на явления, обнаруживающиеся по пути к предельному разложению» [Степанов, 2019, с. 52].

Таким образом, в Первой части Ю. С. Степанов делает всесторонний обзор основополагающих лингвистических принципов с детальными примерами из современных трудов по языкознанию, их учитывающих и развивающих. Обобщая зарождение и последующее применение этих принципов, автор обозначает определённые направления исследований и предвещает ход развития методологии лингвистической науки.

Вторая часть книги акад. Ю. С. Степанова «Исторический принцип в современной лингвистике» также представлена двумя главами: обзорной и обобщающей. Начиная первую главу с предпосылок зарождения исторического метода и первых его прообразов, как например, грамматическая система Панини, автор обращается к алгебраическому методу (реконструкции) Ф. де Соссюра и приводит в качестве примера соссюровское восстановление праиндоевропейской системы, а также его реконструкцию литовской системы ударения. Ю. С. Степанов показывает, что именно реконструкция Ф. де Соссюра как разновидность исторического метода становится базой для развития алгебраического метода в современных исторических реконструкциях. Основными понятиями такого метода становятся понятия матрицы и позиции. С помощью матричного метода можно выявить соотношение между элементами какого-либо множества. Подчёркивая революционность этой находки автора, отметим, что указанные методики повсеместно применяются в современной лингвистике не только в рамках метода реконструкции, но и гораздо шире. Например, дискурсивные матрицы представляют собой методологические инструменты, «посредством которых осуществляется взаимосоизмерение разнотипных лингвистических механизмов, участвующих в конструировании дискурса» [Казыдуб, 2006, с. 177].

Алгебраический метод может быть дополнен понятиями катализа и импликации в рамках функционального метода, предложенного Л. Ельмслевом. Именно благодаря катализу происходит ослабление видимых связей между элементами и становится зримой

глубинная реальность языка, или иначе его абстрактная сущность. Импликация по Л. Ельмслеу, в свою очередь, есть «порождение одного элемента речевой цепи другим элементом, соседствующим с первым» [Степанов, 2019, с. 75].

Отметим, что автор возвращается к вопросу о необходимости и специфике применения алгебраического метода в Третьей части монографии в рамках исследования логического принципа в современной лингвистике, снова оперирует понятием матрицы, рассматривая суть избыточной матрицы, и подчёркивает, что «матрицы – практически необходимые лингвисту средства записи языковых явлений и языковых структур» [Степанов, 2019, с. 196].

Ценные, вне всякого сомнения, замечания автора касаются границ применения оппозитивного метода с характеристикой понятия «оппозитивного отталкивания» Е. Куриловича, а также связаны с обсуждением понимания понятия абстрактного процесса, определяемого Ф. де Соссюром, как «причинно-следственное отношение между двумя абстрактными сущностями языка», – у Л. Ельмслева, как «соотношение типа импликации между двумя абстрактными сущностями» [Степанов, 2019, с. 82].

Описание применения дистрибутивного метода затрагивает вопросы о принципе дополнительной дистрибуции и принципе дистрибутивного анализа (снова в рамках реконструкции) на примере старославянского языка. Как отмечает Ю. С. Степанов, исследование дистрибуций, то есть по сути использование дистрибутивного анализа позволяет типологизировать исторические изменения в языке (см. тж. [Басова, Федуленкова, 2020]).

Отдельного внимания заслуживает раздел монографии о методе моделей в исторических реконструкциях. Автором подчёркивается относительность понятия модели, при его широком понимании «понятие модели совпадает с понятием общей лингвистической структуры как схематизации объективной, сущностной структуры языка на основе того или иного методического принципа дистрибутивного, оппозитивного, генеративного и т. д.» [Степанов, 2019, с. 106]. При узком понимании данный метод представляет собой специальный метод моделирования. Тогда лингвистическая модель будет представлять собой воссоздание, конструирование динамического аспекта структуры языка или её фрагмента. В качестве иллюстративного примера автор подробнейшим образом представляет рассмотрение пяти моделей германского передвижения согласных.

Глава 2 призвана обобщить основные проблемные вопросы и тезисы, представленные в предыдущей главе. Автор выдвигает два центральных положения с последующим разъяснением и приведением примеров из работ отечественных и зарубежных языковедов в подтверждение выдвигаемых постулатов:

1. Синхронное описание современного состояния совпадает с первым этапом реконструкции.
2. Внутренняя реконструкция восстанавливает предшествующую систему, а не происхождение ее элементов.

Последующие рассуждения касаются вопроса отсутствия дискретного перехода от внутренней реконструкции к внешнему сравнению, принципа «независимости состояний» (с иллюстрацией на большом массиве словоформ литовского языка), принципа максимального расчленения словоформ, принципа разложения на примере позиционного анализа литовского и древнегреческого слова.

В части 3 «Логический принцип в современной лингвистике» в Главе 1, посвящённой обзору методов с позиции логического подхода, пристального внимания заслуживает описание выдвигаемых к рассмотрению Ю. С. Степановым методов дистрибуции, оппозиции и функции, а также репрезентативного метода теперь уже в рамках синхронного описания, а не исторического. Автор отмечает, что с точки зрения логического принципа выявление дистрибутивной структуры должно осуществляться

до выделения функтивной, оппозитивной и генеративной. Выделяется несколько типов отношений между двумя дистрибуциями, а именно взаимодополнение, пересечение, эквивалентность дистрибуций и включение дистрибуций. Кроме того, автор подробно останавливается на такой категории дистрибуции, как мощность. Под мощностью дистрибутивного класса понимается «количество единиц, сочетающихся с данной единицей, однако количество не в абсолютном исчислении, а лишь в относительном <...> по отношению к другим дистрибутивным классам» [Степанов, 2019, с. 209].

В разделе, в котором автор рассматривает оппозитивный метод, детальное освещение получают вопросы, связанные с описанием «логической классификации смысло-различительных оппозиций» Н. С. Трубецкого, применения оппозитивного метода в падежной системе Р. О. Якобсоном, критикой «логического квадрата» Р. О. Якобсона лингвистом Ж. Кантино.

Обобщающая глава третьей части включает характеристику оснований теоретико-множественного метода (на примере исследования фонем русского языка), оснований «грамматического метода» при внимании к совмещению методов дистрибуции и функции (на примере синтаксического отрицания в русском языке), наконец, оснований порождающего метода с последующей иллюстрацией принципа совмещения методов.

Итоговая часть научного труда представляет постулаты современной лингвистики, сформулированные Ф. де Соссюром и подчиняющие себе принципы современной лингвистики, обобщённые Ю. С. Степановым: постулат о тождествах и различиях, о синтагматике и парадигматике, синхронии и диахронии, времени и пространстве.

3. Заключение [Conclusion]

В заключение отметим, что в рецензируемой монографии успешно решены поставленные автором задачи и планомерно представлены результаты комплексного исследования методологии науки. В целом, книга акад. Ю. С. Степанова представляет собой серьёзное монографическое исследование, проверенное временем, и, более того, опередившее время, поскольку выраженные автором идеи и обобщения во многом предвосхитили поступательное развитие методологии лингвистики. Востребованность данного труда очевидна, он стоит в ряду обязательных к прочтению монографий для любого учёного, поскольку «методология – королева наук», всё начинается с метода, с разработки методологии исследования.

Библиографический список

- Арнольд, 1991 – Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
- Басова, Федулenkова, 2020 – Басова Т. А., Федулenkова Т. Н. Подход Г. А. Климова к лингвистической компаративистике. Рецензия на книгу: Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 168 с. // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2020. № 5 (98). С. 238–244.
- Гудкова, Ясницкий, 2020 – Гудкова С. А., Ясницкий А. И. Методология лингвистического исследования: теоретические и практические аспекты применения гибридных методов // Балтийский гуманитарный журнал, 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 211–215.
- Казыдуб, 2006 – Казыдуб Н. Н. Дискурсивные матрицы в методологии лингвистической науки // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, Вып. 2. С. 177–185.
- Комарова, 2012 – Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
- Степанов, 2019 – Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. Изд. стереотип. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 310 с.

Федуленкова, Басова, 2020 – Федуленкова Т. Н., Басова Т. А. Рецензия на монографию Г. А. Климова «Принципы контенсивной типологии» // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2020. Т. 17, № 4. С. 77–80.

References

- Arnold, I. V. (1991). *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of scientific research in linguistics]: A coursebook. Moscow: Vysshaya shkola Press
- Basova, T. A., Fedulenkova, T. N. (2020). Podkhod G. A. Klimova k lingvisticheskoy komparativistike. Retsenziya na knigu: Klimov G. A. Osnovy lingvisticheskoy komparativistiki [G. A. Klimov's approach to comparative linguistic studies. Book review: Klimov G. A. Principles of linguistic comparativistics]. Moscow: LIBROKOM, 2016. 168 p. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 5 (98), 238–244.
- Gudkova, S. A., Ianitcki, A. I. (2020). Metodologiya lingvisticheskogo issledovaniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty primeneniya gibridnykh metodov [Methodology of linguistic research: Theoretical and practical aspects of hybrid methods]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 9, 1 (30), 211–215.
- Kazydub, N. N. (2006). Diskursivnye matritsy v metodologii lingvisticheskoy nauki [Discourse matrixes in methodology of linguistic science]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 4 (2), 177–185.
- Komarova, Z. I. (2012). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]: A coursebook. Ekaterinburg: Ural Federal University Press.
- Stepanov, Yu. S. (2019). *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow: LIBROKOM Press.
- Fedulenkova, T. N., Basova, T. A. (2020). Retsenziya na monografiyu G. A. Klimova «Printsipy kontensivnoy tipologii» [Book review Klimov G. A. “Principles of contensive typology”]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the South-Ural State University. Series “Linguistics”], 4 (17), 77–80.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

MEMORIA

Лия Васильевна Бондарко (13 мая 1932 – 12 марта 2007)

Всегда в наших сердцах

Гусева Светлана Ивановна
Независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
s_guseva@mail.ru

Светлой памяти Учителя: К 90-летию со дня рождения Лиы Васильевны Бондарко

Аннотация

Статья посвящена памяти выдающегося отечественного лингвиста Лиы Васильевны Бондарко, 90-летие со дня рождения которой отмечалось 13 мая 2022 года. В течение 30 лет доктор филологических наук, профессор Л. В. Бондарко возглавляла в Ленинградском / Санкт-Петербургском государственном университете кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков и внесла значительный вклад в подготовку кадров высшей квалификации. Многочисленные научные труды Лиы Васильевны – яркого представителя Щербовской фонетической школы, человека огромного таланта, большого сердца и широкой души – стали достоянием отечественной и мировой лингвистики. Это работы по артикуляции, акустике и восприятию, гласным, согласным и слогу, которые всегда будут востребованы как начинающими исследователями звучащей речи, так и посвятившими себя науке о языке опытными лингвистами.

Ключевые слова: Лиля Васильевна Бондарко, Щербовская фонетическая школа, кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ, перцептивный аспект фонетики, экспериментальная фонетика, объективные характеристики звуков, методы фонетики, научное наследие Л. В. Бондарко

© Гусева С. И. 2022

Для цитирования: Гусева С. И. Светлой памяти Учителя: к 90-летию со дня рождения Л. В. Бондарко // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 199–204. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_199

Svetlana I. Guseva
Independent researcher
Saint Petersburg, Russian Federation
s_guseva@mail.ru

Bright memory of the Teacher: To the 90th anniversary of Lia Vasilyevna Bondarko's birthday

Abstract

The article is devoted to the memory of the outstanding Russian linguist Liya Vasilyevna Bondarko, whose 90th birthday was celebrated on May 13, 2022. For 30 years, Doctor of Philology, Professor L. V. Bondarko headed the Department of Phonetics and Foreign Languages Teaching Methods at Leningrad / St Petersburg State University and made a significant contribution to the training of highly qualified linguists. Numerous scientific papers of Liya Vasilyevna as a bright representative of the Shcherbovskaya Phonetic School, a person of great talent, a big heart and a broad soul have become a valuable part of Russian and World linguistics. These are the works in articulation, speech acoustics and perception, vowels, consonants and syllable that will always be in demand by both beginners in oral speech research and experienced linguists who have devoted themselves to the science of language.

Keywords: Liya Vasilyevna Bondarko, Shcherbovskaya Phonetic School, Department of Phonetics and Foreign Languages Teaching Methods of St Petersburg State University, perceptual aspect of Phonetics, experimental Phonetics, objective characteristics of sounds, methods of Phonetics, scientific heritage of L. V. Bondarko

© Guseva S. I. 2022

For citation: Guseva, S. I. (2022). Svetloy pamyati Uchitelya K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Lii Vasil'evny Bondarko [Bright memory of the Teacher. To the 90th anniversary of Lia Vasilyevna Bondarko's birthday]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 199–204. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_199

1. Введение [Introduction]

13 мая 2022 г. доктору филологических наук, профессору кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (СПбГУ/ЛГУ) Лии Васильевне Бондарко исполнилось бы 90 лет. Так уж повелось, что в дни круглых, юбилейных дат особенно хочется отдать дань памяти и уважения людям, которые повлияли на нашу жизнь и оставили в ней глубокий след.

Под руководством профессора Л. В. Бондарко кафедра фонетики занималась подготовкой научных кадров высшей квалификации. В аспирантских наборах тех лет учились представители разных регионов Советского Союза. Без всякого преувеличения можно сказать, что кафедра фонетики и Лия Васильевна как её заведующий, профессор, научный руководитель и, в целом, профессионал высочайшего класса открыли путь в науку большому числу молодёжи нашей страны.

Будучи преподавателем кафедры иностранных языков Благовещенского технологического института (ныне Амурский государственный университет), я была направлена в начале 80-х гг. в целевую аспирантуру при кафедре фонетики ЛГУ. Научные, деловые и дружеские контакты с кафедрой фонетики, которые зародились в тот период, продолжились в дальнейшем, когда после защиты я вернулась в свой вуз и была назначена заведующим кафедрой. При активном участии и поддержке Лии Васильевны преподаватели кафедры иностранных языков АмГУ защитили в диссертационном совете СПбГУ восемь кандидатских и одну докторскую диссертации.

Выпускники кафедры фонетики живут и работают сегодня в разных уголках мира. Но всех их объединяет благодарное отношение к преподавателям кафедры, одним из наиболее ярких и талантливых представителей которой была Лидия Васильевна Бондарко. Коллеги на кафедре называли её не официальным именем, а Лидией. Ей так нравилось, так сложилось. И мы, аспиранты, тоже называли её Лидией Васильевной.

2. Лекции и публикации [Lectures and publications]

Вспоминая годы учёбы в аспирантуре на кафедре фонетики, нельзя не рассказать о лекциях Лидии Васильевны. Изложение материала в них строилось с учётом всех уровней фонетического анализа: фонематического, акустико-артикуляторного и перцептивного, что во всех отношениях было полезно для нас, слушателей, поскольку аналогичная последовательность изложения материала требовалась от аспирантов и докторантов в процессе работы над диссертационными исследованиями. Проходившие с неизменным успехом, эти лекции были глубокими по содержанию и абсолютно безупречными по форме. Блестящее, образцовое владение лектором русским языком (Лидия Васильевна была выпускницей отделения русского языка и литературы ЛГУ) восхищало нас и побуждало быть более внимательными к своей собственной речи.

Невозможно забыть этих замечательных «мини-лекций по культуре русской речи». Они были чудесными и чрезвычайно полезными вкраплениями в наши занятия, посвящённые экспериментально-фонетическому анализу, и прекрасно снимали напряжение в процессе овладения трудным материалом. К примеру, Лидия Васильевна рассказывает, как однажды на улице подходит к ней девушка и говорит: «*Подскажите*, пожалуйста, как пройти...». ЛВ отвечает: «Объясню, расскажу, покажу, но *подсказывать* не буду». Или другой случай. Одна из аспиранток, научным руководителем которой была ЛВ, говорит: «Лидия Васильевна, ну и *отбрили* Вы меня вчера после доклада». В ответ на это «*отбрили*» последовало убедительное и очень серьёзное разъяснение, касающееся норм речи будущего учёного-филолога. Справедливости ради, надо сказать, что на замечания подобного рода никто не обижался. С первых минут общения с ЛВ было понятно, что имеешь дело с человеком широкой души, неравнодушным и очень доброжелательным.

Отличительной чертой занятий Лидии Васильевны было постоянное обращение к объективным характеристикам звуков. Фонологические выводы часто предварялись данными спектрального и осциллографического анализа речи. И это не было случайным. Такой подход, на мой взгляд, был продиктован не только принципиальными соображениями методологического характера, но и наличием большого предшествующего опыта. Прежде чем возглавить кафедру, Лидия Васильевна работала научным сотрудником Лаборатории экспериментальной фонетики имени Л. В. Щербы, где получила бесценный опыт экспериментатора и подготовила ряд работ, посвящённых объективным характеристикам звуковых единиц и методикам их анализа [Бондарко, 1960, 1961, 1965, 1966, 1967 и др.].

В 1977 году в издательстве «Просвещение» вышла книга Л. В. Бондарко «Звуковой строй современного русского языка», которая сразу вошла в Золотой фонд литературы по фонетике и стала настольной книгой каждого, кто занимается фонетическим анализом [Бондарко, 1977]. Несмотря на то, что книга написана на материале русского языка, её широко используют при исследовании разных языков, поскольку изложенные в ней подходы и методы универсальны и применимы для исследования любого языка.

По «Звуковому строю» мы учились определять акустические корреляты дифференциальных признаков фонем, особенности переходных участков между звуками, характеристики сочетаний фонем, влияние ударения и безударности на качество гласных, типы модификаций согласных и многое другое. Отдельный параграф книги посвящён изучению слога на основе метода слоговых контрастов. К этому методу нередко обращаются фонетисты. Для меня он тоже оказался весьма продуктивным при описании в докторской диссертации немецких слогов, расположенных на участках разной коммуникативной нагруженности. Несколько параграфов «Звукового строя» содержат важную информацию по супрасегментной фонетике. Таким образом, материал книги охватывает все единицы звукового строя языка – сегментные и супрасегментные.

В настоящее время исследователи речи пользуются точными данными, полученными с помощью программ компьютерной обработки речевого сигнала. Однако сведения, изложенные в «Звуковом строе», будут всегда актуальны, так как позволяют с большой надёжностью интерпретировать экспериментальные данные, а главное – обеспечивают экспериментатора методом описания результатов анализа. Следует заметить, что Лидия Васильевна на своих занятиях часто подчёркивала важную роль выбора метода исследования.

Спустя четыре года после издания «Звукового строя современного русского языка» была опубликована монография Лидии Васильевны «Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи» [Бондарко, 1981]. Это событие стало важной вехой не только в жизни автора, но и всех лингвистов, занимающихся исследованием фонетической организации речи. Сильной стороной этой фундаментальной работы является

антропоцентрический ракурс исследования, при котором центром описания выступает не теоретик-фонолог или эмпирик-фонетист, а носитель языка. В этой связи большое внимание в книге уделено восприятию речи. Отмечая тот факт, что «весь процесс восприятия речи есть разрешение конфликта между фонетической неограниченностью и неопределённостью элементов речевого потока и системностью и ограниченностью тех языковых единиц, которые этими элементами представлены», автор указывает на важность перцептивного аспекта фонетического описания, так как, выступая необходимым звеном в характеристике свойств звукового сегмента, перцептивный аспект может быть наиболее тесно связан с функциональными свойствами звуковой единицы, обусловленными ее социальной функцией [Бондарко, 1981, с. 11].

Заинтересованный читатель найдёт в монографии ответы на вопросы, касающиеся фонемной интерпретации характеристик гласных и согласных, статистических характеристик речи, взаимодействия уровней языка, особенностей восприятия отрезков различной протяжённости (от отдельного звука до связного текста), фонетической организации спонтанной речи и многое другое. Книга эта, в скромном тонком переплёте, представляет собой гениальный труд учёного Щербовской школы, сыгравший, на мой взгляд, важную роль в окончательном оформлении концепции, согласно которой неотъемлемой частью фонетического исследования речи является перцептивный анализ.

В большом перечне научного наследия Л. В. Бондарко важное место занимает учебное пособие «Фонетика современного русского языка» [Бондарко, 1998]. Оно включает все аспекты фонетического описания и содержит сведения о функциональных и фонетических свойствах звуковых единиц русского литературного языка, о статистических характеристиках речи, методах анализа сегментных и супraseгментных единиц, произносительной норме. Написан учебник настолько талантливо и интересно, что его прочтение доставит истинное удовольствие не только тем, кто занимается фонетикой, но и любому носителю русского языка и, возможно, станет отправной точкой для последующего глубокого, профессионального изучения фонетики русского и других языков.

Упомянув лишь некоторые из основных трудов, нельзя не заметить, что оставленное нам богатое научное наследие профессора Л. В. Бондарко содержит большое количество работ, в которых она выступает в качестве редактора, а также соавтора коллективных монографий, статей, учебных пособий, изучение которых имеет важное значение для формирования научных представлений о звуковой материи языка (некоторые из основных публикаций приводятся в библиографическом списке) [Бондарко (ред), 1987, 2000, 1984, 1989, 1997; Бондарко, Вербицкая, 1973; Бондарко и др., 1991; Бондарко и др., 1974; Бондарко и др., 2000; Бондарко, Зиндер, 1966; Бондарко и др., 1968; Бондарко и др., 1977].

3. Заключение [Conclusion]

Прошло пятнадцать лет, как с нами нет дорогой и глубоко уважаемой Лидии Васильевны. Мне сегодня трудно назвать человека, который сделал бы столько добрых дел для людей, и меня в частности, сколько сделала их она – человек большого сердца, широкой души и огромного таланта.

Пройдут годы, десятилетия, но останутся книги и статьи Лидии Васильевны, ведь, как сказал поэт, «звучат лишь Письмена. И нет у нас иного достоянья». Научное наследие профессора Л. В. Бондарко будет всегда востребовано и начинающими исследователями, и диссертантами, и посвятившими себя науке о языке опытными лингвистами. Эти книги являются хранителями не только глубоких научных изысканий в области экспериментальной и теоретической фонетики, но и образцового русского языка. Без сомнения, они вошли в Золотой фонд отечественной и мировой лингвистики.

Библиографический список

- Бондарко, 1960 – Бондарко Л. В. О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных // Ученые записки ЛГУ. № 237. Вопросы фонетики. Л. : ЛГУ, 1960. С. 83–102.
- Бондарко, 1961 – Бондарко Л. В. К вопросу об акустическом составе русских ударных гласных // Вестник Ленинградского ун-та. 1961. Вып. 1, № 2. Сер. истории языка и литературы. С. 132–140.
- Бондарко, 1965 – Бондарко Л. В. Осциллографический анализ речи. Л. : ЛГУ, 1965. 47 с.
- Бондарко, 1966 – Бондарко Л. В. Акустические характеристики безударности // Структурная типология языков. М. : Наука, 1966. С. 56–64.
- Бондарко, 1967 – Бондарко Л. В. Структура слога и характеристики фонем // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 34–46.
- Бондарко, 1977 – Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. Пособие М. : Просвещение, 1977. 175 с.
- Бондарко, 1981 – Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. : ЛГУ, 1981. 199 с.
- Бондарко, 1998 – Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, 1998. 276 с.
- Бондарко, Вербицкая, 1973 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. О фонетических характеристиках заударных флексий в русском языке // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 37–49.
- Бондарко и др., 1974 – Стили произношения и типы произнесения / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
- Бондарко и др., 1991 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, 1991. 152 с.
- Бондарко и др., 2000 – Фонология речевой деятельности / Л. В. Бондарко, Н. Б. Вольская, В. И. Кузнецов, Н. Д. Светозарова, П. А. Скрелин. СПб. : СПбГУ, 2000. 162 с.
- Бондарко, Зиндер, 1966 – Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 10–14
- Бондарко и др., 1968 – Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Светозарова Н. Д. Разграничение слов в потоке речи // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 68–81.
- Бондарко и др., 1977 – Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Некоторые статистические характеристики русской речи // Слух и речь в норме и патологии. Л. : ЛГУ, 1977. С. 3–16.
- Бондарко, 1987 – Бондарко Л. В. (ред.). Интерференция звуковых систем. Л. : ЛГУ, 1987. 280 с.
- Бондарко, 2000 – Бондарко Л. В. (ред.). Уровни языка в речевой деятельности. Л. : ЛГУ, 1986. 258 с.
- Бондарко, 2000 – Бондарко Л. В. (ред.). Фонология речевой деятельности. СПб. : СПбГУ, 2000.
- Бондарко, 1984, 1989, 1997 – Бондарко Л. В. (ред.). Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Межвуз. сб. Вып. 1. Л. : ЛГУ, 1984. Вып. 2. Л. : ЛГУ, 1989. Вып. 3. СПб. : СПбГУ, 1997.

References

- Bondarko, L. V. (1960). O kharaktere izmeneniya formantnogo sostava russkikh glasnykh pod vliyaniem myagkosti sosejdnikh soglasnykh [On the nature of the change in the formant composition of Russian vowels under the influence of the softness of neighboring consonants]. *Uchenye zapiski LGU. Voprosy fonetiki*. [Scientific Notes of Leningrad State University Press. Questions of phonetics], 237, 83–102. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1961). K voprosu ob akusticheskom sostave russkikh udarnykh glasnykh [On the question of the acoustic composition of Russian stressed vowels]. *Vestnik Leningradskiy universitet, Ser. istorii yazyka i literatury*. [Bulletin of the Leningrad University. Series Language History and Literature], 1 (2), 132–140. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1965). Ostsillograficheskiy analiz rechi [Oscillographic analysis of speech]. Leningrad State University Press. (In Russ.).

- Bondarko, L. V. (1966). Akusticheskie kharakteristiki bezudarnosti [Acoustic characteristics of unstressed sounds]. *Strukturnaya tipologiya yazykov* [Structural typology of languages] (pp. 56–64). Moscow : Nauka Press (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1967). Struktura sloga i kharakteristiki fonem [Syllable structure and phoneme characteristics] *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the Study of Language], 1, 34–46. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1977). *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [The sound system of the modern Russian language]: A coursebook. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1981). *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi*. [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian language] : A coursebook. St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Verbickaya, L. A. (1973). O foneticheskikh kharakteristikakh zaudarnykh fleksiy v russkom yazyke [On phonetic characteristics of stressed inflections in the Russian language] *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the Study of Language], 1, 37–49. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Verbickaya, L. A. Gordina, M. V. Zinder, L. R. Kasevich, V. B. (1974). Stili proiznosheniya i tipy Proizneseniya [Pronunciation styles and types of pronunciation] *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the Study of Language], 2, 64–70. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Verbickaya, L. A. Gordina, M. V. (1991). *Osnovy obshchey fonetiki* [Basics of general phonetics] Teacher's book. St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Volskaya, N. B. Kuznetsov, V. I. Svetozarova, N. D. Skrelin, P. A. (2000). *Fonologiya rechevoy deyatel'nosti*. [Phonology of speech activity]. St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Zinder, L. R. (1966). O nekotorykh differentsial'nykh priznakakh russkikh soglasnykh fonem [On some differential features of Russian consonant phonemes] *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the Study of Language], 1, 10–14. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Zinder, L. R. Svetozarova, N. D. (1968). Razgranichenie slov v potoke rechi [Differentiation of words in the flow of speech] *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the Study of Language], 2, 68–81. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. Zinder, L. R. Shtern, A. S. (1977). Nekotorye statisticheskie kharakteristiki russkoy rechi [Some statistical patterns of Russian speech] *Slukh i rech' v norme patologii*. [Hearing and speech in norm and pathology] (pp. 3–16). Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (Ed.). (1987). *Interferentsiya zvukovykh sistem*. [Interference of sound systems]. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (Ed.). (2000). *Urovni yazyka v rechevoy deyatel'nosti*. [Levels of language in speech activity]. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (Ed.). (2000). *Fonologiya rechevoy deyatel'nosti*. [Phonology of speech activity]. St Petersburg : St-Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (Ed.). (1984, 1989, 1997). *Ekspperimental'no-foneticheskiy analiz rechi: problemy i metody* [Experimental phonetic analysis of speech: Problems and methods]: A collection of papers. Vol. 1, Vol. 2. Leningrad : Leningrad State University Press; Vol. 3. St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).

Наши авторы

- Андросова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru
- Бакина Анна Дмитриевна*, <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии Института иностранных языков Орловского гос. ун-та им. И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация, email: heart-anna@yandex.ru
- Берестнева Александра Валериевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского гос. ун-та, г. Майкоп, Российская Федерация, email: beralex777@rambler.ru
- Булатова Надежда Яковлевна*, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингв. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com
- Бутенко Юлия Ивановна*, <https://orcid.org/0000-0002-9776-5709>, канд. техн. наук, доцент кафедры Л-4 «Романо-германские языки» Московского гос. техн. ун-та им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация, email: iubutenko@bmstu.ru
- Гордеев Сергей Витальевич*, аспирант, Национального исследовательского Томского политех. ун-та, г. Томск, Российская Федерация; старший преподаватель Хэйхэского университета, г. Хэйхэ, КНР, email: gordeev-sergei@inbox.ru
- Гусева Светлана Ивановна*, д-р филол. наук, проф., независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: s_guseva@mail.ru
- Ерофеева Тамара Ивановна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: genling.psu@gmail.com
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Исакова Анна Михайловна*, магистрант филологического факультета Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: annisakova18@gmail.com
- Карачева Ольга Борисовна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: okaracheva@rambler.ru
- Коршунова Анастасия Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Кузьмина Раиса Петровна*, канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: raisakuzmina2013@yandex.ru
- Лагута Нина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nlaguta@mail.ru
- Лю Жуйтин*, аспирант Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Ма Татьяна Юрьевна*, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru
- Меджинян Мариам Вардановна*, студент кафедры английского языка Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: mari2014m@gmail.com
- Михеев Дмитрий Сергеевич*, магистрант кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского гос. эконом. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Морозова Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Мэн Шусянь*, независимый исследователь, провинция Хэйлуцзян, КНР
- Николаева Наталия Сергеевна*, канд. техн. наук, доцент кафедры Л-2 «Английский для приборостроительных специальностей» Московского гос. техн. ун-та им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация, email: natalynic@yandex.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Солнцева Елена Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: shelestelena@yandex.ru
- Стародубцева Наталья Сергеевна*, канд. пед. наук, доцент кафедры китаеведения Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Стрельцов Алексей Александрович*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры перевода и ИТЛ Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: al-astr@yandex.ru
- Третьякова Дарья Денисовна*, студент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: daria.am.tr@gmail.com
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, членкор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Хань Юфэн*, независимый исследователь г. Харбин, КНР
- Цзюй Юньцзэн*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлуцзянского университета, КНР, email: zhengzhengjuju@163.com
- Ши Миньюэ*, канд. филол. наук, профессор Хэйлуцзянского университета, г. Харбин, КНР, email: shi.mingyue@qq.com
- Шустова Светлана Викторовна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru
- Ягумова Нуриет Шумафовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского гос. ун-та, г. Майкоп, Российская Федерация, email: yagumova_nuriet@mail.ru

Our authors

- Svetlana V. Androsova*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru
- Anna D. Bakina*, <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>, PhD in Philology, Associate Professor, Head of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, email: heart-anna@yandex.ru
- Aleksandra V. Berestneva*, PhD in Philology, Associate Professor, English Philology Department, Adyghe State University, Maykop, Russian Federation, email: beralex777@rambler.ru
- Nadezhda Ya. Bulatova*, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com
- Yuliya I. Butenko*, <https://orcid.org/0000-0002-9776-5709>, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, L-4 Department “Romano-Germanic Languages”, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation, email: iubutenko@bmstu.ru
- Sergey V. Gordeev*, PhD student, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation; Senior lecturer, Heihe University, Heihe, People's Republic of China, email: gordeev-sergei@inbox.ru
- Svetlana I. Guseva*, Doctor of Philology, Professor, independent researcher, St Petersburg, Russian Federation, email: s_guseva@mail.ru
- Tamara I. Erofeeva*, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: genling.psu@gmail.com
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Anna M. Isakova*, Master student, Philological Faculty, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: annisakova18@gmail.com
- Olga B. Karacheva*, senior teacher, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: okaracheva@rambler.ru
- Anastasia S. Korshunova*, PhD student, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Raisa P. Kuzmina*, PhD in Philology, Senior Researcher, IGiPMNS SB RAS, Yakutsk, Russian Federation, email: raisakuzmina2013@yandex.ru
- Nina V. Laguta*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nlaguta@mail.ru
- Ruiping Liu*, PhD student, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation
- Tatyana Yu. Ma*, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: tdovnar@mail.ru
- Mariam V. Medzhinyan*, Bachelor student, English Language Department, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: mari2014m@gmail.com
- Dmitry S. Mikheev*, Master student, English Philology and Translation Department, St Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russian Federation
- Olga N. Morozova*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Shuxian Meng*, independent researcher, Heilongjiang province, China
- Natalia S. Nikolaeva*, PhD in Philology, Associate Professor, L-2 Department “English for Industrial Engineering”, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation, email: natalynic@yandex.ru
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Elena S. Solntseva*, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Economics and Law, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: shelestelena@yandex.ru
- Natalya S. Starodubtseva*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Aleksey A. Streltsov*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: al-astr@yandex.ru
- Darya D. Tretyakova*, student, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: daria.am.tr@gmail.com
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Youfeng Han*, independent researcher, Harbin, China
- Yunsheng Ju*, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China, email: zhengzhengjuju@163.com
- Mingyue Shi*, PhD in Philology, Professor, Heilongjiang University, Harbin, China, email: shi.mingyue@qq.com
- Svetlana V. Shustova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru
- Nuriet Sh. Yagumova*, PhD in Philology, Associate Professor, English Philology Department, Adyghe State University, Maykop, Russian Federation, email: yagumova_nuriet@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Берестнева А. В., Ягумова Н. Ш.</i>	Особенности функционирования эвфемизмов в британской спортивной публицистике	5
<i>Бутенко Ю. И., Николаева Н. С.</i>	Структурные трансформации одно- и двухкомпонентных английских и русских терминов предметной области «виды сварки» при переводе	20
<i>Гордеев С. В.</i>	Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки	32
<i>Ерофеева Т. И., Исакова А. М.</i>	Социолингвистические координаты глоссария пермских локализмов	49
<i>Карачева О. Б.</i>	Интонация специальных вопросов в интерферированной русской речи эвенков	60
<i>Коришнуова А. С., Лагута Н. В.</i>	Репрезентация категории временной локализованности в публицистических текстах	73
<i>Кузьмина Р. П.</i>	Способы репрезентации образных и оценочных признаков концептов ВЬЮГА и ЛЕД в языковом сознании эвенков	82
<i>Ма Т. Ю., Михеев Д. С.</i>	Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса	90
<i>Солнцева Е. С., Меджиян М. В.</i>	Грамматические девиации в англоязычных блогах носителей и неносителей языка	102
<i>Стародубцева Н. С.</i>	Сравнение как одно из средств выразительности языка Мо Яня	116
<i>Стрельцов А. А.</i>	Классификация слов, образованных посредством блендинга: тематический аспект	131
<i>Хань Ю., Мэн Ш., Морозова О. Н., Иваншико Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.</i>	Сопоставительные характеристики междометий в ороchonском и эвенкийском языках	151
<i>Цзюй Ю., Лю Ж.</i>	Способы образования спортивных жаргонизмов в русском языке	160
<i>Ши М.</i>	История, современная ситуация и особенности исследований концепции Ван Янмина в России (на материале анализа концепта ЗНАНИЕ)	172
<i>Шустова С. В., Третьякова Д. Д.</i>	Глаголы с инкорпорированными актантами в английском языке: функциональный подход	181
Reviews		
<i>Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н.</i>	Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии: рецензия на книгу Ю. С. Степанова «Методы и принципы современной лингвистики»	190
Memoria		
<i>Гусева С. И.</i>	Светлой памяти Учителя: к 90-летию со дня рождения Л. В. Бондарко	199
Our authors		205

CONTENTS

Original Papers

<i>Berestneva A. V., Yagumova N. Sh.</i>	Features of euphemisms functioning in British sports journalism	5
<i>Butenko Yu. I., Nikolaeva N. S.</i>	Structural transformation of one- and two-component English and Russian terms of the subject area “welding types” during translation	20
<i>Gordeev S. V.</i>	The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: qualitative and estimated characteristics	32
<i>Erofeeva T. I., Isakova A. M.</i>	Sociolinguistic coordinates of the Glossary of Perm localisms	49
<i>Karacheva O. B.</i>	Intonation of special questions in the interfered Russian speech of the Evenks	60
<i>Korshunova A. S., Laguta N. V.</i>	Representation of the category of temporal localization in journalistic writing	73
<i>Kuzmina R. P.</i>	Methods of representation of imagery and evaluative features of the concepts of BLIZZARD and ICE in the linguistic consciousness of Evens	82
<i>Ma T. Yu., Mikheev D. S.</i>	Linguocultural specifics of British sports discourse	90
<i>Solntseva E. S., Medzhinyan M. V.</i>	Grammar deviation in blogs of native and non-native speakers	102
<i>Starodubtseva N. S.</i>	Simile as a means of expressiveness of Mo Yan's language	116
<i>Streltsov A. A.</i>	A classification of blended words: Thematic aspect	131
<i>Han Y., Meng Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya.</i>	Comparing interjections in Orochon and Evenki	151
<i>Ju, Yu., Liu, R.</i>	Ways of forming Russian sports jargon	160
<i>Shi M.</i>	History, current situation and specifics of Yangming studies in Russia (Based on the concept KNOWLEDGE)	172
<i>Shustova S. V., Tret'yakova D. D.</i>	Verbs with incorporated actant-instrument in English: Functional approach	181
Reviews		
<i>Bakina A. D., Fedulenkova T. N.</i>	Review of the monograph by Yu. S. Stepanov “Methods and principles of modern linguistics”	190
Memoria		
<i>Guseva S. I.</i>	Bright memory of the Teacher. To the 90th anniversary of Lia Vasilyevna Bondarko’s birthday	199
Our authors		205

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 8, No 2, 2022.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 04.06.2022. Подписано к печати 02.06.2022. Дата выхода в свет 28.06.2022.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 1000. Заказ 208. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.